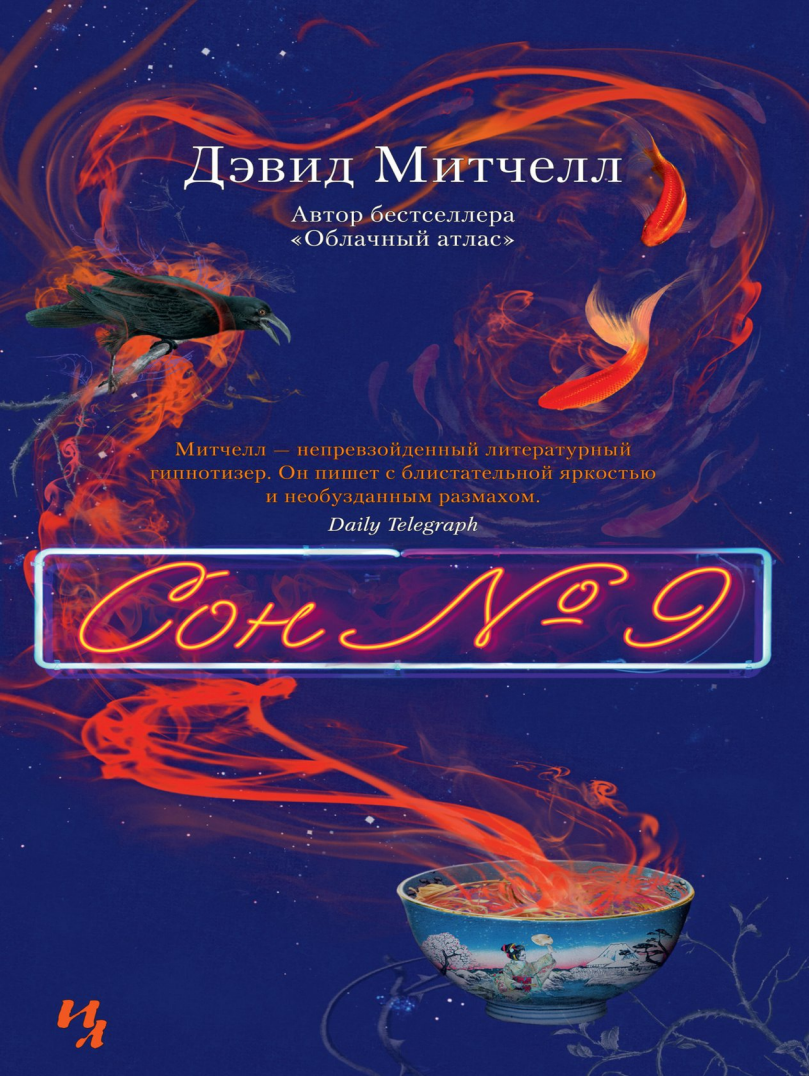
Дэвид Митчелл

Автор бестселлера
«Облачный атлас»

Митчелл — непревзойденный литературный гипнотизер. Он пишет с блистательной яркостью и необузданным размахом.

Daily Telegraph

Сон № 9



Сон № 9

Дэвид Митчелл

Аннотация
Дэвид Митчелл. Сон № 9
Благодарности
1. Паноптикум
2. Бюро находок
3. Видеоигры
4. Отвоеванная земля
5. Обитель сказок
6. Кайтэн
7. Карты
8. Горы говорят на языке дождя
9
Примечания

Аннотация

Второй роман современного классика Дэвида Митчелла, дважды финалиста Букеровской премии – за «Сон № 9» и за «Облачный атлас» (недавно экранизированный Томом Тыквером и братьями Вачовски).

Двадцатилетний Эйдзи Миякэ приезжает со своего крошечного островка в Токио, снедаемый одной навязчивой идеей – найти отца, которого не видел никогда в жизни. Будни Эйдзи неуловимо перемешаны с фантазиями и снами, он листает дневники человека-торпеды, встречает безжалостную якудзу, Джона Леннона и бога грома. То ли простое невезение, то ли незримая рука судьбы ведет Эйдзи от злоключения к злоключению, от работы в бюро находок – в кулуары эксклюзивного клуба «Пиковая дама», от невольного участия в мафиозных разборках – к первой любви…

«Головокружительная смесь триллера, трагедии, сказочной притчи, видеоигр и портрета современной неспокойной Японии. Достойнейший кандидат на Букера» *(Guardian)*.

Перевод публикуется в новой редакции.

Дэвид Митчелл
Сон № 9

[1]

David Mitchell
NUMBER9DREAM
Copyright © 2001 by David Mitchell
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского под редакцией Александры Питчер
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© М. Нуянзина, перевод, 2003
© А. Питчер, примечания, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

[1] Примечания: 1

«Сон № 9» — отсылка к названию песни Джона Леннона «#9 Dream» с альбома «Walls and Bridges» (1974).

Я считаю Чехова своим святым покровителем. Конечно, так думают многие писатели, но я читаю Чехова каждый год. Он напоминает мне о том, что самое главное в литературе – это не идеи, а люди. Очень люблю Булгакова. Он достаточно популярен в англоязычном мире. Булгаков очень изобретателен, и у него большое «чеховское» сердце. Например, Набоков тоже изобретателен, но у него «платоновское» сердце. Его волнуют идеи, а не люди. Ну и конечно же Толстой. Например, «Анна Каренина» – 700 страниц, но не скучно ни на секунду, Толстой умудряется оставаться увлекательным даже на такой большой дистанции.

Дэвид Митчелл

Сравнения Митчелла с Толстым неизбежны – и совершенно уместны.

Kirkus Reviews

Дэвид Митчелл – английский Харуки Мураками.

The New Yorker

Митчелл – один из лучших писателей современности.

San Antonio Express-News

Гениальный рассказчик. Возможно, именно Дэвид Митчелл окажется наиболее выдающимся британским автором нашего времени.

Mail on Sunday

Митчелла сравнивали с Харуки Мураками, Томасом Пинчоном и Энтони Берджессом, но на самом деле он занимает особое место в литературном ландшафте. Восемь его книг экспериментальны, но удобочитаемы. Его предложения лиричны, но повествование стремительно мчится вперед. Под наслоениями аллюзий и необычных конструкций скрывается прозрачный нарратив. В созданной Митчеллом фантастической метавселенной его интересуют общечеловеческие проблемы: как за отпущенный нам краткий срок раскрыть свой потенциал и понять, кто ты и как связан с окружающими.

Time

«Сон № 9» – натуральная феерия, затмевающая даже прошлый митчелловский роман, «Литературный призрак». Будущее британской литературы в надежных руках.

Independent Books of the Year

Головокружительная смесь триллера, трагедии, сказочной притчи, видеоигр и портрета современной неспокойной Японии. Достойнейший кандидат на Букера.

Guardian

После успеха «Литературного призрака» Дэвид Митчелл удвоил усилия – и выдал книгу еще более искрометную.

Independent on Sunday

Источником вдохновения здесь служит не только литература, но также кинематограф, комиксы и даже видеоигры. Токио в изображении Митчелла предстает восхитительно головоломным цифровым лабиринтом. И что самое удивительное: добравшись до конца, гадая, не приснилось ли вам все это, вы ни в коей мере не чувствуете себя обманутым…

Evening Standard

А. С. Байетт назвала «Литературный призрак» одним их лучших дебютов, какие ей только доводилось читать. При работе над вторым романом любому писателю грозят две опасности: попытаться повторить формулу прежнего успеха или, наоборот, как огня бежать всего, связанного с первой книгой. Так вот, в «Сне № 9» Митчелл умудрился пройти между Сциллой и Харибдой: сохранил то лучшее, что было в «Литературном призраке», и создал нечто оригинальное, даже более замысловатое.

Times Literary Supplement

Реальность дробится, слоится и перемешивается в этом романе, который не боится испытывать пределы воображения на прочность. В «Сне № 9», сочетающем элементы «Матрицы» (многоуровневая реальность, игры разума, хореографическая эстетика насилия) с дождливым кибершиком «Бегущего по лезвию», все не то, чем оно кажется.

Big Issue

Изобретательно до безумия.

Sunday Times

Эта фантасмагория, дошедшая до Букеровского шорт-листа, подтверждает статус Митчелла как наиболее одаренного из молодых британских авторов. Немало лет проживший в Хиросиме, он представляет нам феноменальное литературное кабаре из снов, видений и стилизаций, гангстерских баталий и дневников камикадзе.

Independent

Не роман, а сгусток неудержимой энергии, джойсовское извержение языковых игр.

San Francisco Chronicle

«Сон № 9» описывали как смесь Дона Делилло с Уильямом Гибсоном. Можно, конечно, сказать и так, но этот рецепт коктейля и близко не описывает того удовольствия, которое вам предстоит.

The New Yorker

С непринужденностью воздушного гимнаста Митчелл перепрыгивает от романа воспитания к сюрреалистической притче, от разборок якудза к предсмертным запискам человека-торпеды – и после всех кульбитов безупречно приземляется под аплодисменты восторженной публики.

The Seattle Post-Intelligencer

Роман представляет из себя чудовищный водоворот событий, часть из которых происходит с героем во сне, часть – непонятно где, а часть, возможно, и в реальности.

Незаконнорожденный приехал из деревни в большой город искать отца, просто так, без определенных целей, по самим же выдуманному «зову крови», – такова основа сюжета. Отец вовсе не рассчитывал на его появление, а, точнее, предпочел заранее сделать все, чтобы встреча не состоялась, и возвел непреодолимый барьер из бессердечной адвокатессы. Вот, пожалуй, и все, что

можно сказать определенно, – дальше лирика переходит в киберпанк, который вдруг сменяется боевиком, тот – «лав стори», потом немного военной мемуаристики, переходящей в детектив, который оказывается вовсе не детективом… И так далее.

Довольно трудно, не дав читателю стройного повествования, удержать его интерес. Митчелл смог, хотя и не совсем честно: без предупреждения меняя акценты, подбрасывая герою (то есть опять же читателю) все новые варианты реальности, автор каждый раз беззастенчиво врет, что именно эта и есть подлинная, единственная. Стилизации начинаются, как правило, незаметно, и когда понимаешь, где очутился, – уже поздно менять отношение к прочитанному. То, что книга читается с удовольствием, во многом определено удачным выбором героя. Симпатичный меломан, с личной трагедией в душе, чужой в огромном Токио, – практически идеальная модель для литературного квеста по жанрам.

Игорь Пронин
(Gazeta.ru)

Творчество Митчелла отличается жанровым и стилистическим многообразием, но его проза всегда кристально ясна и динамична…

The New Yorker

Митчелл слышит музыку окружающей действительности и, не сбиваясь с ритма, глубоко погружается в нее.

Booklist

Дэвид Митчелл не столько нарушает все правила повествования, сколько доказывает, что они сковывают живость писательского ума.

Дин Кунц

Дэвиду Митчеллу подвластно все.

Адам Джонсон
(лауреат Пулицеровской премии)

Дэвид Митчелл давно и по праву считается одним из лучших – если не самым лучшим современным писателем, который способен держать читателя в напряжении каждой строчкой и каждым словом…

Джо Хилл

Околдовывает и пугает… истинное мастерство рассказчика заключается в том, что Митчелл пробуждает в читателе неподдельный интерес к судьбе каждого из героев.

Scotland on Sunday

Дэвида Митчелла стоит читать ради замысловатой интеллектуальной игры, ради тщательно выписанных героев и ради великолепного стиля.

Chicago Tribune

Дэвид Митчелл – настоящий волшебник.

The Washington Post

Ошеломляющий фейерверк изумительных идей… Каждый новый роман Митчелла глубже, смелее и занимательнее предыдущего. Его проза искрометна, современна и полна жизни. Мало кому из авторов удается так остроумно переплести вымысел с действительностью, объединить глубокомыслие с веселым вздором.

The Times

Митчелл – непревзойденный литературный гипнотизер. Как жаль, что в обычной жизни так редко встречаются изящество и воодушевление, свойственные его романам. Он пишет с блистательной яркостью и необузданным размахом. Воображаемый мир Митчелла радует и внушает надежду.

Daily Telegraph

Митчелл – один из самых бодрящих авторов. Каждый его роман отправляет читателя в увлекательнейшее путешествие.

The Boston Globe

Дэвида Митчелла бесспорно можно назвать самым многогранным и разноплановым среди всех писателей его поколения. Он пишет стильнее Джонатана Франзена, его сюжеты стройнее, чем у Майкла Шейбона, повествование глубже и сложнее, чем у Дженнифер Иган, а мастерством он не уступает Элис Манро…

The Atlantic

Митчелл – прекрасный писатель. Один из секретов его популярности и заслуженной славы заключается в том, что его творчество совмещает неудержимый полет воображения гениального рассказчика с приземленным реализмом истинного гуманиста. Его романы находят отклик у всех, будь то любители традиционного реалистичного повествования, постмодернистского нарратива или фантастических историй.

The New Yorker

Митчелл – писатель даже не глобального, а трансконтинентального, всепланетного масштаба.

New York

Я хочу продолжать писать! Почему по-настоящему хорошие, многообещающие произведения пишут тридцатилетние писатели, которые в свои шестьдесят не всегда могут создать нечто столь же потрясающее и великолепное? Может, им мешает осознание собственного выхода на пенсию? Или они когда-либо сотворили безумно популярное произведение, а потом строчили все менее качественные дубликаты своего же успеха? А может, просто нужно быть *жадным и всеядным* в чтении, в размышлениях и в жизни, пока вы еще на это способны, и тогда каждый ваш роман будет лучше предыдущего. Я на это надеюсь.

Дэвид Митчелл

* * *

Посвящается Кэйко

Намного легче похоронить действительность, чем избавиться от грез.

Дон Делилло. Американа

Благодарности

А. С. Байетт, Иокасте Браунли, Эмме Гарман, Хироаки Ёсиде, Джен Монтефиоре, Лоуренсу Норфолку, Аласдеру Оливеру, Йену Патену, Джонатану Пеггу, Йену Уилли, Кэрол Уэлч, Джеймсу Хоффману, Майку Шоу.

Нобури Огава, смотритель Мемориального музея кайтэн в Токуяме, предоставил ценные сведения о торпедах кайтэн и их пилотах. Техническую информацию я почерпнул из книги Ричарда О'Нила «Взводы самоубийц» («Suicide Squads», Salamander Books, 1999). Все ошибки являются моими собственными.

1. Паноптикум

[2]

«Тут дело простое. Мне известно ваше имя, а некогда вам было известно мое: Эйдзи Миякэ. Да, тот самый Эйдзи Миякэ. Мы с вами занятые люди, госпожа Като, обойдемся без пустых любезностей. Я в Токио, чтобы отыскать отца. Вам известно и его имя, и его адрес. Сообщите мне и то и другое. Немедленно». Ну, или как-то так. В кофейной чашке расползается спираль сливочной галактики, невнятные разговоры обретают четкость. Мое первое утро в Токио, а я уже забегаю далеко вперед. В кафе «Юпитер» плещут волны пятничных планов, обеденного смеха, звяканья посуды. Трутни рявкают в мобильники. Трутни женского

[2] Примечания: 2

Паноптикум — от *греч.* πᾶνόπτικός, «всевидящий», первоначально: проект идеальной тюрьмы, разработанный английским философом-моралистом Иеремией Бентамом (1748–1832) — цилиндрическое строение со стеклянными внутренними стенами, где надзиратель находится в центре, но невидим для заключенных, что создает впечатление постоянного контроля; вошло в русский язык в значении «коллекция необычных предметов» либо, в переносном смысле, «сборище чего-то жуткого и невероятного».

пола берут тоном выше, чтобы звучать женственнее. Кофе, сэндвичи с морепродуктами, моющие средства, пар. Мне прекрасно виден центральный вход в «Паноптикум» на противоположной стороне улицы. Впечатляющее зрелище. Верхние этажи готического небоскреба из цирконита скрываются в облаках. Токио варится на пару под плотно притертой крышкой — 34 °C при влажности 86 %, если верить большому дисплею «Панасоник». Город так близко, что его не рассмотреть. Расстояний нет. Все — над головой: стоматологические клиники, детские сады, танцевальные студии. Дороги и тротуары подняты на сумрачные ходули свай. Осушенная Венеция. По зеркальным граням зданий скользят отражения самолетов. Я считал Кагосиму[3] огромной, но она затеряется в любом переулке Синдзюку[4]. Закуриваю сигарету — «Кул», такие же купил байкер в очереди передо мной, — и смотрю на поток автомашин и прохожих на перекрестке Омэ-кайдо и Кита-дори. Трутни в костюмах в тонкую полоску, парикмахер с пирсингом в ниж-

[3] Примечания: 3

Кагосима — город и порт на острове Кюсю.

[4] Примечания: 4

Синдзюку — «новые жилища» *(яп.)*, административный район Токио, деловой и коммерческий центр.

ней губе, полуденные пьянчужки, домохозяйки с выводками малышей. Никто не стоит на месте. Реки, снежные бури, потоки машин, байты, поколения, тысяча лиц в минуту. Якусима[5] — тысяча минут на одно лицо. И у каждого есть шкатулки воспоминаний с надписью «Родители». Хорошие снимки, плохие снимки; страшные картинки; кадры, полные нежности; размытый фокус; поцарапанные негативы — не важно: люди знают, кто привел их в этот мир. Акико Като, я жду. Кафе «Юпитер» — ближайшее к «Паноптикуму» место, где можно пообедать. Вот бы вы заглянули сюда на чашку кофе с сэндвичем. Я узна́ю вас, представлюсь и постараюсь убедить, что закон природы на моей стороне. Как грезы воплощаются в реальность? Я вздыхаю. Не очень хорошо, не очень часто. Чтобы получить желаемое, придется штурмовать крепость. Хорошего мало. В огромном здании «Паноптикума» наверняка есть и другие выходы, и собственные рестораны. А вы — императрица, и обед вам подают рабы. И кто сказал, что вам вообще нужен обед? Может, человеческое сердце на завтрак насыщает вас до самого ужина. Я погребаю окурок в останках его

[5] Примечания: 5

Якусима — небольшой остров у южной оконечности острова Кюсю.

предшественников и решаю покинуть наблюдательный пост, как только допью кофе. Я иду к вам, Акико Като. В кафе «Юпитер» работают три официантки. Одна — начальница, высохшая, как вдова императора, которая свела мужа в могилу своим нытьем, у второй — визгливый голос ослицы, а третья стоит ко мне спиной, но у нее — самая прекрасная шея во всем мироздании. Вдова рассказывает Ослице о недавно распавшемся браке своего парикмахера:

— Когда жена перестает удовлетворять его запросам, он вышвыривает ее за дверь.

Официантка с прекрасной шеей отбывает пожизненный приговор у мойки. Это вдова с Ослицей обращаются с ней холодно или она сама прохладно к ним относится? Этаж за этажом «Паноптикум» исчезает из виду — облака спустились до восемнадцатого. Я отвожу взгляд, а они продолжают опускаться. Высчитываю на бумажной салфетке количество прожитых дней — 7290, включая четыре високосных года. На циферблате без пяти час, и поток трутней изливается из кафе «Юпитер». Наверное, трутни боятся, что их реструктурируют, если к часу дня они не вернутся в залитые флуоресцентным светом соты. Моя пустая чашка стоит среди кофейных лужиц. Что

ж. Как только часовая стрелка дойдет до единицы, я отправлюсь в «Паноптикум». Признаюсь, я волнуюсь. И хорошо, что волнуюсь. В прошлом году к нам в школу приезжал вербовщик из министерства обороны. Он говорил, что армии не нужны люди, невосприимчивые к страху: бойцы, которые не испытывают страха, погибают всем взводом в первые пять минут сражения. Хороший солдат контролирует свой страх и использует его, чтобы обострить чувства. Еще кофе? Нет. Еще одну сигарету, чтобы обострить чувства.

Стрелка часов доходит до половины второго — крайний срок давно истек. Пепельница переполнена. Я встряхиваю пачку сигарет — выкурю последнюю. Облака спустились до девятого этажа «Паноптикума». Акико Като вглядывается в туман из окна своего роскошного офиса с кондиционированным воздухом. Чувствует ли она мое присутствие, как я чувствую ее? Знает ли она, что сегодняшний день — судьбоносный? Еще одна — последняя, последняя, последняя сигарета; потом — на штурм, иначе из нервного я превращусь в бесхребетного. Когда я пришел в кафе «Юпитер», здесь уже сидел старик. Он так и сидит, не в силах оторваться от своего «видбоя». Вылитый

Лао-цзы[6] из школьного учебника — с голым черепом, сморщенный как орех, бородатый. Другие посетители входят, заказывают, пьют, едят и уходят — и все за несколько минут. Идут десятилетия. А Лао-цзы сидит и сидит. Официантки, наверно, думают, что меня продинамила девушка или что я псих и поджидаю кого-нибудь из них, хочу выследить, где они живут. Звучит ресторанная версия «Imagine»[7] — Джон Леннон[8] от ужаса переворачивается в гробу. Противно до невозможности. Записывать такое — просто позор; наверняка даже те, кто это делал, понимали, что творят мерзость. Входят две беременные, заказывают лимонный чай со льдом. Лао-цзы, сотрясаемый необоримым приступом кашля, рукавом стирает с экрана брызги мокроты. Я глубоко затягиваюсь, тонкой струйкой выпускаю дым через ноздри. Нужно хорошее наводнение, чтобы отмыть Токио дочиста. И чтобы по Гин-

---

[6] Примечания: 6

Лао-цзы — древнекитайский мыслитель VI–V вв. до н. э., основоположник даосизма, автор классического трактата «Дао Дэ Цзин» («Книга пути и достоинства»).

[7] Примечания: 7

«Представь себе» *(англ.)*.

[8] Примечания: 8

«Imagine» («Представь себе») — песня с одноименного, второго сольного альбома Джона Леннона, выпущенного в 1971 г.

дзе[9] поплыли гондольеры с мандолинами.

— Заметь себе, — продолжает Вдова, обращаясь к Ослице, — все его жены такие прилипчивые и жеманные создания, что вполне заслуживают своей участи. Как надумаешь замуж, выбирай мужа так, чтобы его мечты точно совпадали по размеру с твоими.

Потягиваю кофейную пенку. На ободке чашки — следы губной помады. Подыскиваю прецедент, чтобы доказать, что касаться губами этой стороны чашки — значит целовать незнакомку. Это увеличило бы количество целованных мною девушек до трех, что все равно ниже среднестатистического уровня. Оглядываю кафе «Юпитер» в поисках претендентки на поцелуй и останавливаюсь на официантке, обладательнице живой, мудрой луносветной шеи с изгибом скрипичного грифа. Шею щекочет прядка, выпавшая из прически. Сравниваю фуксиево-розовый отпечаток на чашке с розовой помадой на губах официантки. Если это и совпадение, то с большой натяжкой. Кто знает, сколько раз чашку мыли, вплавляя атомы помады в молекулы фарфора? Кроме того, у очаровательной жительницы Токио

---

[9] Примечания: 9

Гиндза — «серебряный двор» *(яп.)*, торговый и культурный центр Токио.

наверняка столько поклонников, что их именами можно заполнить карманный компьютер. В возбуждении дела отказано. Лао-цзы ворчит на свой «видбой»:

— Проклятые биоборги. И так каждый раз, будь они прокляты!

Я допиваю остатки кофе и надеваю бейсболку. Пора идти на поиски родителя.

□

Холл «Паноптикума», огромный, как чрево каменного кита, заглатывает меня целиком. В пол вмонтированы сенсорные указатели; повинуясь им, иду к свободной пропускной кабинке. За спиной с шипением закрывается дверь, и я запечатан в глухой темноте. Сканер просвечивает меня с головы до ног, распознавая штрихкод на идентификационной табличке. Загорается желтая подсветка — я вижу свое отражение. Выгляжу как полагается, не придерешься. Комбинезон, бейсболка, чемоданчик с инструментами, планшет с зажимом для бумаг. На экране передо мной возникает ледяная дева. Она безупречно, симметрично красива. На лацкане светится бейджик: «ОХРАНА».

— Назовите свое имя, — произносит она, — и род занятий.

Интересно, насколько она человек. В наши дни компьютеры обретают облик людей, а люди уподобляются компьютерам. Я разыгрываю деревенщину, которого обуял благоговейный страх.

— День добрый. Меня зовут Рэн Согабэ. Я — Друг золотых рыбок.

Она морщит лоб. Отлично. Она всего лишь человек.

— Друг золотых рыбок?

— Видали нашу рекламу? — Я напеваю: — «Мы сделаем все для друзей с плавниками…»

— Зачем вам нужен доступ в «Паноптикум»?

Изображаю недоумение:

— Я обслуживаю аквариум фирмы «Осуги и Косуги».

— «Осуги и Босуги».

Гляжу на листок в зажиме планшета:

— Во-во, она самая.

— Сканер обнаружил в вашем чемодане странные предметы.

— Только что получены из Германии. Позвольте продемонстрировать вам фторопластовую кормушку с ионизатором, — без сомнения, вам известно, насколько важна pH-стабильность

для поддержания благоприятной среды в аквариуме. Из всех компаний, занимающихся аквакультурами в стране, мы — первые, кто взял на вооружение это маленькое чудо. Могу предложить вам краткую…

— Положите правую руку на сканер доступа, господин Согабэ.

— А это щекотно?

— Вы положили левую руку.

— Прошу прощения.

Проходит целая вечность, и зажигается зеленая надпись: «АВТОРИЗОВАНО».

— Ваш код доступа?

Ее бдительность неусыпна.

Я напряженно щурюсь:

— Так сразу и не припомнишь… Триста тринадцать — шестьсот тридцать шесть — девятьсот шестьдесят девять.

Взгляд Ледяной девы бликует.

— Код доступа действителен…

Он и должен быть действителен. За эти девять цифр я отвалил целое состояние лучшему независимому хакеру Токио.

— …до конца июля. Должна вам напомнить, что уже август.

Вот дешевки! Уроды, дрянь, хакеры дерьмо-

вые!

— Как интересно… — Почесываю в паху, чтобы выиграть время. — Этот код мне дала госпожа… — кидаю страдальческий взгляд на планшет с бумагами, — Акико Като, адвокат из «Осуги и Косуги».

— «Босуги».

— Как вам угодно. Что ж, если мой код недействителен, я, понятное дело, не могу войти, так? Жаль. Когда госпожа Като захочет узнать, почему ее бесценные окинавские серебристые погибли в результате отравления собственными экскрементами, я направлю ее к вам. А напомните, как вас зовут?

Ледяная дева застывает. С такими усердными экземплярами легко блефовать.

— Возвращайтесь завтра, когда обновите код доступа.

Я качаю головой:

— Исключено! Да вы знаете, сколько рыбок на мне висит? Раньше у нас был более свободный график, но с тех пор, как за компанию взялись профессиональные менеджеры, мы должны управляться минута в минуту. Один пропущенный заказ, и наши друзья с плавниками наглотаются фосфатов. Вот мы сейчас с вами

препираемся, а девяносто скалярий в столичной мэрии вот-вот задохнутся. Ничего не имею лично против вас, но требую, чтобы вы представились — для внесения вашего имени в официальный протокол об отказе от ответственности. — Я выдерживаю драматическую паузу.

Ледяная дева трепещет.

Я смягчаюсь:

— Позвоните секретарше госпожи Като, она подтвердит, что мне назначено.

— Я уже позвонила.

Теперь моя очередь поволноваться. Если этот хакер еще и с псевдонимом ошибся, то меня порубят на фарш.

— Но вам назначено на завтра.

— Верно. Совершенно верно. Мне было назначено на завтра. Но вчера вечером Министерство рыбнадзора экстренно оповестило всех, занятых в этом бизнесе. С Тайваня получена зараженная, э-э-э, эболой партия серебристых рыбок, началась эпидемия. Зараза распространяется через систему воздухообмена, попадает в жабры и… в общем, отвратительное зрелище. Рыбку буквально раздувает, пока она не лопнет и внутренности не вывалятся. Ученые работают над вакциной, но, между нами говоря…

Ледяная дева дает слабину:

— Вам предоставляется служебная авторизация на два часа. Из пропускной кабины следуйте к турболифту. Не отклоняйтесь от сенсорных указателей на полу, иначе включится тревога и вам будет предъявлено обвинение в незаконном вторжении. Лифт автоматически доставит вас в офис «Осуги и Босуги», восемьдесят первый этаж.

— Восемьдесят первый этаж, господин Согабэ, — объявляет лифт. — Всегда к вашим услугам.

Двери открываются, и я попадаю в тропические заросли папоротников и других растений в кадках. Птичьими трелями звенят телефоны. Молодая женщина за конторкой из черного дерева снимает очки и откладывает в сторону опрыскиватель.

— Охрана сообщила, что сейчас подойдет господин Согабэ.

— А вы, значит, Кадзуё? Кадзуё, верно?

— Да, но…

— Понятно, почему Рэн называет вас своим Паноптикумным ангелом!

Секретарша игнорирует наживку.

— Как вас зовут?

— Дзёдзи! Я ученик Рэна! Только не говорите, что он обо мне не упоминал. Обычно я обслу-

живаю Харадзюку, но в этом месяце пришлось взять и его клиентов в Синдзюку, из-за его, э-э-э, генитальной малярии.

Она меняется в лице:

— Простите?

— Рэн вам не говорил? Ну, можно ли его винить? Босс думает, что у него просто сильная простуда, вот почему Рэн не отменил встреч с клиентами… Все шито-крыто!

Я робко улыбаюсь и оглядываюсь, ища камеры наблюдения. Не видно ни одной. Опускаюсь на колени, открываю чемоданчик так, что крышка не позволяет рассмотреть его содержимое, и собираю свое секретное оружие.

— Знаете, к вам сюда так просто не проберешься. Искусственный интеллект! Искусственная тупость. Кабинет госпожи Като дальше по коридору, да?

— Да. Но сперва, господин Дзёдзи, вы должны пройти сканирование сетчатки.

— Это щекотно?

Все. Закрываю чемоданчик и подхожу к стойке, держа руки за спиной и глупо улыбаясь.

— Куда смотреть?

Она разворачивает сканер в мою сторону:

— В этот глазок.

— Кадзуё, — смотрю, нет ли кого вокруг, — знаете, Рэн рассказал мне о… Это правда?

— Что правда?

— Что у вас одиннадцать пальцев на ногах?

— Одиннадцать пальцев?!

И как только она переводит взгляд на свои ноги, я выпускаю ей в шею порцию микрокапсул транквилизатора немедленного действия, достаточную, чтобы свалить с ног всю китайскую армию. Секретарша обмякает на конторке. Собственной потехи ради завершаю сцену тонким каламбуром в духе Джеймса Бонда.

Стучу три раза.

— Друг золотых рыбок, госпожа Като!

Загадочная пауза.

— Войдите.

Удостоверившись, что в коридоре никого нет, проскальзываю внутрь. Логово Акико Като именно такое, каким я его себе представлял. Клетчатый ковер. Мельтешение облаков за изогнутым окном. Старомодные шкафы с выдвижными картотечными ящиками во всю стену. На другой стене картины — столь безупречного вкуса, что взгляду не за что зацепиться. Между двумя полукруглыми диванами стоит огромный шар аквариума, в котором флотилия окинавских

серебристых осаждает коралловый дворец и затонувший линкор. Девять лет прошло с тех пор, как я видел Акико Като в последний раз, но она не постарела ни на день. Ее красота все так же холодна и бессердечна. Акико Като глядит на меня из-за письменного стола:

— Вы не тот, кто обычно приходит к рыбкам.

Запираю дверь и кладу ключ в карман, где уже лежит пистолет. Она окидывает меня взглядом с головы до ног.

— Я пришел не к рыбкам.

Она откладывает ручку.

— Тогда с какой стати…

— Тут дело простое. Мне известно ваше имя, а некогда вам было известно мое: Эйдзи Миякэ. Да, тот самый Эйдзи Миякэ. Верно. Прошло много лет. Послушайте. Мы с вами занятые люди, госпожа Като, обойдемся без пустых любезностей. Я в Токио, чтобы отыскать отца. Вам известно его имя. Вам известен его адрес. Сообщите мне и то и другое. Немедленно.

Акико Като моргает, проверяя факты. Потом смеется:

— Эйдзи Миякэ?

— Не вижу ничего смешного.

— А почему не Люк Скайуокер? И не Зэкс Омега?

Ты в самом деле рассчитываешь, что эта умо-рительная речь заставит меня повиноваться? «Юный островитянин отправляется в опасное пу-тешествие, на поиски отца, которого никогда не видел». А знаешь, что бывает с юными остро-витянами, когда они расстаются с фантазиями? — С притворной жалостью она качает головой. — Даже друзья называют меня самым ядовитым адвокатом в Токио. А ты врываешься ко мне и хочешь запугать, чтобы я выдала тебе секретную информацию о своем клиенте? Очнись.

— Госпожа Като. — Я выхватываю «Вальтер ПК 7,65 мм» и направляю на нее. — Досье на моего отца находится у вас. Дайте мне его. Пожалуйста.

— Ты мне угрожаешь? — притворно возмуща-ется она.

Щелкаю предохранителем.

— Надеюсь. Руки вверх, чтобы я их видел.

— Ты не по тому сценарию играешь, малыш.

Она тянется к трубке, и телефон взрывается, как пластмассовая сверхновая. Пуля отскакивает от пуленепробиваемого стекла и вспарывает картину с неестественно яркими подсолнухами. Акико Като таращит глаза на прореху:

— Варвар! Ты испортил моего Ван Гога! Ты за это заплатишь!

— Да, в отличие от вас. Досье. Живо!

Акико Като рычит:

— Охрана будет здесь через тридцать секунд.

— Я видел схему вашего кабинета. Он недоступен для внешнего наблюдения и звуконепроницаем. Никакой информации ни извне, ни изнутри. Бросьте пустые угрозы и давайте досье.

— У тебя могла быть такая счастливая жизнь! Торчал бы на своей Якусиме, собирал бы апельсины с дядюшками и бабушкой…

— Больше просить я не буду.

— Не все так просто. Видишь ли, твоему отцу есть что терять. Если о его байстрюке — то есть о тебе — станет известно, то позор коснется многих высокопоставленных особ. Поэтому он и платит нам за то, чтобы эти сведения хранились в строжайшей тайне.

— И что?

— И то, что эту уютную лодочку ты и пытаешься раскачать.

— А, понятно. Если я встречусь с отцом, вы больше не сможете его шантажировать.

— Между прочим, за слово «шантаж» приходится отвечать в суде даже тем, кто все еще ищет подходящее средство от угрей. Адвокатам твоего отца необходима осмотрительность. Ты знаешь,

что такое осмотрительность? Это то, чем порядочные граждане отличаются от вооруженных преступников.

— Без досье я отсюда не уйду.

— Что ж, у тебя уйма времени. Я бы заказала сэндвичей, да ты расстрелял телефон.

Так, пора с этим кончать.

— О'кей, давайте обсудим все по-взрослому.

Я опускаю пистолет, и Акико Като победно улыбается. Капсулы транквилизатора вонзаются ей в шею. Она оседает в кресле, безмятежная, как морские глубины.

Скорость решает все. Наслаиваю пленку с отпечатками пальцев Акико Като поверх отпечатков Рэна Согабэ и получаю доступ в ее компьютер. Откатываю в угол кресло с неподвижным телом. Не очень приятно — меня не оставляет чувство, что она вот-вот проснется. Многие компьютерные файлы защищены паролями, но я могу вскрыть электронные замки картотечных шкафов. МИ для МИЯКЭ. Мое имя появляется в меню. Двойной клик. ЭЙДЗИ. Двойной клик. Слышу многозначительное механическое клацанье — и один из центральных ящиков выдвигается. Пробегаю пальцами по ряду плоских металлических контейнеров. МИЯКЭ — ЭЙДЗИ — ОТЦОВСТВО.

Контейнер отливает золотом.

— Брось.

Акико Като ногой закрывает за собой дверь и направляет «Зувр лоун-игл 440» мне между глаз. Онемев, смотрю на тело в кресле. Акико Като, стоящая у двери, криво усмехается. В ее зубах сверкают изумруды и рубины.

— Это биоборг, дурень! Репликант! Ты что, не смотрел «Бегущего по лезвию»[10]? Мы видели, как ты идешь сюда. Наш агент сел тебе на хвост в кафе «Юпитер». Помнишь старика, которому ты купил сигарет? Его «видбой» — это камера наблюдения, подключенная к центральному компьютеру «Паноптикума». А теперь встань на колени — медленно! — и подтолкни ко мне свой пистолет. Медленно. Не нервируй меня. С такого расстояния «зувр» так раздербанит тебе рожу, что родная мать не признает. Кстати, в этом она и так не сильна, верно?

Пропускаю шпильку мимо ушей.

— С вашей стороны неосмотрительно приближаться к незваному гостю без подкрепления.

— Досье твоего отца — очень деликатный во-

---

[10] Примечания: 10

«Бегущий по лезвию» («Blade Runner») — фильм режиссера Ридли Скотта, снятый в 1982 г. по мотивам научно-фантастического романа Филипа Дика «Снятся ли андроидам электроовцы?» (1968).

прос.

— Значит, биоборг сказал правду. Вы не хотите лишаться денег, которые отец платит вам за молчание.

— Сейчас тебя должны волновать не этические принципы, а то, что я вот-вот превращу тебя в омлет.

Не отводя от меня взгляда, она наклоняется, чтобы подобрать мой «вальтер». Я направляю чемоданчик ей в лицо и отщелкиваю замки. Срабатывает вмонтированное под крышку взрывное устройство, яркая вспышка слепит ей глаза. Акико Като пронзительно визжит, я кувырком откатываюсь в сторону, «зувр» стреляет, стекло лопается, я взмываю в воздух, в прыжке бью ее ногой в висок, вырываю пистолет — он снова стреляет, — разворачиваю ее и апперкотом отправляю через полукруглый диван. Настоящая Акико Като больше не двигается. Сую запечатанное досье отца под комбинезон, собираю чемодан с инструментами и выхожу в коридор. Тихонько закрываю дверь — по ковру в коридоре уже медленно расплывается пятно. Непринужденной походкой иду к лифту, насвистывая «Imagine». Это была не самая трудная часть дела. Теперь нужно выбраться из «Паноптикума» живым.

Трутни суетятся вокруг секретарши, лежащей без сознания среди тропических зарослей. Странно. Куда бы я ни пошел, за мной остается череда потерявших сознание женщин. Я вызываю лифт и выказываю подобающую случаю озабоченность:

— Мой дядюшка называет это синдромом высотной качки. Верите или нет, на рыбок это действует точно так же.

Приходит лифт, из него появляется пожилая медсестра, рассекает толпу зевак. Я вхожу внутрь и быстро нажимаю кнопку, пока никто не вошел.

— Погоди! — Начищенный до блеска ботинок вклинивается между закрывающимися дверями, и какой-то охранник с усилием раздвигает их. Громадой туши и раздутыми ноздрями он напоминает минотавра.

— Нулевой уровень, сынок.

Я нажимаю кнопку, и мы начинаем спуск.

— Итак, — произносит Минотавр, — ты промышленный шпион или кто?

От резких выбросов адреналина в кровь у меня появляются странные ощущения.

— А?

Минотавр невозмутимо продолжает:

— Ты ведь хочешь побыстрее сбежать, верно? Вот почему ты чуть не зажал меня дверями наверху.

О-о. Шутка.

— Ага. — Я похлопываю по чемоданчику. — Здесь у меня шпионские данные о золотых рыбках.

Минотавр фыркает.

Лифт замедляет ход, двери открываются.

— После вас, — говорю я, хотя Минотавр и не собирается пропускать меня вперед.

Он исчезает в боковой двери. Указатели на полу возвращают меня к пропускной кабинке. Дарю Ледяной деве лучезарную улыбку:

— Так мы с вами встретились и на входе, и на выходе? Это рука судьбы.

Она взглядом указывает на сканер:

— Стандартная процедура.

— О!

— Выполнили свои обязанности?

— Полностью, благодарю вас. Знаете ли, мы в «Друге золотых рыбок» гордимся тем, что за восемнадцать лет существования нашего дела ни разу не потеряли рыбку по собственной небрежности. Мы всегда проводим вскрытие, чтобы установить причину смерти: в большинстве

случаев это старость. Или — в период предновогодних вечеринок — отравление алкоголем, спровоцированное самим клиентом. Если вы не заняты, то за ужином я бы с удовольствием рассказал вам об этом подробнее.

Ледяная дева окидывает меня леденящим взглядом:

— У нас нет абсолютно ничего общего.

— Мы оба созданы на основе углерода. В наши дни этот факт нельзя оставлять без внимания.

— Если вы хотите отвлечь меня от вопроса, почему у вас в чемоданчике находится «Зувр четыреста сорок», то ваши усилия напрасны.

Я профессионал. Страх подождет. Как, как я мог так сглупить?

— Это абсолютно невозможно.

— Пистолет зарегистрирован на имя Акико Като.

— А-а-а… — кашлянув, открываю чемодан и достаю пистолет. — Вы имеете в виду это?

— Именно это.

— Это?

— Это самое.

— Это, э-э, для…

— Да? — Ледяная дева тянется к кнопке тревоги.

— Вот для чего!

Первый выстрел оставляет на стекле щербину — взвывает сирена — второй выстрел покрывает стекло лабиринтом трещин — шипит газ — третий выстрел разносит стекло вдребезги — я бросаюсь в проем — крики, топот — колесом качусь по полу, мигающему стрелками-указателями. Люди в ужасе приседают, жмутся к стенам. Шум и суматоха. В боковом коридоре громыхают ботинки охранников. Снимаю «зувр» с двойного предохранителя, переключаю на непрерывный плазменный огонь, кидаю под ноги преследователям и бросаюсь к выходу. До взрыва три секунды, но их недостаточно — меня подбрасывает, швыряет во вращающуюся дверь, и я кубарем скатываюсь по ступенькам. Оружие, способное взорвать владельца, — неудивительно, что «зувры» сняли с производства через два с половиной месяца после того, как их в производство запустили. Позади — хаос, клубы дыма, брызги спринклеров. Вокруг — шок, оцепенение, аварии на дорогах и — что мне нужно больше всего — перепуганные толпы.

— Там псих! Псих на свободе! Гранаты! У него гранаты! Вызовите полицию! Нужны вертолеты! Окружить все вертолетами! Больше

вертолетов! — ору я и ковыляю в ближайший универмаг.

Достаю из нового портфеля досье отца — оно все еще затянуто в пластик — и мысленно запечатлеваю этот момент для потомков. Двадцать четвертого августа, в двадцать пять минут третьего, на заднем сиденье такси с водителем-биоборгом, огибая западную часть парка Ёёги, под небом, замызганным, как чехол на футоне[11] холостяка, меньше чем за сутки после приезда в Токио, я устанавливаю личность отца. Неплохо. Поправляю галстук, представляю, что Андзю, болтая ногами, сидит рядом со мной.

— Видишь? — говорю я ей, похлопывая по досье. — Вот он. Его имя, его лицо, его дом, кто он, что он. Я это сделал. Ради нас обоих.

Такси прижимается к обочине — на нас в синем смещении движется машина «скорой помощи». Ногтем разрываю пластик, извлекаю картонную папку. ЭЙДЗИ МИЯКЭ. ЛИЧНОСТЬ ОТЦА. Глубоко вдыхаю — вот оно, то, что казалось таким далеким.

Первая страница.

Воздухочувствительные чернила расплывают-

---

[11] Примечания: 11

Футон — спальный матрас с одеялом.

ся белизной.

◆

Лао-цзы ворчит на «видбой»:

— Проклятые биоборги. И так каждый раз, разрази вас гром.

Я допиваю остатки кофе, надеваю бейсболку и мысленно разминаюсь.

— Эй, Капитан, — хрипит Лао-цзы. — Сигаретки, часом, не найдется?

Показываю пустую пачку «Майлд севен». Он смотрит страдальчески. Мне все равно нужно купить еще. Впереди напряженная встреча.

— Здесь есть автомат?

— Вон там, — кивает он. — У кадок с растениями. Я курю «Карлтон».

Приходится разменять еще одну купюру в тысячу иен. Деньги в Токио просто испаряются. Надо бы заказать кофе, чтобы повысить уровень адреналина перед встречей с реальной Акико Като. Вместо воображаемого «Вальтера ПК». Призываю на помощь свои телепатические способности. «Официантка! Вы, с самой прекрасной шеей во всем мироздании! Прекратите доставать стаканы из посудомоечной машины и подойдите к

стойке!» Сегодня телепатия не срабатывает. К стойке направляется Вдова. С близкого расстояния я замечаю, что ноздри у нее как розетка для фена — маленькие узкие щелочки. Она небрежно кивает, когда я благодарю ее за кофе, будто это она покупатель, а не я. Медленно возвращаюсь на свое место у окна, стараясь не пролить кофе, открываю пачку «Карлтона» и безуспешно пытаюсь высечь пламя из зажигалки. Лао-цзы сует мне коробок рекламных спичек из бара под названием «У Митти»[12]. Прикуриваю сигарету себе, потом ему — он поглощен новой игрой. Он берет сигарету — его пальцы грубы, как шкура крокодила, — затягивается и издает благодарный вздох, понятный только курильщикам.

— Преогромное спасибо, Капитан. Моя невестка пристает, чтобы я бросил, а я говорю: все равно умираю, так зачем мешать природе?

Бурчу в ответ что-то сочувственное. Эти папоротники слишком красивы, вряд ли они настоящие. Слишком густые, слишком перистые. В Токио привольно живется лишь голубям, воро-

---

[12] Примечания: 12

…бара под названием «У Митти». — Аллюзия на дважды экранизированный (1947, 2013) рассказ Дж. Тёрбера «Тайная жизнь Уолтера Митти» (1942), герой которого ведет крайне насыщенную и разнообразную жизнь в своих фантазиях.

нам, крысам, тараканам и адвокатам. Присыпаю кофе сахаром, кладу ложечку поверх чашки, вогнутой стороной вверх, и мееееееееедленно выдавливаю в нее сливки. Пангея[13] вращается, в первозданном виде покачивается на поверхности, а потом разделяется на материки поменьше. Играть с кофе — единственное удовольствие, которое в Токио мне по карману. Свою капсулу я оплатил за три месяца вперед, истратив все деньги, что скопил, работая на дядюшку Апельсина и дядюшку Патинко[14], и оказался перед проблемой «курица или яйцо»: если не работать, то я не смогу остаться в Токио и найти отца, но если работать, то когда его искать? Работа. Слово как гора шлака, что застит солнце. Двумя моими талантами много не заработаешь: я умею собирать апельсины и играть на гитаре. Сейчас до ближайшего апельсинового дерева километров пятьсот, а на гитаре я никогда в жизни не играл на публику. Теперь мне ясно, что движет трутнями. Работай — или пойдешь ко дну. Токио

---

[13] Примечания: 13

Пангея — сверхконтинент, существовавший в конце палеозоя и объединявший практически всю сушу Земли ок. 335 млн лет назад.

[14] Примечания: 14

Патинко — зал игровых автоматов, а также игра, представляющая собой разновидность пинбола.

превращает тебя в баланс на банковском счете с притороченным к нему телом. Размер баланса на счете определяет, где тело может жить, на какой машине ездить, как одеваться, перед кем пресмыкаться, с кем встречаться и на ком жениться, мыться в канаве или нежиться в джакузи. Если мой домовладелец, уважаемый Бунтаро Огисо, меня обжулит, я окажусь в безвыходном положении. Он не похож на жулика, но жулики всегда притворяются честными людьми. Когда я встречусь с отцом — самое большее через пару недель, — то хочу продемонстрировать, что твердо стою на ногах и не нуждаюсь в подачках.

Вдова картинно испускает трагический вздох:

— По-вашему, это последняя упаковка кофейных фильтров?

Официантка с прекрасной шеей кивает.

— Самая последняя? — уточняет Ослица.

— Самая-самая последняя, — подтверждает моя официантка.

Вдова возводит очи горе, качает головой:

— Как такое могло случиться?

Ослица юлит:

— Я отослала заказ в четверг.

Официантка с прекрасной шеей пожимает плечами:

— Доставка занимает три дня.

— Надеюсь, — предостерегающе заявляет Вдова, — вы не вините в этом кризисе Эрико-сан.

— А я надеюсь, вы не вините меня за напоминание, что к пяти часам мы останемся без фильтров. Кто-то должен был об этом сказать. — (Патовая ситуация.) — Если хотите, я могу взять наличные из кассы и купить фильтры в магазине.

Вдова гневно зыркает на нее:

— Я начальница смены, мне и решать.

— Я не могу пойти, — хнычет Ослица. — Я утром сделала перманент, а с минуты на минуту начнется ливень…

Вдова обращается к официантке с прекрасной шеей:

— Ступайте, купите упаковку фильтров. — Она открывает кассу и достает купюру в пять тысяч иен. — Сохраните чек и принесите сдачу. Чек — самое важное. Не портите мне бухгалтерию.

Официантка с прекрасной шеей снимает резиновые перчатки и фартук, берет зонтик и выходит, не сказав ни слова.

Вдова прищуривает глаза:

— Эта девица слишком много о себе воображает.

— Подумать только, резиновые перчатки! —

фыркает Ослица. — Как будто она рекламирует крем для рук.

— Студенты сейчас слишком избалованы. Интересно, что она изучает?

— Снобологию.

— Она считает, что для нее закон не писан.

Я смотрю, как она стоит у светофора на переходе через Омэ-кайдо. Погода в Токио не подчиняется общепланетарным законам. Жарко, как в духовке, но черная крыша облаков вот-вот обрушится под тяжестью дождя. Это чувствуют прохожие, стоящие на островке посреди Кита-дори. Это чувствуют две молодые женщины, которые затаскивают рекламный щит в «Нерон пицца эмпориум». Это чувствует армия стариков. Болиголов, соловьи, ми минор[15] — громммммммм! Плюх пузом по воде — громммммммм, как гудение ослабшей басовой струны. Андзю любила

---

[15] Примечания: 15

Болиголов, соловьи, ми минор… — аллюзия на симфоническую сюиту ирландского композитора Герберта Гамильтона Харти (1879–1941) «Ода к соловью» (1907), написанную по мотивам одноименной поэмы Джона Китса и впервые исполненную знаменитой английской оперной певицей Агнес Николс.

От боли сердце замереть готово,
И разум – на пороге забытья,
Как будто пью настой болиголова.
Как будто в Лету погружаюсь я…

(перев. Е. Витковского)

гром, наш день рожденья, верхушки деревьев, море и меня. Всякий раз, когда громыхал гром, она сияла гоблинской ухмылкой. Капли дождя — их сначала слышно — шшшшш-ш-ш-ш-ш-ш — а потом видно — шшшшш-ш-ш-ш-ш-ш — шелест призрачной листвы — пятнают тротуар, щелкают по крышам автомобилей, барабанят по брезенту. Моя официантка открывает большой сине-красно-желтый зонт. Загорается зеленый свет, и пешеходы бросаются к укрытию, под ненадежной защитой пиджаков и газет.

— Она промокнет насквозь, — говорит Ослица почти радостно.

Яростный ливень стирает с лица земли дальний конец Омэ-кайдо.

— Насквозь или не насквозь, а кофейные фильтры нужны, — отвечает Вдова.

Моя официантка исчезает из виду. Надеюсь, она найдет, где спрятаться. Кафе «Юпитер» наполняется ликующими беженцами, которые соревнуются друг с другом в любезности. Вжикает молния, и — контрапунктом — мигает свет в кафе «Юпитер». Беженцы хором вопят: «Уу-уу-у-у-у-у-у!» Беру еще одну спичку и закуриваю еще одну сигарету. Не могу же я пойти на очную ставку с Акико Като, пока не кончилась гроза.

Если я промокну, то в ее офисе буду выглядеть так же внушительно, как мокрый суслик. Лао-цзы посмеивается, тут же заходится кашлем и судорожно ловит ртом воздух.

— Ого! Такого ливня не было года с семьдесят первого. Видно, конец света пришел. По телевизору говорили, он вот-вот наступит.

□

Час спустя перекресток Кита-дори и Омэ-кайдо представляет собой слияние бурлящих, необузданных рек. Дождь просто неправдоподобный. Даже у нас, на Якусиме, не бывает таких сильных дождей. Праздничное настроение иссякло, посетителей обуяла безысходность. Пол кафе «Юпитер» фактически весь под водой — сидим на табуретках, столах и стойках. Движение на дорогах замирает, машины исчезают в пенных потоках. Семья из шести человек жмется друг к другу на крыше такси. Младенец начинает орать и никак не хочет заткнуться. Подчиняясь невидимой силе, посетители сбиваются в кучки, и вот уже слышны разговоры о том, чтобы перебраться на верхние этажи, а то и на крышу; о вертоле-

тах военно-морских сил; Эль-Ниньо[16]; о том, не лучше ли залезть на деревья; о вторжении северокорейской армии. Закуриваю еще одну сигарету и не говорю ни слова: если у корабля много капитанов, он непременно налетит на скалу. Семья на крыше такси теперь насчитывает всего троих. В водовороте кружатся разные предметы, отнюдь не созданные для сплава. Кто-то включает радио, но не может поймать ничего, кроме лавины помех. Уровень воды за стеклом поднимается все выше и выше, окна уже затоплены до половины. Под водой почтовые ящики, мотоциклы, светофоры. К окну вальяжно подплывает крокодил и тычется мордой в стекло. Никто не кричит. Мне хочется, чтобы кто-нибудь закричал. У него в пасти что-то дергается — чья-то рука. Его взгляд останавливается на мне. Мне знаком этот взгляд. Глаза сверкают. Зверюга, дернув хвостом, скользит в сторону.

— Токио, Токио, — хмыкает Лао-цзы. — Не пожар, так землетрясение. Не землетрясение, так бомбы. Не бомбы, так наводнение.

Вдова квохчет со своего насеста:

---

[16] Примечания: 16

Эль-Ниньо — сложное гидрометеорологическое явление, возникающее у берегов Эквадора и Перу, считается причиной ураганов, наводнений, засух и других стихийных бедствий.

— Пора эвакуироваться. Первыми — женщины и дети.

— Эвакуироваться — куда? — спрашивает мужчина в грязном плаще. — Один шаг за дверь — и течение смоет вас дальше острова Гуам.

Ослица подает голос с самого безопасного места — с полки для кофейных фильтров:

— Если мы останемся, то утонем!

Беременная трогает рукой живот и шепчет:

— Ох нет, не сейчас, не сейчас.

Священник, вспомнив о своем пристрастии к выпивке, отхлебывает из плоской фляжки. Лао-цзы мурлычет себе под нос матросскую песенку. Младенец все никак не заткнется. Вижу, как неистовый поток увлекает вдаль раскрытый зонт, красно-сине-желтый зонт, а с ним и мою официантку — она то скрывается под водой, то выныривает, судорожно молотит по воде руками, ловит ртом воздух. Не раздумывая, я вспрыгиваю на стойку и открываю верхнее окно, до которого еще не дошла вода.

— Не надо! — хором кричат беженцы. — Это верная смерть!

Швыряю свою бейсболку Лао-цзы, будто фрисби:

— Я вернусь.

Сбрасываю кроссовки, подтягиваюсь на руках и вылезаю в окно — бурлящий поток, словно мифическая стихия, колошматит меня, топит и снова выталкивает на поверхность с дикой скоростью. Вспышка молнии освещает Токийскую телебашню[17], наполовину погруженную в воду. Здания пониже тонут у меня на глазах. Должно быть, количество погибших исчисляется миллионами. Лишь «Паноптикум» не пострадал, возвышаясь в самом сердце урагана. Море кренится, вздымается, завывает ветер — обезумевший оркестр. Официантка и зонт то близко, то далеко-далеко. Когда мне уже кажется, что я вот-вот пойду ко дну, она подгребает ко мне на своем зонте-коракле[18].

— Тоже мне, спасатель выискался, — говорит она, хватая меня за руку.

Она улыбается, глядит мне за спину, и ее лицо тут же искажает гримаса ужаса. Я оборачиваюсь — к нам приближается крокодилья пасть. Резко высвобождаю руку, изо всех сил отталкиваю зонт

---

[17] Примечания: 17

Токийская телебашня — радиокоммуникационная башня высотой 332,6 м, построенная в 1958 г.; на момент постройки — самое высокое в мире сооружение из стали.

[18] Примечания: 18

Коракл — традиционная круглая лодка-долбленка.

и поворачиваюсь навстречу смерти.

— Нет! — кричит моя официантка, как и подобает.

Я молча жду своей участи. Крокодил изгибается и нырком уходит на глубину, его туша погружается под воду, пока не исчезает даже хвост. Может, он просто хотел меня напугать?

— Скорее! — зовет официантка, но зазубренные клыки впиваются мне в правую ногу и тащат под воду.

Я лягаю крокодила, но с тем же успехом мог бы пинать кедр. Все глубже, глубже, глубже; я пытаюсь вырваться, но безуспешно; облака крови из прокушенной икры становятся гуще. Мы опускаемся на дно Тихого океана, в гущу городских кварталов, — оказывается, крокодил решил утопить меня перед кафе «Юпитер»; это доказывает, что у земноводных тоже есть чувство юмора. Посетители и беженцы смотрят на нас с беспомощным ужасом. Буря, должно быть, утихла, потому что вода вокруг голубая и прозрачная, как в бассейне; в ней пляшут лучики света, и я

четко слышу «Lucy in the Sky with Diamonds»[19]. Крокодил смотрит на меня глазами Акико Като, предлагая разделить его радость, ведь он несколько недель будет лакомиться моим раздувшимся трупом в своем логове. Я слабею, тело наполняется легкостью. Лао-цзы закуривает последнюю сигарету из моей пачки и напяливает мою бейсболку. Потом изображает, будто вонзает что-то себе в глаз и указывает на крокодила. Мысль приходит сама собой. Вчера мой домовладелец дал мне ключи — тот, который открывает ставни витрины, целых три дюйма длиной и может послужить мини-кинжалом. Изогнуться так, чтобы нанести удар, — подвиг не из легких, но крокодил задремал и не замечает, что я просовываю кончик ключа между сомкнутых крокодильих век и вбиваю резким ударом. Хлоп, хрясь, хлюп! Крокодилы визжат, даже под водой. Ножницы челюстей распахиваются, чудовище бьется в конвульсиях, вертится штопором. Лао-цзы аплодирует, но я уже три минуты под водой без воздуха, а поверхность до невозможности далека.

---

[19] Примечания: 19

«Люси в небесах с брильянтами» *(англ.). «Lucy in the Sky with Diamonds»* («Люси в небесах с брильянтами») — песня Джона Леннона и Пола Маккартни с альбома *The Beatles* «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» (1967).

Вяло отталкиваюсь ото дна. В мозгу пузырится азот. Я лениво парю, а вокруг поет океан. В воду погружается лицо, ищет меня, свесившись с каменного кита, — это моя официантка, верная мне до конца; в легких струях колышутся пряди волос. Наши взгляды встречаются в последний раз, а потом, зачарованный красотой собственной смерти, я погружаюсь на дно, описывая медленные печальные круги.

С первым лучом рассвета священнослужители храма Ясукуни[20] разжигают погребальный костер из сандалового дерева. Мои похороны — самое величественное зрелище на памяти ныне живущих; вся страна объединилась в трауре. Все движение пущено через Куданситу[21], чтобы дать возможность десяткам тысяч скорбящих отдать мне дань уважения. Языки пламени лижут мое тело. Послы, всевозможные родственники, главы государств, Йоко Оно в черном. Мое тело вспыхивает одновременно с первыми лучами солнца, раскалывающими темницу нового дня.

---

[20] Примечания: 20

Ясукуни — «храм мира в стране» *(яп.)*, синтоистское святилище в Токио, построенное в 1869 г.

[21] Примечания: 21

Кудансита — железнодорожная станция в Токио, один из основных транспортных узлов города.

Его Императорское Величество пожелал поблагодарить моих родителей, так что они снова вместе, впервые за двадцать лет. Журналисты спрашивают у них, что они чувствуют, отец с матерью задыхаются от избытка эмоций, не могут отвечать на вопросы. Я не хотел такой помпезной церемонии, но что поделать — героизм есть героизм. Моя душа возносится к небу вместе с моим прахом и парит среди набитых телевизионщиками вертолетов и голубей. Я усаживаюсь на гигантские ворота-тори[22] — они такие огромные, что под ними свободно пройдет военный корабль, — и наслаждаюсь возможностью читать в людских сердцах, которую дарует смерть.

«Мне не следовало покидать этих двоих», — думает мать.

«Мне не следовало покидать этих троих», — думает отец.

«Интересно, можно ли оставить себе задаток?» — думает Бунтаро Огисо.

«Я так и не спросила, как его зовут», — думает моя официантка.

«Ах, если бы Джон был сегодня с нами, — думает Йоко Оно. — Он написал бы реквием».

---

[22] Примечания: 22

Ворота-тори — символический вход в синтоистский храм.

«Ублюдок, — думает Акико Като. — Источник пожизненного дохода безвременно иссяк».

◆

Лао-цзы посмеивается, заходится кашлем и судорожно ловит ртом воздух.

— Ого! Такого ливня не было года с семьдесят первого. Должно быть, конец света. По телевизору говорили, что он вот-вот наступит.

Едва он это произносит, как ливень прекращается. Беременные смеются. Размышляю о младенцах. Что возникает в их воображении все эти девять месяцев в утробном узилище? Буераки, болота, поля сражений? Для человека в материнском чреве воображаемое и действительное, должно быть, одно и то же. Снаружи пешеходы опасливо смотрят вверх, поднимают ладони, проверяя, идет ли дождь. Зонтики закрываются. Облака театральным задником затягивают небо. Дверь кафе «Юпитер» со скрипом отворяется — помахивая сумкой, входит моя официантка.

— Вы не особенно торопились, — ворчит Вдова.

Моя официантка кладет на прилавок коробку с фильтрами:

— В супермаркете была очередь.

— Вы слышали гром? — спрашивает Ослица, и тут мне кажется, что она не такой уж плохой человек, просто слабохарактерная и попала под влияние Вдовы.

— Да слышала она, слышала! — фыркает Вдова. — Его даже моя тетушка Отанэ слышала, хоть вот уже девять лет как покойница.

Я больше чем уверен, что Вдова подделала завещание и спустила тетушку Отанэ с лестницы.

— Чек и сдачу, если позволите. В головном офисе меня считают образцовым бухгалтером, и я не намерена портить свою репутацию.

Моя официантка подает ей чек и стопку монет. Безразличие — мощное оружие в ее руках. На часах половина третьего. Зубочисткой я рисую в пепельнице пентаграммы. Мне приходит в голову, что прежде, чем идти к Акико Като, нужно, по крайней мере, удостовериться, что она в «Паноптикуме», — а то прорвусь через секретаршу, обнаружу на экране компьютера госпожи Като листочек с надписью «Вернусь в четверг» и буду выглядеть полным идиотом. Визитка госпожи Като лежит у меня в бумажнике. Я позаимствовал ее из бабушкиного несгораемого шкафчика, когда мне было одиннадцать лет, собираясь изу-

чить вуду и использовать ее в качестве тотема. «АКИКО КАТО. АДВОКАТ. ОСУГИ & БОСУГИ». Адрес в Синдзюку и номер телефона. Сердце колотится. Договариваюсь сам с собой: один кофе со льдом, последняя сигарета, и я звоню. Дожидаюсь момента, когда моя официантка встанет за стойку, и подхожу получить свой кофе вместе с ее благословением.

— Стаканы! — Вдова рявкает так резко, что мне кажется, будто она обращается ко мне.

К стойке подходит Ослица, а моя девушка отправляется обратно к раковине. Мне грозит передозировка кофеина, но отказываться уже поздно.

— Кофе со льдом, пожалуйста.

Дождавшись, когда биоборги в очередной раз убьют Лао-цзы, выменяю спичку на «Карлтон». Пытаюсь разделить пополам пластинку миндаля, но она застревает у меня под ногтем.

— Добрый день. «Осуги и Босуги».

Пытаюсь придать голосу хоть немного солидности.

— Д-да… — Голос ломается, будто у меня яйца не созрели. Краснею, притворно кашляю и снова начинаю говорить, теперь пятью октавами ниже: — Скажите, Акико Като сегодня работает?

— Вы хотите с ней поговорить?

— Нет. Я хотел бы узнать… да. Да, пожалуйста.

— Пожалуйста — что?

— Не могли бы вы соединить меня с Акико Като? Будьте любезны.

— Простите, а как вас представить?

— Так она, э-э, сейчас в офисе?

— Простите, а как вас представить?

— Это… — (Это какой-то кошмар.) — …конфиденциальный звонок.

— Мы гарантируем полную конфиденциальность, но мне надо знать, как вас представить.

— Меня зовут, э-э, Таро Танака[23].

Самый дурацкий из всех возможных псевдонимов. Идиот.

— Господин Таро Танака. Понятно. А по какому вопросу вы звоните?

— По юридическому.

— Вы не могли бы объяснить конкретнее, господин Танака?

— Э-э… Нет. В самом деле. — Медленный выдох.

---

[23] Примечания: 23

Таро Танака — герой детских комиксов-манга «Таро-инопланетянин», публиковавшихся в журнале «CoroCoro Comic» с 1998 по 2004 г., по которым был снят мультсериал, транслировавшийся по каналу «ТВ-Токио» в 2000–2001 гг.

— Госпожа Като сейчас на совещании со старшими партнерами, поэтому не сможет переговорить с вами немедленно. Но если вы оставите ваш номер телефона и название компании, а также, в общих чертах, обрисуете суть вашего дела, то я попрошу ее перезвонить вам попозже.

— Естественно.

— Итак, какую компанию вы представляете, мистер Танака?

— Э-э-э…

— Мистер Танака?

Замолкаю и вешаю трубку.

Двойка с минусом за стиль. Но зато я знаю, что Акико Като прячется в своей паутине. Насчитываю двадцать семь этажей «Паноптикума», остальные скрыты облаками. Я выпускаю дым вам в лицо, Акико Като. Вам осталось меньше тридцати минут жизни, в которой Эйдзи Миякэ — всего лишь туманное воспоминание с туманного гористого острова у южной оконечности Кюсю. Вы никогда не мечтали о встрече со мной? Или я — только имя на соответствующих документах? Айсберги в кофе, позвякивая, липнут друг к другу. Лью в чашку сироп и сливки из крошечных кувшинчиков, смотрю, как жидкости смешиваются, перетекают друг в друга. Беремен-

ные рассматривают журналы о младенцах. Моя девушка ходит от столика к столику и высыпает пепельницы в ведро. «Подойди сюда и высыпь мою». Она этого не делает. Вдова разговаривает по телефону, умильно улыбается. Мое внимание привлекает человек, пересекающий Кита-дори: по-моему, минуту назад он уже переходил эту улицу. Я внимательно слежу, как он движется сквозь прыгающую через лужи толпу. Он переходит на противоположную сторону, ждет, когда человечек на светофоре позеленеет. Переходит Омэ-кайдо, ждет, когда человечек на светофоре позеленеет. Потом снова переходит Кита-дори. Ждет светофора и переходит Омэ-кайдо. Делает один, два, три круга. Частный детектив, биоборг, сумасшедший? Солнце вот-вот протрет пелену облаков. Проталкиваю соломинку между льдинками, сосу. Мочевой пузырь требует моего внимания. Встаю, иду к туалету, поворачиваю ручку — заперто. Чешу в затылке и смущенно возвращаюсь на место. В дверях появляется оккупант — какая-то секретарша, — я отвожу взгляд, чтобы она не заподозрила, что это я дергал дверную ручку, и пропускаю свою очередь. Меня опережает застенчивая старшеклассница в школьной форме — и через пятнадцать минут

появляется в бело-розовом полосатом топе и мини-юбке — влажная мечта, а не девушка. Встаю, но на этот раз меня обгоняет мамаша с маленьким ребенком.

— У нас авария, — хихикает она.

Я понимающе киваю. Может, я попал в один из тех снов, где чем ближе к чему-нибудь подходишь, тем дальше оказываешься?

«Эй, — визжит мочевой пузырь, — давай скорее, или я за себя не отвечаю!»

Я встаю рядом с дверью и пытаюсь думать о песчаных дюнах. Вот он, токийский порочный круг: чтобы сходить в туалет, приходится покупать напитки, снова наполняя мочевой пузырь. На Якусиме можно отлить за ближайшим деревом. Наконец мамаша с ребенком выходят, и я врываюсь внутрь. Задержав дыхание, судорожно запираюсь. Поднимаю крышку унитаза и отливаю три кофе. Воздух в легких кончается, приходится вдохнуть — в общем, не очень тут и воняет. Моча, маргарин, лавандовый освежитель. Отбрасываю мысль вытереть ободок унитаза. Раковина, зеркало, пустая бутылочка жидкого мыла. Выдавливаю парочку угрей и разглядываю свое отражение со всех сторон: вот он я — Эйдзи Миякэ, житель Токио. Интересно, я хоть кого-ни-

будь обдурил или смешки, улюлюканье и косые взгляды адресованы именно мне? На угри сегодня урожай. Неужели загар, который я привез с Кюсю, уже сходит? Мое отражение играет со мной в гляделки. Оно выигрывает — я первым отвожу взгляд и начинаю трудиться над вулканической цепью угрей. Снаружи стучат и дергают ручку. Я зачесываю назад смазанные гелем волосы и открываю дверь.

□

Это Лао-цзы. Я бормочу извинения за то, что заставил его ждать, и решаю без промедления идти на штурм «Паноптикума». И тут на авансцену широкими шагами выходит Акико Като. Из плоти и крови, здесь и сейчас — между нами всего лишь пять миллиметров стекла и максимум метр воздушного пространства. Совпадение, о котором я так мечтал, случилось, едва я перестал на него надеяться. Она, будто в замедленной съемке, поворачивает голову, смотрит на меня в упор и идет дальше. Невероятность происходящего застает меня врасплох. Акико Като подходит к перекрестку, и все зеленеют, завидя ее приближение. В моей памяти она не постарела; в действительно-

сти это не так, но воспоминания на удивление точны. Коварно полуприкрытые веки, орлиный нос, холодная красота. Пошел! Я жду, пока двери со скрипом откроются, выбегаю на улицу и…

Бейсболка, идиот!

Бросаюсь обратно в кафе «Юпитер», хватаю кепку и снова мчусь к переходу. Зеленые человечки уже мигают. После двух часов, проведенных в помещении с кондиционером, чувствую, что кожа потрескивает и лопается от полуденного зноя. Акико Като уже на дальнем берегу — я, рискуя жизнью, бегу за ней, перепрыгивая лужи и полоски «зебры». Донорциклы всхрапывают и рвутся вперед, светофор вспыхивает красным, автобус сердито гудит, но мне удается вынырнуть на другой берег, не отскочив ни от одного капота. Моя добыча уже на ступенях «Паноптикума». Бегу сквозь толпу, на ходу отмахиваюсь от оскорблений, рассыпаю извинения — если она войдет внутрь, я упущу шанс встретиться на нейтральной территории. Но Акико Като не входит в «Паноптикум». Она идет дальше, по направлению к вокзалу Синдзюку — надо догнать ее и задержать, но я вовремя соображаю, что на улице приставать к ней не следует, это настроит ее против меня, а не расположит в мою пользу.

В конце концов, я собираюсь просить ее об одолжении. Она решит, что я ее выслеживаю, и будет права. Вдруг она неправильно меня поймет, а я не успею ей все объяснить? Вдруг она закричит: «Насильник!»? Однако нельзя допустить, чтобы она растворилась в толпе. Поэтому я следую за ней на безопасном расстоянии, напоминая себе, что взрослого Эйдзи Миякэ она в лицо не знает. Она не оборачивается ни разу — а зачем? Мы проходим под строем чахлых деревьев, отряхивающих последние капли дождя. Акико Като откидывает прядку длинных волос, надевает темные очки. Подземный переход ныряет под железнодорожное полотно, выносит нас на яркий солнечный свет посреди запруженной транспортом и людьми Ясукуни-дори, с рядами бистро и магазинов мобильной связи, из которых рвутся гитарные риффы. В реальной жизни не так просто кого-то преследовать. Больно ударяю лодыжку о чей-то велосипед. Промытая дождем солнечная линза утюжит улицу паровым утюгом. Липкий пот намертво приклеивает футболку к коже. Акико Като проходит мимо магазина с девяносто девятью сортами мороженого и сворачивает на боковую улицу. Иду за ней, продираясь сквозь джунгли женщин у входа в бутик. Ни-

какого солнца, мусорные баки на колесиках, пожарные лестницы. Декорации к фильму про Чикаго. Она останавливается перед каким-то кинотеатром и оборачивается, проверяя, нет ли за ней слежки, — я ускоряю шаг, делаю вид, что ужасно тороплюсь. Отвожу глаза, низко надвигаю бейсболку, пряча лицо. Беглым шагом возвращаюсь обратно, но она уже скрылась в кинотеатре «Ганимед». Это место видало лучшие дни. Сегодня здесь показывают фильм «Паноптикум». Афиша — ряд кричащих матрешек — ни о чем мне не говорит. Задумываюсь. Хочется курить, но сигареты остались в кафе «Юпитер», так что обхожусь шипучим леденцом. Фильм начинается через десять минут. Пытаюсь войти, тяну дверь на себя, вместо того чтобы толкнуть. Пустынный вестибюль устлан психоделическим ковром. Не заметив ступеньки, спотыкаюсь и чуть не подворачиваю ногу. Обшарпанный шик, запах отсыревшей штукатурки. Унылая люстра струит коричневатый свет. Женщина в кассе с явным раздражением откладывает пяльцы:

— Да?

— Это, э-э, кинотеатр?

— Нет. Это линкор «Ямато»[24].

— Я зритель.

— Рада за вас.

— Э-э. А фильм… Он, э-э, о чем?

Она продевает нитку в игольное ушко.

— А что, у меня на столе стоит табличка: «Здесь продается краткое содержание»?

— Я только…

Она вздыхает, будто ей приходится иметь дело с недоумком.

— Так стоит на столе табличка: «Здесь продается краткое содержание»?

— Нет.

— А почему, скажите на милость, ее нет?

Так бы и пристрелил эту язву, но «Вальтер ПК» остался в прошлой фантазии. Можно уйти, но я точно знаю, что Акико Като где-то здесь, в этом здании.

— Один билет, пожалуйста.

— Тысяча иен.

На сегодня бюджет исчерпан. Она вручает мне лотерейный билет. Там и сям валяются куски штукатурки. По справедливости, это заведение должно было прекратить свое существование

---

[24] Примечания: 24

Линкор «Ямато» — флагман японского императорского флота в годы Второй мировой войны.

не один десяток лет назад. Она возвращается к вышиванию, поручив меня нежным заботам надписи, гласящей:

ВХОД В ЗАЛ — ДИРЕКЦИЯ НЕ НЕСЕТ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕСЧАСТНЫЕ
СЛУЧАИ НА ЛЕСТНИЦЕ

Лестница уходит вниз круто, почти отвесно. На блестящих стенах висят афиши фильмов. Ни один мне не знаком. Каждый пролет кажется последним, но всякий раз я обманываюсь. В случае пожара зрителей любезно просят спокойно обугливаться. Похоже, становится теплее? Внезапно лестница кончается. Пахнет горьким миндалем. Путь мне преграждает женщина с обритой головой в пятнах синяков, будто после химиотерапии. Глазницы — две бездны. Я хмыкаю. Она не двигается. Пытаюсь протиснуться мимо, но ее рука вздымается, преграждая путь. Указательный палец сросся со средним, а безымянный — с мизинцем, как свиное копытце. Я стараюсь не глазеть. Она берет у меня билет, разрывает на клочки.

— Попкорн?

— Спасибо, обойдусь.

— Вы не любите попкорн?

— Никогда об этом не задумывался.

Она осмысливает мое заявление.

— Так вы отказываетесь признать, что не любите попкорн?

— Попкорн не относится к вещам, которые я люблю или не люблю.

— И зачем вы со мной в эти игры играете?

— Я ни во что не играю. Я только что плотно пообедал. Я не голоден.

— Терпеть не могу, когда лгут.

— Вы, должно быть, меня с кем-то спутали.

Она качает головой:

— Случайные люди в такую глубь не забираются.

— Ладно, ладно, я возьму попкорн.

— Невозможно. Его нет.

Я чего-то не понимаю.

— Тогда зачем вы мне его предлагали?

— У вас что-то с памятью. Я ничего вам не предлагала. Вы будете смотреть фильм или нет?

— Да. — Все это начинает меня раздражать. — Буду.

— Тогда зачем вы меня отвлекаете? — Она приподнимает занавес.

В зале с покатым полом ровно три человека. В переднем ряду Акико Като. Рядом с ней — какой-то мужчина. Внизу, в дальнем проходе, в

инвалидном кресле сидит третий — судя по всему, покойник: шея закинута назад, будто свернута, челюсть отвисла, голова болтается; он совершенно неподвижен. Его взгляд устремлен в ночное небо, нарисованное на потолке кинозала. Я крадусь по центральному проходу, надеясь подобраться к парочке поближе и подслушать разговор. В проекционной что-то грохает. Приседаю на корточки, прячусь. То ли выстрел, то ли неумело открытый пакет картофельных чипсов. Ни Акико Като, ни ее спутник не оборачиваются — подкрадываюсь поближе, останавливаюсь в паре рядов позади. Свет гаснет, поднимается занавес, открывая прямоугольник бликующего света. Реклама курсов вождения — то ли очень старая, то ли на курсы принимают только тех, кто одет и причесан под семидесятые. Саундтреком служит песня «Y.M.C.A»[25]. Следующий рекламный ролик — пластический хирург по имени Аполлон Сигэнобо дарит вечные улыбки всем своим клиентам. Поют о лицевой коррекции. В кинотеатре Кагосимы мне нравится смотреть анонсы «Скоро на экране» — это избавляет от необходимости смотреть саму картину, — но

[25] Примечания: 25

«Y.M.C.A» — песня с третьего альбома американской группы *Village People* «Cruisin'» (1978).

здесь их не показывают. Титановый голос объявляет о начале фильма «Паноптикум» — режиссер, имя которого невозможно произнести, удостоен награды на кинофестивале в городе неизвестно на каком континенте. Ни титров, ни музыки. Сразу действие.

В черно-белом зимнем городе сквозь толпу пробирается автобус. Усталый пассажир, человек средних лет, смотрит в окно на деловито падающий снег, на разносчиков газет военного времени, на полицейских, избивающих спекулянта, на голодные лица в пустых магазинах, на обгоревший остов моста. Выходя, человек спрашивает у водителя дорогу — и получает в ответ кивок в сторону громадной стены, заслоняющей небо. Человек идет вдоль стены, пытаясь найти дверь. Вокруг воронки от бомб, поломанные вещи, одичавшие собаки. Развалины круглого здания, где косматый безумец разговаривает с костром. Наконец человек находит деревянную дверь, наклоняется и стучит. Ответа нет. Из каменной кладки торчит обрывок провода, к нему привязана консервная банка. Человек произносит в нее:

— Есть тут кто-нибудь?

Субтитры на японском, сам же язык шипящий,

хлюпающий, трескучий.

— Я доктор Полонски. Начальник тюрьмы Бентам ждет меня.

Он прикладывает консервную банку к уху и слышит что-то вроде криков тонущих моряков. Дверь открывается сама собой, за ней продуваемый ветром двор. Пригнувшись, доктор входит. Ветер разносит странное напевное эхо.

— Жаблинг, к вашим услугам, доктор. — Человечек очень маленького роста распрямляет согнутую в поклоне спину, и доктор отшатывается. — Сюда, пожалуйста.

Под ногами скрипит снег. Напевы кружат, стихают и снова начинаются. На поясном ремне Жаблинга позвякивают ключи. Лабиринт тюремных коридоров; надзиратели играют в карты.

— Вот мы и пришли, — хрипит Жаблинг.

Доктор холодно кивает, стучит и входит в обшарпанный кабинет.

— Доктор! — Начальник тюрьмы дряхл и пьян вдрабадан. — Присаживайтесь, прошу вас.

— Спасибо.

Доктор Полонски ступает осторожно — половицы голые, половина из них выломана. Он садится на стул, который размером больше подошел бы школьнику. Начальник тюрьмы фотографирует

земляной орех в высоком стакане с жидкостью.

— Я пишу трактат, посвященный поведению закусок в бренди с содовой, — объясняет начальник тюрьмы.

— Вот как?

Начальник тюрьмы сверяется с секундомером.

— Что будете пить, док?

— Спасибо. На работе не пью.

Начальник тюрьмы выливает последнюю каплю из бутылки бренди в яичную рюмку и швыряет бутылку в дыру между половицами. Отдаленный вскрик и звон.

— Ваше здоровье! — Начальник тюрьмы махом опустошает рюмку. — Дорогой доктор, если позволите, я буду резать крякву-матку. То есть правду-матку. Наш доктор Кениг умер от чахотки перед Рождеством, а из-за войны на Востоке нам пока не прислали никого взамен. В военное время тюрьмы не представляют первостепенной важности, в них сажают только политических. А у нас были такие планы! Утопия. Идеальная тюрьма, где повышают умственные способности заключенных, чтобы они давали волю своему воображению и обретали в нем свободу. Чтобы…

— Мистер Бентам, — прерывает его доктор Полонски. — А в чем же правда-матка?

— Правда в том, — начальник тюрьмы подается вперед, — что у нас проблемы с Воорманом.

Полонски ерзает на крошечном стульчике, боясь последовать за бутылкой.

— Воорман — ваш заключенный?

— Именно так, доктор. Воорман — заключенный, который утверждает, что он Бог.

— Бог.

— Ну, как говорится, каждому свое, но он убедил все население тюрьмы в своей бредовой идее. Мы его изолировали, а что толку? Слышали пение? Это псалом Воормана. Я боюсь беспорядков, доктор. А то и бунта.

— Я понимаю, вы в трудном положении, но как…

— Я прошу вас обследовать Воормана. Выяснить, симулирует он сумасшествие или у него действительно съехала крыша. Если вы решите, что он клинически ненормален, я отошлю его в психушку, и мы разойдемся по домам пить чай с пирожными.

— За какое преступление осудили Воормана?

Начальник Бентам пожимает плечами:

— Прошлой зимой все личные дела заключенных пошли на растопку.

— Как же вы определяете, когда кого освобож-

дать?

Начальник тюрьмы в недоумении:

— Освобождать? Заключенных?

Акико Като оглядывается. Я приседаю — надеюсь, успел. В конце ряда, в серебристой лужице экранных отсветов, крыса встает на задние лапки, смотрит на меня и шмыгает под обивку кресла.

— Надеюсь, — вполголоса говорит спутник Акико Като, — что это действительно срочно.

— Вчера в Токио появился призрак.

— Вы вызвали меня из Министерства обороны, чтобы поведать историю о призраках?

— Конгрессмен, этот призрак — ваш сын.

Отец ошеломлен не меньше, чем я.

Акико Като отводит прядку волос.

— Уверяю вас, он очень бойкий призрак. Вполне себе живой. Он в Токио и ищет вас.

Очень долго отец ничего не говорит.

— Он хочет денег?

— Крови. — Я выжидаю, а Акико Като продолжает затягивать петлю на своей же шее. — И позвольте мне сказать без прикрас: ваш сын — героиновый наркоман. Он заявил мне, что убьет вас, потому что вы украли у него детство. Мне встречалось немало юных извращенцев, но ваш сын — полный психопат с пеной у рта. И

ему нужны не только вы. Он сказал, что сначала разрушит вашу семью, чтобы наказать вас за то, что случилось с его сестрой.

Камера Воормана — царство отбросов.

— Итак, мистер Воорман… — Доктор Полонски расхаживает среди фекалий и мух. — Как давно вы полагаете себя Богом?

Воорман в смирительной рубашке.

— Позвольте задать вам тот же вопрос.

— Я не полагаю себя Богом.

Под ботинком доктора что-то хрустит.

— Но вы полагаете себя психиатром.

— Верно. Я — психиатр с тех самых пор, как с отличием окончил медицинский институт и начал практиковать.

Доктор поднимает ногу — к подошве прилип дергающийся таракан. Доктор соскребает насекомое об обломок каменной кладки.

Воорман кивает:

— А я — Бог с тех самых пор, как начал практиковать в своей области.

— Понятно. — Доктор отрывается от своих записей. — Из чего же состоит ваша деятельность?

— В основном из поддержания вселенной в надлежащем состоянии.

— Так это вы создали нашу вселенную?

— Именно. Девять дней назад.

Полонски осмысливает это заявление.

— Однако существует масса веских доказательств, что вселенная несколько старше.

— Знаю. Эти доказательства тоже создал я.

Доктор сидит на откидной койке напротив.

— Мне сорок пять лет, мистер Воорман. Как вы объясните мои воспоминания о прошлой весне или о детстве?

— Я создал ваши воспоминания вместе с вами.

— Значит, все в этой вселенной — плод вашего воображения?

— Совершенно верно. Вы, эта тюрьма, крыжовник, туманность Конская Голова.

Полонски дописывает предложение.

— Вероятно, у вас работы невпроворот.

— Больше, чем может представить ваш хилый гиппокамп — не в обиду будь сказано. Приходится воображать каждый атом, иначе — фьють! «Солипсист» пишется с одним «л», доктор.

Полонски морщится и перекладывает блокнот.

Воорман вздыхает:

— Я знаю, что вы скептик, доктор. Я вас таким создал. Позвольте предложить вам объективный эксперимент, чтобы подтвердить мои притязания.

— Что именно?

— Бельгию.

— Бельгию?

— По-моему, даже бельгийцы не заметят ее отсутствия. А вы как считаете?

Отец не отвечает. Он сидит склонив голову. У него густая шевелюра — можно не бояться, что к старости я облысею. События разворачиваются таинственным, захватывающим и непредсказуемым образом. Я могу в любой момент заявить о своем присутствии и выставить Акико Като лживой гадиной, но лучше подождать, воспользоваться недолгим преимуществом, вооружиться перед предстоящей схваткой. У Акико Като звонит мобильник. Она достает его из сумочки, бросает: «Перезвоню позже, я занята» — и снова прячет.

— Конгрессмен, выборы через четыре недели. Ваш портрет будет расклеен по всему Токио. Вы будете каждый день выступать по телевизору. Вам никуда не скрыться.

— Если бы я мог встретиться с сыном…

— Если он узнает, кто вы, вы обречены.

— У каждого есть хоть капля благоразумия.

— Преступлений — тяжкие телесные повреждения, кража со взломом, наркотики — за ним

числится не меньше, чем мехов в гардеробе вашей жены. Жуткая кокаиновая зависимость. Представьте реакцию оппозиции. «Побочный сын министра встал на стезю преступности и готов убить отца!»

Отец вздыхает в мерцающей темноте:

— Что вы предлагаете?

— Ликвидировать эту проблему, пока она не стала причиной вашей политической смерти.

Отец чуть поворачивается к ней.

— Надеюсь, вы не имеете в виду насильственные меры?

Акико Като осторожно подбирает слова:

— Я предвидела, что такой день настанет. Все подготовлено. В этом городе несчастные случаи не редкость, а я знаю людей, которые знают людей, которые помогают несчастным случаям произойти раньше, а не позже.

Жду, что ответит отец.

Чета Полонски обитает в квартире на четвертом этаже старого дома с двориком и воротами. Вот уже несколько месяцев они живут впроголодь и почти без сна. В полумраке подрагивает бледный огонь. За окном грохочет танковая колонна. Госпожа Полонски нарезает черствый хлеб тупым ножом и разливает по тарелкам

пустой суп.

— Тебя беспокоит этот, как его, Бурмен?

— Воорман? Да.

— На тебя возложили обязанности судьи. Это несправедливо.

— Это меня совсем не беспокоит. В этом городе тюрьма мало чем отличается от сумасшедшего дома.

Ложкой он вылавливает из супа хвостик морковки.

— Тогда в чем же дело?

— Раб он или хозяин своего воображения? Он заявил, что к ужину Бельгия исчезнет с лица земли.

— Бельгия — это тоже заключенный?

Полонски жует.

— Бельгия.

— Новый сорт сыра?

— Бельгия. Страна. Между Францией и Голландией. Бельгия.

Госпожа Полонски недоверчиво качает головой.

В улыбке мужа сквозит раздражение.

— Бель-ги-я.

— Ты шутишь, дорогой?

— Ты же знаешь, я никогда не шучу, когда гово-

рю о пациентах.

— Бельгия… Может, это графство или деревня в Люксембурге?

— Принеси атлас!

Доктор открывает карту Европы и каменеет лицом. Между Францией и Голландией находится нечто под названием Валлонская лагуна. Как громом пораженный, Полонски вглядывается в карту:

— Не может быть. Не может быть. Не может быть.

— Я отказываюсь верить, — настаивает отец, — что мой отпрыск способен на убийство. Возможно, разговаривая с вами, он потерял самообладание, а вы превратно истолковали его слова, потому что у вас разыгралось воображение.

— Я адвокат, — отвечает Акико Като, — мне платят не за воображение.

— Если бы я мог встретиться с ним и объяснить…

— Сколько раз вам повторять, господин министр? Он вас убьет.

— Значит, я должен санкционировать его смерть?

— Вы любите свою настоящую семью?

— Что за вопрос?

— Тогда вам должны быть очевидны шаги, которые нужно предпринять для ее защиты.

Отец качает головой:

— Это форменное безумие! — Он приглаживает прическу. — Позвольте спросить вас начистоту…

— Вы же здесь главный, — отвечает Акико Като далеко не тоном подчиненной.

— Как именно наш с вами договор о сохранении секретности влияет на ваши дальнейшие действия?

Акико Като дает жесткий отпор:

— Я возмущена подобным предположением.

— Но признайте…

— Я так возмущена подобным предположением, что удваиваю цену молчания.

Отец сдавленно выкрикивает:

— Не забывайте, кто я, госпожа Като!

— Я помню, кто вы, господин министр. Вы тот, кто может все потерять.

Время пришло. Я встаю во весь рост в двух рядах от отца и этой гадюки, которая им манипулирует.

— Прошу прощения.

Они оборачиваются — виновато, удивленно, встревоженно.

— В чем дело? — шипит Акико Като.

Я перевожу взгляд с нее на отца и обратно. Ни один из них меня не узнает.

— Что за фигня?

Я сглатываю:

— Тут дело простое. Мне известно ваше имя, а некогда вам было известно мое: Эйдзи Миякэ. Да, тот самый Эйдзи Миякэ. Правда. Прошло много лет…

За окном камеры Воормана торчат клыки сосулек. Веки Воормана очень-очень медленно поднимаются. В небе гудят бомбардировщики.

— Доброе утро, доктор. Фигурирует ли Бельгия в ваших сегодняшних заметках?

Надзиратель с электрошокером в руке захлопывает дверь. Полонски притворяется, что не замечает. Под припухшими глазами у него темные круги.

— Плохо спали, доктор?

Полонски с напускным спокойствием открывает саквояж.

— Дурные мысли! — Воорман облизывает губы. — И это ваше медицинское заключение, доктор? Значит, я не сумасшедший, не симулянт, а дьявол? Будете изгонять дьявола?

Полонски пристально смотрит на заключенного:

— Вы полагаете, поможет?

Воорман пожимает плечами:

— Демоны — это всего лишь люди с демоническим воображением.

Доктор садится. Скрипит стул.

— Предположим, вы действительно обладаете… властью…

Воорман улыбается:

— Говорите, доктор, говорите.

— Почему же тогда Бог — в тюрьме, в смирительной рубашке?

Воорман сыто зевает.

— А что делали бы вы, если бы были Богом? Целыми днями играли бы в гольф на Гавайях? Вряд ли. Гольф — это так скучно, особенно если знаешь наверняка, что первым же ударом отправишь мяч прямиком в лунку. Существование тянется так… несущественно.

Полонски уже ничего не записывает.

— Так как же вы проводите время?

— Я ищу развлечение в вас. Вот, к примеру, эта война. Дешевый фарс.

— Я не религиозен, мистер Воорман…

— Поэтому я вас и выбрал.

— …но что же это за бог, который считает войну развлечением?

— Бог, которому скучно. Да. Вам, людям, даровано воображение, чтобы вы придумывали новые способы меня развлечь.

— А вы будете развлекаться в роскоши своей камеры?

Из соседнего квартала слышен треск перестрелки.

— Роскошь, нищета — какая разница, если ты бессмертен? Мне нравятся тюрьмы. Для меня они как шахты, где добывают иронию. К тому же узники забавнее, чем сытая паства. Вы тоже меня развлекаете, добрый доктор. Вам приказано доказать, что я либо мошенник, либо безумец, а вы доказываете мое божественное могущество.

— Ничего подобного я не доказываю.

— Верно, доктор Крепкий Орешек, верно. Но не бойтесь, я несу вам благую весть. Мы с вами поменяемся местами. Пожонглируете временем, силой земного притяжения, волнами и частицами. Просеете шлак человеческих устремлений в поисках крупиц незаурядности. Полюбуетесь, как падают на землю птицы малые[26] и как во имя вас разграбляют континенты. Вот. А я верну

[26] Примечания: 26

Полюбуетесь, как падают на землю птицы малые… — аллюзия на Мф. 10: 29: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего».

вашей жене способность невольно улыбаться и отведаю бренди начальника тюрьмы.

— Вы больной человек, мистер Воорман. Да, фокус с Бельгией меня озадачил, но…

Доктор Полонски цепенеет.

Воорман насвистывает французский гимн.

Смена кадра.

— Как время пролетело, — говорит доктор. — Мне пора.

— Что… — У заключенного перехватывает горло.

Доктор разминает новообретенные мускулы.

— Что вы со мной сделали? — пронзительно кричит заключенный.

— Если вы не способны поддерживать разумную беседу, я ее прекращу.

— Верните меня обратно, чудовище!

— Ничего страшного, вы быстро всему научитесь. — Доктор защелкивает саквояж. — Следите за Балканами. Горячая точка.

Заключенный вопит:

— Охрана! Охрана!

Дверь со скрипом отворяется, и доктор сокрушенно качает головой. Узник бьется в истерике. К нему подступают надзиратели с жужжащими электрошокерами.

— Арестуйте этого самозванца! Я настоящий доктор Полонски! Это исчадье ада, вчера он стер Бельгию с лица земли!

Охранники пропускают через его тело пять тысяч вольт. Заключенный визжит и корчится:

— Остановите этого аспида! Он намерен надругаться над моей женой!

Ноги в кандалах колотят по полу. Тук, тук, тук.

◆

Лучше бы я не трогал угри — теперь физиономия как у жертвы нападения летучего краба. Снаружи стучат и дергают ручку. Я зачесываю назад смазанные гелем волосы и открываю дверь. Это Лао-цзы.

— Вы не торопитесь, Капитан.

Я извиняюсь и решаю, что почти настало время штурмовать «Паноптикум». Вот только выкурю последнюю. Рабочие устанавливают гигантский телеэкран на стену здания по соседству с «Паноптикумом». Официантка с прекрасной шеей закончила работу — на часах без шести минут три — и сменила униформу на лиловый свитер и белые джинсы. Выглядит она круто. Вдова отчитывает ее у автомата с сигаретами, но тут

Ослица взывает о помощи. Вдова бросает мою официантку на полуслове и идет разбираться с внезапным наплывом посетителей. Девушка с прекрасной шеей беспокойно поглядывает на часы. Ее мобильник вибрирует. Она, повернувшись в мою сторону, отвечает на звонок и прикрывает рот ладонью, чтобы никто не слышал разговора. Ее лицо светлеет. Я чувствую укол ревности и вот уже стою у автомата рядом с ней — выбираю сигареты. Подслушивать нехорошо, но кто обвинит меня, если я случайно услышу, о чем она говорит?

— Да-да. Позовите Нао, пожалуйста.

Наоки — парень или Наоко — девушка?

— Я немного задержусь, начинайте без меня.

Начинайте — что?

— Фантастический ливень, правда? — Она делает движения свободной рукой, как будто играет на пианино. — Да, я помню, как добраться.

Куда?

— Комната сто шестьдесят два. Я знаю, что осталось две недели.

До чего? Тут она смотрит на меня и замечает, что я смотрю на нее. Вспоминаю, что должен выбрать сигареты, и начинаю изучать ассортимент. На рекламной картинке женщина, напоминаю-

щая юриста, курит «Салем».

— У тебя разыгралось воображение. Увидимся через двадцать минут. Пока.

Она кладет телефон в карман и, кашлянув, спрашивает:

— Вы все услышали или мне повторить то, что вы пропустили?

О ужас — она обращается ко мне. Я вспыхиваю так жарко, что почти дымлюсь. Смотрю на нее снизу — потому что стою согнувшись, чтобы забрать из автомата свой «Салем». Она не так уж и рассердилась, но напором может поспорить с буровой установкой. Подбираю слова, чтобы растопить лед ее презрения и сохранить лицо.

— Э-э-э… — Это все, что мне приходит в голову.

Ее взгляд безжалостен.

— Э-э? — повторяет она.

Я с трудом сглатываю и касаюсь листьев фикуса в кадке.

— Я все думал, — с запинкой начинаю я, — настоящие они или искусственные. Растения. В смысле.

Ее взгляд — луч смерти.

— Некоторые — настоящие. Некоторые — подделка. Некоторые — просто дерьмо.

Вдова возвращается, чтобы закончить пре-

рванную речь. Я, как таракан, отползаю к своему кофе. Хочется выбежать на улицу и попасть под самосвал, а еще выкурить сигарету, чтобы успокоиться, прежде чем идти узнавать у отцовского адвоката имя и адрес ее клиента. Возвращается Лао-цзы, хлопает себя по заду:

— Ешь больше, сри больше, мечтай меньше, живи дольше. Эй, Капитан, не найдется сигаретки?

Прикуриваю две от одной спички. Девушка с прекрасной шеей наконец-то выбирается из кафе «Юпитер» и газелью перескакивает через лужи, переходя Омэ-кайдо. Зря я честно не признался. Вот так солжешь разок — и доверия к тебе уже не будет. Забудь о ней. Не твоего поля ягода. Она — музыкантша, учится в Токийском университете, а ее бойфренд — дирижер по имени Наоки. Я — безработный и окончил среднюю школу только потому, что учителя прониклись сочувствием к моему бедственному положению. Она из хорошей семьи, в ее спальне — настоящие картины маслом и энциклопедии на компакт-дисках. Ее отец, кинорежиссер, позволяет Наоки оставаться на ночь, поскольку у того есть деньги, талант и безукоризненные зубы. У меня нет семьи, сплю я в капсуле размером с упаковочный ящик в Кита-

Сэндзю[27] вместе со своей гитарой, зубы у меня не шатаются, но и ровными их не назовешь.

— Прелестное создание, — вздыхает Лао-цзы. — Мне бы ваши годы, Капитан…

Сам себе удивляюсь: я все-таки не струсил и не отправился прямиком на вокзал Синдзюку, хотя, переходя Кита-дори, чудом избежал смерти под колесами «скорой помощи». Редкие светофоры на Якусиме стоят просто для красоты, а здесь они — жизнь и смерть. Вчера я вышел из автобуса и сразу заметил, что воздух в Токио пахнет изнанкой кармана. Сегодня я этого больше не замечаю. Наверное, теперь я тоже пахну изнанкой кармана. Поднимаюсь по ступеням «Паноптикума». Здание подпирает небеса. За последние семь лет я так часто представлял себе этот момент, что сейчас просто не верю, что он настал. Но он настал. Вращающаяся дверь медленно ползет по кругу. От охлажденного воздуха волоски на руках встают дыбом — зимой при такой температуре включают отопление. Мраморный пол цвета выбеленной кости. Пальмы в бронзовых вазонах. По отполированному полу идет на костылях од-

[27] Примечания: 27

Кита-Сэндзю — район и железнодорожная станция на северной окраине Токио.

ноногий человек. Пищит резина, клацает металл. Цветы жадно разевают огромные трубчатые венчики, будто готовятся проглотить младенца. Моя левая кроссовка по-дурацки чавкает. Девять соискателей сидят в одинаковых кожаных креслах, ждут своей очереди на собеседование. Все они моего возраста, одинаковые, как клоны. Трутни-клоны. «Что за дурацкое чавканье?» — дружно думают они. Подхожу к лифтам и начинаю разглядывать указатели в поисках таблички «Осуги и Босуги. Юридическая фирма». Сосредоточься на награде. Возможно, уже вечером я позвоню в отцовскую дверь.

— Куда это ты, малец?

Оборачиваюсь.

Из-за стойки на меня уставился охранник. Трутни-клоны устремляют в мою сторону восемнадцать глаз.

— Тебя не научили читать? — Он стучит костяшками пальцев по табличке с надписью: «ПОСЕТИТЕЛИ ОБЯЗАНЫ УВЕДОМИТЬ АДМИНИСТРАТОРА О ПРИХОДЕ».

Я отхожу от лифтов, сконфуженно кланяюсь. Охранник скрещивает руки на груди:

— Ну?

— У меня дело в «Осуги и Босуги», юридической

фирме.

На фуражке охранника вышито: «ПАНОПТИКУМ. СЛУЖБА ОХРАНЫ».

— Высоко летаешь. Тебе назначено?

— Назначено?

— Назначено. Есть такое слово.

Трутни-клоны в восемнадцать ноздрей чуют, что попахивает унижением.

— Я надеялся, э-э, переговорить с госпожой Акико Като.

— А госпожа Като в курсе, какая честь ее ожидает?

— Не совсем, потому что…

— Значит, тебе не назначено.

— Послушайте…

— Нет, это ты послушай. Здесь тебе не супермаркет. Это частное здание, где ведутся дела щекотливого свойства. Тут запросто не проскользнешь. В эти лифты заходят только сотрудники компаний, расположенных в здании, а также те, кому назначена встреча, или те, у кого есть другая веская причина здесь находиться. Понятно?

Трутни-клоны в восемнадцать ушей вслушиваются в мой захолустный акцент.

— А с вашей помощью можно назначить встре-

чу?

Вопрос неправильный. Охранник распаляется еще больше, потому что один из клонов своим хихиканьем подливает масла в огонь.

— Ты не расслышал. Я — охранник. Я не администратор. Мне платят за то, чтобы я отгонял пустозвонов, торговцев и прочий сброд, а не приглашал войти сюда кого попало.

Требуется срочно разруливать ситуацию.

— Я не хотел обидеть вас, я просто…

Слишком поздно разруливать ситуацию.

— Слушай, малец… — Охранник, сняв очки, протирает стекла. — По акценту видно, что ты не местный. Дай-ка я объясню тебе, как работают здесь, в Токио. В общем, ты сейчас линяй, пока я добренький. Назначь встречу со своей госпожой Като. Явись в назначенный день, за пять минут до назначенного времени. Подойди ко мне и представься. Я свяжусь с администратором «Осуги и Босуги» и получу подтверждение того, что тебя ожидают. Тогда, и только тогда я разрешу тебе войти в один из этих лифтов. Понял?

Я делаю глубокий вдох.

Охранник резким хлопком раскрывает газету.

Токийская копоть отпотевает после дождя. Зной набирает силу, выпаривает лужи. Уличный

музыкант поет так фальшиво, что прохожие просто обязаны отнять у него мелочь и разбить гитару о его же голову. Я иду к подлодке станции Синдзюку. Толпы людей сбиваются с шага, оглушенные зноем. Отцовская дверь затерялась в неизвестном квадрате моего токийского путеводителя. Меня сводит с ума крошечный комочек ушной серы, застрявший так глубоко, что не выковыряешь. Ненавижу этот город. Прохожу мимо зала для кэндо[28] — за решеткой окна слышны крики и костоломный треск бамбуковых мечей. На тротуаре стоит пара ботинок — как будто их владелец облачком пара развеялся по ветру. Во мне бурлит разочарование и как-то устало мучает совесть. Я нарушил своего рода неписаный договор. С кем? Автобусы и грузовики закупоривают транспортные артерии, пешеходы просачиваются сквозь щели. Когда-то я увлекался динозаврами, — согласно одной теории, они вымерли оттого, что захлебнулись собственным дерьмом. Когда в Токио пытаешься добраться из пункта «А» в пункт «Б», эта теория уже не кажется нелепой. Ненавижу рекламные плакаты на стенах, жилые капсулы, тоннели, водопроводную

---

[28] Примечания: 28

Кэндо — японское фехтование на бамбуковых мечах.

воду, подлодки, воздух, надписи «ПРОХОДА НЕТ» на каждом углу и «ТОЛЬКО ДЛЯ ЧЛЕНОВ КЛУБА» над каждой дверью. Хочу превратиться в ядерную боеголовку и стереть эту навозную кучу города с лица земли.

2. Бюро находок

Непростое это дело — отпилить голову богу грома ржавой ножовкой, если тебе одиннадцать лет. Ножовка постоянно застревает. Меняю положение и чуть не скатываюсь с плеч бога. Если упасть с такой высоты, сломаешь позвоночник. За стенами святилища, в пурпурных сумерках, распевает черный дрозд. Обхватываю мускулистый торс бога ногами, так же как когда дядя Асфальт катает меня на закорках, и медленно провожу лезвием по деревянному горлу. И еще раз, и еще раз, и еще. Древесина тверда, как камень, но постепенно зазубрина превращается в щель, а щель — в глубокую прорезь. От пота щиплет глаза. Чем быстрее, тем лучше. Лишь бы меня не поймали за этим неотложным делом. За такое сажают в тюрьму, это точно. Лезвие соскальзывает — прямо по большому пальцу. Вытираю глаза футболкой и жду. Вот и боль, нарастает толчок за толчком. Лоскуток кожи розовеет, краснеет; выступает кровь. Слизываю ее — во рту остается

привкус десятииеновой монеты. Справедливая цена. Я расплачиваюсь с богом грома за то, что он сделал с Андзю. Продолжаю пилить. Мне не видно его лица, но, когда я перерезаю ему горло, нас обоих сотрясает дрожь.

◆

Субботе, второму сентября, уже исполнился час от роду. Прошла неделя с моей засады в кафе «Юпитер». На железнодорожной станции Кита-Сэндзю затишье. В щели между жилыми домами напротив висит токийская луна. Цинковая, индустриальная, заезженная. В моей капсуле душно, как внутри боксерской перчатки. Вентилятор перемешивает зной. Я не собираюсь к ней обращаться. Ни за что. Что она о себе возомнила, после стольких лет? Через дорогу — пункт фотопроявки с двумя циферблатами «Фудзифильм»: левый показывает реальное время, а правый — время, когда будут готовы фотографии — на сорок пять минут вперед. В натриевом сиянии моя куцая занавесочка в пол-окна кажется навозно-бурой. Покряхтывают балки, гудят провода. Уж не сам ли дом — причина моей бессонницы? Синдром вредного помещения, как говорит дядя Толсто-

сум. «Падающая звезда» подо мной прячется за ставнями и ждет, когда кончится ночь. За прошлую неделю я выучил ее распорядок: за десять минут до полуночи Бунтаро затаскивает внутрь рекламный щит и выносит мусор; без пяти двенадцать Бунтаро выключает телевизор и моет свою чашку с тарелкой; тут же может примчаться клиент — вернуть кассету; ровно в полночь Бунтаро открывает кассу и подсчитывает выручку. Через три минуты ставни опускаются, он заводит свой мотороллер и уезжает. Таракан пытается выбраться из клеевой ловушки. От новой работы ноют все мышцы. Кошачью миску, наверное, надо выбросить. Я уже все знаю, и нечего ее держать. И лишнее молоко, и две банки высококачественного кошачьего корма. А может, съесть его? Добавить в суп или еще куда-нибудь? Интересно, Кошка умерла сразу или долго лежала на обочине, думая о смерти? Может, какой-нибудь прохожий огрел ее лопатой по голове, чтобы не мучилась? Кошки — такие внепространственные сущности, что вроде бы не должны попадать под машины, но это случается сплошь и рядом. Сплошь и рядом. Зря я решил, что смогу держать ее у себя. Бредовая затея. Бабушка терпеть не может кошек. Жители Якусимы держат сторожевых

собак на цепи. А кошки гуляют сами по себе. Я ничего не знаю о кошачьих туалетах, не знаю, когда нужно пускать кошек в дом, когда выпускать на улицу, какие им нужны прививки. А эта обосновалась у меня, и вот что с ней случилось: проклятие Миякэ снова дало о себе знать. Андзю лазила по деревьям, как кошка. Как летняя пума.

❖

— Ты лезешь очень-очень медленно!

Я кричу в ответ сквозь ранний туман и шелестящую листву:

— Я зацепился!

— Ты просто боишься!

— Нет!

Когда Андзю знает, что права, ее смех — как безумные переливы цитры. Земля далеко внизу. Я боюсь, как бы не обломились гнилые ветки. Андзю ничего не боится, потому что я беру ее долю страха на себя. Она бегло читает дорогу на вершину дерева. Пальцами рук цепляется за шершавую кору, пальцами ног — за гладкую. На прошлой неделе нам исполнилось одиннадцать, но Андзю уже лазает по канату в спортзале быстрее любого мальчишки из нашего класса, а еще

— если захочет — перемножает дроби, читает тексты из программы средней школы и слово в слово пересказывает почти все приключения Зэкса Омеги. Пшеничка говорит, это потому, что в материнской утробе Андзю заграбастала себе бóльшую часть мозговых клеток. Наконец мне удается отцепить футболку, и я лезу за сестрой — со скоростью трехпалого ленивца, страдающего головокружением. Лишь несколько минут спустя я настигаю ее на самой верхней ветке. Медноко-жую, гибкую, как ивовый прут, перемазанную мхом, исцарапанную, в парусиновых штанах, с небрежным узлом волос на затылке. Волны весеннего морского ветра разбиваются о кроны.

— Добро пожаловать на мое дерево, — говорит она.

— Неплохо, — признаю я.

Это больше, чем «неплохо». Я никогда еще не залезал так высоко. Чтобы забраться сюда, мы вскарабкались на самую вершину крутого склона. Вид поражает воображение. Серые крепостные стены гор; зеленая змейка реки в ущелье; висячий мост; мешанина крыш и проводов; порт; склады лесоматериалов; школьное футбольное поле; карьер, где добывают гравий; чайные плантации дядюшки Апельсина; наш

тайный пляж со скалой, выступающей в море; волны, бьющиеся на отмелях вокруг камня-кита; длинный остров Танэгасима[29], откуда запускают спутники; ксилофон облаков; конверт, в который море запечатывает небо. Потерпев неудачу в качестве главного древолаза, я назначаю себя главным картографом.

— Кагосима вон там… — Я боюсь отпустить ветку и взмахнуть рукой, поэтому просто киваю в нужную сторону.

Андзю щурится, смотрит вглубь острова.

— А я вижу, как Пшеничка проветривает футоны.

Я бабушку не вижу. Андзю хочется, чтобы я спросил: «Где?» — поэтому я не издаю ни звука. Посреди острова вздымаются горы. Вершина Мияноуры подпирает небо. Там, в дождливом сумраке, живут горные племена — они отрубают головы заплутавшим туристам и делают из черепов чаши для питья. А еще там есть пруд, где живет настоящий каппа[30], перепончатый, весь покрытый чешуей, — он ловит пловцов, засовывает кулак им в задницы и вытаскивает

---

[29] Примечания: 29

Танэгасима — небольшой остров у южной оконечности Кюсю.

[30] Примечания: 30

Каппа — в японском фольклоре аналог водяного.

сердца, которые потом поедает. Жители Якусимы нанимаются проводниками к туристам, но сами никогда не гуляют по горам. Нащупываю что-то в кармане:

— Хочешь шипучий леденец?

— Спрашиваешь!

Андзю издает пронзительный обезьяний крик, переворачивается и повисает вниз головой прямо передо мной, хихикая над моим испугом. Потревоженные птицы улетают, хлопая крыльями. Она крепко держится ногами за ветку.

— Не надо! — кричу я.

Андзю скалит зубы и машет руками, как крыльями:

— Андзю — летучая мышь!

— Андзю! Не надо!

Она раскачивается:

— Я буду сосссссссать твою кровь!

Заколка выпадает, узел хвоста распускается, волосы свешиваются вниз.

— Эх, последняя заколка! Вот досада.

— Не виси так! Перестань!

— Эйдзи — медуза, Эйдзи — медуза!

Я представляю, как она падает, отскакивая от веток.

— Прекрати!

— А вверх ногами ты еще уродливей. Я вижу твои козюли. Держи пакетик крепче.

— Сначала перевернись обратно!

— Нет. Я первая родилась, и ты должен меня слушаться. Держи пакетик крепче.

Она вытаскивает леденец, снимает фантик и смотрит, как тот улетает прочь в морскую зелень. Глядит на меня, кладет леденец в рот и с ленцой возвращается в нормальное положение.

— Ну ты и зануда!

— Если свалишься, Пшеничка меня убьет.

— Зануда.

Сердце бьется ровнее.

— Что с нами происходит, когда мы умираем? — В этом вся Андзю.

Пока она сохраняет вертикальное положение, мне на это наплевать.

— Откуда мне знать?

— Каждый говорит свое. Пшеничка говорит, что попадаешь в безгрешный мир и гуляешь по садам предков. Скучиииииииииища. Учитель Эндо говорит, что превращаешься в почву. Отец Какимото говорит, что все зависит от того, каким ты был в этой жизни, — вот я превращусь в ангела или единорога, а ты — в червяка или в мухомор.

— А ты сама как думаешь?

— Когда умираешь, тебя сжигают, верно?

— Верно.

— Значит, превращаешься в дым, так?

— Наверное.

— Значит, поднимаешься вверх. — Андзю выпускает ветку и резко протягивает руки к солнцу. — Выше, еще выше, и улетаешь. Я хочу летать.

Усталый канюк[31] лениво парит в восходящем потоке теплого воздуха.

— На самолете?

— Кто же хочет летать на вонючем самолете?

Я сосу шипучий леденец.

— Откуда ты знаешь, что самолеты вонючие?

Андзю разгрызает свой леденец.

— Конечно вонючие. В них столько людей дышат одним и тем же воздухом. Это как в раздевалке у мальчишек в сезон дождей, но в сто раз хуже. Нет, я хочу летать по-настоящему.

— С реактивным ранцем?

— Без всяких реактивных ранцев.

— У Зэкса Омеги реактивный ранец.

Андзю вздыхает по-особенному, недавно выученным вздохом.

---

[31] Примечания: 31

Канюк — хищная птица семейства ястребиных; то же, что и сарыч.

— Без всяких штучек Зэкса Омеги.

— Зэкс Омега открыл в порту новое здание!

— А он туда прилетел на реактивном ранце?

— Нет, — признаю я. — Приехал на такси. А ты не взлетишь, ты слишком тяжелая.

— Небесный замок Лапута[32] летает, хотя он каменный.

— Раз мне нельзя ссылаться на Зэкса Омегу, то и ты молчи про небесный замок Лапута.

— Тогда кондоры. Кондоры весят больше меня. А они летают.

— У кондоров есть крылья. Что-то я не вижу у тебя крыльев.

— Призраки летают без крыльев.

— Призраки мертвые.

Андзю выковыривает из зубов осколки леденца. Когда она в таком настроении, я не могу даже представить, о чем она думает. Тень листвы скрывает сестру, мою близняшку. Местами Андзю очень яркая, а местами — чересчур темная, будто ее и вовсе нет.

◆

[32] Примечания: 32

Небесный замок Лапута… — Отсылка к полнометражному анимэ-фильму режиссера Хаяо Миядзаки, снятому в 1986 г.; идея заимствована из книги Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера», где фигурирует летающий остров Лапута.

Как только я подрочу, то сразу засыпаю. Это нормально? Что-то не слышал, чтобы кто-нибудь в девятнадцать лет мучился от бессонницы. Я не военный преступник, не поэт и не ученый, я даже не страдаю от неразделенной любви. Вот от похоти — да. Вот он я, в городе с пятью миллионами женщин, стремительно приближаюсь к расцвету своих сексуальных сил: обнаженные особы женского пола должны бы пачками приходить ко мне по почте в конвертах, а я одинок, как прокаженный. Подумаем. Кто у нас сегодня в караване любви? Зиззи Хикару в гидрокостюме, как на рекламе пива; мать Юки Тиё в глэм-роковом прикиде; официантка из кафе «Юпитер»; женщина-инсектоид из «Зэкса Омеги и луны красной чумы». Обращусь-ка я к верной Зиззи… Шарю кругом в поисках бумажных салфеток.

Шарю кругом в поисках спичек, чтобы закурить посткоитальную «Майлд севен», но в конце концов прикуриваю от горелки газовой плиты. Годзилла придушен, но спать совсем не хочется. Сегодня Зиззи меня разочаровала. Мы с ней не совпали. Может, теперь она слишком юна для меня? «Фудзифильм» показывает 01:49. Что дальше? Ополоснуться? Поиграть на гитаре? Написать ответ хотя бы на одно из судьбоносных писем,

полученных на этой неделе? На какое? Выберем то, что попроще, — ответ Акико Като на письмо, которое я написал, так и не добившись встречи. Этот листок до сих пор лежит в целлофановом пакете у меня в морозилке, вместе с Другим Письмом. Сперва я положил его на полку, рядом с Андзю, но оно все время насмехалось надо мной. Оно пришло… Когда же это было? Во вторник. Отдавая его мне, Бунтаро прочитал надпись на конверте:

— «Осуги и Босуги, юридическая фирма». Ухлестываешь за адвокатшами? Будь осторожен, парень, не то пришлепнут тебе парочку судебных запретов к больному месту. Хочешь анекдот про адвоката? Чем отличается адвокат от сома? Знаешь? Один — придонный илосос в чешуе, а другой — просто сом.

Говорю ему, что уже слышал этот анекдот, и бегу наверх, в свою капсулу, по лестнице, заставленной штабелями видеокассет. Говорю себе, что готов к отрицательному ответу, однако вовсе не ожидал, что «нет» Акико Като станет таким чувствительным ударом. Я выучил письмо наизусть. Вот самые памятные места: «Разглашение личных сведений клиента равносильно злоупотреблению его доверием, и ни один уважающий

себя юрист не пойдет на подобные действия». Безапелляционное заявление. «Более того, я вынуждена отклонить вашу просьбу о передаче ваших посланий моему клиенту, поскольку он весьма категорично заявил, что получать их не желает». Никаких поводов для сомнений. Для ответа — тоже не много. «Наконец, если начнется судебное разбирательство с целью раскрыть сведения, касающиеся личности вашего отца, содействие вашим поискам на данном этапе представляет собой очевидный конфликт интересов, и я убедительно прошу вас оставить дальнейшие попытки затронуть этот вопрос. Полагаю, настоящее письмо проясняет нашу позицию». Прекрасно. План «А» оказался мертворожденным.

Господин Аояма, заместитель начальника вокзала Уэно, лыс, как заклепка. У него совершенно гитлеровские усики. Сегодня вторник, мой первый рабочий день в бюро находок вокзала Уэно.

— Ты даже не представляешь, как я занят, — говорит он, не отрывая глаз от бумаг. — Но я взял за правило проводить индивидуальное собеседование с каждым новым сотрудником.

Между фразами паузы длиной с милю.

— Кто я, ты знаешь. — Его ручка царапает по

бумаге. — А ты… — Он сверяется с листком. — Эйдзи Миякэ.

Он смотрит на меня, ожидая, что я кивну. Киваю.

— Миякэ. — Он произносит мое имя так, словно это название пищевой добавки. — Раньше работал на апельсиновой плантации, — он перебирает страницы, и я узнаю свой почерк, — на неприметном острове к югу от Кюсю. В деревенском раю.

На стене над Аоямой висят портреты его выдающихся предшественников. Представляю, как каждое утро они спорят, кто из них должен восстать из мертвых, чтобы в очередной раз взять на себя утомительные обязанности руководителя. В кабинете пахнет выгоревшими на солнце картонными папками. Гудит компьютер. Сияют клюшки для гольфа.

— Кто тебя нанял? Госпожа Сасаки?

Киваю. Раздается стук в дверь, и секретарша вносит поднос с чаем.

— Я беседую со стажером, госпожа Маруи! — раздраженно шипит Аояма. — И это значит, что чай с десяти тридцати пяти переносится на десять сорок пять, так?

Госпожа Маруи нервно кланяется, бормочет

извинения и ретируется.

— Подойди вон к тому окну, Миякэ, выгляни и расскажи, что видишь.

Выполняю.

— Мойщика окон, господин Аояма.

К иронии у него иммунитет.

— Под мойщиком окон.

Отель «Терминус» затеняет прибывающие и отходящие поезда. Утренние пассажиры. Носильщики. Праздношатающиеся, потерявшиеся, опоздавшие, встречающие, встречаемые. Подметально-уборочные машины.

— Вокзал Уэно, господин Аояма.

— А скажи мне, Миякэ, что такое вокзал Уэно?

Вопрос сбивает меня с толку.

— Вокзал Уэно, — сурово изрекает Аояма, — исключительный механизм. Один из самых точных хронометров в стране. На всем белом свете. А этот недоступный ни для пожара, ни для воров кабинет — один из его нервных центров. С этого пульта управления я могу получить доступ практически ко всему. Вокзал Уэно — это наша жизнь, Миякэ. Ты служишь ему, он служит тебе. Он обеспечивает твой регулярный карьерный рост. Тебе оказана честь стать крохотным винтиком этого механизма. Я и сам начинал с должности низ-

кой, как у тебя, но пунктуальность, трудолюбие, честность…

Звонит телефон, и я перестаю существовать. Аояма сияет, как многоваттная лампочка. В голосе — радостное возбуждение:

— Да, господин! Какая честь… да… действительно… разумеется… вполне. Превосходное предложение. Осмелюсь добавить… да, конечно. Безусловно… о рекомендательных отзывах? Бесподобно… превосходно… могу ли я предложить… естественно. Перенесено на пятницу? Как это верно… мы все с огромным нетерпением ожидаем результатов аттестации и оценки эффективности нашей работы. Спасибо… да, конечно… Могу ли я… — Аояма вешает трубку и тупо на нее смотрит.

Вежливо хмыкаю. Аояма поднимает взгляд:

— На чем я остановился?

— Винтики и честность.

— Честность… — Но его мысли уже далеко. Он закрывает глаза и потирает переносицу. — Твой испытательный срок — шесть месяцев. В марте тебе представится возможность сдать экзамены для служащих Японской железной дороги. Тебя наняла госпожа Сасаки… Вот уж кто не образец для подражания. Она из тех, кто хочет быть и

женщиной и мужчиной в одном лице. Не ушла с работы даже после замужества. Муж у нее умер — печально, конечно, но люди умирают каждый день, это еще не повод для того, чтобы метить на мужскую должность в качестве компенсации. Итак, Миякэ. Избавься от своего акцента. Слушай дикторов Эн-эйч-кей[33]. Вытряхни мусор из мозгов. В мое время средние школы готовили тигров. Сейчас они выпускают павлинов. Ты свободен.

Я кланяюсь и закрываю за собой дверь, но он уже не смотрит в мою сторону. Рядом с кабинетом никого нет. На столике у стены стоит поднос. Сам себе удивляясь, я поднимаю крышку чайника и плюю в него. Должно быть, стресс.

Бюро находок — неплохое место для работы. Приходится носить унылую форму сотрудника Японской железной дороги, но рабочий день заканчивается в шесть, а по линии Кита-Сэндзю вокзал Уэно находится всего в нескольких станциях от Умэдзимы, откуда до «Падающей звезды» рукой подать. В течение шестимесячного испытательного срока жалованье выплачивают раз в неделю, что меня вполне устраивает. Мне

[33] Примечания: 33

Эн-эйч-кей (NHK, «Ниппон Хосо Кёкай») — японская государственно-общественная телерадиокомпания, аналог британской Би-би-си.

повезло. Работу для меня нашел Бунтаро. В прошлую пятницу я вернулся из «Паноптикума», а он сказал, что слышал, будто здесь открывается вакансия: не заинтересует ли меня это? «Еще бы!» — ответил я и не успел оглянуться, как уже проходил собеседование с госпожой Сасаки. Эта суровая дама — токийская версия моей бабушки — побеседовала со мной полчаса и предложила мне это место. По утрам я составляю описи, наклеиваю ярлыки со сведениями о дате/времени/номере поезда на вещи, собранные кондукторами и уборщиками на конечных станциях, и укладываю находки на соответствующую металлическую полку. Госпожа Сасаки, наша заведующая, у себя в кабинете разбирается с ценными вещами: бумажниками, платежными картами, драгоценностями — все это нужно регистрировать в полиции. Суга учит меня обращаться с тем, что не имеет особой ценности, — такие находки хранят в подсобке.

— Дневной свет сюда не заглядывает, — говорит Суга, — зато по тому, что к нам попадает, легко определить месяц и время года. С ноября по февраль — лыжи и сноуборды. В марте — дипломы. В июне — завал свадебных подарков. В июле — горы купальников. Дожди приносят сотни зонтов.

Работа не самая вдохновляющая, но все лучше, чем носиться по авторемонтной площадке или развозить пиццу, имхо.

После обеда я сижу за стойкой, ожидая тех, кто придет за пропажей, или отвечаю на звонки. В часы пик, разумеется, дел больше всего, но часов с трех пополудни работается ненапряжно. Самый частый посетитель — мои воспоминания.

❖

Листья зеленые до синевы. Мы с Андзю играем в гляделки: пристально смотрим друг другу в глаза, и тот, кто заставит другого улыбнуться и отвести взгляд, выигрывает. Я корчу Андзю рожицы, но ей нипочем. В ее глазах Клеопатры пляшут бронзовые искорки. Она выигрывает. Она выигрывает — как всегда, — приблизив свои широко раскрытые глаза к моим. Потом возвращается на свою ветку и сквозь лист смотрит на солнце. Закрывает солнце растопыренной ладошкой. Крошечная перепонка между большим и указательным пальцем наливается рубиновым цветом. Андзю смотрит на море:

— Начинается прилив.

— Отлив.

— Прилив. Твой камень-кит уже ныряет.

Мои мысли заняты чудесными футбольными подвигами.

— Я раньше действительно верила в то, что ты рассказывал про камень-кит.

Виртуозные финты и точные удары головой.

— Ты нес такую чушь.

— А?

— Про то, что он волшебный.

— Кто волшебный?

— Камень-кит, глухота!

— Я не говорил, что он волшебный.

— Говорил. Ты говорил, что это настоящий кит, которого бог грома[34] превратил в камень, и что однажды, когда мы подрастем, мы поплывем к нему, и, как только мы на него ступим, заклятье исчезнет, и он будет так благодарен, что отвезет нас, куда мы пожелаем, даже к маме и папе. Я так старалась представить себе все это, что иногда видела ясно-ясно, будто в телескоп. Мама надевала жемчужное ожерелье, а папа мыл машину.

— Я никогда ничего такого не говорил.

— Говорил-говорил. В один прекрасный день я к нему поплыву.

---

[34] Примечания: 34

Бог грома — имеется в виду Райдзин (Каминари-сама, Райдэн-сама), бог грома в буддистской и синтоистской религии.

— Так далеко тебе ни за что не доплыть. Девчонки плавают хуже мальчишек.

Андзю лениво пинает меня в голову:

— А я доплыву! Запросто.

— Ага, размечталась. Туда очень далеко.

— Это ты размечтался.

Волны разбиваются о серый китовый бок.

— Может быть, это действительно кит, — говорю я. — Окаменелый.

Андзю фыркает:

— Это просто утес. Он даже не похож на кита. Вот как мы с тобой пойдем на тайный пляж, я доплыву до камня-кита, заберусь на него и буду над тобой смеяться.

Паром на Кагосиму уползает за горизонт.

— Завтра в это время… — начинаю я.

— Да-да, завтра в это время ты будешь в Кагосиме. Встанешь очень рано, чтобы успеть на паром и приехать в тамошнюю школу к десяти утра. Первые две игры проведут команды старшеклассников, а потом ваш матч. Потом вы пойдете ужинать в ресторан при девятиэтажном отеле и будете слушать, как господин Икэда объясняет, почему вы проиграли. А в воскресенье утром вернетесь обратно. Ты мне уже миллион раз говорил, Эйдзи.

— Что ж поделать, если ты завидуешь.

— Завидую? Тому, как одиннадцать вонючих мальчишек гоняют по грязи пустой мешок?

— Раньше футбол тебе нравился.

— Раньше ты прудил на наш футон.

Ох.

— Ты завидуешь, что я еду в Кагосиму, а ты — нет.

Андзю высокомерно молчит.

Дерево поскрипывает. Я не ожидал, что Андзю так быстро потеряет интерес к нашему спору.

— Смотри, — говорит она.

Андзю поднимается во весь рост, расставляет ноги, встает поустойчивей, отпускает руки…

— Прекрати, — говорю я.

Сестра прыгает в пустоту

Из моей груди вырывается крик

Андзю проносится мимо

и со смехом приземляется на ветку внизу, а потом снова ныряет еще ниже — к следующей ветке. Андзю исчезает в листве, но смех ее слышится еще долго.

◆

«Фудзифильм» утверждает, что уже больше

двух часов ночи. Каждая ночь набита минутами, но они сочатся из нее одна за другой. Моя капсула набита Хламом. Если отыскать слово «хлам» в словаре, то обнаружится точное описание моей капсулы над «Падающей звездой». Убогая колония в империи Хлама. Старый телевизор, старенький свалявшийся футон, складной столик, поднос с разрозненной кухонной утварью — спасибо жене Бунтаро, — чашки с грибковыми культурами, ревущий холодильник с хромированными нашлепками. Вентилятор. Стопка журналов «Экран», которую всучил мне Бунтаро. С Якусимы я привез только рюкзак с одеждой, «Дискмен»[35], диски с альбомами Джона Леннона и гитару. В день моего приезда Бунтаро опасливо посмотрел на нее:

— Ты ведь не собираешься эту штуку подключать?

— Нет, — ответил я.

— Так и быть, акустический звук разрешаю, — сказал он. — А если подключишь электричество, вылетишь на улицу. В договоре все прописано.

Я не собираюсь ей отвечать. Ни за что. Она

---

[35] Примечания: 35

«Дискмен» — мини-плеер фирмы «Сони» для компакт-дисков, выпускавшийся с 1984 г., впоследствии переименованный в «Уокмен CD», по аналогии с кассетным плеером.

попытается отговорить меня от поисков отца. Интересно, сколько времени нужно таракану, чтобы умереть? Клеевая ловушка называется «тараканий мотель», на стенках коробочки нарисованы окна, двери и цветы. Предатели-тараканы радостно машут всеми шестью лапками: «Заходите, заходите!» Приманка — пахнущий луком пакетик; в любом токийском супермаркете продаются ловушки с запахом карри, креветок и вяленой говядины. Когда я поселился в капсуле, Таракан поприветствовал меня первым. Даже не потрудился изобразить испуг. Усмехался. И кто же смеется последним? Я! Нет. Он. Я не могу уснуть. По ночам на Якусиме спят. Все равно больше заняться нечем. В Токио по ночам не спят. Панки гоняют по торговым пассажам на скейтах. Хостессы[36] подавляют зевоту и поглядывают на «ролексы» клиентов. Бандиты якудза чинят разборки на опустевших строительных площадках. Школьники помладше меня устраивают турниры по секс-гимнастике в отелях любви. Где-то наверху мой собрат по бессоннице спускает в туалете воду. В стене за моей головой урчит труба.

---

[36] Примечания: 36

Хостесса — женщина, развлекающая посетителей в ночных барах; партнерша в платных танцах.

Прошлая среда, мой второй день в качестве трутня на вокзале Уэно. В обеденный перерыв сижу в туалетной кабинке, сру, покуривая «Салем». Вдруг слышу, как открывается дверь, скрипит молния, струя мочи ударяет по фаянсу писсуара. Потом раздается голос — это Суга, нерд-компьютерщик, чье место я займу в конце недели, когда он вернется в колледж. Очевидно, думает, что он здесь один.

— Извините, вы — Суга? Это из-за вас произошло?

Он говорит не своим обычным голосом, а голосом мультяшного персонажа — такие упражнения наверняка здорово дерут связки.

— Не хочу вспоминать, не хочу вспоминать, не хочу вспоминать. Не заставляйте. Не надо меня заставлять. Не заставите. Забудь! Забудь! Забудь!

Его голос становится обычным — спокойным, гнусавым:

— Я не виноват. Такое со всяким могло случиться. С кем угодно. Не слушай их.

Я влип. Если сейчас выйти из кабинки, то нам обоим будет стыдно до дрожи. Такое ощущение, будто я подслушал, как он во сне выболтал какой-то секрет. А если не выйти, то мало ли, что он еще скажет. Вдруг он расчленил труп у себя в ванной

и по кускам выбросил в мусорку? Если он меня увидит, то решит, что я подслушивал. Громко хмыкаю, спускаю воду и долго-долго натягиваю брюки. Потом выхожу из кабинки, но Суги уже нет. Мою руки и возвращаюсь в офис кружным путем, мимо журнальных киосков. Госпожа Сасаки разбирается с посетителем. Суга сидит в подсобке, обедает; я предлагаю ему «Салем». Он говорит, что не курит. Он еще вчера мне это сказал, а я забыл. Подхожу к зеркалу, притворяясь, будто что-то попало в глаз. Если обращаться с Сугой дружелюбнее, он сообразит, что это я слышал, как его терзают воспоминания.

Суга возвращается за стойку, усаживается на табурет и раскрывает журнал «МастерХакер». У Суги странное телосложение: излишек веса сосредоточен вокруг живота, а задница совсем плоская. Длинные руки болтаются, как у инопланетянина. Он страдает экземой. На коже лица лекарственные препараты справляются с болезнью, но тыльная сторона ладоней шелушится, и даже в жару он носит рубашки с длинным рукавом. В подсобке меня дожидается тележка с вещами, забытыми в послеполуденных поездах.

Суга ухмыляется:

— Ну что, пообщался с господином Аоямой,

заместителем начальника вокзала?

Я киваю. Суга откладывает журнал.

— Ты его не бойся. Он не такой великий человек, каким себя мнит. Имхо, у него крыша едет. А на прошлой неделе госпожа Сасаки говорила, что грядут большие перемены. Ну, меня это не волнует. С понедельника я начинаю интернатуру в Ай-би-эм. А еще через неделю — опять в универ, в аспирантуру. Мне дали отдельный кабинет для работы над диссертацией. Заходи как-нибудь. Императорский универ, девятый этаж. Это рядом с Отяномидзу. Я нарисую, как добраться, а там позвонишь с проходной. Я пишу магистерскую по системному программированию, но, строго между нами и забытыми вещами, все это академическое дерьмо — лишь прикрытие вот для чего. — Он помахивает «МастерХакером». — Я один из пяти лучших хакеров Японии. Мы все знаем друг друга. Обмениваемся информацией. Взламываем системы и оставляем свои метки. Как те, кто рисует граффити. В Японии нет такого компьютера, который я не мог бы взломать, вот. В Пентагоне — ты ведь знаешь, что такое Пентагон, да? мозговой центр американской обороны — есть секретный сайт под названием «Священный Грааль». Защиту для него разрабатывают лучшие

компьютерщики, вот. Если сумеешь взломать «Священный Грааль», значит ты лучше, чем они, и тогда появляются люди в черном и предлагают тебе работу. Вот чем я хочу заняться. В Императорском универе стоят самые скоростные модемы по эту сторону двадцать пятого века. Вот получу доступ к этим малюткам — и сразу в дамки. И тогда, у-у-ух, как рвану я из этой помойки под названием Токио, так пыль столбом полетит. Только вы меня и видели.

Принимаюсь за работу, смотрю, как Суга читает «МастерХакер». Каждый раз, дочитав очередную колонку текста, он вздергивает брови. Интересно, а что для него не помойка? Что осчастливит Сугу? Странно, но, когда я вспоминаю, что буду жить здесь лишь до тех пор, пока не найду отца, Токио мне почти нравится. Такое чувство, будто я прохлаждаюсь на другой планете, выдаю себя за местного жителя. Может, я даже задержусь здесь подольше. Мне нравится показывать проездной сотрудника ЯЖД контролеру у турникета. Нравится, что никто не сует нос в чужие дела. Нравится, что рекламные плакаты меняют раз в неделю — на Якусиме их меняют раз в десять лет. Нравится каждый день ездить на метро от Кита-Сэндзю до Уэно, нравится тот отрезок пути,

когда поезд идет под уклон, ныряет под землю и превращается в подлодку. Нравится смотреть, как мимо на разной скорости проносятся другие подлодки, и можно представить, что едешь в обратную сторону. Нравится ловить взгляды пассажиров в параллельных окнах — будто одновременно вспоминаются две истории. По утрам поезда из Кита-Сэндзю до Уэно набиты битком. Когда поезд меняет скорость, мы, трутни, осоловело раскачиваемся и пошатываемся в унисон. Обычно только влюбленные и близнецы стоят так близко друг к другу. Мне нравится, что в подлодке не нужно ничего решать. Нравится приглушенный лязг и перестук. Токио — это огромный механизм, состоящий из деталей помельче. Трутням известно предназначение лишь их собственных крохотных винтиков. Интересно, каково предназначение Токио? Для чего он? Я уже выучил названия станций между своим жилищем и Уэно. Я знаю, где встать, чтобы сойти как можно ближе к выходу в город. «Никогда не садись в первый вагон, — говорит дядя Асфальт. — Если поезд с чем-нибудь столкнется, его раздавит всмятку. А когда поезд подходит к платформе, будь предельно внимателен, чтобы тебя не столкнули под колеса». Мне нравится

смесь запахов пота, духов, раздавленной еды, копоти, косметики. Нравится вглядываться в отраженные лица так пристально, что можно листать их воспоминания. В подлодках — трутни, а в черепах — воспоминания, и то, что для одного — помойка, для другого — рай.

❖

— Эйдзи!

Андзю, кто же еще. Луна сияет, как летающая тарелка, жилые комнаты полнятся запахом бабушкиной ароматической смеси против комаров.

— Эйдзи! — шепчет Андзю, чтобы не разбудить бабушку, потом забирается на высокий подоконник и обхватывает колени руками.

На татами и выцветших фусума пляшут бамбуковые тени.

— Эйдзи! Ты не спишь?

— Сплю.

— А я на тебя смотрю. Ты — это я, только мальчик. Но ты храпишь.

Она нарочно дразнится, чтобы меня разбудить.

— Не храплю.

— Храпишь, как обожравшийся хряк. Угадай,

где я была.

Дайте мне поспать.

— В выгребной яме.

— На крыше! Туда можно залезть по балконному шесту. Я нашла дорогу. Там так тепло. Если смотреть на Луну долго-долго, то увидишь, как она движется. Я не могла уснуть. Какой-то настырный комар все время меня будил.

— А меня будит настырная сестра. Завтра у меня футбольный матч. Мне нужно выспаться.

— Значит, тебе нужно чего-нибудь съесть, чтобы подкрепиться. Смотри.

Сбоку стоит поднос. Омоти[37], соевый соус, маринованный дайкон[38], арахисовое печенье, чай. Похоже, нам влетит.

— Когда Пшеничка узнает, она…

Андзю корчит рожицу, произносит голосом Пшенички:

— Может, мать и облекла тебя в плоть, барышня, но мозги тебе вправлю я!

Я смеюсь, как всегда.

— Ты ходила на кухню?

— Я сказала призракам, что я — тоже призрак,

---

[37] Примечания: 37

Омоти — лепешки из клейкого риса.

[38] Примечания: 38

Дайкон — японская редька.

и они мне поверили.

Андзю спрыгивает с подоконника и бесшумно приземляется мне в ноги. Я понимаю, что сопротивление бесполезно, поэтому сажусь и вгрызаюсь в хрустящую маринованную редьку. Андзю проскальзывает ко мне под футон и обмакивает омоти в соевый соус.

— Мне снова снилось, что я летаю. Только приходилось махать крыльями изо всех сил, чтобы удержаться в воздухе. Подо мной люди ходили туда-сюда, а еще там был полосатый цирковой шатер, в нем жила мама. Я хотела спикировать на нее, но тут меня разбудил комар.

— Ты только не падай во сне.

Андзю жует.

— Что?

— Если не проснешься, когда снится, что падаешь на землю с высоты, то на самом деле умрешь, прямо в постели.

Андзю продолжает жевать.

— Это кто так говорит?

— Ученые так говорят.

— Чепуха.

— Ученые это доказали!

— Если ты во сне сверзился на землю и от этого умер на самом деле, то как другие узнают, что

тебе снилось?

Пока я это осмысливаю, Андзю молча наслаждается победой. Лягушки то начинают свой концерт, то умолкают, будто миллионы маримб[39]. Где-то далеко спит море. Мы жуем одну омоти за другой. Вдруг Андзю начинает говорить странным голосом — я такого еще не слышал:

— Я больше не вижу ее лица, Эйдзи.

— Чьего лица?

— Маминого. А ты?

— Она болеет. Ее лечат в специальной больнице.

Голос Андзю дрожит.

— А если это неправда? А?

Что это с ней?

— Это правда! — Я будто нож проглотил. — Она такая же, как на фотографиях.

— Фотографии старые.

Вот зачем оно мне сейчас?

Андзю вытирает глаза ночной рубашкой и отводит взгляд. Стискивает зубы. Я прямо слышу, как у нее перехватывает в горле.

— Сегодня после обеда, когда ты был на тренировке, Пшеничка послала меня в магазин

---

[39] Примечания: 39

Маримба — латиноамериканский ударный музыкальный инструмент, разновидность ксилофона.

госпожи Танака за пачкой стирального порошка. Там была госпожа Оки со своей сестрой из Кагосимы. Они стояли в глубине магазина и не сразу меня заметили, поэтому я все слышала.

Нож вонзается мне в кишки.

— Что ты слышала?

— Госпожа Оки сказала: «Эта девчонка Миякэ носа сюда не кажет». Госпожа Танака сказала: «Да разве она посмеет!» А госпожа Оки сказала: «Конечно не посмеет. Бросила двоих детишек на бабушку и дядьев, а сама живет в Токио со своими роскошными ухажерами, роскошными квартирами и роскошными машинами». Потом она увидела меня.

Нож поворачивается.

Андзю сдавленно всхлипывает, ловит ртом воздух.

— И что?

— Ну, она выронила яйца из рук и поскорее вышла.

В лунном свете тонет мотылек. Я вытираю Андзю слезы. Они такие теплые. Она отталкивает меня и упрямо съеживается.

— Послушай… — Я гадаю, что бы такое сказать. — Знаешь, эта госпожа Оки и ее сестра из Кагосимы, да и госпожа Танака вместе с ними, —

настоящие ведьмы. И они пьют свою мочу.

Предлагаю ей ломтик маринованного дайкона, но Андзю качает головой. Лишь бормочет:

— Разбитые яйца. Повсюду.

◆

«Фудзифильм» показывает 02:34. Спать. Спать. Хочется спать. Веки тяжелеееееееют. Ничего подобного. Ну дайте мне поспать. Пожалуйста. Мне завтра на работу. Уже сегодня. Закрываю глаза — и вижу тело, падающее в никуда. Кубарем. Таракан все еще сражается с клеем. У тараканов есть особые органы чувств, благодаря которым они пускаются наутек прежде чем информация об опасности поступает в мозг. И как только ученые это выяснили? Тараканы жрут даже книги, если не попадется ничего посочнее. Кошка бы вышибла из Таракана дух. Кошка. Кошка знает тайну жизни и смерти. В среду вечером прихожу с работы.

— Ну, как дела в конторе, любезный? — спрашивает Бунтаро, потягивая из банки кофе со льдом.

— Неплохо, — отвечаю я.

Бунтаро допивает последние капли.

— А как твои коллеги?

— Я почти ни с кем еще не знаком. Суга, парень, место которого я займу, воображает себя наикрутейшим киберзлодеем. Госпожа Сасаки, моя начальница, особой любви ко мне не питает, но, вообще-то, она хорошая. Господин Аояма, ее начальник, такой надутый тип, что удивительно, как он не попискивает при ходьбе.

Бунтаро закидывает банку в мусорное ведро, и тут появляется посетитель со стопкой видеокассет. Я забираюсь в свою капсулу, падаю на футон и в сотый раз читаю письмо Акико Като. В комнате сгущаются сумерки, и я решаю поиграть на гитаре. На нормальные светильники денег у меня нет, поэтому приходится довольствоваться обшарпанной настольной лампой — мой предшественник оставил ее в шкафу. Внезапно признаюсь себе, что напрасно всю жизнь тешил себя смехотворной надеждой, будто, приехав в Токио, рано или поздно встречу отца. Это достойно жалости. Однако правда не приносит мне никакого освобождения, а наоборот, погружает меня в такое уныние, что играть на гитаре больше не хочется. Складываю футон в подобие кресла, усаживаюсь и включаю телевизор, на прошлой неделе обнаруженный у мусорных баков. Телевизор — полное дерьмо. Зеленый цвет в

нем становится сиреневым, а синий — розовым. Я настроил пять каналов и еще один с помехами. Все передачи — тоже дерьмо. Губернатор Токио заявляет, что в случае землетрясения все негры, латиноамериканцы и корейцы взбесятся и начнут грабить, насиловать и мародерствовать. Переключаю канал. Фермер рассказывает, как свиньи жиреют на своем дерьме. Переключаю канал. Токийские «Гиганты» разгромили хиросимского «Карпа»[40]. Достаю из холодильника упаковку уцененного суси. Переключаю канал. Участникам игрового шоу задают вопросы о мелких подробностях отрывка из фильма, который они только что видели. Краем глаза замечаю крадущуюся тень. Она бросается на меня, и я едва не роняю свой ужин на пол.

— Ой!

Мне под ноги прыгает черная кошка. Зевает во всю свою клыкастую пасть. Кончик хвоста у нее белый. На шее — ошейник в шотландскую клетку.

— Кошка, — бессмысленно бормочу я, пока пульс пытается вернуться к нормальному ритму.

---

[40] Примечания: 40

Токийские «Гиганты» разгромили хиросимского «Карпа». — Имеются в виду «Ёмиури кёдзин» и «Тоё капу», профессиональные бейсбольные команды Японской бейсбольной лиги.

Должно быть, она спрыгнула с карниза на балкон и пролезла сквозь дыру в москитной сетке.

— Вали отсюда!

Кошка не из тех, кого легко смутить. Я резко топаю ногой — обычно это отпугивает животных, но кошку этим не проймешь. Она смотрит на суси и облизывается.

— Послушай, — говорю я, — пойди и поищи домохозяйку, у которой в холодильнике полно остатков ужина.

Кошка не удостаивает меня ответом.

— Ладно, дам тебе блюдечко молока, — говорю я ей. — А потом уходи.

Не успел я наполнить блюдечко, как кошка его опустошает. Наливаю еще.

— Больше не получишь.

Кошка лакает молоко, на этот раз помедленнее, а мне становится интересно, с каких это пор я разговариваю с животными. Она смотрит, как я сдуваю пушинку с остатков суси. В итоге мне достается пачка крекеров, а Кошка уминает свежего тунца, осьминога и тресковую икру.

Когда выходишь из здания вокзала Уэно в парк, к концертному залу и музеям, то, если обогнуть фонтан, попадаешь в густые высокие заросли. Здесь, в палатках, сооруженных из отрезов

небесно-голубой строительной пленки и деревянных шестов, живут бездомные. В палатках получше есть даже двери. Наверное, именно там живет Дама с фотографиями. Во вторник, прямо перед обеденным перерывом она появилась у стойки для приема заявлений. Это был самый жаркий день за всю неделю. Асфальт размяк, как подтаявший шоколад. На ней был плотно повязанный головной платок, длинная юбка непонятной расцветки и разношенные теннисные тапочки. Сорок, пятьдесят, шестьдесят лет — по обветренному лицу с глубоко въевшейся грязью возраст не угадать. Суга с ухмылкой заявил, что у него перерыв, и улизнул в туалет предаваться самобичеванию. Бездомная женщина чем-то напоминала крестьянок с Якусимы, только позаторможенней. Взгляд рассеянный, голос надтреснутый и шипящий.

— Я их потеряла.

— Что вы потеряли?

Она переминается с ноги на ногу:

— Вам их еще не приносили?

Тянусь к стопке бланков для заявлений о пропаже:

— Так что вы потеряли?

Она кидает на меня быстрый взгляд:

— Фотографии.

— Вы потеряли фотографии?

Она достает из кармана луковицу и начинает счищать хрустящую коричневую шелуху. Пальцы темные, в струпьях.

Пробую по-другому:

— Вы потеряли фотографии в поезде или на вокзале?

Она уклончиво говорит:

— Старые-то нашлись…

— Мне бы очень помогло, если бы вы рассказали немного подробнее о…

Она лижет луковицу.

— А вот новых так и нет.

— Это были ценные фотографии?

Она надкусывает луковицу. Луковица хрустит.

Госпожа Сасаки выходит из кабинета и кивает Даме с фотографиями.

— Ну и жара сегодня.

Дама с фотографиями мямлит сквозь луковую жвачку:

— Они мне нужны, чтобы прикрыть часы.

— Боюсь, сегодня у нас нет ваших фотографий. Может быть, завтра найдутся. Попробуйте поис-

кать у пруда Синобадзу[41].

Дама с фотографиями морщит лоб:

— С чего бы им там быть?

Госпожа Сасаки пожимает плечами:

— Как знать? В жару там прохладно.

Она кивает:

— Как знать…

И бредет прочь.

— Она постоянный клиент?

Госпожа Сасаки наводит порядок на письменном столе.

— Мы — пункт в ее расписании. Будь с ней повежливее, это ведь нетрудно. Ты понял, что за фотографии она имела в виду?

— Наверное, какой-нибудь семейный альбом?

— Сначала я тоже восприняла ее слова буквально. — Госпожа Сасаки, как всегда, рассудительна. — Но похоже, она говорит о своих воспоминаниях.

Женщина исчезает в дрожащем мареве зноя. Цикады стрекочут то тише, то громче.

— Мы — это всего лишь наши воспоминания.

❖

[41] Примечания: 41

Синобадзу — пруд в токийском парке Уэно.

Луна сдвигается. Андзю успокаивается, маленькими глоточками пьет чай. Я где-то на границе между сном и бодрствованием. Изо всех сил пытаюсь вспомнить мамино лицо. Вроде бы помню запах ее духов, но точно сказать не могу. Андзю пристраивается мне под бочок. Она все еще думает о маме.

— Последний раз мы с ней виделись в Кагосиме, у дяди Толстосума. Когда в последний раз уезжали с Якусимы.

— В день рождения на тайном пляже. Два года назад?

— Три. Два года назад день рождения был на надувной лодке.

— Она очень неожиданно уехала. Пробыла целую неделю, а потом просто исчезла.

— Хочешь, расскажу секрет?

Я тотчас просыпаюсь:

— Настоящий?

— Я уже не маленькая. Конечно настоящий.

— Тогда давай.

— Пшеничка велела никому не рассказывать, даже тебе.

— О чем?

— О том, почему мама тогда уехала.

— И ты три года молчала? Я думал, она уехала,

потому что заболела.

Андзю зевает, равнодушная к тому, что я думаю или думал.

— Ну, рассказывай.

— В тот день я приболела. Ты ушел на тренировку. Я делала уроки за столом на первом этаже. Мама стала готовить тэмпуру[42].

У Андзю какой-то вялый голос. Уж лучше б она разревелась.

— Она обмакивала в кляр все подряд.

— В каком смысле все подряд?

— Ну, несъедобные вещи. Свои часики, свечку, чайный пакетик, лампочку. Лампочка лопнула в кипящем масле, а мама расхохоталась. Кольцо. Потом она выложила все это на блюдо с зеленью и поставила передо мной.

— И что ты сказала?

— Ничего.

— А она?

— Она сказала, что это игра. Я сказала: «Ты пьяная». Она ответила, что это все из-за Якусимы. Я спросила, почему она не может играть без выпивки. Она спросила, почему мне не нравится, как она готовит. Стала заставлять меня есть,

---

[42] Примечания: 42

Тэмпура — рыба, морепродукты или овощи, жаренные в кляре.

сказала, что я должна быть послушной девочкой. Я сказала: «Такое не едят». А она рассердилась. Помнишь, как иногда мы ее ужасно боялись? Я забыла, как она выглядит, но это хорошо помню.

— А потом что было?

— Пришла тетя Толстосум и увела ее в спальню. Я слышала… — Андзю сглатывает слюну. — Она плакала.

— Мама плакала?

— Тетя Толстосум вернулась и сказала, что если я хоть кому-то проболтаюсь, то придет злой доктор и заберет маму. — Андзю морщит лоб. — Поэтому я вроде как заставила себя об этом забыть. Но не по-настоящему.

Ухает сова.

Мне надо поспать.

Андзю раскачивается, медленно-медленно.

Вдалеке лает собака, потревоженная реальностью или воспоминанием.

— Не уезжай завтра в Кагосиму, Эйдзи.

— Я должен ехать. Я играю в защите.

— Не уезжай.

Я не понимаю:

— Почему?

— Ну, раз ты так, то езжай. Мне плевать.

— Я же всего на два дня…

— Не тебе одному можно поступать по-взрослому! — огрызается Андзю.

— И что это значит?

— Я-то знаю, а ты догадайся.

— Что ты задумала?

— Узнаешь, когда вернешься со своего футбола!

— Скажи!

— Я тебя не слышу. Ты в Кагосиме.

— Скажи!

Мне тревожно.

В голосе Андзю злорадство:

— Вот увидишь. Увидишь.

— А, никому не интересно, что ты там задумала!

— Утром я видела жемчужную змею.

Теперь я уверен, что она врет. Жемчужная змея — это глупая сказка, которую бабушка рассказывает, чтобы нас напугать. Якобы давным-давно, еще до рождения бабушки, в нашем амбаре завелась змея, которая своим появлением возвещает близкую смерть. Мы с Андзю в это больше не верим, только бабушке невдомек. Мне обидно, что Андзю думает, будто меня можно запугать россказнями о жемчужной змее. Мартовская птица-полуночница пытается вспомнить свою

песню. Она то и дело сбивается и начинает заново. Каждую весну я вспоминаю об этой птице, а к сезону дождей снова забываю. Потом мне все же хочется помириться с сестренкой, но она уже спит или притворяется спящей.

◆

Я не замечаю, как стрелки «Фудзифильма» контрабандой протаскивают три часа через границу времени. До рассвета еще часа два. Липкая паутина ночи сплетена на три четверти. На работе я весь день буду как выжатый лимон. Госпожа Сасаки предупредила, что в субботу дел больше, чем в будни, потому что те, кто едет на работу, следят за своими вещами лучше, чем те, кто в выходные отправляется за покупками или с пятницы гуляет всю ночь напролет; кроме того, многие ждут субботы, чтобы прийти за потерянным. Наверное, повсюду будут крутиться репортеры, вынюхивая что-нибудь новенькое про господина Аояму. Бедняга. Внезапно и бесцеремонно, словно пуля в барабанную перепонку, трезззззззззвонит телефон. Буравящий звук вселяет чувство вины и страха. Телефон трезззззззззвонит. Странно. Телефон появился у меня только на прошлой

неделе. Никто не знает моего номера. Телефон трезззззззззвонит. А вдруг это какой-нибудь извращенец забавляется, выбирая номера наугад? Стоит ответить, как этот псих мигом окажется в моем душе[43]. Ни за что. Телефон трезззззззззвонит. Бунтаро? Что-то случилось? Но что? Телефон трезззззззззвонит. Стоп. В «Осуги и Босуги» узнали мой номер — допустим, коллега Акико Като прочитала мое письмо прежде, чем та пустила его в машинку для резки бумаг, и невольно прониклась сочувствием к моему положению. Она связывается с моим отцом, который дожидается, когда уснет его жена, а потом собирается с духом и звонит мне. За закрытыми дверями звучит его напряженный хриплый шепот: «Возьми трубку!» Телефон трезззззззззвонит. Пора решать. Нет. Пусть заткнется. «Возьми трубку!» Я срываюсь с футона, застреваю в складной раме, спотыкаюсь о футляр от гитары и хватаю трубку:

— Алло!

— Гони голод вон — съешь пиццу «Нерон»! — выпевает мужской голос.

— Алло!

---

[43] Примечания: 43

...этот псих мигом окажется в моем душе. — Аллюзия на знаменитую сцену убийства в душе из фильма Альфреда Хичкока «Психо» («Psycho», 1960).

— Гони голод вон — съешь пиццу «Нерон»! — слегка раздраженно повторяет он.

— Да, это я уже слышал.

— Ну, это же не я сочинил такой дурацкий джингл. — Голос масляный, не очень трезвый.

— И не я.

— Послушайте, молодой человек, вы принесли нам в офис флаеры, где написано, что первые двести человек, которые позвонят вам до или после часа пик и пропоют «Гони голод вон — съешь пиццу „Нерон“», бесплатно получат пиццу среднего размера на свой выбор. Что я и сделал. Я хочу, как обычно, «Камикадзе»: корж с моцареллой, банан, перепелиные яйца, гребешки, тройная порция перца чили, чернила осьминога. Перец не режьте. Я его посасываю. Это помогает мне сосредоточиться. Итак, я попал в число первых двух сотен или нет?

— Это шутка?

— Ни в коем случае. Я всю ночь на работе и умираю от голода.

— По-моему, вы ошиблись номером.

— Не может быть. Это пиццерия «Нерон», так ведь?

— Нет.

— Вы уверены?

— Ага.

— Значит, я позвонил кому-то домой в четвертом часу утра?

— Угу.

— Ох, прошу прощения. Извините, пожалуйста. У меня нет слов.

— Не волнуйтесь. У меня все равно бессонница.

— Прошу прощения, я говорил с вами таким пренебрежительным тоном! Я думал, что вы — бестолковый разносчик пиццы.

— Ничего-ничего. Кстати, у вашей пиццы, должно быть, очень странный вкус.

Он горделиво посмеивается. Он старше, чем я думал.

— Мое собственное изобретение. В «Нероне» эту пиццу назвали «Камикадзе» — я однажды слышал, как девушка, что принимает заказы, говорит так повару. Тут весь секрет — в банане. Он склеивает все вкусы воедино. Ну, не стану вас больше задерживать. Еще раз примите мои самые искренние извинения за мой непростительный поступок. У меня нет оправдания. — Он кладет трубку.

❖

Я просыпаюсь в одиночестве. В окне тают летние звезды. На полу лежит небрежно отброшенный футон Андзю. Как обычно. Интересно, она снова забралась на крышу? Приподнимаю москитную сетку:

— Андзю? Андзю!

Ветер раскачивает бамбук, наяривает лягушачий хор. Да ну ее, Андзю. Хочет дуться, пусть дуется. Через пятнадцать минут я уже одет, сыт и шагаю по дороге к бухте Анбо. На плече — спортивная сумка, на голове — новая бейсболка, подарок Андзю, купленный на карманные деньги от дяди Асфальта. Ловлю взглядом паром на Кагосиму, освещенный, как звездолет на стартовой площадке, и от волнения меня пробирает дрожь. Наконец-то этот день настал. Я еду в Кагосиму и отказываюсь чувствовать себя виноватым из-за того, что на одну-единственную ночь покидаю свою глупую завистливую сестренку. Отказываюсь. И не верю в то, что она ночью наговорила о маме. В последнее время Андзю какая-то странная. Метеор царапает темный пурпур неба. Темный пурпур неба затирает царапину метеора. И тут мне в голову приходит грандиозная мысль. Самая замечательная мысль в моей жизни. Я начну тренироваться, тренироваться и трениро-

ваться и стану таким выдающимся футболистом, что в свой двадцатый день рождения буду играть за Японию против Бразилии в финале Кубка мира. На шестидесятой минуте Япония будет проигрывать восемь — ноль, тогда меня вызовут на замену, и я сделаю три хет-трика[44] подряд к концу дополнительного времени. Обо мне заговорят международные пресса и телевидение. Мама будет так гордиться мной, что бросит пить, но самое главное — отец видит меня, узнаёт и едет в аэропорт встречать самолет нашей команды. Конечно, Андзю тоже там, вместе с мамой, и мы воссоединяемся на глазах у всего мира. Как здорово. Как просто. Я весь горю от собственной гениальности и обретенной надежды. Светает. Иду по висячему мосту и вижу высверк на воде. Прыгает лосось.

Ближе к устью речное русло расширяется, а долина становится крутой и узкой. Пшеничка и старики из Анбо называют ее Горловиной. Здесь полно призраков, но мне не страшно. Я и боюсь, и надеюсь, что Андзю меня где-то подстерегает. Между сосен мерещатся лица, которых на самом деле нет. Там, где в сезон дождей дорогу подтап-

[44] Примечания: 44

Хет-трик — три гола, забитых одним и тем же футболистом за одну игру.

ливает, ворота-тори отмечают начало тропинки, змейкой бегущей вверх по холму, к храму бога грома. Пшеничка запрещает там играть, говорит, что, если не считать кедров Дзёмон[45], бог грома — самый древний обитатель Якусимы. Если высказать ему неуважение, то, едва выйдешь в море, он нашлет цунами, чтобы утопить обидчика. Андзю хотела спросить, не случилось ли так с дедушкой, отцом мамы, но я взял с нее слово, что она этого не сделает. Госпожа Оки говорила кому-то из моих одноклассников, что дедушка напился до бесчувствия и утонул в канаве. Так или иначе, жители деревни никогда не беспокоят бога грома по таким мелочам, как экзамены, деньги или свадьбы — с этим они идут в новый храм отца Какимото, что рядом с банком. Но с просьбой о рождении ребенка, за благословлением рыбацкой лодки или с заупокойной молитвой об умерших родственниках они взбираются по ступеням храма бога грома. Всегда в одиночку.

Я смотрю на свои часы с эмблемой Зэкса Омеги. Времени полно. Сегодня в Кагосиме начинается

---

[45] Примечания: 45

Кедры Дзёмон — дзёмонсуги, криптомерия периода Дзёмон (7000–1000 до н. э.) на острове Якусима, главная достопримечательность первобытного леса, внесенного в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО; предположительный возраст — свыше 2000 лет.

мой путь на Кубок мира, а для этого нужна помощь. Поиски отца — большое дело. Для нас с Андзю нет ничего важнее. Тут и думать нечего. Я забрасываю спортивную сумку за покрытый мхом камень и, подстегиваемый своими гениальными мыслями, бегу наверх по скользким от грязи ступеням.

◆

Кладу трубку. Странный тип, чего он так долго извинялся? Может, хоть этот звонок снимет с меня заклятье бессонницы. Может, тело осознает, как оно устало, и наконец-то отключится. Ложусь на спину и пялюсь вверх, делая ходы шахматным конем по плиткам потолка, пока не забываю, на каких уже был. Начинаю снова. После третьей попытки до меня доходит бессмысленность этого занятия. Если мне не удается уснуть, то с таким же успехом можно думать о письме. О Другом Письме. О Большом Письме. Оно пришло — когда же? — в четверг. Вчера. Ну хорошо, позавчера. Я вернулся в «Падающую звезду» совершенно без сил. На девятой платформе, самой дальней от бюро находок, кто-то забыл тридцать шесть шаров для боулинга, а Суга снова проделал свой

фокус с исчезновением, так что мне пришлось перетаскивать их оттуда самому, один за другим. Позже оказалось, что они принадлежат команде, которая ожидала их прибытия на Центральном токийском вокзале. Выясняется, что, когда дело касается потерянного имущества, законы вероятности работают иначе. Госпожа Сасаки однажды обнаружила в тележке человеческий скелет, засунутый в рюкзак. Его забыл в поезде студент-медик, возвращаясь с прощальной вечеринки у профессора. В общем, я, обливаясь потом, прихожу в «Падающую звезду», а Бунтаро сидит на табуретке за конторкой, ложка за ложкой отправляет себе в рот мороженое из зеленого чая и изучает в лупу какой-то листок бумаги.

— Эй, парень, — говорит он, — хочешь посмотреть на моего сына?

Это странно, потому что Бунтаро как-то говорил, что у него нет детей. Он показывает листок с расплывчатым темным пятном. Я недоуменно гляжу на своего домовладельца.

— Чудеса ультразвукового исследования! — с гордостью восклицает он. — В утробе!

Смотрю на живот Бунтаро.

— Очень смешно. — Бунтаро укоризненно глядит на меня. — Мы уже решили, как его назовем.

Вернее, жена решила. Но я согласен. Сказать тебе, какое имя мы выбрали?

— Конечно, — отвечаю я.

— Кодаи. «Ко» — путешествие, «даи» — великий. Великое Путешествие.

— Классное имя, — говорю я (и действительно так думаю).

Бунтаро любуется на Кодаи под разными углами:

— Видишь его носик? А вот ножка. Прелесть, а?

— Прелестней не бывает. А это что за креветка?

— А откуда мы, по-твоему, знаем, что он — это он, а, гений?

— О! Извините.

— Тебе пришло еще одно письмо. Я бы соорудил для тебя персональный почтовый ящик, но не хочу лишать себя удовольствия вскрывать письма жильцов над паром. Вот.

Он вручает мне простой белый конверт. На почтовом штемпеле значится пункт отправления — Миядзаки; из Кагосимы письмо переслал дядя Толстосум. Вскрываю конверт и обнаруживаю три измятых листка. На телеэкране сталкиваются вертолеты и взрываются здания. Брюс Уиллис снимает темные очки и, прищурившись, смотрит

на этот ад. Читаю первую строчку и понимаю, от кого письмо. Запихиваю его в карман куртки и взбираюсь по лестнице — не хочу, чтобы Бунтаро заметил, как я потрясен.

❖

К храму бога грома ведут ступени, затянутые паутиной. Она цепляется за меня, рвется и липнет к лицу. Леденцово-прозрачные пауки. Я спотыкаюсь, пачкаю колени в грязи. Не хочется вспоминать истории о призраках умерших детей, которые обитают на этих ступенях, но то, что не хочется вспоминать, тут же и вспоминаешь. Над головой нависают гигантские папоротники. В расселинах среди корней прячутся речные крабы. Скачет олень, исчезает в зарослях. Думаю о потрясающем воссоединении с отцом после того, как мой потрясающий план воплотится в жизнь, бегу, бегу и вдруг оказываюсь на поляне перед храмом, на самой вершине холма. Отсюда видно все на многие мили кругом. К рассветному небу рывками вздымаются горы. Заря разглаживает море. Мне видны даже иллюминаторы якусимского парома. Взволнованный, приближаюсь к колоколу, оглядываюсь по сторонам, надеясь уви-

деть взрослого и спросить разрешения. Я никогда еще не будил бога. Каждый Новый год Пшеничка водит нас с Андзю в храм на берегу бухты, покупает новые амулеты с нашим знаком зодиака, но это всего лишь увеселительная прогулка, чтобы увидеться с родственниками и соседями и дать им потрепать нас по голове. Здесь же все по-настоящему. Волшебство всерьез. Только я и бог грома в своей замшелой дреме. Хватаю веревку, на которой раскачивается язык колокола…

Первый удар плещет по лесу, распугивая фазанов.

Второй удар сотрясает реактивные истребители в вихревых потоках.

Третий удар навеки захлопывает железные врата.

Интересно, слышен ли звон колокола там, где обиженно прячется Андзю? Вот вернусь завтра и расскажу, что это был я. Она никогда не признается, но моя смелость произведет на нее впечатление. Это похоже на то, о чем она обычно мечтает. Я приближаюсь к храму. Бог грома злобно глядит на меня. Его лицо — ненависть, тайфун и ночной кошмар, сплетенные воедино. Отступать поздно. Он проснулся. Моя монетка со звоном падает в ящик для пожертвований, я

трижды хлопаю в ладоши и закрываю глаза.

— Доброе утро, э-э, бог грома. Меня зовут Эйдзи Миякэ. Мы с Андзю и Пшеничкой живем в доме у начала дороги через долину, за большой фермой Каваками. Но ты, наверное, это знаешь. Я разбудил тебя, чтобы просить помощи. Я хочу стать лучшим футболистом Японии. Это очень-очень важно, поэтому, пожалуйста, не наказывай меня геморроем, как того таксиста.

— А что взамен? — спрашивает тишина.

— Когда я стану знаменитым футболистом, то, э-э, вернусь сюда и построю заново твой храм, и все такое. А пока можешь взять все что угодно из того, что у меня есть. Бери. Даже спрашивать не нужно, просто бери.

Тишина вздыхает:

— Все что угодно?

— Все что угодно.

— Все? Ты уверен?

— Я сказал «все что угодно», значит так оно и есть.

Тишина длится девять дней и девять ночей.

— Будь по-твоему.

Открываю глаза. За плавником самолета тянется золотисто-розовая струя. Голуби кружат молитвенными мельницами. Внизу, в бухте

Анбо, паром на Кагосиму дает гудок; видны подъезжающие машины. Миллионы лесных часов трепещут, мечутся, визжат и завывают, пробуждаясь к жизни. Я срываюсь с места и лечу вниз по скользким от грязи ступеням, где призраки умерших детей растворяются в первых лучах солнца.

◆

Горная клиника Миядзаки
25 августа

Здравствуй, Эйдзи!

С чего же мне начать? Одно письмо у меня получилось раздраженное, другое — жалостливое, третье — остроумное, оно начиналось словами «Привет, я — твоя мать, приятно познакомиться». Потом еще одно начиналось с «Прости меня». Они все скомканы, валяются вокруг мусорной корзины в углу. С меткостью у меня слабовато.

Лето жаркое, правда? Я поняла, что так и будет, когда сезон дождей не настал в положенный срок. (А на Якусиме, наверное, сплошные дожди. Ну, это не новость.) Тебе уже почти двадцать лет. Двадцать. Куда ушли годы? Знаешь, сколько мне исполнится через месяц? Столько, что и сказать стыдно. Я здесь, чтобы подлечить

нервы и справиться с алкоголизмом. Мне очень не хотелось возвращаться на Кюсю, но здесь, в горах, все-таки попрохладнее. Мой лечащий врач посоветовала написать тебе. Сначала я отказывалась, но она меня переупрямила. Нет, это я неправильно выразилась. Я хочу написать тебе, но после стольких лет гораздо легче не писать. Вот только есть одна история, точнее, череда воспоминаний. Врач утверждает, что от боли, которую они мне причиняют, можно избавиться, лишь рассказав о них тебе. Считай, что я пишу все это из эгоизма. В общем, как-то так.

Когда-то я, молодая мать, жила в Токио с двумя малышами — с тобой и с Андзю. За квартиру платил ваш отец, но эта история не о нем и даже не об Андзю. А о нас с тобой. В те дни можно было сказать, что я неплохо устроилась: апартаменты в двух уровнях на девятом этаже в модном квартале, жардиньерки на балконе и очень богатый любовник, которому не нужно стирать рубашки, потому что для этого у него есть жена. Когда я покинула Якусиму, признаюсь, вы с Андзю не входили в мои планы, но жить так, как я жила двадцать лет назад, было лучше, чем гнуть спину на апельсиновых плантациях и перемывать косточки соседям, к чему готовили

меня мать (твоя бабушка) и родичи Синтаро Бабы, которому меня (за моей спиной, как водится) прочили в жены. Он, между прочим, как был грубияном и невежей четверть века назад, так им и остался, и в этом я совершенно уверена.

Писать об этом тяжело.

Я была несчастна. Меня, двадцатитрехлетнюю, называли красавицей. Но единственная компания, на которую может рассчитывать молодая мать, — это такие же молодые мамаши. А они — самый жестокий клан на свете, если ты в него не вписываешься. Когда они выяснили, что я «вторая жена», то решили, что я оказываю дурное влияние, и обратились к администрации дома с требованием меня выселить. Ваш отец был достаточно влиятелен, чтобы воспрепятствовать этому, но никто из них больше не сказал со мною и двух слов. Как ты понимаешь, на Якусиме про вас не знали (пока еще), и я даже думать не могла о том, чтобы вернуться и постоянно сносить любопытные взгляды.

Примерно тогда же твой отец завел себе новую любовницу. Ребенок не добавляет женщине привлекательности. Двойня сокращает сексапильность вдвое. Наш разрыв был отвратителен — поверь мне, подробностей тебе лучше не знать.

(Да я сама не хочу их вспоминать.) Когда я была беременна, он клялся, что обо всем позаботится. Наивный цветок, я не понимала, что он говорил только о деньгах. Как все слабаки, он напускал на себя смущенный вид и полагал, что все его простят. Делом занялись его адвокаты, и я больше никогда его не видела. (И никогда этого не хотела.) Мне было позволено жить в той самой квартире, но не продавать ее — мыльный пузырь экономики раздувался, и цены на недвижимость удваивались каждые полгода. Все произошло вскоре после того, как вам исполнился год.

Я была дурной женщиной. (Я никогда не была хорошей, но, по крайней мере, сейчас я это понимаю.) Некоторые женщины созданы для материнства, словно были матерями еще до того, как ими стали, я же ни в коей мере не была для этого приспособлена. Я и сейчас терпеть не могу маленьких детей. Все деньги, что адвокат вашего отца присылал на ваше содержание, я тратила на нелегальную няню-филиппинку, чтобы иметь возможность уходить из дома. Я часто сидела в кафе и разглядывала прохожих. Моих сверстниц, которые работают в банках, составляют букеты, ходят за покупками. Занимаются повседневными делами, которые я так презирала, пока

не забеременела.

Прошло два года. Я работала в ночном баре, но совершенно разочаровалась в жизни. Я подцепила очередного богатого покровителя, и каждый раз, когда я возвращалась домой, вы с Андзю напоминали мне о том, с чем богатые покровители нас оставляют. (Пеленки, бесконечный плач и бессонные ночи.) Однажды утром мы с тобой остались дома вдвоем: накануне у тебя был жар, поэтому в детский сад няня повела только Андзю. Не в тот, что поблизости, — мафия молодых мамаш грозилась устроить бойкот, если вас туда примут. Вас возили в другой округ. Ты орал как резаный. Может, из-за температуры, может, потому, что Андзю увели. Я всю ночь была на работе, поэтому приняла таблетки, запила их водкой и предоставила тебя самому себе. Потом ты затарабанил ко мне в дверь, — конечно, к тому времени ты уже ходил. Мигрень не давала мне уснуть. Я не выдержала, сорвалась. Наорала на тебя, погнала прочь. Естественно, ты заревел еще громче. Я снова заорала. Тишина. А потом я услышала, как ты сказал это слово. Должно быть, выучил его в детском саду.

— Папочка.

Во мне что-то сломалось.

С абсолютным спокойствием я решила сбросить тебя с балкона.

Новые чернила, новая ручка. Старая отказала на самом драматическом месте. Так вот. С абсолютным спокойствием. Я решила сбросить тебя с балкона. Эти шесть слов объясняют всю нашу дальнейшую жизнь. Нет, они ни в коем случае меня не оправдывают. Я не просто «хотела» сбросить тебя с балкона. Я решила сделать это. На самом деле. Мне очень тяжело это писать.

Вот как все произошло. Я резко распахнула дверь спальни — она открывалась наружу, — и ты заскользил по натертому паркету к лестнице, сорвался с верхней ступеньки и исчез. Я оцепенела… и не смогла бы остановить твое падение, даже если бы была сверхчеловеком. Ты падал без крика. Я слышала. Представь, как сбрасывают с лестницы мешок с книгами. Ты упал с таким же звуком. Я ждала, когда ты закричишь. Все ждала и ждала. Время вдруг помчалось с утроенной скоростью, догоняя само себя. Ты лежал внизу, из уха у тебя текла кровь. Эта картина до сих пор у меня перед глазами. (И появляется всякий раз, когда я спускаюсь по лестнице.) У меня началась истерика. Я что-то бубнила, а врачи из «скорой помощи» на меня кричали. А знаешь, что я уви-

дела, когда положила трубку? Ты сидел на полу и облизывал окровавленные пальцы.

Врач из «скорой» объяснил, что иногда дети обмякают, как тряпичные куклы. Это и спасло тебя от серьезных травм. Врач сказал, что тебе повезло, но он имел в виду, что повезло мне. От меня несло водкой, что сильно подпортило впечатление от моего рассказа о том, как ты перелез через ограждение у лестницы. На самом деле повезло всем нам. Я знаю, что собиралась тебя убить и что чудом избежала пожизненного заключения. Даже не верится, что наконец-то я это пишу. Три дня спустя я выплатила няне месячное жалованье и сказала, что увожу вас к бабушке погостить. Я была не в состоянии воспитывать вас с Андзю. Психически невменяема. Остальное ты знаешь.

Я пишу это не для того, чтобы ты меня пожалел или простил. Этот рассказ не о том. Но даже теперь воспоминания лишают меня сна, и облегчить их тяжесть я смогу, лишь поделившись ими с тобой. Я хочу выздороветь. То есть…

…как ты, наверное, понял, бумага смята, потому что я скомкала письмо и бросила в корзину. Не целясь. И что же? Оно попало прямо внутрь,

даже не задев за край. Кто знает? Возможно, это тот самый случай, когда суеверное чувство себя оправдывает. Пойду-ка я суну письмо под дверь доктору Судзуки, пока снова не передумала. Если захочешь позвонить мне, звони по номеру на бланке письма. Как тебе будет угодно. Жаль, что…

Время на «Фудзифильме» приближается к четырем. Как реагировать на новость о том, что тебя хотела убить родная мать? После трех лет молчания. Я привык к тому, что матери нет рядом, что она где-то там, но не слишком близко. Так не чувствуешь боли. Если что-то сдвинется, то, боюсь, все начнется сначала. Все, что приходит мне в голову, — это «Ничего не делать». Если это отговорка, то я готов поставить штамп «Отговорка» на своем официальном заявлении. Я не могу смириться с тем, что отца «нигде нет», а вот то, что мать «где-то там», меня вполне устраивает. Я-то знаю, что имею в виду, даже если не могу выразить это словами. Таракан все еще трепыхается. Надо бы на него взглянуть. Подползаю к холодильнику. Сегодня очень высокая влажность. Беру в руки тараканий мотель. Он весь трясется. Таракан в панике. Мне не терпится выпустить его на свободу и в то же время хочется, чтобы он немедленно издох. Заставляю себя заглянуть

внутрь. Бешено крутятся усики, яростно трепещут крылышки! Все это так отвратительно, что я роняю коробочку. Она падает, мотель переворачивается на крышу. Теперь Таракан подыхает вверх ногами — бедный блестящий ублюдок, — но прикасаться к мотелю противно. Ищу, чем его перевернуть. Копаюсь в мусорном ведре — с опаской, вдруг там сидит Тараканий Братец, — и нахожу смятую упаковку из-под Кошкиных галет. В четверг я прочел письмо, отложил его в сторону и долго-долго ничего не делал. Потом все-таки решаю перечитать его еще раз, но тут ко мне на колени прыгает Кошка, демонстрирует свое плечо. Запекшаяся кровь, голая кожа — выдран клок шерсти.

— Ты подралась?

Я тут же забываю о письме. Не знаю, как оказывают первую помощь, тем более кошкам, но, наверное, рану нужно продезинфицировать. Конечно же, у меня нет ничего похожего на антисептик, поэтому я спускаюсь вниз и спрашиваю у Бунтаро.

Бунтаро останавливает кассету — корма «Титаника» под водой, нос корабля задран в воздух, люди кубарем катятся по длиннющей палубе, — вынимает сигарету из пачки «Кастера»

и закуривает, не предлагая мне.

— Молчи. Получив еще одно письмо от загадочной адвокатши, в котором говорится, что все кончено, наш герой так огорчен, что решает вспороть себе живот, но у него есть только маникюрные ножницы, поэтому…

— У меня там искалеченная кошка.

Бунтаро хмурится:

— Что-что, парень?

— Искалеченная кошка.

— Ты держишь в моей квартире животных?

— Нет. Она приходит, только когда проголодается.

— Или когда ей нужна медицинская помощь?

— У нее просто царапина. Нужно смазать чем-нибудь дезинфицирующим.

— Эйдзи Миякэ — ветеринар.

— Бунтаро, ну пожалуйста.

Он ворчит, роется под кассой, вываливает под ноги кучу всякого хлама, достает пыльную красную аптечку и протягивает мне:

— Смотри мне, не изгваздай татами кровью.

«Вот же ж паразит! Скряга! Небось с каждого жильца требует деньги на новые татами, а на самом деле не менял их с шестьдесят девятого года…» Нет, не этими словами я отвечаю своему

домовладельцу и благодетелю, нашедшему мне работу. Я смиренно качаю головой:

— Кровь уже не течет. Там только ранка, которую нужно обработать.

— Как эта кошка выглядит? Может, моя жена знает ее хозяина.

— Черная, лапы и хвост белые, клетчатый ошейник с серебряной пряжкой.

— Ни адреса хозяина, ни имени?

Я мотаю головой:

— Спасибо.

Беру аптечку и направляюсь к лестнице.

— Не очень-то к ней привязывайся, — кричит Бунтаро мне вслед. — Помни заповедь договора: «Не заводи в доме своем никакого зверья, кроме кактусов».

Оборачиваюсь, смотрю на него сверху вниз:

— Какого еще договора?

Бунтаро зловеще усмехается и пальцем постукивает по лбу.

Закрываю дверь капсулы и принимаюсь за Кошку. Настойка гамамелиса наверняка жжется — помню, как жгло нам с Андзю, когда Пшеничка смазывала наши царапины, — но Кошка даже не вздрагивает.

— Девочкам не пристало ввязываться в дра-

ки, — говорю я ей.

Выбрасываю ватку и возвращаю аптечку Бунтаро. Кошка устраивается поудобнее на моем юката[46]. Странно. Кошка доверяется моим заботам. Моим, а не чьим-то еще.

Над стойкой для заявлений появляется голова. Она принадлежит долговязой девчонке лет одиннадцати, с красными бантами в волосах и в спортивном костюме с изображениями Микки и Дональда. У нее огромные глаза.

— Добрый день, — говорит она. — Я шла по указателям. Это бюро находок?

— Да, — отвечаю я. — Ты что-нибудь потеряла?

— Мамочку, — говорит она. — Она все время куда-то уходит без моего разрешения.

Я цокаю языком:

— Как я тебя понимаю.

Что делать? Суга ничего не говорил о потерявшихся детях; а сейчас он ушел за тележкой в дальнее крыло вокзала. Госпожа Сасаки на обеде. Где-то бьется в истерике мамаша, представляя себе колеса поезда и похитителей, промышляющих донорскими органами. Я в растерянности.

---

[46] Примечания: 46

Юката — повседневное хлопчатобумажное или льняное летнее кимоно, домашняя одежда.

— Садись на стойку, — говорю я девочке.

Она взбирается наверх. Так. Что дальше?

— А вы спросите, как меня зовут? — спрашивает девочка.

— Конечно спрошу. Как тебя зовут?

— Юки Тиё. А вы вызовете мамочку по большому громкоговорителю?

— Конечно-конечно.

Иду в кабинет. Госпожа Сасаки упоминала о системе экстренного оповещения, но Суга никогда не показывал, как ею пользоваться. Повернуть этот ключ, щелкнуть этим выключателем. Надеюсь, все правильно. Под надписью «Говорите» зажигается зеленый огонек. Я откашливаюсь и наклоняюсь к микрофону. Над Уэно разносится звук моего кашля. Когда Юки Тиё слышит свое имя, она чуть не лопается от гордости.

Я горю от смущения. Юки Тиё изучает меня взглядом.

— Ну что, Юки. Сколько тебе лет?

— Десять. Но мамочка запрещает мне разговаривать с незнакомцами.

— Но ты со мной уже говорила.

— Потому что мне нужно было, чтобы вы позвали мамочку.

— Неблагодарный ребенок.

Слышу шаги Аоямы, затем вижу его самого. Его ботинки, его ключи.

— Ты! Миякэ!

Очевидно, я влип по уши.

— Добрый день…

— Не надо мне никаких «добрых дней»! С каких это пор ты уполномочен делать сообщения по громкой связи?

В горле сухо.

— Я не думал, что…

— А если бы к Уэно мчался поезд с оборванным тормозным тросом? — Глаза в пене. — А если бы пришлось делать объявление об эвакуации? — Вены на лбу набухают. — А если бы обнаружили бомбу? — Он меня уволит? — А ты, ты занимаешь громкую связь лишь для того, чтобы попросить мать какой-то потерявшейся девчонки пройти в бюро находок на втором этаже! — Он замолкает, чтобы набрать в грудь воздуха. — Ты, ты превращаешь порядок в подростковый бардак!

— Тра-ля-ля! — К стойке мягко подходит женщина в леопардовой шкуре.

— Мамочка! — Юки Тиё машет рукой.

— Солнышко, ты же знаешь, что мама расстраивается, когда ты теряешься. У этого милого юноши из-за тебя неприятности?

Она локтем отодвигает Аояму в сторону и водружает на стойку фирменные пакеты с покупками. Улыбка у нее лукавая и дерзкая.

— Прошу прощения, молодой человек. Ну что тут скажешь? Юки забавляется этой игрой всякий раз, как мы идем по магазинам, правда, солнышко? Мой супруг утверждает, что с возрастом это пройдет. Мне где-нибудь расписаться?

— Нет, госпожа.

Аояма молча пышет гневом.

— Позвольте мне чем-нибудь отблагодарить вас.

— Правда, госпожа, ничего не нужно.

— Вы просто душка. — Она поворачивается к Аояме. — О! А вот как раз и носильщик!

Я подавляю смешок на секунду позже, чем надо. Аояма излучает прямо-таки ядерное бешенство.

— Нет, госпожа, я заместитель начальника вокзала.

— О! В этом наряде вы похожи на носильщика. Пойдем, Юки.

Мать уводит Юки, но девочка оборачивается ко мне:

— Извините, что вас из-за меня отчитали.

Аояма слишком разъярен, чтобы отчитывать меня дальше.

— Ты, Миякэ, ты… я тебе это припомню. Рапорт о твоем произволе сегодня же будет направлен в дисциплинарную комиссию!

Он стремительно удаляется. Не пора ли мне считать себя безработным? Из подсобки выходит Суга:

— У тебя просто талант раздражать людей, Миякэ.

— Ты все это время там отсиживался?

— Ну ты же контролировал ситуацию.

Мне хочется его убить, поэтому я умолкаю.

❖

Я плыву на пароме! Мы с Андзю так часто смотрели, как он плывет, а сейчас я сам плыву на нем! Палуба раскачивается; ветер такой сильный, что на него можно опереться. Якусима, огромная страна, где я живу, медленно, но верно уменьшается. Господин Икэда разглядывает берег в армейский бинокль. Над кораблем парят морские птицы. Старшеклассники спорят, что будет, если паром начнет тонуть и придется драться за места в спасательных шлюпках. Кто-то смотрит телевизор, кого-то гонят оттуда, куда вход воспрещен. Кого-то тошнит в туалете. Рокочет двигатель.

Вдыхаю его выхлопы. Смотрю, как корпус корабля взрезает волны и они разлетаются брызгами. Если бы я уже не решил стать звездой футбола, я стал бы моряком. Ищу взглядом храм бога грома, но он скрыт утренней дымкой. Жаль, что Андзю не со мной. Интересно, что она будет сегодня делать? Пытаюсь вспомнить, когда в последний раз мы провели день врозь. Забираюсь в прошлое все дальше и дальше, но такого дня никогда не было. Якусима стала размером с амбар. Появляются и исчезают за кормой другие острова. Якусима помещается в кольце из большого и указательного пальца. У меня шатается зуб. Господин Икэда стоит на палубе рядом со мной.

— Сакурадзима! — кричит он мне сквозь ветер и шум двигателя, указывая вперед.

Вулкан вырастает из моря и заполняет собой треть неба. Еще одну треть застилают аккуратные, плотные клубы дыма, извергающиеся из надорванного кратера.

— Чувствуешь пепел на языке? — кричит господин Икэда. — А вон там — Кагосима!

Как, уже? Наше путешествие должно длиться три часа. Сверяюсь со своими часами «Зэкс Омега» и обнаруживаю, что действительно прошло почти три часа. Вот и Кагосима. Какая огромная!

Вся Анбо, наша деревня, могла бы уместиться между двумя причалами этого порта. Огромные здания, гигантские краны, громадные сухогрузы, на их бортах написаны названия таких мест, о которых я никогда не слыхал. Наверное, когда я был здесь в прошлый раз, мне отключили память. Или, может, это было ночью? Вот откуда начинается мир. Будет что рассказать Андзю. То-то она удивится. Еще как удивится.

◆

Если верить «Фудзифильму», четыре часа проскользнули мимо пятнадцать минут назад. Теперь можно надеяться в лучшем случае на пару часов сна, так что на работе я буду трупом. Незахороненным. Вчера Суга работал последний день, и сегодня после обеда я останусь в бюро находок один-одинешенек. Перед глазами — падающее тело. Таракан затих. Убежал? Вынашивает планы мести? Или уснул и видит сны: соблазнительные ляжки тараканих, преющие груды мусора? Говорят, что на каждого видимого таракана приходится девяносто его сородичей, недоступных взгляду. Под половицами, в щелях, за шкафами. Под футонами. «Бедная мамочка, — (она надеется,

что я так думаю), — бросила нас на дядюшек, когда нам было по три года, но что было, то быльем поросло. Сегодня же ей позвоню». Ни за что! Даже не думай! По-моему, Токио начинает шевелиться. Чешется шея. Чешу ее. Чешется спина. Чешу ее. Чешется в паху. Чешу в паху. Как только Токио проснется, все надежды на сон пойдут прахом. Вентилятор перемешивает зной. Как она посмела написать мне такое письмо? Я лег в постель таким усталым. В чем же дело?

— Последняя пятница, — говорит Суга. — Полный улет. Завтра — свобода. Имхо, тебе надо поступить в колледж, Миякэ. Это круче, чем просто жить, зарабатывая на жизнь.

На самом деле я его не слушаю — накануне вечером я узнал, что, когда мне было три года, мать решила сбросить меня с девятого этажа, — но, в очередной раз услышав это слово, не выдерживаю:

— Что за слово ты все время повторяешь?

Суга изображает недоумение:

— Какое слово?

— «Имхо».

— О, прости, — извиняется Суга, но по его тону этого не скажешь. — Совсем забыл.

— Забыл?

— Большинство моих друзей — компьютерщики. Хакеры. И у нас — свой язык, вот. «Имхо» — это сокращение английской фразы «in my humble opinion», то есть «по моему скромному мнению». Что-то вроде «я думаю, что…». Классное словечко, правда?

Звонит телефон. Суга смотрит — я снимаю трубку.

— Довольны собой, Миякэ? — В знакомом голосе кипит злоба.

— Господин Аояма?

— Ты работаешь на них?!

— Вы имеете в виду — на вокзал Уэно?

— Не притворяйся! Я знаю, что ты работаешь на консультантов!

— На каких консультантов?

— Говорю же, брось придуриваться! Я тебя насквозь вижу. Ты приходил в мой кабинет. Шпионил. Вынюхивал. Высматривал. Я понял, какую игру ты ведешь. А потом, позавчера, эта твоя провокация. Ее задумали, чтобы выманить меня из кабинета и скопировать мои файлы. Все сходится. Да-да. И не смей ничего отрицать! Даже не пытайся!

— Господин Аояма, уверяю вас, здесь какая-то ошибка…

— Ошибка? — выкрикивает Аояма. — Да, ты прав! Это самая большая ошибка в твоей лицемерной жизни! Я служил на вокзале Уэно еще до твоего рождения! У меня есть друзья в Министерстве транспорта! Я окончил престижный университет!

Трудно поверить, что можно кричать еще громче, но ему это удается.

— Если твои хозяева полагают, что меня можно «реструктурировать» и засадить в какую-нибудь Акиту[47], на конечную станцию с двумя платформами и картонным общежитием, то они глубоко заблуждаются! У меня за спиной годы службы! — Он запинается, пыхтит и выпускает последнюю угрозу: — В Уэно свои стандарты! В Уэно свои системы! Если эти невежественные подонки, ленивые паразиты, твои хозяева, хотят войны, я устрою им войну, а ты, ты… ты погибнешь в перестрелке!

Он бросает трубку. Суга смотрит на меня:

— О чем это он?

Почему я? Почему всегда я?

— Понятия не имею.

❖

[47] Примечания: 47

Акита — префектура на северо-западной оконечности острова Хонсю.

— Как бы это помягче сказать? — Господин Икэда расхаживает взад-вперед, произнося напутственную речь в перерыве между таймами. — Ребятки, вы полное дерьмо. Разгильдяи. Недочеловеки. Даже не млекопитающие. Стыд и позор. Вы не стоите топлива, затраченного на вашу перевозку. Сборище близоруких хромых ленивцев. Лишь благодаря чуду противник не вкатил нам девять голов, и имя этому чуду — Мицуи.

Мицуи жует жвачку, наслаждаясь вкусом диктаторского расположения. Он талантливый и напористый вратарь. По счастью, ему не хватает воображения, чтобы с тем же напором издеваться над сверстниками послабее. Отец Мицуи — печально известный всей Якусиме горький пьяница, так что наш вратарь с раннего возраста привык следить за траекторией полета самых разных метательных снарядов.

Икэда продолжает:

— Живи мы в более цивилизованный век, я бы потребовал, чтобы все остальные совершили сэппуку. Тем не менее, если мы проиграем, все вы обреете головы наголо в знак позора. Защитники. Несмотря на героические усилия господина Мицуи, сколько раз противник попал в перекла-

дину? Накамори?

— Три раза.

— А в стойку?

Я посасываю теплый апельсин, поправляю наголенные щитки, наблюдаю за напутственной речью в команде противника — их тренер смеется. Спертый запах мальчишеского пота и футбольной экипировки. После полудня небо затянуло тучами. Вулкан выпускает клубы дыма.

— Миякэ? В стойку?

— Э-э, дважды, — говорю я наугад.

— Э-э, дважды. Э-э, верно. Э-э, Накаяма, середина поля — значит «середина поля», а не «середина штрафной зоны». Атака — значит, что мы «атакуем ворота противника». Сколько раз их вратарю приходилось касаться мяча? Накамура?

— Не очень часто.

Икэда потирает виски:

— На самом деле ни разу! Ни разу! Он устроил себе три — три, по отдельности! — свидания с тремя — с тремя, по отдельности! — девчонками из группы поддержки! Значит, так. Я снимаю матч на видео! Парни, завтра у меня день рождения. Если вы не подарите мне сухую ничью, то до самой смерти будете дрожать, вспоминая мой гнев. Во втором тайме ветер на нашей стороне.

Ваша задача — занять оборону и продержаться до конца. И вот еще что: не допускайте пенальти. Вчера я напоил их тренера, и он похвастался, что игрок, который у них бьет штрафные, никогда не промахивается. Никогда. Кстати, если вдруг у вас ручки-ножки ослабнут, то помните: моя камера все фиксирует. С каждым я буду разбираться по-мужски.

Судья дает свисток, возвещая о начале второго тайма. Тремя секундами позже мы теряем мяч. На мгновение я вспоминаю свой договор с богом. А толку-то? Изо всех сил пытаюсь выглядеть получше перед камерой Икэды — кружу по полю, кричу «пас!», издаю вопли и всячески стараюсь избегать мяча.

— Перехватывай и бей! — вопит Икэда.

Расстановка 4–3—3 сбивается в 10—0–0, и наша штрафная зона превращается в пинбол: пинки, крики, ругань. Я играю на публику, изображая травму, но никто на меня не смотрит. Раз за разом Мицуи, несмотря на трудности, блестяще спасает ворота, отчаянно бросается на мяч, отбивает его в воздухе.

— По местам! — вопит Икэда.

Если бы только я мог стать таким, как Мицуи! Назавтра обо мне бы написали во всех спортив-

ных газетах. Раз за разом противник атакует, но защитники, сгрудившись, отстаивают наши ворота. Бриз усиливается и превращается в ветер. Я совершаю отчаянную попытку принять верхнюю подачу — и мне это удается, — но мяч бьет меня по макушке, едва ее не расплющив, и летит дальше, вглубь нашей половины поля. В какой-то момент мне приходится делать вбрасывание. Судья свистит: неправильное вбрасывание — не знаю почему. Так или иначе, Икэда со мной за это рассчитается. Накатани и Накамура, наши звезды-бомбардиры, получают по желтой карточке за то, что сбили друг друга с ног. Я поворачиваюсь. Мяч ударяет мне в лицо и отскакивает. Угловой.

— Кретины! — вопит Икэда.

Толкаюсь локтями с мальчишкой-мутантом. Он вдвое выше меня, с глазами головореза. Зуб, который просто шатался, вдруг начинает шататься очень сильно. Мицуи нырком отбивает мяч. Один из болельщиков противника швыряет рисовый шарик в Накату, нашего крайнего нападающего, и тот с лета наносит ответный удар. Накама принимает мяч, посылает его вверх, где его подхватывает порывом ветра, и все мы с криками «банзай!» мчимся за ним.

— По местам! — вопит Икэда.

Зуб болтается на ниточке. Противник отступает. Мы бросаемся вперед. Я слышу звуки военного оркестра. Но тут нападающие противника стеной несутся к нашим воротам — мяч у них. Ловушка? Ловушка!

— Жопы! — вопит Икэда.

Я задыхаюсь, но бегу назад, надеясь урвать хоть крупицу удачи после того, как нам забьют гол. Взревев, как истребитель «Зеро»[48], Мицуи выбегает из ворот, чтобы сократить угол. Нападающий противника ударяет по мячу с носка за секунду до столкновения — слышен хруст костей — не в силах затормозить, я перескакиваю через поверженные тела — бутса задевает чей-то череп — по инерции лечу дальше, вытянувшись в прыжке, скольжу по гравию вратарской площадки и рукой останавливаю мяч прямо перед линией ворот.

Воцаряется тишина.

Свисток судьи врывается в уши. Мицуи — красная карточка, мне — желтая, нападающему — носилки и поездка в больницу, нам всем — потоки гнусной брани от Икэды, противнику

---

[48] Примечания: 48

Истребитель «Зеро» — имеется в виду «Мицубиси A6M Зеро», японский легкий палубный истребитель времен Второй мировой войны, самый известный самолет на Тихоокеанском театре военных действий, в последние месяцы войны использовался для атак камикадзе.

— штрафной удар. А у нашей команды нет вратаря. Икэда обрушивает на нас шквал угроз и рычит со своей огненной колесницы:

— Неплохо поработал руками, Миякэ. Становись в ворота.

Мои товарищи по команде подхватывают это предложение на лету. Жертвенный агнец не в силах возразить. Плетусь к вратарской площадке. Колени и бедра ободраны, как наждаком. Противник выстраивается в штрафной зоне. Справа и слева от меня зияет бесконечное пространство. Подающий противника злорадно глядит на меня, наматывая на мизинец крысиный хвостик своих волос. Барабанная дробь мгновений замедляется. Свисток. Мир застывает. А вот и он. Бог грома. Помнишь меня? У нас уговор.

◆

Суга выгружает содержимое своего шкафчика в сумку. Завывают полицейские сирены. Когда это было? Всего лишь вчера. Длинный коридор, в который выходит бюро находок, соединяет оба крыла вокзала Уэно, поэтому в нем всегда многолюдно, но на этот раз там поднимается суматоха, и мы перегибаемся через стойку посмотреть,

в чем дело. Мимо пробегают телевизионщики: ведущий, оператор Эн-эйч-кей, увешанный объективами, ассистент с насаженным на шест микрофоном и парень, толкающий нечто вроде тележки. Это не бригада с местного телевидения, которая обычно снимает «уточек в пруду». Они целеустремленно расчищают себе путь сквозь встречный поток пассажиров.

— Это явно надо разведать, — заявляет Суга. — Держи оборону, Миякэ. Пахнет скандалом.

Он пулей вылетает из кабинета, и тут же звонит телефон.

— Бюро находок? Я звоню узнать насчет парика одного моего друга…

Я тяжело вздыхаю. Париков у нас сотни.

К счастью, это глэм-роковый парик, усыпанный блестками, так что мне удается его отыскать за пять минут, как раз к возвращению Суги.

Суга возбужденно выкладывает новости:

— Аояма свихнулся! Все микросхемы в башке перегорели! Надо же, в мой последний день!

— Аояма? — Я вспоминаю телефонный звонок.

— Сегодня стало известно, что руководители токийского отделения ЯЖД решили перевести его на менее значимую должность, потому что новое высшее начальство объявило о реорганизации

всех крупных токийских вокзалов. Вот только Аояма из когорты неприкосновенных[49]. Эту новость он узнал в присутствии группы младших менеджеров, от консультанта, который лет десять преподавал в Гарвардской бизнес-школе. Получилось что-то вроде семинара «Как объявить о понижении сотрудника в должности».

— Кошмар.

— Кошмар начался потом. Аояма вытаскивает арбалет, вот…

— Арбалет?

— Арбалет. И целится советнику в грудь, вот. Должно быть, предчувствовал, что это случится. Он выгоняет из кабинета всех сотрудников, кроме одного, и грозится, что в противном случае все они станут свидетелями того, как арбалетный болт пронзает сердце. Полная шиза. Потом заставляет оставшегося сотрудника взять моток альпинистской веревки и привязать консультанта к стулу, а после этого тоже выгоняет. И тут же запирает дверь изнутри, пока не появились охранники.

---

[49] Примечания: 49

. *…из когорты неприкосновенных.* — Распространенная в Японии практика пожизненного найма («сосин коё»), применяемая в крупных компаниях и государственных учреждениях, привела к тому, что работодатели не увольняют сотрудников, которые всю жизнь проработали в одной и той же компании.

— И чего он требует?

— Еще никто не знает. Вызвали полицию, поэтому телевизионщики тоже приехали. Подошел директор и попытался разогнать журналистов, но нас все равно покажут в вечерних новостях! Полный улет. Наверное, скоро подъедут отряды спецназа и переговорщики в пуленепробиваемых жилетах. Ничего подобного в Уэно еще не было. Событие государственного масштаба!

❖

Я ныряю влево и понимаю, что мяч уходит вправо. От удара о землю перехватывает дыхание и хрустят кости. Противник ревет. Выплевываю зуб. Он лежит на земле, он больше не часть меня. Белый, с капелькой крови. Зачем вставать? Из-за меня матч проигран, я потерял друзей, футбол, славу, надежду найти отца — все, кроме Андзю. Не нужно было уезжать с Якусимы. Жители острова навсегда запомнят мой позор. Как я теперь вернусь домой? Лежу в грязи посреди вратарской площадки — если я разрыдаюсь прямо здесь, как…

— Вставай, Миякэ! — Накамори, капитан команды.

Поднимаю глаза. Мальчишка с крысиным хвостиком схватился за голову. Противник трусит прочь. Судья указывает на одиннадцатиметровую отметку. Смотрю в наши ворота. Пусто. Где же мяч? И тут я понимаю, что произошло. Мяч пролетел мимо. Бог грома ерошит мне волосы. Спасибо. Спасибище! А не соизволишь ли ты, о мой сверхъестественный покровитель, продлить мою удачу на оставшиеся двадцать пять минут? Пожалуйста! Кладу мяч на землю для удара от ворот.

— Хорошо отбил, — презрительно усмехается болельщик противника.

— По местам! — вопит Икэда. — Давай, давай, давай!

Я пытаюсь поймать взгляд кого-нибудь из наших, но каждый отводит глаза, боясь, что я передам ему пас. Что делать? Ветер усиливается.

«Послушай, — молю я бога грома, — сделай меня таким же великим вратарем, как Мацуи, хотя бы на эту игру, и мое будущее принадлежит тебе. Я знаю, ты только что меня спас. Не оставь меня и теперь. Пожалуйста. Очень тебя прошу».

Отбегаю на несколько шагов назад, делаю три глубоких вдоха, бросаюсь к мячу и… прекрасный, ловкий, сильный, быстрый, как ракета,

божественный удар. Бог грома перехватывает мяч, когда тот взлетает на высоту дома, и с лета посылает через все поле. Мяч парит над нападающими противника. Защитники медленно бегут на свою половину поля, не зная, что бьют по их воротам. Зрители не верят своим глазам. Игроки оглядываются, не понимая, куда делся мяч. Вратарь противника фотографируется с какой-то девчонкой. Мяч падает на землю раньше, чем вратарь соображает, что пора браться за дело. В панике он бросается за линию ворот. Мяч перескакивает через вратаря, и порыв южного ветра швыряет его вниз, прямо в сетку.

◆

Прогулка пешком от станции Кита-Сэндзю до «Падающей звезды» обычно проветривает мне мозги, но сейчас я не могу не думать об Аояме, который заперся в своем кабинете, целясь арбалетной стрелой в чиновника в красных подтяжках и костюме в тонкую полоску. Когда рабочий день закончился, Суга остался на вокзале, а мне хотелось побыстрее убраться. Я даже с ним не попрощался. В «Падающей звезде» Бунтаро, уплетая мороженое с австралийским орехом, не

отрывает взгляда от телевизора.

— Ну ты даешь, Миякэ. Ты у нас просто предвестник катастроф.

— В каком смысле?

— Да ты глянь! В Уэно не случалось ничего подобного, пока ты не начал там работать.

Обмахиваясь бейсболкой, смотрю на экран. Камера крупным планом показывает окна кабинета Аоямы снаружи. Судя по всему, снимают из отеля «Терминус». Жалюзи закрыты. «Вокзал Уэно в осаде».

Полицейский убеждает толпу журналистов:

— О насильственном вторжении и захвате не может быть и речи.

— Внушают ему ложное чувство безопасности, — говорит Бунтаро. — Что за тип этот Аояма? Он что, совсем с катушек слетел? Или любитель работать на публику?

— Не знаю… Он просто несчастен.

А я плюнул ему в чайник.

Устало поднимаюсь по лестнице.

— Ты не будешь смотреть?

— Нет.

— Кстати. Насчет этой твоей кошки.

Я выглядываю вниз:

— Хозяин нашелся?

Бунтаро косится в телевизор.

— Нет, дружище, но, похоже, она отправилась к прародителям. Если только у нее не было близнеца. Утром еду я на своем скутере и вдруг совершенно случайно замечаю у сточной канавы напротив «Лоусонз»[50] знаешь что? Дохлую кошку! Над ней уже мухи жужжат. Черная, белые лапы и хвост, клетчатый ошейник с серебряным колокольчиком, в точности как ты описал. Приехал сюда и, как положено, исполнил свой гражданский долг — позвонил в муниципалитет, но о ней уже кто-то сообщил. В жару на улицах такому не место.

Сегодня самый ужасный день в моей жизни.

— Извини, что принес дурные вести, и вообще…

То есть второй самый ужасный.

— Подумаешь, кошка, — бормочу я.

Захожу в капсулу, сажусь и понимаю, что не хочу ничего, кроме как докурить пачку «Данхилла». Ни малейшего желания смотреть телевизор. По пути я купил лапшу в стаканчике и упаковку мятой клубники, но аппетита нет. Слушаю, как улицу заполняет вечер.

---

[50] Примечания: 50

«Лоусонз» — американская сеть магазинов «шаговой доступности», действующая в Японии с 1974 г.

❖

На следующее утро паром везет нас обратно, но Якусима никак не может обрести свою настоящую величину. День блещет солнцем, и это почему-то усиливает впечатление, что безграничный остров — всего лишь макет. Я высматриваю Андзю на волноломе — и, когда не нахожу, признаюсь себе, что приподнятое настроение подпорчено. Андзю — мастерица дуться, но тридцать шесть часов — это слишком, даже для моей сестры. Расстегиваю молнию спортивной сумки. Внутри поблескивает приз лучшему игроку матча. Ищу взглядом храм бога грома — и на этот раз нахожу. Пассажиры устремляются вниз по деревянным сходням, мои товарищи по команде рассаживаются по машинам. Я машу им рукой. Господин Икэда хлопает меня по плечу и, как это ни удивительно, улыбается:

— Хочешь, подвезу?

— Нет, спасибо, меня встречает сестра.

— Ну ладно. Завтра с утра тренировка. Ты молодец, Миякэ. Повернул всю игру. Три — ноль! Три — ноль! — Икэда сияет при мысли об одержанной победе. — Как мы утерли нос их тренеру, а?! Чтоб не ухмылялся почем зря, кретин! А я успел заснять его огорчение.

Иду из порта вверх по центральной улице, через старый мост, пинаю камешек до самой долины. Камешек мне повинуется, я делаю с ним, что хочу. В рисовых полях отражается солнце. Появляются первые стрекозы. Это начало долгого пути, в конце которого — Кубок мира. Заброшенный дом таращит пустые глазницы. Прохожу мимо ворот-тори, и у меня возникает желание сбегать наверх и поблагодарить бога грома — но сначала я хочу увидеться с Андзю. Висячий мост вздрагивает под ногами. В воде виден косяк крошечных рыбок. Андзю наверняка дома, помогает бабушке готовить обед. Беспокоиться не о чем. Открываю входную дверь:

— Я вернулся!

Топот Андзю…

Нет, это покряхтывает старый дом. По обуви у стены вижу, что бабушки тоже нет. Должно быть, они отправились навестить дядю Асфальта, и мы случайно разминулись у нового здания порта, пока господин Икэда со мной разговаривал. Я залпом выпиваю стакан молока и бросаюсь на диван. На внутренней стороне своих век вижу, как мяч выписывает над вулканом четкую параболическую дугу и влетает под верхнюю перекладину далеких футбольных ворот.

◆

— Миякэ!

Бунтаро, кто же еще.

Я слишком резко поднимаю голову, и шею сводит.

Он молотит по двери капсулы:

— Иди сюда! Скорее!

Кубарем скатываюсь вниз. Вокруг телевизора Бунтаро сгрудились посетители. Вид на окна кабинета Аоямы, высоко над железнодорожным полотном. «Захват заложников на вокзале Уэно. Прямой репортаж с места событий». Снимают камерой ночного видения: освещенные детали — оранжевые, а темные — бурые. Можно не спрашивать, что происходит, потому что обо всем рассказывает комментатор:

— Жалюзи подняты! Окно открывается, и… кто-то… господин Аояма… да, это он. Подтверждаю, что человек, вылезающий из окна, — это господин Аояма… он на карнизе… у него за спиной вспыхивает свет… минуточку… мне сообщают… — Треск радиопомех. — Консультант… не пострадал! Полиция захватила кабинет! Или выбили дверь, или… итак, Аояма, по всей видимости, сдержал свое обещание не… но теперь вопрос в том… Неужели он намерен спрыгнуть?!.

Чье-то лицо в окне… мне сообщают, что это полицейский… пытается отговорить Аояму от… он имеет дело с крайне возбужденным человеком… скажет, что…

Аояма прыгает с карниза.

Аояма уже не жив, но еще не умер.

Тело кувыркается в воздухе, падает. Долго-долго.

❖

Меня будят шаги в коридоре. Открываю глаза. На столе сверкает приз, доказывая, что замечательный вчерашний день мне не приснился. В комнату с обшарпанными деревянными панелями, где мои дядюшки и мама провели детство, льется вечерний свет. Передо мной — бабушка и господин Кирин, один из четырех полицейских Якусимы.

— Я вернулся, — взволнованно говорю я. — Мы выиграли.

Бабушка не обращает внимания на мои слова:

— Андзю куда-нибудь собиралась?

— Нет. Где она?

— Если ты врешь, я, я, я…

Господин Кирин осторожно усаживает бабушку

на диван и обращается ко мне:

— Эйдзи…

Меня мутит.

— Что с Андзю?

— Похоже, Андзю сбежала…

Он чего-то недоговаривает.

— Не может быть! Она бы мне сказала. Не может быть.

Бабушкин голос надломлен:

— Так что же она тебе сказала? Вчера вечером она заявила, что пойдет к дяде Асфальту. А сегодня в обед он позвонил узнать, почему она передумала. Если вы вдвоем замыслили какую-то проказу, мало вам не покажется!

Господин Кирин садится на другой конец дивана:

— Подумай, Эйдзи. У вас есть какое-нибудь тайное место, где она могла бы спрятаться?

Первым делом я думаю о деревьях. Потом с тошнотворной уверенностью вспоминаю про камень-кит. Чтобы сравняться со мной. Купальник… Бегу наверх. Выдвигаю ящик. Моя догадка верна — купальника нет. Вспоминаю свое обещание богу грома. «Можешь взять все что угодно из того, что у меня есть. Бери».

Господин Кирин возникает в дверях спальни.

— В чем дело, Эйдзи-кун?
— Ищите в море, — вырывается у меня.
И мир рушится.

◆

«Фудзифильм» извещает, что почти пять. Встаю, иду отлить. Из зеркала в туалетной кабинке на меня с легким удивлением смотрит трутень. Хочется курить. Пачка «Данхилла» пуста, но одна сигарета все же осталась — закатилась под гладильную доску. Прикуриваю от газовой плитки и выхожу на балкон. Рассвет чертит контуры и заполняет их красками. Токио шумит, далеко и близко. Итак, конец господину Аояме. Его время истекло, вот он и прыгнул. Выплескиваю плесень из кружки, готовлю себе растворимый кофе. Выношу фотографию Андзю на балкон и пью кофе в ее компании. Думаю о письме, что прислала мама, и расклад становится ясным. Сегодня обязательно нужно вымыть посуду. Кидаю взгляд на тараканий мотель — и снова смотрю на него. Таракан сбежал. Остались оторванная лапка и микроскопическая кучка тараканьего дерьма. Складываю в аккуратную стопку выстиранные вещи. Настраиваю гитару и прохожусь по ак-

кордам босановы, но эти знойные переборы не подходят к моему настроению. Что ж, мама. Ты — мой план «Б». Я дам тебе то, чего ты хочешь, скажи только, как найти нашего отца. Почти шесть. Рано, конечно, но в лечебницах встают рано. Так положено. Набираю номер, пока не передумал.

— Доброе утро. Горная клиника Миядзаки слушает.

— Здравствуйте. Пожалуйста, соедините меня с комнатой Марико Миякэ.

— Боюсь, это невозможно.

— Еще рано?

— Уже поздно. Госпожа Миякэ выписалась вчера вечером.

Не может быть.

— Вы уверены?

— Вполне. Она даже прихватила наши полотенца, как сувенир.

— Это ее сын. Мне нужно с ней связаться. Срочно.

— Я понимаю, но если гости решают нас покинуть, то в окрестностях не задерживаются.

— Она оставила адрес, по которому с ней можно связаться?

Она даже не делает вид, что проверяет.

— Нет.

— А вообще, она как?

— Поговорите с ее лечащим врачом.

— Во сколько он начинает работу?

— Она. Но доктор Судзуки не станет обсуждать свою пациентку с кем бы то ни было. Даже с ее сыном.

Ну почему я не позвонил вчера? Почему?

— Вы с ней знакомы?

— С госпожой Миякэ? Конечно. Я штатная медсестра.

— Скажите, а с ней все в порядке?

— Это зависит от того, что вы имеете в виду под «все в порядке».

— Что ж, вы мне очень помогли. Огромное спасибо.

Она резким апперкотом сбивает мою иронию:

— Пожалуйста.

Щелк, б-з-з-з, щелк, ууууууууу…

План «Б» накрылся. Подлодки отправляются в плавание, сна ни в одном глазу, но ехать на работу еще слишком рано. Вот так ночка. Я весь измочален. В час вечернего затишья, после одиннадцати, Бунтаро позвал меня вниз выкурить по сигарете. Мы немного поговорили. Я почти забыл, что он — мой домовладелец-кровопийца.

Вставляю в «Дискмен» «Plastic Ono Band»[51] и укладываюсь на футон, всего на минутку. Гулкие колокола и вокальная перкуссия.

«Plastic Ono Band» заканчивается. В мои сны проникает мягкий шлепающий звук. Сначала я думаю, что подтекает кран, и тут же чувствую, как она устраивается мне под бочок. Открываю глаза.

— Эй, ты же вроде умерла.

Она зевает, равнодушная к тому, что я думаю или думал. Просто рассматривает меня глазами Клеопатры, в которых пляшут бронзовые искорки.

❖

Древесные волокна в шее бога грома разрываются, лопаются, визжат. Я крепко обхватил ее ногами — не думал, что так быстро перепилю. Шея переламывается, ножовка с лязгом падает, я теряю равновесие и соскальзываю между спиной бога и стеной храма. Падаю бесконечно долго. Удар об пол вышибает воздух из груди. Позвоночник цел, но через час я превращусь

---

[51] Примечания: 51

«Plastic Ono Band» — первый сольный студийный альбом Джона Леннона, выпущен в 1970 г.

в ходячий синяк. Голова моего врага катится прочь, деревянная по деревянному полу, потом останавливается на боку и смотрит в мою сторону. Ненависть, жажда мести, злоба, гнев — все туго скручено в одну гримасу. На ноздре алеет пятнышко моей крови. В лесу чересчур тихо. Ни взрослых, ни полицейской машины, ни бабушки. Черный дрозд исчез. Далеко внизу океан бьет пушечными залпами по скалам. Все боги связаны узами родства, и с этого дня они ополчатся против меня. В моей жизни не будет ни капли счастья. Ну и пусть. Я встаю. Поднимаю отпиленную голову, прижимаю к себе, как младенца, и выношу из храма на край утеса. Волны перекатываются через горб камня-кита, брызги разлетаются во все стороны. Раз, два, три — смотрю, как падает отпиленная голова бога грома. Исчезает в белой пене. Теперь я тоже должен исчезнуть.

3. Видеоигры

Краем глаза замечаю, как отца запихивают в фургон без номерных знаков, припаркованный на другой стороне бейсбольной площадки. Я узнал бы отца где угодно. Он колотит по заднему стеклу, но фургон выезжает за ворота и исчезает в клубах токийской гари. Вспрыгиваю на патрульный стратоцикл, снимаю бейсболку и пристраиваю ее на панель управления. Сверкает мятная улыбка Зиззи, и мы срываемся с места. Мимо скользят лавандовые облака. Навожу пистолет на какого-то вертлявого перца-школьника, но на этот раз все именно так, как выглядит. Верх черного, как ночь, «кадиллака» поднимается, и оттуда высовывается лобстер-гангстер*Бах!* Панцирь и клешни разлетаются во все стороны. Даю очередь по заднему стеклу, автомобиль взрывается, вспыхивает разноцветным пламенем. Фургон сворачивает на дорогу в аэропорт. В тоннеле нас подрезает машина «скорой помощи» — врач, размахивая скальпелем, прыгает к нам на ка-

пот, злобно таращит глаза в чумной пене*Бах!* По яйцам! *Бах!* Блевотина на капоте*Бах!* Мутант шатается, но не умирает*Бах!* Подброшенный силой выстрела, он пробивает рекламный щит. *Перезарядка*.

— Ты ас, — проникновенно шепчет Зиззи.

Мы добираемся до аэропорта как раз вовремя, чтобы увидеть, как отца втаскивают в ванильный самолетик «Сессна»[52]. Я не решаюсь стрелять в похитителей с такого расстояния, боюсь промахнуться. Громадный хохмакоптер заслоняет солнце, и оттуда по тросам на землю гроздьями десантируют зомби. Еще в воздухе я десятками превращаю их в месиво, но вязкая каша армии смерти расползается слишком быстро.

— Зэкс, милый, — говорит Зиззи. — Мегаоружие в «Макдональдсе»!

Я активирую золотые арки и выбираю скорострельную базуку двадцать третьего века. В моих руках она с урчанием косит врагов; вскоре взлетно-посадочная полоса усеяна подергивающимися конечностями. Я палю по хохмакоптеру, пока тот не пикирует на цистерны с топливом. Мир озаря-

---

[52] Примечания: 52

«Сессна» — легкомоторный самолет одноименной канзасской компании, основанной в Уичите в 1927 г. авиаконструктором Клайдом Верноном Сессной (1879–1954).

ется ярко-розовыми октановыми взрывами.

— Молодец, Зэкс! А теперь следуй за похитителями твоего отца до их секретной лаборатории!

Взмываем вверх и гонимся за «Сессной»; нажимаю на кнопку джойстика, чтобы пропустить вступление. Мы попадаем в преисподнюю. В клоаке — тишина. Мертвая тишина. И тут откуда ни возьмись — гигагидра; девять голов источают лаймово-зеленую слизь, покачиваясь на девяти извивающихся, как лассо, шеях*Бах!* В капусту. *Перезарядка.* Но из каждого обрубка вырастают две новые головы.

— Зажарь урода! — визжит Зиззи.

Я целюсь в тушу многоголовой твари и привожу в действие огнемет. *Вжуууууууууух!* Тварь скукоживается в хлещущих струях и петлях клубничного пламени. Лилейная Лилит[53] — *Бах!* — только ее и видели. Рой кибершершней — *бахбахбах* — *перезарядка.* Рука немеет от боли. Тоннель сужается. Тупик. Невидимая глазу железная дверь со скрипом распахивается — на пороге силуэт ученого.

— Сынок! Ты нашел меня! Наконец-то!

---

[53] Примечания: 53

Лилейная Лилит — аллюзия на песню Фила Коллинза «Liliwhite Lilith» с альбома «The Lamb Lies Down on Broadway» («Заклание агнца на Бродвее», 1974) рок-группы *Genesis.*

Расслабившись, разминаю затекшую руку.

— Ты успел… — Он срывает накладную бороду, портфель превращается в гранатомет. — К своей смерти!

Из шершавого сумрака ко мне устремляются тучи самонаводящихся ракет с тепловыми головками. *Бахбахбах!* Бóльшая часть ракет не задета, и мне не удается даже прицелиться в самозванца. На экран брызжут алые пиксели крови.

— Зэкс, — умоляет моя сестра, — не покидай меня здесь — вставь монетку, давай еще. Милый, не уходи.

♋

— Милый, — передразнивает голос за спиной, — не уходи!

Откладываю пистолет и оборачиваюсь посмотреть на незваного зрителя, который издевательски аплодирует. Первая мысль: он слишком крут, чтобы торчать в игровом центре. Старше меня, гладко зализанный конский хвост, серьга в ухе. Внешность как у поп-звезды.

— Впервые в преисподней, да? — Его голос выдает уроженца Токио.

Я киваю. Реальный мир постепенно обретает свои очертания.

— Со мной было то же самое, когда я спустился туда в первый раз.

Звуки лазерных выстрелов, вой вампиров, дребезжание монет, непрерывная музыка видеоигр.

— Вот как.

— Ты увидел отца и потерял бдительность. Грязный трюк! В следующий раз пристрели яйцеголового на месте. Придется сделать девять выстрелов.

— Что ж. Извини, что умер и испортил тебе удовольствие.

Он небрежно пожимает плечами:

— Ты приговорен с первой монеты. Платишь, чтобы отсрочить свой конец, но в конечном счете выигрыш остается за видеоигрой.

Окурок моей «Мальборо» подыхает в пепельнице.

— Глубокая мысль.

— На самом деле я ждал свою подружку в бильярдной наверху. Похоже, она играет в игру типа «заставь его ждать, держи на крючке». Вот я и пошел вниз — убедиться, что она не перепутала и не ждет меня снаружи. А тут ты — с головой ушел в «Зэкса Омегу и луну красной чумы»: я не удержался, остановился посмотреть. Ты знаешь, что высовываешь язык, когда напряженно думаешь?

— Нет.

— На самом деле это игра для двоих. Я с ней две недели бодался, пока не сборол.

— Наверное, потратил целое состояние.

— Нет. Дистрибьютор работает на человека, который работает на моего отца.

На это нечего ответить.

— Что ж, надеюсь, твоя подружка скоро появится.

— Лучше бы пришла, стерва. Иначе я с нее шкуру спущу.

Субботний вечер в Сибуя[54] бурлит и истекает потом. Через неделю после бессонной ночи я решил развеяться. Квартал удовольствий пышет таким жаром, что, кажется, вспыхнет, стоит разок чиркнуть спичкой. В прошлом году дядя Толстосум водил меня в свой бар в Кагосиме, но это отстой по сравнению с тем, где я сейчас. Цены тоже не сравнить. В барах — полчища трутней: галстуки оттянуты, воротнички расстегнуты. Трутни женского пола прячут офисную форму в наплечных сумках. Не слишком ли строго я сужу трутней, учитывая, что теперь я — один из них? Но я только притворяюсь, что я один

---

[54] Примечания: 54

Сибуя — токийский район, где сосредоточены ночные заведения.

из них. А может, все так начинают? И господин Аояма тоже. Парочки на свиданиях. Американцы с красотками в лунных очках. У официантки с прекрасной шеей в записной книжке полно телефонов приятелей, таких как мой незваный зритель в игровом центре. Огромная реклама «ПЕЙТЕ КОКА-КОЛУ» каскадами изливает лавовый багрянец и непорочную белизну. Иду, посасывая шипучий леденец. Хостессы заботливо усаживают в такси престарелых президентов компаний, приветливо машут на прощание. В ресторане, залитом янтарным светом, все знакомы друг с другом. На скутере проезжает монгольский богатырь-исполин, по обе стороны от него девицы, наряженные крольчихами, раздают листовки с рекламой нового торгового комплекса. Девушки в целлофановых жилетках, трусиках и колготках сидят в стеклянных кабинках перед клубами, предлагая легкую беседу и купоны на десятипроцентную скидку. Представляю, как кошу эти толпы мегаоружием двадцать третьего века. Иллюминация и лучи лазерных прожекторов окрашивают облака в карамельные цвета. У входа в «Пенный мир Афродиты» зазывала расписывает достоинства девушек на фото, пришпиленных к стенду:

— Номер один — русская, холеная, покладистая. Два — филиппинка, обходительная, превосходно вышколена. Француженка — этим все сказано. Бразильянка — темный шоколад, есть за что укусить. Номер пять — англичанка, белый шоколад. Шесть — немка, любительница сосисок. На этих милашках из Кореи — ни унции лишнего жира. Номер восемь — экзотические черные близняшки, а номер девять — ну, номер девять слишком хороша, чтобы ее лапал простой смертный…

Заметив, как я таращусь на все это, он гогочет:

— Приходи лет через десять, сынок, как поднакопишь деньжат!

Иду мимо магазина электроники и на экране телевизора вижу, как кто-то очень знакомый тоже идет мимо магазина электроники. Он останавливается и с изумлением изучает экран, волнуясь о том, как выглядит в глазах окружающих. Покупаю новую пачку «Мальборо». Проходя мимо красных фонариков какой-то лавки, где продают лапшу, вдыхаю кухонные пары, вспоминаю, что голоден. Пытаюсь рассмотреть, что там, за витриной. Возможно, эта замызганная лавка мне по карману. Раздвигаю дверь и вхожу сквозь нити бусин в проеме. Душная дыра, наполненная кухонным гамом. Заказываю лапшу с поджа-

ренным тофу и зеленым луком и усаживаюсь у окна, наблюдая, как мимо текут толпы прохожих. Приносят лапшу. Угощаю себя стаканом воды со льдом. С двадцатилетием, Эйдзи Миякэ. Сегодня Бунтаро вручил мне богатый урожай поздравительных открыток — по одной от каждой из моих четырех теток. Пятый конверт оказался еще одним посланием из министерства нежеланных писем, продолжающего кампанию под лозунгом «Достать Миякэ». Закуриваю «Мальборо», вынимаю письмо, чтобы снова перечитать его, пытаясь вычислить, шаг ли это вперед, назад или в сторону.

Токио, 8 сентября
Эйдзи Миякэ!

Я жена твоего отца. Его первая, настоящая, единственная жена. Так-то вот. Мой информатор в «Осуги и Босуги» сообщил, что ты пытаешься связаться с моим мужем. Да как ты смеешь? Неужели ты воспитан столь убого, что тебе неведомо слово «стыд»? Так или иначе, я подозревала, что такой день придет. Значит, ты узнал о том, что твой отец занимает влиятельный пост, и рассчитываешь на легкую поживу. «Шантаж» — это скверное слово, придуманное скверными людьми. Но для шантажа необходи-

мы смелость и податливые жертвы. У тебя нет ни того ни другого. По-видимому, ты считаешь себя умником, но в Токио ты — всего лишь алчный деревенский мальчишка, и мозги твои погрязли в навозе. Я твердо намерена защитить своих дочерей и мужа. Мы уже заплатили достаточно, более чем достаточно, за то, что сделала твоя мать. Возможно, это ее совет? Она — пиявка. Ты — чирей. Я хочу, чтобы ты понял элементарную вещь: если ты посмеешь причинить беспокойство моему мужу, показаться на глаза кому-нибудь из нашей семьи или попросить хоть иену, тогда, как и любой гнойный чирей, ты будешь удален.

Допиваю оставшийся от лапши бульон. Дракон, изогнувшись вокруг земли, ловит свой хвост. Ну что ж… В день своего совершеннолетия я получил в подарок страдающую паранойей мачеху, которая любит подчеркивать, и по меньшей мере двух сводных сестер. К несчастью, само по себе письмо ничем не поможет: в нем нет ни подписи, ни адреса. Оно отправлено из северного округа Токио, и если написано там, то круг поиска сужается примерно до трех миллионов человек. Моя мачеха не дура. Ее ненависть ко мне — еще одно препятствие. С другой стороны, чтобы оттолкнуть меня, до меня нужно дотронуться. К тому

же письмо написал не отец, так что в худшем случае он все еще не уверен, стоит ли со мной встречаться. В лучшем же случае это означает, что ему до сих пор неизвестно о моих попытках его отыскать. И в эту самую секунду я понимаю, что на мне нет бейсболки. Это — наихудший из всех возможных подарков. Бейсболку мне подарила Андзю. Начинаю вспоминать — в игровом центре она была еще у меня. Выхожу на улицу и прокладываю дорогу обратно сквозь потоки искателей развлечений.

«Зэкс Омега и луна красной чумы» зазывает новых клиентов, а бейсболка исчезла. Обыскиваю взглядом ряды студентов, мутузящих отпрысков «Уличного бойца», толпу детворы вокруг «2084»; кабинки с девчонками, цифрующими свои фото под лица знаменитостей; аллеи служащих, играющих в маджонг с видеостриптизершами. Странно. Эти люди, подобно моей матери, платят психоаналитикам и лежат в клиниках, чтобы вернуться к реальности, — и эти же люди, подобно мне, платят «Сони» и «Сега», чтобы вернуться в виртуальный мир. Мордастый тип позванивает связкой ключей, и я догадываюсь, что это смотритель. Приходится кричать ему в ухо. От него воняет ушной серой.

— Вам не отдавали кепку?

— Чё?

— Я оставил здесь бейсболку, полчаса назад.

— Зачем?

— Забыл!

«Пожалуйста, подождите — совершается транзакция».

— Забыл, зачем оставил?

— Ладно, не важно.

Вспоминаю о незваном зрителе. Он вроде бы сказал: «Наверху, в бильярдном зале». Отыскиваю заднюю лестницу и поднимаюсь. Подводное безмолвие и подводный же полумрак. Три ряда столов под сукном цвета морской волны, по шесть в каждом ряду. Он в дальнем углу, играет в одиночку. На голове у него моя бейсболка. Хвост продет в отверстие над ремешком застежки. Он загоняет шар в лузу, поднимает взгляд и жестом приглашает меня подойти.

— Я знал, что ты вернешься. Поэтому и не стал тебя догонять. Хочешь отыграть?

— Лучше просто сними ее и отдай.

— И в чем же здесь интерес?

— Никакого интереса. Но это моя бейсболка.

Оценивающий взгляд.

— Верно. — Он с поклоном преподносит ее

мне. — Без обид. Сегодня я сам не свой.

— Ничего. Спасибо, что спас мою кепку.

Он улыбается честной улыбкой:

— Пожалуйста.

Моя очередь.

— Ну, э-э, и насколько она теперь опаздывает?

— А когда «опоздать» переходит в «кинуть»?

— Не знаю. Часа через полтора?

— Значит, эта стерва меня форменным образом кинула. Вдобавок мне пришлось заплатить за этот стол до десяти. — Он тычет кием. — Хочешь, разыграем пару рамок, если ты не занят.

— Я не занят. Но у меня нет ни гроша, чтобы поставить на кон.

— А сигарету за партию ты можешь себе позволить?

Мне даже немного лестно: он принимает меня настолько всерьез, что предлагает сыграть с ним в пул. Все, чем я располагал по части компании, с тех пор как приехал в Токио, были Кошка, Таракан и Суга.

— Конечно.

Юдзу Даймон — студент выпускного курса юридического факультета, уроженец Токио и замечательный игрок в пул. Лучшего я не встречал. Он великолепен. На прошлой неделе я посмотрел

«Бильярдиста». Даймон разделал бы героя Пола Ньюмена под орех[55]. Из вежливости он позволяет мне выиграть пару партий, но к десяти часам выигрывает семь следующих подчистую, отточенным стилем, с разворотами на 180° и ударами с наскока. Мы сдаем кии и садимся выкурить свои трофеи. Моя пластмассовая зажигалка сдохла — огонек пламени со щелчком вылетает из-под большого пальца Даймона. Красивая вещь.

— Платина, — говорит Даймон.

— Должно быть, стоит целое состояние.

— Мне ее подарили на двадцатилетие. Тебе надо больше тренироваться. — Даймон кивает в сторону стола. — У тебя меткий глаз.

— Ты говоришь, как мой школьный учитель физкультуры.

— Брось. Послушай, Миякэ, я решил, что суббота обязана компенсировать мне этот облом. Давай-ка пойдем в бар и снимем девчонок?

— Э-э, спасибо. В другой раз.

— Твоя подружка об этом не узнает. Токио

---

[55] Примечания: 55

На прошлой неделе я посмотрел «Бильярдиста». Даймон разделал бы героя Пола Ньюмена под орех. — «Бильярдист» («The Hustler») — американский художественный фильм режиссера Роберта Россена по мотивам одноименного романа Уолтера Тевиса, вышедший на экраны в 1961 г.; сценарий написал Сидни Кэрролл — отец писателя Джонатана Кэрролла, главную роль исполнил Пол Ньюмен; в России также известен под названиями «Мошенник» и «Король бильярда».

слишком велик.

— Да нет, дело совсем не в…

— Значит, никакая женщина тебя сейчас не ждет?

— Только в моем воображении, но…

— Погоди, ты что — гей?

— Насколько я знаю, нет, но…

— Значит, ты дал обет воздержания? Ты член какой-нибудь религиозной секты?

Я показываю ему содержимое своего бумажника.

— Ну и что? Расходы я беру на себя.

— Я не могу развлекаться за твой счет. Ты и так уже заплатил за стол.

— Это — не развлечение за мой счет. Я же говорил тебе, что собираюсь стать адвокатом. Адвокаты никогда не тратят собственных денег. У отца есть счет на представительские расходы, четверть миллиона иен, которые нужно истратить, иначе бюджет его департамента пересмотрят и урежут. Так что, отказываясь, ты ставишь нашу семью в трудное положение.

Крупная сумма.

— И так каждый год?

Даймон видит, что я говорю серьезно, и разражается смехом:

— Каждый месяц, дурень!

— Развлекаться за счет твоего отца еще хуже, чем за твой счет.

— Слушай, Миякэ, я всего лишь предлагаю выпить пару кружек пива. Самое большее, пять. Я не пытаюсь купить твою душу. Брось. Когда у тебя день рождения?

— Через месяц, — вру я.

— Тогда считай, что я заранее делаю тебе подарок.

Санта-Клаус — бармен, красноносый Олененок Рудольф появляется из туалета с метлой в руках, а эльфы в колпачках обслуживают столики. Наблюдаю, как под потолком танцуют снежинки, и прикуриваю «Мальборо» от спички, поднесенной Девой Марией. Юдзу Даймон отбивает на столешнице ритмы психоделических рождественских песнопений.

— Этот бар называется «Веселое Рождество».

— Но сегодня девятое сентября.

— А здесь каждый вечер двадцать пятое декабря. Для девчонок здесь как медом намазано.

— Возможно, я наивен, но ведь твою девушку могло просто что-нибудь задержать.

— Ты более чем наивен. В каком веке застряла эта твоя Якусима? Стерва кинула меня. Я знаю.

Мы с ней договорились. Если бы она хотела прийти, то пришла бы. А теперь я одинок, как новорожденный младенец, и на нее мне наплевать. Наплевать. Однако же — только не оборачивайся сразу, — по-моему, прибыл наш утешительный приз. Вон там, в уголке, между камином и елкой. Одна — в кофейной коже, другая — в вишневом бархате.

— Они выглядят как модели.

— Модели чего?

— Такие на меня дважды не посмотрят. И даже единожды не глянут.

— Я обещал оплатить тебе выпивку, а не ублажать твое самолюбие.

— Да я серьезно!

— Чушь.

— Ты же видишь, как я одет.

— Мы скажем, что ты роуди[56] какой-нибудь группы.

— Ну, за роуди я тоже не сойду.

— Мы скажем, что ты роуди у «Металлики».

— Но ведь мы же с ними не знакомы.

Даймон закрывает лицо ладонями и хихикает:

— Ах, Миякэ, Миякэ. Для чего, по-твоему, со-

---

[56] Примечания: 56

Роуди — администратор, техник или рабочий сцены в гастролирующей группе.

зданы бары? Думаешь, людям нравится платить астрономические цены за дрянные коктейли? Допивай свое пиво. Чтобы внедриться в расположение противника, понадобится виски. Никаких возражений! Взгляни на ту, что в бархате. Представь, как ты зубами распускаешь шнуровку корсажа или что там на ней надето. Ты ее хочешь? Да или нет?

— Кто бы не захотел, но…

— Санта! Санта! Два двойных «Килмагуна». Со льдом.

— Итак, после изнасилования, — говорит Даймон в полный голос, как только мы пересаживаемся за соседний столик, — их мир разбит вдребезги. Разрушен до основания. Она перестает есть. Обрезает телефон. Единственное, что ее хоть как-то занимает, — это видеоигры покойного сына. Когда мой приятель утром уходит на работу, она уже сидит, согнувшись над пистолетом, и расстреливает мужчин на шестнадцатидюймовом «Сони». Когда он возвращается, она и бровью не ведет. Кастрюли так и стоят на столе — ей плевать. *Бах-бахбах! Перезарядка.* Тем временем полиция прекращает расследование — изнасилование ночью, на пустынной горе? Глухой номер. По большей части мужчины просто не

понимают, как подобное может… Знаешь, Миякэ, я совершенно разочаровался в нас, мужчинах. Короче, так проходит девять месяцев. Она сидит дома. Даже за порог не ступает. Он сходит с ума от беспокойства — помнишь, что с ним было после вашей битловской тусовки? Комок нервов. В конце концов он обращается за советом к психиатру. Психиатр каким-то образом приходит к выводу, что ее необходимо вернуть к людям, иначе у нее разовьется самовнушенный аутизм. А они познакомились в университетском оркестре: она была ксилофонисткой, он — тромбонистом. В общем, он покупает два билета на «Картинки с выставки»[57] и долго уговаривает ее пойти, пока она не соглашается. Сигарету?

Я точно помню, что, когда мы сели за этот столик, на нем была пепельница.

— Извините. — Даймон наклоняется к Кофе. — Можно?

— Конечно.

— Огромное спасибо. Вечером перед концертом она принимает успокоительное, они одеваются, идут ужинать при свечах в шикарный ресторан, потом занимают свои места в первом ряду. Зву-

[57] Примечания: 57

«Картинки с выставки» — цикл фортепианных пьес Модеста Мусоргского (1874).

чит тромбон. Ну, знаешь… — Даймон выпевает вступительные такты. — И она холодеет. Глаза как лед. Ногтями впивается ему в бедро. Ее бьет дрожь. Презрев приличия, он выводит ее из зала, пока у нее не началась истерика. В фойе она объясняет, в чем дело. Клянется могилой своих предков, что музыкант, играющий на оркестровых тарелках, — тот самый, кто ее изнасиловал.

Бархотка и Кофе вслушиваются в его рассказ.

— Да-да, я знаю, ты думаешь, почему они не обратились в полицию? В девяти случаях из десяти судья говорит, что женщина сама виновата, не надо было надевать короткую юбку и все такое, а насильник подписывает бланк с извинениями и выходит сухим из воды. В общем, она требует, чтобы он отомстил за ее поруганную честь, иначе она спрыгнет с крыши «Токио Хилтон». Ну, ты его знаешь. Он не дурак. Он тщательно готовится, добывает незарегистрированный пистолет с глушителем, покупает хирургические перчатки. Однажды вечером, пока оркестр исполняет Пятую симфонию Бетховена, он проникает в квартиру музыканта — тот живет один, со своей коллекцией кристаллов. То, что он там находит, подтверждает рассказ его жены. Порнораспечатки из интернета, садомазохистские прибамбасы,

наручники, свисающие с потолка, изрядно потасканная надувная Мэрилин Монро. Он прячется под кроватью. Где-то после полуночи ударник возвращается, прослушивает автоответчик, принимает душ и ложится в постель. Мой приятель обожает драматические эффекты. «Даже монстру следует заглядывать под матрас!» *Бахбахбах*!

— Ничего себе.

— Это еще не все. Ох, зажигалка не работает. Секундочку…

Даймон наклоняется к Кофе, которая уже открывает свою фирменную сумочку.

— Ох, простите за беспокойство… огромное спасибо.

Она сама щелкает зажигалкой. Даймон прикуривает сигарету, а потом еще одну для меня. Я смущенно киваю.

— Месть — лучшее лекарство. Ты, наверное, помнишь заголовки в местных газетках: «Чей удар сразил ударника?» Но успех убийства целиком и полностью зависит от подготовки. У полиции нет никаких улик. Жена моего приятеля в считаные дни идет на поправку. Она снова преподает в школе для слепых. Выбрасывает видеоигры. Весной в Йокогаму приезжает оркестр

«Сайто Кинэн»[58], и на этот раз она сама просит купить билеты в первый ряд. Все как в прошлый раз, только сейчас она счастлива. Совесть его не мучает — он всего лишь совершил акт правосудия, который должно было совершить государство, если бы полицейские были пособразительнее. Итак, они наряжаются, ужинают при свечах в шикарном ресторане и занимают свои места в первом ряду. Вступают струнные — и она холодеет. Глаза как лед. Дыхание прерывистое. Он думает, что у нее приступ, и выводит ее в фойе. «В чем дело?» — спрашивает он. «Второй виолончелист! Это он! Тот, кто меня изнасиловал!» — «Что?! А кого же я убил в прошлом году?» Она качает головой, будто он сошел с ума. «О чем ты? Второй виолончелист и есть тот самый насильник, клянусь могилой своих предков! Отомсти за мою поруганную честь, иначе я убью себя электрическим током».

— Невероятно! — ахает Кофе. — А он, типа, что?

Даймон оборачивается, Кофе закидывает ногу на ногу, и нас становится четверо.

---

[58] Примечания: 58

Оркестр «Сайто Кинэн» — симфонический оркестр, основанный в 1984 г. дирижером Сэйдзи Озава и названный в честь знаменитого японского виолончелиста и дирижера Хидэо Сайто (1902–1974).

— Пошел в полицию. Признался в убийстве музыканта. К тому времени, когда начался суд, она обвинила в изнасиловании девять разных мужчин, в том числе министра рыбной промышленности.

Бархотка в ужасе:

— Все это случилось на самом деле?

— Поверьте, — Даймон выпускает колечко дыма, — каждое слово — чистейшая правда.

Я иду к Санте сделать заказ, возвращаюсь к столику, а рука Даймона уже лежит на спинке стула Кофе.

— Типа… ага. — Кофе высовывает кончик языка между белых губ. — А вот и помощничек Санты.

Ее лицо в зефирном макияже.

Бархотка, шурша колготками, поворачивается ко мне, и Годзилла просыпается.

— Юдзу-кун говорит, что ты в музыкальном бизнесе?

Я вдыхаю аромат ее духов, увлажненный и подсоленный потом.

— А я сейчас подрабатываю моделью, снимаюсь для рекламы крупнейшей в Токио сети клиник пластической хирургии.

Она наклоняется ко мне со своей «Ларк слим» в ожидании огня, и Годзилла вздымает свою

жуткую голову. Даймон подталкивает ко мне зажигалку. Лицо Бархотки сияет. И до этой минуты я весь вечер не вспоминал об Андзю.

♋

Бархотка обвивает меня руками, и мы вписываемся в первый поворот, секундой позже, чем «Судзуки-950» Даймона. Мой «Ямаха-1000» встает на дыбы и рычит, набирая скорость. Залитый солнцем стадион, золотые трубы, гигантский дирижабль «Бриджстоун»; руки Бархотки мешают мне сосредоточиться. Даймон сшибает ряд пляшущих разграничительных конусов, и сквозь грохот слышен щенячий визг Кофе.

— Ну же, давай! — шепчет мне Бархотка, мне одному.

Шепот обнаженным призраком скользит по лабиринтам внутреннего уха. Я так же тверд и полон, как топливный бак «ямахи».

Кофе радостно восклицает:

— Лучше, чем в жизни! Вперед!

Даймон заходит на крутой вираж.

— Реальней, чем в жизни, — бормочет он.

Я гоню по той же полосе и в конце длинной прямой почти обхожу его, но Кофе смотрит на мой экран и подсказывает Даймону, где меня

заблокировать.

— Ага, попался! — смеется она.

Я проезжаю по масляному пятну на скорости 180 км/ч, нас заносит — пальцы Бархотки впиваются в меня, заднее колесо обгоняет переднее, но мне удается удержать мотоцикл на дороге. Срезаем через зоопарк — краем глаза замечаю развевающиеся гривы бешено скачущих зебр. Кофе вынимает мобильник, вызванивающий американский гимн, отвечает на звонок и обстоятельно расписывает, где она и как замечательно проводит время. Я дерзко бросаю «ямаху» в длинный крутой вираж, подрезаю Даймона, и мы мчимся голова в голову.

— Миякэ, а ведь это такое же верное или дурацкое испытание мужественности, как и любое другое, согласен?

Опасливо кошусь на него:

— Да, наверное.

Он недобро усмехается.

— Типа дуэль двадцать первого века, — вставляет Кофе, пряча телефон в сумочку.

— Отлично! — принимает вызов Бархотка. — Миякэ сейчас тебе покажет, да, Миякэ?

Я не отвечаю, но ее мизинец исследует мой пупок и грозит перебраться ниже, пока я не го-

ворю:

— Конечно.

— Заметано, — отвечает Даймон и поворачивает в мою сторону.

Бархотка вскрикивает: потеряв управление, я врезаюсь во встречную автоцистерну. *Бббаааааххххххххх!* Когда облако миниатюрного ядерного взрыва рассеивается, Даймон с Кофе уже исчезают вдали, превращаясь в точку.

— Какая ужасная авария, — издевательски сокрушается Даймон.

«Ямаха» дребезжит на второй скорости.

— Типа круто! — смеется Кофе. — Теперь он нас ни за что не догонит.

Даймон оборачивается:

— Бедный Миякэ. Не забывай, это просто видеоигра.

Бархотка разжимает объятья. Меня осеняет абсурдная идея, порождение двух виски и двух кружек пива, а не оригинальности моего мышления. Юзом разворачиваю «ямаху» на 180° и обнаруживаю, что да, я могу ехать в обратную сторону. Отсчитанные секунды на табло бегут назад. Зебры в зоопарке скачут задом наперед. Эту игру наверняка создал программист типа Суги — такой же сдвинутый. Бархотка пощипы-

вает мне соски в знак одобрения. Мы пересекаем линию старта — на табло «Пройденные круги» загорается «– 1». Я вырываюсь на разводной мост — мотоцикл взмывает в воздух, когда мы прыгаем сквозь пространство, и вздрагивает, когда мы приземляемся на дальний край моста. А вот и Даймон на своем «судзуки».

— Типа, как это?

Даймон начинает предложение с «Охренеть…», а я повторяю его хитрый маневр и, скользя на развороте, несусь прямо в переднюю фару «судзуки», круглую, как луна в ясную ночь. Никакого взрыва. Наши мотоциклы застывают, едва столкнувшись, музыка замолкает, экраны гаснут.

◆

— Я не привык проигрывать. — Даймон кидает на меня взгляд, который встревожил бы меня, не будь мы друзьями. — Если копнуть поглубже, ты коварный сукин сын, Миякэ.

— Бедный Даймон. Не забывай, это просто видеоигра.

— Совет. — Даймон не улыбается. — Никогда не бей того, кто в более высокой весовой категории.

Кофе сконфуженно бормочет:

— А куда типа делся велосидром?

Бархотка слезает с сиденья:

— По-моему, Миякэ сломал автомат. Это круто.

Даймон перебрасывает ногу через седло:

— Пошли.

— Типа куда? — Кофе соскальзывает с мотоцикла.

— В тихое местечко, где меня знают.

— А знаете, — говорит Кофе, — если волоски в носу выдергивать, а не подстригать, то может лопнуть кровеносный сосуд. И тогда сразу смерть.

Даймон ведет нас по кварталу удовольствий, как будто сам его строил. Я совершенно потерял ориентацию и отчаянно надеюсь, что мне не придется в одиночку искать дорогу к станции метро Синдзюку. Толпа поредела, остались лишь самые закаленные гуляки. Мимо медленно проезжает спортивный автомобиль, громыхая басами.

— «Лотус-Элиз сто одиннадцать эс», — говорит Даймон.

Мобильный телефон Кофе наяривает «Старую дружбу»[59], но она не слышит собеседника, хоть

[59] Примечания: 59

«Старая дружба» («Auld Lang Syne») — песня на стихи шотландского поэта Роберта Бернса, написанная в 1788 г.; на русском известна в переводе С. Маршака.

и прокричала «алло!» раз десять. Из открытой двери грохочет джаз. Снаружи — очередь, все в крутейших прикидах. Я наслаждаюсь бросаемыми в нашу сторону завистливыми взглядами. До смерти хочется взять Бархотку за руку. До смерти боязно, что она отдернет руку. До смерти обидно, если она хочет, чтобы я взял ее за руку, а я этого не понимаю. Даймон рассказывает о лос-анджелесских трансвеститах, и девчонки визжат от хохота.

— Ну, Лос-Анджелес типа по-настоящему опасное место, — говорит Кофе. — У каждого — пушка. Сингапур — вот единственное спокойное место за границей.

— А ты была в Лос-Анджелесе? — спрашивает Даймон.

— Нет, — отвечает Кофе.

— А в Сингапуре?

— Нет, — отвечает Кофе.

— Значит, там, где ты никогда не была, безопаснее, чем где-то еще, где ты тоже никогда не была?

Кофе закатывает глаза:

— А что, типа обязательно куда-нибудь ехать, чтобы узнать, что это за место? А зачем тогда телевизор?

Даймон сдается:

— Ты понял, Миякэ? Вот это и есть женская логика.

Кофе взмахивает руками:

— Да здравствует типа власть женщин!

Мы идем по проходу, освещенному вывесками баров, в конце которого нас ждет лифт. Кофе икает:

— Какой этаж?

Двери лифта закрываются. Я вздрагиваю от холода. Даймон приводит в порядок свое отражение и решает переключиться на благодушный лад.

— Девятый. «Пиковая дама». У меня прекрасная идея. Давай поженимся!

Кофе хихикает и нажимает «9»:

— Принято! «Пиковая дама». Типа жуть, а не название для бара.

Лифт движется неощутимо, только мигают номера этажей. Кофе снимает с воротника Даймона пушинку:

— Классный пиджак.

— Армани. Я очень придирчив к тому, что вступает в контакт с моей кожей. Потому-то я и выбрал тебя, о моя божественная.

Кофе закатывает глаза и переводит взгляд на меня:

— Он всегда такой, Миякэ?

— Не спрашивай его, — улыбается Даймон. — Миякэ — слишком хороший друг, чтобы ответить тебе честно.

Я смотрю на четыре отражения наших четырех отражений. Гудящее безмолвие, как в космическом корабле.

— Останься здесь подольше, — говорю я, — и забудешь, кто из них — ты.

Бронзово звенит гонг, двери лифта открываются. Мы с Бархоткой и Кофе чуть не падаем. Мы на крыше здания, так высоко, что Токио не видно. Выше облаков, выше ветра. Звезды так близко, что в них можно ткнуть пальцем. Метеор выписывает дугу. В темноте за Орионом я различаю занавес, и иллюзия исчезает — мы в миниатюрном планетарии, меньше десяти метров в диаметре. Снова бронзово звенит гонг, и грейпфрутовый румянец зари разливается от пола до потолка.

— Типа, офигительно, — выдыхает Кофе.

Бархотка любуется молча.

Даймон хлопает в ладоши:

— Мириам! Как видишь, я не смог удержаться от встречи с тобой.

Сквозь занавес проскальзывает женщина в

опаловом кимоно и полном макияже гейши. Она изящно кланяется. Вся она — само изящество, от лакированной заколки для волос до закатных сандалий-гэта[60].

— Добрый вечер, господин Даймон. — Голос звучит приглушенно, будто из-под подушки. Грим скрывает все, что можно скрыть, но, судя по тому, как она двигается, ей около двадцати пяти. — Нечаянная радость для нас.

— Да, я знаю, Мириам. Знаю. Говорили, что сегодня ты собиралась в экзотическое путешествие, а, оказывается, ты до сих пор здесь. Ну-ну. Познакомься с моей новой невестой. — Он целует Кофе, которая хихикает и льнет к нему. — А скажи-ка, Папаша Потаскун у вас или нет?

— Вы имеете в виду… кого, господин Даймон?

— Ты понял, как дипломатично, Миякэ? Мириам — *bona fide*[61] профи.

Женщина бросает взгляд на меня:

— Господина Даймона-старшего сегодня нет, господин Даймон.

---

[60] Примечания: 60

Гэта — традиционная японская обувь, деревянные подошвы-скамеечки с матерчатыми перемычками, проходящими между большим и вторым пальцем ноги.

[61] Примечания: 61

Здесь: истинный, настоящий *(лат.)*.

Даймон вздыхает:

— Ах, отец, отец. Опять милуется с Тидзуми? В его-то годы? Интересно, здесь еще кто-нибудь заметил, как сильно он растолстел? Кстати, о лишнем грузе. Тидзуми наверняка сплетничает с тобой насчет господина Даймона-старшего, а, Мириам? Он распутничает в парике или без? А, вижу, отвечать ты не собираешься. Ну, раз его здесь нет, развлеку свою новую женушку, — он обнимает Кофе за талию, — в личных апартаментах клана Даймонов. Естественно, все праздничные расходы пойдут на счет Папаши Долбокрыса.

— Естественно, господин Даймон, Мама-сан[62] выставит счет господину Даймону-старшему.

— Почему так официально, Мириам? А как же «Юдзу-тян»?

— Прошу вас, распишитесь в книге гостей, господин Даймон.

Даймон небрежно отмахивается:

— Да где угодно.

Внутренний голос советует немедленно сесть в лифт и убраться отсюда, однако я не внемлю его советам за неимением подходящего предлога или объяснения. Хотя во мне играет хмель, я по-

---

[62] Примечания: 62

Мама-сан — обращение к хозяйке салона гейш.

нимаю, что Даймон явно задумал что-то опасное. Момент упущен. Даймон манит нас за собой. В Даймона веруем.

— Зачарованный край ждет.

Мириам ведет нас сквозь череду занавешенных передних — я тут же забываю, с какой стороны мы пришли. Каждый занавес расшит иероглифами-кандзи, такими древними, что их и не прочтешь. Наконец мы входим в задрапированный зал, где обстановка не менялась с 1930-х годов. Окон нет, на стенах, обитых плотной стеганой тканью, красуются вышитые панно с изображениями древних городов. Тугие кожаные кресла, пустующая барная стойка красного дерева, отделанная латунью, медленно раскачивающийся маятник, тусклая люстра. Ржавая клетка с открытой дверцей. Мы проходим мимо, и попугай в клетке хлопает крыльями. Кофе визжит, как резиновая подметка на лакированном полу. В зале там и сям сидят пожилые мужчины, тихими голосами обсуждают какие-то секреты, сопровождают слова медлительными жестами. Сумрак наполнен табачным дымом. Девушки и женщины подносят гостям бокалы, присаживаются на ручки кресел. Прислуживают, а не развлекают. Алхимия выплеснула все свои краски на кимоно. Золото

хурмы, синева индиго, алый цвет божьей коровки, пыльная зелень тундры. Вентилятор под потолком разгоняет лопастями густой зной. Под сенью жутковатой аспидистры пианино играет себе ноктюрн, вдвое медленней положенного.

— Ух ты, — говорит Бархотка.

— Типа крышеснос, — говорит Кофе.

Резкий запах, напоминающий бабушкин лак для волос, заставляет меня чихнуть.

— Господин Даймон! — За барной стойкой появляется густо нарумяненная женщина. — Со спутниками! Ну надо же!

На ней головной убор из павлиньих перьев и усыпанные блестками вечерние перчатки. Она помавает рукой, как увядшая актриса:

— Как вы все молоды и полны сил! Вот что значит юная кровь!

— Добрый вечер, Мама-сан. Тихо для субботы?

— Уже суббота? Здесь не всегда знаешь, какой сейчас день.

Даймон ухмыляется. Кофе и Бархотка — желанные гости везде, где есть мужчины, готовые раздеть их в своем воображении, но я, в джинсах, футболке, бейсболке и кроссовках, чувствую себя как золотарь на императорской свадьбе. Даймон хлопает меня по плечу:

— Я хочу пригласить своего брата по оружию — и наших божественных спутниц — в отцовские апартаменты.

— Саю-тян вас проводит…

Даймон прерывает ее. В его улыбке сквозит злость.

— Но ведь Мириам свободна.

Между Даймоном и Мамой-сан идет безмолвный обмен репликами. Мириам с несчастным видом отводит глаза. Мама-сан кивает; ее лицо словно бы каменеет.

— Мириам?

Мириам оборачивается, с улыбкой произносит:

— Это доставит мне такую радость, господин Даймон.

— В основном я езжу на кабриолете «порше-каррера-четыре» цвета берлинской лазури. У меня слабость к «поршам». Их изгибы, если присмотреться повнимательнее, в точности повторяют изгибы коленопреклоненного женского тела, застывшего в покорном поклоне. — Даймон смотрит, как Мириам разливает шампанское.

Бархотка опускается на колени:

— А ты, Эйдзи?

Прекрасно. Ко мне уже обращаются по имени.

— Я, э-э, предпочитаю двухколесные средства передвижения.

Бархотка восторженно восклицает:

— О, ты ездишь на «харлее»?

Даймон отрывисто хохочет:

— Как ты догадалась? Для Миякэ «харлей» — это, как бы получше выразиться, своего рода траходром, возможность оттянуться на свободе в перерывах между концертами, верно? В окружении рок-звезд такого дерьма нахлебаешься, вы не поверите. Миякэ все на себе испытал. Фанатки, торчки, драммеры… Превосходно, Мириам, ты не пролила ни капли. Похоже, у тебя большой опыт. Скажи, а давно ты в этой дыре ишачишь официанткой, то есть хостессой?

При свете лампы Мириам похожа на призрак, но не теряет достоинства. В комнате уютно и тепло. Я вдыхаю запахи духов, косметики и свежих татами.

— Ну что вы, господин Даймон. Женщинам не пристало упоминать о годах.

Даймон распускает свой конский хвост.

— Значит, мы говорим о годах? Ну надо же. Похоже, ты здесь очень счастлива. Что ж, шампанское у всех налито. Я хочу провозгласить два тоста.

— И за что же мы типа пьем? — спрашивает Кофе.

— Во-первых, как Миякэ уже знает, я только что освободился от одной поганой женщины, которая разбрасывается обещаниями с той же легкостью, с какой шлюха — вот прекрасное сравнение — натягивает клиенту презерватив.

— Я точно знаю, каких женщин ты имеешь в виду, — кивает Кофе.

— Мы так хорошо понимаем друг друга, — вздыхает Даймон. — Выбирай, где поженимся: в Вайкики, Лиссабоне или в Пусане?

Кофе теребит серьгу Даймона:

— В Пусане? В этой корейской клоаке?

— Ядовитое местечко, — соглашается Даймон. — Возьми серьгу себе.

— Типа феерично. Ну, за свободу.

Мы звеним бокалами.

— А какой второй тост? — спрашивает Бархотка, поглаживая хризантему.

Даймон жестом указывает на Кофе и Бархотку:

— Ну конечно же — за цвет истинной японской женственности. Мириам, ты смыслишь в таких вещах. Какими качествами должна обладать моя будущая жена?

Мириам обдумывает ответ:

— В вашем случае, господин Даймон, — слепотой.

Даймон прикладывает ладони к сердцу, будто хочет остановить кровотечение:

— О Мириам! Где твое сострадание? Мириам любит кормить уток, Миякэ. По слухам, к водоплавающим она относится с большим участием, чем к своим любовникам.

Мириам чуть улыбается:

— По слухам, водоплавающие внушают больше доверия.

— Внушают, говоришь? Или выпрашивают его? Не важно. Но согласись, мы с Миякэ — самые счастливые мужчины в Токио.

Она смотрит на меня. Я отвожу взгляд.

Интересно, как ее зовут по-настоящему?

— Лишь вам самим известно, насколько вы счастливы, — говорит она. — Это все, господин Даймон?

— Нет, Мириам, не все. Я хочу травки. Той самой, кармической смеси. А как тебе известно, после травки меня всегда пробивает на жрачку, так что через полчасика принеси нам чего-нибудь поклевать.

За ширмой-фусума скрывается выход на балкон. Токио вздымается со дна ночи. Всего месяц

назад я помогал двоюродному брату чинить ротоватор на чайной плантации дядюшки Апельсина. А теперь — только посмотрите. Из банки «КИРИН ЛАГЕР» шестиэтажной высоты льется одуванчиково-желтая неоновая струя. За темным озером Императорского дворца на вершине «Паноптикума» мигают заградительные сигнальные огни. Мерцают Альтаир и Вега, каждая на своей стороне Млечного пути. Шум транспорта стихает. Бархотка перегибается через перила.

— Какой же он огромный, — говорит она сама себе.

Жаркий ветерок треплет ей волосы. Ее тело сплошь состоит из изгибов, которые я ощущаю, даже не прикасаясь к ней.

— Смею сказать, — говорит Даймон, друг, который преподносит мне все это на блюдечке, — что я свернул самый великолепный косячок по эту сторону борделей Боготы.

— Откуда ты знаешь? — Кофе наклоняется, подносит к самокрутке зажигалку.

— У меня их с десяток наберется.

Он сбрасывает с плеч пиджак, швыряет его в комнату. На футболке надпись: «Мы видим вещи не такими, какие они есть, а такими, какие мы

есть»[63]. Где-то я это уже слышал.

Бархотка свешивается ниже:

— Это острова или корабли? Там, где кольцо из огней.

Даймон вглядывается за перила:

— Отвоеванная земля. Новый аэропорт.

Кофе смотрит на огоньки:

— А давайте махнем туда, проверим, как быстро ездит твой «порш».

— А давайте не поедем. — Даймон раскуривает самокрутку, глубоко затягивается и медленно выдыхает «Аааааааааа».

Кофе опускается на колени, и Даймон подносит самокрутку к ее губам. Я кошусь на Бархотку и понимаю, что лучше забыть суровую нотацию дядюшки Толстосума о наркотиках и о Токио. Кофе выпячивает губы трубочкой и, как дракон, выпускает струйки дыма из ноздрей.

— А я уже говорил, что это историческая зажигалка? — Даймон задумчиво глядит на пламя. — Она принадлежала генералу Дугласу

---

[63] Примечания: 63

«*Мы видим вещи не такими, какие они есть, а такими, какие мы есть*». — Цитата встречается в повести французской писательницы Анаис Нин «Соблазнение минотавра» (1961, перев. А. Кабанова, З. Джандосовой) с ошибочной отсылкой к Талмуду; в действительности эта фраза известна с конца XIX в. и в разное время приписывалась самым разным авторам, в частности Иммануилу Канту и английскому писателю Генри Томлинсону.

Макартуру[64], в оккупацию.

— Ну, раз говоришь, типа, так оно и есть, — недоверчиво фыркает Кофе.

— Да, говорю, но это не важно. Лучше принеси мне дзабутон[65], моя кофейносливочномедоваякиска, а когда твои легкие напитаются этой прелестью, мы поедем на Огненную Землю и заплодим всю Патагонию…

Пока Кофе несет подушку из комнаты, мобильник у нее в сумочке вызванивает «Лунную сонату». Даймон тяжело вздыхает:

— Вот достал! — и передает косячок мне.

Я отдаю его Бархотке. Даймон отвечает на звонок, вполне сносно подражая наследному принцу:

— Приветствую вас в этот прекрасный вечер.

Кофе ойкает и бросается к нему:

— Отдай!

Даймон валит ее на пол и зажимает между коленями. Она извивается и хихикает.

— Нет, простите великодушно, но я не могу

---

[64] Примечания: 64

Дуглас Макартур (1880–1964) — генерал армии США, во время Второй мировой войны, с 1945 г., — главнокомандующий оккупационными войсками союзников в Японии.

[65] Примечания: 65

Дзабутон — подушка для сидения на полу.

передать ей трубку. Ее бойфренд? В самом деле? Это она вам так сказала? Какой ужас. Видите ли, сегодня вечером ее трахаю я, а ты, долбозвон, обойдешься порнухой из видака. Но сначала послушай внимательно: вот как звучит твоя смерть. — И он швыряет телефон с балкона.

Хихиканье Кофе обрывается. Даймон улыбается, как укуренная жаба.

— Ты выбросил мой мобильник с балкона!

Даймон заливисто смеется:

— Ага, знаю. Я выбросил твой мобильник с балкона.

— А вдруг он упадет кому-нибудь на голову?

— Что ж, ученые предупреждают, что мобильные телефоны могут быть опасны для мозгов.

— Но это же мой мобильник!

— Я куплю тебе новый. Я куплю тебе десять новых.

Кофе взвешивает все за и против.

— Самой последней модели?

Даймон хватает дзабутон, ложится на спину и изображает гангстера:

— Я куплю тебе целый завод, милашка моя.

Кофе дуется, как маленькая, и подносит к уху бокал с шампанским:

— Я слышу пузырьки.

Бархотка берет меня за мочки, запечатывает мой рот своими губами, и дым марихуаны стремительно наполняет мне легкие. Ворованный шоколад, липкий и мягкий.

— О-хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо-хо, — тянет Даймон. — Эй, вы, займитесь-ка этим в комнате. Похоже, что юный выскочка снова обставил и меня, и мою новобрачную.

Открываю глаза, кашляю, втягиваю воздух.

Бархотка толкает меня в грудь, и я ухожу с балкона.

— Садись там, — говорит она, указывая на дальний край низенького стола.

Пьяный монах — что кобель в рясе. Ее предплечья блестят от пота. Она задувает свечу. Мы по очереди затягиваемся косячком, не говоря ни слова. Иногда наши пальцы соприкасаются. От нее словно бы исходит электрический ток. Биоборг. Я различаю ее силуэт в зареве ночного города, притушенном бумажной ширмой. Она старается не дотрагиваться до меня, и ее поведение служит сигналом, чтобы я не прикасался к ней, пока она этого не позволит. Яркий кончик самокрутки путешествует сквозь полумрак. Иногда я — это я, иногда — не совсем. Жемчуг, лунный камень, зубная эмаль. Время и пространство рассогласо-

ванно исследуют мои члены. Я, будто составляя фоторобот, проецирую на мрак ее грудь, волосы, лицо. Если я вдруг чихну, Годзилла просто взорвется у меня в трусах.

— Ты давно травку куришь?

Ее слова будто извивы дыма.

— Да, с двадцати лет.

Консоль, черная как смоль, кукла-кокэси — прикольный тролль, поникшая хризантема в вазе.

— А сколько тебе лет, роуди?

Плеск и блеск волос.

— Двадцать три. А тебе?

Жгучий шквал снежинок.

— Сегодня мне миллион.

Игривый визг Кофе, «гррр-р-р-р-р-р-р» Даймона, и мы с Бархоткой хохочем так, что рискуем сломать себе ребра, хотя при этом не издаем ни звука. Потом я забываю, почему смеюсь, и снова сажусь прямо.

— Держи руки на столе, — строго предупреждает она. — Терпеть не могу парней, которые лезут, куда не надо.

После пары неудачных попыток наши губы встречаются, и мы сливаемся в поцелуе на девять дней и девять ночей.

Фусума сдвигается. Мы с Бархоткой отшаты-

ваемся. На пороге в лунном свете стоит Даймон с обнаженным торсом. На груди помадой нарисовано нечто вроде вампирической крольчихи Миффи[66]. Соски изображают ее зрачки, горящие жаждой крови.

— Миякэ! Ну как, торчок или стояк? Еще не хочешь поменяться?

Сёдзи[67], отделяющие комнату от внешнего коридора, раздвигаются. У входа стоит Мириам, держа в руках поднос с какими-то клейкими перламутровыми крупинками, кубиками арбуза и очищенными личи[68]. На ее лице мелькают потрясение, гнев и ненависть, но тут же скрываются под маской профессионального безразличия.

— Мириам! Ты принесла нам поклевать! Ого, тут даже икра! Знаешь, Миякэ, одно из ее самых ценных качеств — это умение почувствовать момент.

Она снимает гэта, входит и ставит поднос на

---

[66] Примечания: 66

Миффи — маленькая крольчиха, персонаж детских книг голландского художника-иллюстратора Дика Бруны (1927–2017), чрезвычайно популярная в Японии.

[67] Примечания: 67

Сёдзи — подвижная перегородка, служащая окном или дверью; деревянная рама, обтянутая полупрозрачной бумагой.

[68] Примечания: 68

Личи — тропический фрукт, так называемая китайская слива.

стол:

— Прошу прощения.

— О Мириам, мое прощение тебе ни к чему, ведь у тебя такие могущественные и влиятельные покровители! Они о тебе позаботятся.

Появляется встрепанная Кофе, приводит в порядок одежду, стараясь не завалить фусума. Замечает Мириам. Чувствуется, что она привыкла командовать прислугой.

— Проводи нас в дамскую комнату.

Даймон говорит с Эйдзи, но Эйдзи обнаруживает, что ему трудно сосредоточиться, поскольку голова так и норовит открутиться и укатить в угол. Кофе с Бархоткой уже целую вечность торчат в дамской комнате.

— В восточном Синдзюку, рядом с парком, есть тихий отель любви, пристроенный к четырехзвездочной гостинице, так что из кухни можно заказать приличную еду в номер.

Эйдзи как-то неловко. Даймон внимательно смотрит на него.

— Ты опять волнуешься из-за денег?

Эйдзи хочет помотать головой, но случайно кивает:

— Деньги — это такая штука, которой у моего отца слишком много.

«Но ведь девушки… — думает Эйдзи, — можно ли вот так, запросто…»

Даймон слышит мысли своего друга, застегивает ему рубашку и грозит пальцем:

— Эти две играют исключительно в паре, Миякэ. Или мы затащим в койку обеих, или они отправятся по домам, в надушенные лавандой спальни. Если ты — пас, то мне светит банальное дрочилово за очень большие деньги, чего не случалось с тех самых пор, как Майкл Джексон в последний раз выступал в «Будокане»[69]. Твоя, по крайней мере, обладает хоть каким-то интеллектом. У моей же вместо мозгов — чувство моды.

Эйдзи хочет что-то сказать, но, едва раскрыв рот, забывает, что именно.

— Девчонки — как видеоигры, Миякэ. Платишь, играешь, уходишь.

Эйдзи — сама благодарность. Он пытается выразить эту благодарность, но слова летят как бесконечный дождь в бумажный куль, они сколь-

---

[69] Примечания: 69

…с тех самых пор, как Майкл Джексон в последний раз выступал в «Будокане». — «Будокан» — крытая арена в центре Токио, построенная в 1964 г. для соревнований по дзюдо на XVIII Олимпийских играх; с 1966 г. используется для проведения рок-концертов, вмещает свыше 14 тыс. чел.; Майкл Джексон выступал там в составе группы *Jackson Five* в 1973 г.

зят, пока летят, скользят через Вселенную[70], и он отказывается от своей затеи. Кофе приносит другая хостесса.

— Что за фигня? Ты кто? — возмущенно спрашивает Даймон.

Хостесса кланяется:

— Ая-тян, господин Даймон. Мириам-сан нездоровится.

Даймон злится:

— Дуй обратно к Маме-сан и напомни ей, кто такой Даймон, и кто его отец, и каким упертым козлом я становлюсь, если мне не… — Он умолкает на полуслове, отщипывает головку хризантемы со стебля и начинает обрывать лепестки. — Забудь, что я сказал, Ая-тян. Передай это призраку Мириам с моими глубочайшими извинениями. — Он вручает ей то, что осталось от цветка, и Эйдзи почему-то умиляется.

Эйдзи — на переднем сиденье такси, Даймон — сзади, между своих двух наложниц. Улицы пустынны; машина едет по широкому мосту. В фойе Атлант сгибается под тяжестью земного шара;

---

[70] Примечания: 70

…но слова летят как бесконечный дождь в бумажный куль, они скользят, пока летят, скользят через Вселенную… — Строки из песни «Across the Universe» («Через Вселенную») с альбома «Let It Be» (1970) The Beatles (перев. М. Джумагазиева).

Даймон пялится на экран с номерами свободных и занятых комнат и ценами, и нажимает на кнопки, и получает ключи. Снова лифт. Даймон целует Эйдзи в губы и с силой вталкивает в комнату. Десятисекундный душ и примитивное порно по коммерческому каналу. Презервативы девяти сортов. Снаружи розовыми вспышками мигает буква «О». Цветочные головки на стеблях, головки подсолнухов. Входит Кофе, лимонно-желтое полотенце прикрывает ее леденцово-медовое тело, она сейчас какая-то заторможенная, легендарное море секса обретает реальность, она задергивает шторы, закрой глаза, говорит она и скользит в постель, кожа выскальзывает, ягодки набухают, да хорошо можно только не трогай меня там, цепляется сучок, да хорошо, он всегда обмен устраивает? Твой друг? Юдзу Даймон? Что за имя — Юдзу[71], как фрукт? Наверное. Ш-ш-ш. Мягкий шоколад, дешевый, зубы прикусывают живот, мшистые укромности, нервный толчок, нет я же сказала не трогать меня там, Годзилла отступает, струйки пота ползут по спинам, вскинуть, опуститься, приподнять, прочие технические подробности, *вот и все,* Годзилла спохватыва-

[71] Примечания: 71

Юдзу — цитрусовое растение, естественный гибрид мандарина и ичанского лимона.

ется, корни врастают глубже, ветви колышутся туда-сюда, пальцы ее рук впиваются, пальцы ног находят точку опоры, плывем по синеве, по синеве простыней, вздымающейся волнами, рычащей, вялой, она ловит ртом воздух, она ныряет, морщится и *да* вот и все *нет* и вверх и *да* и вниз и *нет* и вверх и *да* и вниз и вверх и вниз *кончай* и *кончай* если *кончай* — не — проснешься — когда — снится — что — ты — падаешь — на — землю — с — высоты — то

◆

Просыпаюсь в круглой кровати, один-одинешенек, как выброшенная игрушка. Комната в отеле любви — храм розового. Не как цветы — как потроха. Шторы изгвазданы утренним светом. Грохот отбойных молотков, шум на перекрестках, вороны. Сухие подсолнухи никнут в вазе. В голову от виска до виска вкручен штопор. Язык просолен, завялен и обосран степными хорьками. Горло раздербанено геологическим молотком. Колени и локти стерты в кровь. В паху воняет креветками. Простыни скомканы, по матрасу размазана подсохшая кровь. Итак, два девственника лишили друг друга этого сана. Этот чих из

паха и есть секс? Никакого моста Золотые Ворота к земле обетованной. Всего лишь хлипкая доска через топкое болото. И даже значка не вручили, чтобы куда-нибудь нацепить. Комната как носовой платок общего пользования — в отелях любви наверняка наивысшая концентрация секса на кубический сантиметр в этой стороне от… откуда? От Парижа. Нащупываю пачку сигарет — пусто. Что ж, если учесть все, вместе взятое, я легко отделался. Трезззззззззвонит телефон. Наверняка Даймон, из соседнего номера.

— Доброе утро, это администратор. — Мужской голос, оживленный и беззаботный.

— Э-э, доброе.

— Я просто хочу напомнить, что ваш номер заказан до семи…

Мои часы лежат на тумбочке рядом с кроватью. 06:45.

— О’кей.

— После семи снова устанавливается почасовая оплата.

— О’кей, я спущусь прямо сейчас.

— Вы будете платить наличными или кредитной картой?

— Что?

— Когда ваши спутницы уходили, вот только

что, они не знали, будете вы платить наличными или кредитной картой. Общая стоимость двух номеров на всю ночь — пятьдесят пять тысяч иен, при условии, что вы ничего не взяли из мини-бара и что освободите комнату в течение следующих пятнадцати минут.

Удар под дых.

По-прежнему оживленно, хотя и не так беззаботно:

— Поэтому я и звоню, чтобы избежать какого-либо неприятного взаимонепонимания.

Если блевануть, поможет?

— У вас какие-то затруднения, уважаемый? — Скрытая угроза.

— Нет, вовсе нет. Э-э, пожалуй, я заплачу наличными. Я сейчас спущусь.

— Мы ждем в вестибюле, у входа.

Натягиваю измятую одежду и пулей лечу в номер Даймона. Никого. Все как и в моем номере, только на зеркале намалевано чем-то желеобразным: «ЭТО ПРОСТО ВИДЕОИГРА». Даймон, ты первостатейный ублюдок. Миякэ, ты идиот. Выворачиваю карманы джинсов и нахожу 630 иен мелочью. Не может быть. Пытаюсь проснуться. Тщетно. Все происходит наяву. Мне не хватает 54 370 иен. За следующие девять минут необ-

ходимо разработать какой-нибудь совершенно исключительный план. Сажусь на унитаз посрать, параллельно обдумываю имеющиеся возможности. Первая: «Понимаете, тот парень, с которым я пришел, он обещал, что заплатит за все с, э-э, отцовского расходного счета». Главарь якудза складывает ладони домиком: «Эйдзи Миякэ, работает в бюро находок? Пост, требующий доверия. В каком восторге будут твои наниматели, когда узнают, как ты проводишь выходные. Я считаю своим гражданским долгом сообщить им об этом, если только ты не испытываешь желания вернуть нам свой долг, выполнив определенные поручения, не все из которых, должен предупредить, можно назвать приятными». Вторая: «Бунтаро! На помощь! Мне нужно, чтобы ты сию же минуты принес в отель любви[72] пятьдесят пять тысяч иен, или тебе придется искать другого жильца». Ему будет нетрудно сделать выбор. Третья: Главарь якудза пробует на язык лезвие опасной бритвы. «Итак, это тот самый вор, который пытался улизнуть из моего отеля, не заплатив за полученные услуги». Поднимаю окровавленную голову, разлепляю опухшие веки.

---

[72] Примечания: 72

Отель любви — гостиница, предназначенная исключительно для интимных встреч, где можно снять комнату с почасовой оплатой.

Мой язык лежит в тазике для бритья.

Ах, если бы проблемы тоже можно было смыть в унитаз.

В кино люди убегают по крышам. Пытаюсь открыть окно, но оно для этого явно не предназначено, кроме того, я не умею ползать по стенам. Разглядываю людей на замусоренных улицах, завидую всем и каждому. Может, устроить пожар? Чтобы сработали сирены и разбрызгиватели? Я следую за пожарными датчиками до конца коридора, только чтобы что-то делать. «В случае пожара дымовая пожарная сигнализация автоматически разблокирует эту дверь». Дядя Асфальт говорит, что отели любви проектируются таким образом, чтобы не допустить побегов, — лифт всегда доставляет вас прямо к администратору. Что еще делают в кино? Шепчут: «Бежим через черный ход». Ну и где этот черный ход? Обследую другой конец коридора. «Аварийная лестница. Выхода нет». Черный ход всегда идет через кухню. Смутно припоминаю, что Даймон, да сгниют его яйца, говорил что-то про кухню. В отелях кухни обычно в цокольном этаже. Выскальзываю за дверь, начинаю спускаться по лестнице. Тупо смотрю вниз через перила. Квадратик пола внизу размером с почтовую марку. Такой путь к спа-

сению избрал Аояма. Стараюсь ступать быстро и бесшумно. Что сказать, если меня здесь поймают? Что в лифте на меня накатывает приступ клаустрофобии. Заткнись. Вот и первый этаж. Большая стеклянная дверь ведет к стойке. Там маячит амбал-администратор. Бывший борец сумо. Ждет меня. Лестничный пролет уходит вниз, еще на один этаж. Можно молить о пощаде или рискнуть и продолжить спуск. Администратор щурится, вглядываясь в гроссбух. Вряд ли этот тип делит ложе с милосердием. Проскальзываю мимо стеклянной двери — Атлант со своим глобусом загораживает обзор — и крадусь вниз по ступеням, к двери с надписью «Служебный вход». Ох, хоть бы она была открыта. Дверь не открывается. Толкаю изо всех сил. Она вздрагивает и поддается. Спасибо. За дверью — душный коридор с предохранительными щитками и трубами вдоль стен. В конце коридора еще одна дверь, к ней прислонены швабры. Поворачиваю ручку и толкаю. Ничего не происходит. Толкаю изо всех сил. Дверь заперта. Хуже того — я слышу, как открывается стеклянная дверь этажом выше, а я не захлопнул за собой «Служебный вход».

— Эй?! Там кто-нибудь есть? — Господин Сумо.

Меня окатывает жаркая волна страха. Что де-

лать? В отчаянии барабаню в запертую дверь. Туфли господина Сумо шаркают по ступеням. Снова стучу. И вдруг задвижка лязгает, дверь распахивается, и какой-то повар гневно таращится на меня — позади него стучит и булькает залитая флуоресцентным светом кухня.

— Наконец-то! — рявкает он. — Это ты — наш новый муссбой?

У него взгляд как у дьявола.

— А?

— Ну, признавайся, ты — наш новый муссбой?!

Господин Сумо почти здесь.

— Да, я ваш новый муссбой.

— Заходи.

Он втаскивает меня внутрь, захлопывает дверь и, даруя мне первую передышку за это утро, закрывает задвижку. «Шеф-повар Бонки», — написано у него на колпаке.

— Да как ты смеешь в свой первый рабочий день явиться с опозданием на сорок пять минут и в нищенских лохмотьях? Сними бейсболку, когда находишься в моей кухне!

У него за спиной младшие повара и поварята наблюдают за человеческим жертвоприношением. Я снимаю бейсболку и кланяюсь:

— Прошу прощения.

Пар, угар, баранина и газ. Ни окон, ни дверей. И как же мне отсюда выбраться?

Шеф-повар Бонки рычит:

— Хозяин огорчен. А когда хозяин огорчен, мы все огорчены. На нашем корабле строгие порядки! — Внезапно он начинает орать во все горло, и остатки моих нервов рвутся в клочки. — А что мы делаем с матросами, которые работают спустя рукава?

Весь кухонный народ, вздымая кулаки в воздух, хором повторяет:

— К акулам! К акулам! К акулам!

Я начинаю всерьез подумывать, не лучше ли сдаться господину Сумо.

— Пойдем, муссбой. Хозяин с тобой разберется.

Меня торопливо ведут мимо сверкающих разделочных столов и полок с кастрюлями и сковородками, мимо вертушки с учетными карточками. Дверь. Ох, пусть там будет дверь!

— Вот здесь ты будешь отмечаться, если Хозяин простит тебе твой позорный проступок.

Господин Сумо, должно быть, уже перед дверью с задвижкой. Меня беспокоят все эти кухонные ножи. Какой-то мальчишка с приплющенным носом драит пол зубной щеткой — шеф-повар мимоходом отвешивает ему пинка. Мы заходим

в тесный кабинет, где визжит, скрежещет и шепчет станок для заточки ножей. В дальней стене кабинета распахнутая дверь — ступени ведут наверх, во двор, заваленный мешками с мусором. Шеф-повар стучит по косяку и выкрикивает:

— Новый муссбой прибыл для выполнения своих обязанностей, Хозяин!

Точильный станок смолкает.

– *Finalemente*[73], — говорит Хозяин, не оборачиваясь. — Заводите этого негодяя сюда.

Его голос слишком высок для его внушительной комплекции. Шеф-повар отступает, подталкивает меня вперед. Хозяин поворачивается. На нем маска сварщика, из-под которой виден крохотный рот. В руках — мясницкий нож, такой острый, что им впору кастрировать быка.

— Ступайте, шеф-повар Бонки. Повесьте на дверь табличку.

Дверь кабинета захлопывается. Хозяин пробует лезвие на язык.

— Будешь и дальше ломать комедию?

— Простите, господин?

— Ты ведь вовсе не тот муссбой, который с таким рвением прислуживал мне в «Лягухе Ие-

---

[73] Примечания: 73
Наконец-то *(ит.)*.

ремии»?

Придумай что-нибудь, быстро!

— Э-э, верно. Я его брат. Он заболел. Но он не хотел подвести команду, поэтому прислал меня.

Неплохо.

— Какая невероятная самоотверженность!

Хозяин делает шаг вперед. Это не предвещает ничего хорошего.

Я упираюсь спиной в дверь.

— Всегда к вашим услугам, — произношу я.

Там какой-то шум или мне послышалось?

— Вот именно, к моим услугам. К моим. Заруби себе на носу. А теперь потрогай. Мусс упругий.

Смотрю на отражение своего лица в черном стекле его маски и теряюсь в догадках, что именно должен делать муссбой.

— Вы — виртуоз, Хозяин.

В кухне начинается суматоха. Пробежать мимо него к двери во двор — пустая затея. Хозяин сопит. От него несет печеночным паштетом.

— Отщипни его. Мусс нежен. Нарежь его. О да. Мусс мягок. Так мягок. Понюхай. Мусс податлив. Да-да. Мусс податлив.

Четыре жирных пальца тянутся к моему лицу.

Чей-то вопль:

— Эй!

— Досадно. Досадно.

Хозяин приподнимает крохотную шторку рядом с моей головой, за которой скрывается глазок. Крохотные губы сжимаются. Он хватает тесак, отталкивает меня, распахивает дверь и врывается в кухню.

— Гнида бордельная! — орет он. — Тебя предупреждали!

Краем глаза вижу, как господин Сумо перекидывает помощников повара через разделочные столы.

— Тебя предупреждали! — вопит Хозяин. — Тебя предупреждали, что ожидает сводников из преисподней, разносчиков герпеса и сифилиса, которые оскверняют чистоту моего корабля!

Он швыряет тесак. Нет смысла дожидаться окончания разборок — я вылетаю за дверь, несусь вверх по ступенькам, перепрыгиваю через пластиковые мешки с мусором, разгоняю ворон, пересекаю задний двор, выбегаю в переулок и, беспрестанно оглядываясь, выписываю разнообразные зигзаги до половины восьмого.

В семь сорок я вдруг понимаю, где нахожусь. Омэ-кайдо. Этот цирконитовый небоскреб — «Паноптикум». Прохожу еще немного по направлению к Синдзюку и оказываюсь на перекрестке

с Кита-дори. Кафе «Юпитер». Утро уже раскочегарилось. Смотрю, сколько у меня денег. Если пройтись пешочком к Уэно, то хватит на подлодку до Кита-Сэндзю и на легкий завтрак. Такой легкий, что улетит, если чихнуть.

Кондиционер наполняет кафе «Юпитер» влажной прохладой. Я покупаю кофе и маффин с ананасом, сажусь у окна и рассматриваю свое призрачное отражение в стекле: двадцатилетний Эйдзи Миякэ — волосы свалялись от пота, весь провонял коноплей и креветочным сексом, а на кадыке — о ужас! — засос размером с Африку. Островной загар на лице завершил превращение в трутневые белила. Официантка с прекрасной шеей этим утром не работает — попадись я ей на глаза в таком виде, я бы взвыл, мгновенно состарился веков на девять, иссох и осыпался горкой перхоти и ногтей. Единственный, кроме меня, посетитель — женщина, изучающая модный журнал с арсеналом косметических средств. Я даю себе клятву больше никогда не прикасаться к женщинам, даже в мыслях. С удовольствием уминаю маффин и разглядываю телеэкран на здании Эн-эйч-кей. С пусковой установки стартует ракета, города охвачены огнем. Новая модель мобильника «Нокия». Министр иностранных

дел заявляет, что мнимые зверства в Нанкине[74] во время Второй мировой — это измышления левых с целью подорвать патриотизм. Зиззи Хикару моет голову шампунем «Жемчужная река». Облепленные мухами скелеты подкрадываются к какому-то африканскому городу. «Нинтендо» с гордостью представляет «Универсальных солдат». Подросток, который угнал междугородный автобус и перерезал горло трем пассажирам, говорит, что сделал это, чтобы выделиться. Смотрю на несущийся мимо поток машин и вдруг слышу знакомое покашливание. Я и не заметил, как появился Лао-цзы. Он достает пачку «Парламента», но зажигалку, по всей видимости, потерял.

— Приветствую вас, Капитан.

Я протягиваю ему зажигалку.

— Доброе утро.

Он замечает мой засос, но ничего не говорит. Перед ним откидной экран для видеоигр величиной с книгу, по дизайну — явно из двадцать третьего века.

— Новенький «видбой-три» — картинка с раз-

---

[74] Примечания: 74

…зверства в Нанкине… — Имеется в виду так называемая Нанкинская резня, эпизод второй японо-китайской войны, в ходе которого в течение шести недель, с декабря 1937 г., японские военнослужащие совершали массовые убийства и изнасилования гражданского населения в г. Нанкин, в то время — столице Китайской республики.

решением десять тысяч по горизонтали и столько же по вертикали, четыре гигабайта, объемное звучание, чип с искусственным интеллектом «Сократ». Программное обеспечение выпустили только на прошлой неделе: «Виртуа сапиенс». Подарок моей невестки. — Лао-цзы ерзает на табуретке. — По совету докторов, чтобы я не впал в маразм.

Я передвигаю пепельницу так, чтобы она стояла между нами:

— Очень мило с ее стороны.

Лао-цзы стряхивает пепел.

— По-твоему, уговорить моего дебильного сына продать мои рисовые поля владельцу супермаркета — это мило? Где он, тот сыновий долг? Я переписал землю на этого недоумка, чтобы после моей смерти его не загрызли волки из налоговой, и на тебе! — Он тычет в машину. — Вот чем мне отплатили. Пойду продую шланг — в моем возрасте начинаешь страдать недержанием. Хочешь попробовать, пока меня нет?

Он придвигает «видбой-3» ко мне и отправляется в туалет. Я снимаю бейсболку, подключаюсь и нажимаю «ПУСК». Экран загорается.

Добро пожаловать в «Виртуа сапиенс»!

[все права защищены]

Я вижу, вы новый пользователь. Ваше онлайновое имя?

> эйдзи миякэ

Поздравляем с регистрацией в «Виртуа сапиенс», Эйдзи Миякэ. Вы уже никогда не будете одиноки. Пожалуйста, выберете категорию отношений. **Д**руг, **В**раг, **Н**езнакомец, **Л**юбовница, **Р**одственник.

> родственник

О'кей, Эйдзи. С каким родственником вы хотите сегодня встретиться?

> с отцом, конечно же

Прошу прощения. Пожалуйста, не двигайтесь в течение трех секунд, я оцифрую ваше лицо.

Значок на экране мигает, и микрообъектив, вмонтированный в рамку экрана, вспыхивает красным.

О'кей. А теперь замрите. Я регистрирую изображение вашей сетчатки.

Появляются стена, пол и потолок. Растровое

изображение ковра стремительно затягивает пол. По стенам разворачиваются полосатые обои. Возникает окно с видом на цветущие сливы, трепещущие под весенней грозой. Дождевая завеса туманит стекло. Слышно, как тихо-тихо падают капли. В комнате полумрак. Слева появляется лампа, и от нее разливается уютный желтый свет. Под окном возникает прозрачный диван. Его закрашивают зигзагообразные штрихи. На диване сидит отец, закинув ступню правой ноги на левое колено, что смотрится круто, но вряд ли удобно. Программа наделила его моим носом и ртом, но челюсть сделала массивнее, а волосы — реже. Глаза у него — как у сумасшедшего ученого, который вот-вот откроет секрет господства над миром. Симметричные морщины. Он одет в черный домашний халат и сияет, будто только что принял ванну. Отец наклоняется в правую сторону экрана, где возникает ведерко для вина, вытаскивает из него бутылку и читает этикетку: «Шабли, 1993 год». Бодрый, отчетливый, ровный голос, как у диктора, который читает прогноз погоды. Он наливает себе бокал вина, картинно наслаждается букетом и вроде бы цедит сквозь сомкнутые губы. Подмигивает. Сверкает белозубой улыбкой:

— Добро пожаловать домой, сынок. А напомника, сколько мы уже не виделись?

> на самом деле никогда

Его брови взлетают вверх.

— Так долго? Время летит стрелой! Сколько же новостей у нас накопилось, чтобы рассказать друг другу. Но мы с тобой отлично поладим. Расскажи, как у тебя со школой, сынок.

> я уже закончил школу. мне двадцать лет

Он потягивает вино, перекатывает его по языку, проводит рукой по волосам:

— Неужели, сынок? — Он наклоняется к разделяющему нас экрану.

Потрясающее разрешение! Я даже отшатываюсь от неожиданности.

— Значит, ты сейчас, должно быть, в университете. Где это ты — в кафетерии?

> я не стал подавать документы. нет ни денег, ни родителей, чтобы платить

Отец откидывается назад и ленивым жестом

кладет руку на спинку дивана:

— Неужели, сынок? Какая жалость. Образование — прекрасная вещь. Так как же ты проводишь время?

> я рок-звезда

Его брови взлетают вверх.

— Правда, сынок? Рассказывай. Ты добился успеха, славы и богатства или ты просто один из миллионов, которые все еще ждут счастливого случая?

> и славы, и успеха. во всем мире

Он подмигивает и сверкает белозубой улыбкой:

— Я знаю, повстречать своего старика после стольких лет не очень-то просто, сын, но нет ничего лучше честности. Если ты такая звезда шоу-бизнеса, почему я ни разу не читал о тебе в журнале «Тайм»?

> я выступаю под псевдонимом, чтобы защитить свою частную жизнь

Он залпом выпивает остатки вина.

— Не то чтобы я тебе не верил, сын, но не назовешь ли ты свой псевдоним? Я хочу похвастаться своим знаменитым сыном перед приятелями — и перед управляющим банка!

> Джон Леннон

Отец хлопает себя по колену:
— Настоящего Джона Леннона застрелил Марк Чепмен в тысяча девятьсот восьмидесятом году, так что ты вешаешь мне лапшу на уши.

> может, сменим тему?

Он становится очень серьезным и отставляет бокал в сторону:
— Отцу с сыном пришло время поговорить по душам? Не надо бояться своих чувств. Скажи, что тебя тревожит?

> кто вы такой на самом деле?

— Твой отец, сынок!

> но как человек кто вы?

Отец снова наполняет бокал. Небеса плавятся от молний, цветущие ветки сливы царапают

оконное стекло, пурпур на сером фоне превращается в черный на титаново-белом. Похоже, программе требуется время, чтобы реагировать на нестандартные или общие вопросы. Отец издает смешок и ставит ноги вместе:

— Сынок, это слишком большой вопрос. С чего, по-твоему, мне следует начать?

> что вы за человек?

Отец закидывает левую ступню на правое колено:

— Дай подумать. Я — японец, скоро мне исполнится пятьдесят лет. По профессии я актер. Хобби — подводное плавание с маской и хорошее вино. Но не бойся — все эти подробности обнаружатся, когда мы станем ближе друг другу, а я надеюсь, что ты снова придешь. Я хотел бы тебя кое-кому представить. Что скажешь?

> о’кей

Изображение на экране ползет вправо, мимо ведерка для вина. Какая-то женщина — лет сорока? — сидит на полу, курит, между затяж-

ками напевая отрывки из «Norwegian Wood»[75]. На ней свободная мужская рубашка, стройные ноги обтянуты черными легинсами. Длинные волосы ниспадают до самой талии. Глаза у нее как у меня.

— Привет, Эйдзи. — В ее голосе звучит нежность; она рада меня видеть. — Догадываешься, кто я?

> белоснежка?

Она улыбается моему отцу и гасит сигарету:

— Вижу, у тебя отцовское чувство юмора. Я — твоя мать.

> дорогая мамочка, вы с папой не виделись уже семнадцать лет

Программа переваривает неожиданную информацию: гроза бодает окно. Мама закуривает новую сигарету:

— Ну, в прошлом у нас были кое-какие разногласия, это так. Но сейчас мы отлично ладим.

---

[75] Примечания: 75

«Норвежское дерево» *(англ.). «Norwegian Wood (This Bird Has Flown)»* («Норвежское дерево (Птичка упорхнула)») — песня Джона Леннона и Пола Маккартни с альбома *The Beatles* «Rubber Soul» (1965).

> значит, на свете больше не осталось простаков, из которых ты можешь вытягивать деньги?

— Мне больно это слышать, Эйдзи. — Моя виртуальная мать отворачивается и всхлипывает, до ужаса похоже на мою настоящую мать, с такой же сухой, скрытой дрожью в голосе.

Я набираю извинение, но отец опережает меня. Он говорит медленно, зловеще, будто трагический актер:

— Это дом, молодой человек, а не гостиница! Если ты не в состоянии держать себя в рамках приличия, ты знаешь, где находится дверь!

Ну и постаралась же программа, создавая мне виртуальных родителей! А они думают, что постаралась реальность, создавая им виртуального сына. Цветы сливы страдают от погоды, не соответствующей сезону.

◆

— Эй! Подъем! Есть тут кто-нибудь? — орет какой-то посетитель кафе «Юпитер», заглушая шум виртуального ливня. — Детка, ты меня обсчитала!

Я отключаюсь и оборачиваюсь посмотреть,

из-за чего сыр-бор. Трутень ростом с гризли, в замызганной рубашке, рычит на девушку с самой прекрасной шеей на свете — и когда она успела прийти? Она смотрит на него с удивлением, но спокойно. Ослица моет посуду, от греха подальше, а моя девушка изо всех сил старается быть вежливой с этим человекоподобным хряком.

— Вы дали мне банкноту в пять тысяч иен.

— Послушай, детка, я дал тебе банкноту в десять тысяч иен. Не пять! Десять!

— Господин, я абсолютно уверена…

Он буквально встает на дыбы:

— По-твоему, я вру?

— Нет, по-моему, вы ошибаетесь.

— Ты что, феминистка? Обсчитываешь, потому что фригидна?

Очередь тревожно шевелится, но все молчат.

— Я…

— Я дал тебе десять тысяч, ты, жертва аборта! Давай сдачу! Быстро.

Она открывает кассу:

— Здесь даже нет десятитысячной банкноты.

Хряк брызжет слюной и скалит клыки:

— Ага! Ты прикарманиваешь деньги из кассы!

То ли я еще не совсем отошел от травки, то ли «Виртуа сапиенс» притупила чувство реальности,

но неожиданно для самого себя я подхожу к этому типу и хлопаю его по плечу. Он оборачивается. Его рот кривит усмешка. Хряк еще здоровее, чем я думал, но отступать поздно, придется атаковать первым, чтобы не потерять преимущество. Выплескиваю кофе ему в лицо и бью головой в нос, очень, *очень* сильно. В глазах вспыхивают искорки рождественских гирлянд, а Хряк отступает с протяжным булькающим «ааааааааа». Зажимает расквашенный нос, кровь течет по пальцам. Я возвращаюсь в исходное положение, нащупываю, чем бы замахнуться. От боли в голове мой голос звучит нетвердо:

— Пошел вон, сейчас же, не то искрошу тебе долбаные зубы в долбаный порошок, — смотрю, что у меня в руке, — вот этой пепельницей!

Должно быть, я убедительно изображаю безумца — прогундосив что-то насчет полиции и нападения, Хряк ретируется. Посетители смотрят ему вслед. Лао-цзы хлопает меня по плечу:

— Чистая работа, Капитан.

Ослица подходит к своей коллеге, полная участия:

— С вами все в порядке? Я не поняла, что происходит…

Официантка с прекрасной шеей захлопывает

кассу и гневно глядит на меня:

— Я и сама бы с ним справилась.

— Знаю, — отвечаю я.

Рождественские гирлянды зловеще мигают.

— Но все равно спасибо.

Она одаряет меня сдержанной улыбкой, так что, когда огоньки рождественских гирлянд начинают мелькать с новой силой, у меня есть чем отвлечься от боли. Сажусь на свое место, и на какое-то время боль получает мою голову в свое полное распоряжение.

Интересно, бывала ли моя мать в кафе «Юпитер», когда жила в Токио? Может быть — после того как родились мы с Андзю, — она сидела на этом самом месте, ожидая, когда с ней свяжется Акико Като. Трутни из «Паноптикума» работают даже по воскресеньям. Неиссякающим роем они залетают в здание и вылетают обратно. Прошло почти две недели с той бесполезной засады, а отца в Токио я так и не нашел. Может, он сейчас в каком-нибудь отдаленном пригороде, а может, читает спортивную хронику за соседним столиком. Лао-цзы сидит через две табуретки от меня, погрузившись в дурацкую игру.

— Привет. — Официантка с самой прекрасной шеей на свете держит в руках кофейник. — На-

лить?

— Боюсь, у меня больше нет денег.

— За счет заведения. В качестве оплаты за охранные услуги.

— Тогда с удовольствием. Спасибо.

Она наливает. Я смотрю. Потом она спрашивает:

— Как ваша голова?

Опираюсь на локоть, прикрываю рукой горло, чтобы она не увидела засос.

— Прекрасно.

— Еще что-нибудь?

— Что — что-нибудь?

— Еще один маффин? За мой счет.

— Чего я действительно хочу, если вы, э-э, не против, — боль придает мне храбрости, о которой я при обычных обстоятельствах и мечтать бы не мог, — так это узнать, как вас зовут.

Ее сдержанная улыбка на секунду запаздывает.

— Аи Имадзё.

Классное имя.

— А вас?

— Эйдзи Миякэ.

Не такое классное.

— Эйдзи Миякэ, — произносит Аи Имадзё, и я чувствую себя намного, намного лучше. Она

изучает шишку у меня на лбу. — Наверное, это ужасно больно, когда бьешь кого-нибудь головой.

— Нет, если умеешь это делать. Как выяснилось.

— Значит, у вас нет привычки каждый день кого-нибудь бодать?

— Это был мой первый удар головой.

— Историческое событие.

На перекрестке загорается зеленый, и рой машин с жужжанием устремляется в туманную дымку.

— Я вас уже где-то видела, Эйдзи Миякэ.

— Да, в тот день, когда была гроза. Две недели назад. Вы решили, что я — ну, в общем, так оно и было — подслушиваю ваш телефонный разговор. В конце вашей смены. Я просидел здесь часа два.

— Ага, — кивает Аи Имадзё, — теперь вспомнила.

— Проклятые биоборги! — костерит Лао-цзы «видбой-3».

— У меня перерыв. Не возражаете, если я присяду?

Не возражаю ли я?

— Конечно нет.

И к моей радости и смущению — я еще не могу

прийти в себя от ночи, проведенной с незнакомкой в отеле любви, — девушка с самой прекрасной шеей во всей вселенной садится рядом со мной.

— И как же прошла ваша встреча? — спрашивает она.

— С кем?

— С тем, кого вы ждали в день, когда была гроза.

— Нет, встреча не состоялась.

— С подругой?

Я останавливаюсь на сокращенной версии и перепрыгиваю через Акико Като.

— С родственником.

— И давно вы его ищете?

— Три недели.

— Три недели? С тех пор, как приехали в Токио?

— Откуда вы знаете?

Ее щеки надуваются мячиками, а глаза превращаются в два маленьких полумесяца. Мне нравятся такие улыбки.

— Ваш акцент. Через полгода вы его потеряете. Откуда вы родом?

— Вы, наверное, о таком месте даже не слышали.

— А давайте проверим.

— Якусима. Остров близ…

— …южного побережья Кюсю, где растут кедры Дзёмон, древнейшие обитатели восточного полушария. Итак, как вам Токио, этот непростой город?

«Токио, этот непростой город». Классное выражение.

— Полон сюрпризов. Иногда здесь одиноко. По большей части странно. Не получается ходить по прямой — я постоянно на кого-нибудь налетаю.

— Перестаньте думать о том, как вы ходите. Это все равно что подносить ложку ко рту: задумаешься, как это сделать, — промахнешься. Откуда вы знаете, что ваш родственник проходит мимо этого места?

— На самом деле я не знаю. Я даже не знаю, как он выглядит.

— Это дальний родственник?

— Ох, вам будет скучно слушать.

— А почему вы решили, что мне будет скучно? Вы смотрели в телефонном справочнике?

— Я даже не знаю, как его зовут.

Аи Имадзё недоуменно морщит лоб:

— А он знает, как вас зовут?

— Да.

— Дайте сообщение в колонки личных объ-

явлений: «Родственников Эйдзи Миякэ просят написать на такой-то абонентский ящик». Ну, как-нибудь так. Большинство токийцев читают одни и те же три-четыре газеты. Если ваш родственник и не заметит объявления, то его увидит кто-нибудь другой и ему скажет. Что, не верится?

Я лихорадочно размышляю.

Аи Имадзё пристально на меня смотрит:

— Что?

Ах, как мне нравится, когда Аи Имадзё так на меня смотрит!

— Понятия не имею.

Снова эта улыбка, с долей замешательства.

— О чем?

— Понятия не имею, почему я так глуп, что не подумал об этом раньше. А в какие газеты?

— О, дикарь с Кюсю[76]! — встречает меня Бунтаро в «Падающей звезде». — Твои глаза как проталины от мочи на снегу.

Мой домовладелец ест черничное мороженое на палочке. На экране телевизора кто-то в черном костюме бредет по пустыне. Звуки слайд-гитары

[76] Примечания: 76

Дикарь с Кюсю — отсылка к расхожему выражению «дикарь с Борнео», прозвищу Джими Хендрикса; на острове Борнео (Калимантан) обитают примитивные племена даяков, охотников за головами.

кружат вместе с перекати-полем. Черному костюму неплохо бы отправиться в чистку, а человеку — побриться и принять душ.

— Доброе утро. Что за фильм?

— «Париж, Техас» Вима Вендерса.

Бунтаро проглатывает остатки мороженого, стараясь, чтобы оно не сорвалось с палочки. Смотрю фильм. В Париже, штат Техас, не особо много происходит.

— Какой-то медленный фильм, правда?

Бунтаро облизывает руку.

— Это, парень, экзистенциалистская классика. Человек, которому отшибло память, встречает женщину с огромными титьками. Ну, рассказывай. Как ночка? Отшибло память или огромные титьки? Меня не обманешь, так и знай. Я тоже когда-то был молод. А ты парень не промах, скажу я тебе. Две недели в большом городе, а уже ухлестываешь за благоуханным полом.

— Я просто встретил друзей.

— Ну-ну. Кстати, о друзьях. Я тут сегодня видел огромного таракана.

— Все претензии — к домовладельцу.

— Нет, серьезно. Сперва я решил, что это облезлая крыса. А он как зашевелит своими рогами… Ну, я попытался его пришлепнуть, но он взлетел,

пронесся над лестницей и исчез под твоей дверью с такой скоростью, что я даже не успел ахнуть. Может, его схрумкала твоя голодная кошка. А может, это он схрумкал твою голодную кошку.

— Я накормил свою голодную кошку перед тем, как уйти.

Отлично! Бунтаро привыкает к мысли, что Кошка живет в моей капсуле.

— Ага! Значит, свидание было запланировано.

Голова гудит.

— Оставьте меня в покое, — умоляю я. — Пожалуйста.

— А я к тебе приставал? Опустоши то, что переполнено, наполни то, что пусто, почеши там, где чешется, — вот три ключа к гармонии. А откуда у тебя на горле это странное красное пятно?

Лучшая защита — нападение.

— У вас ширинка расстегнута.

— И что с того? Дохлая птичка из гнезда не вылетит.

— Ваша птичка не такая уж и дохлая. Посмотрите на свою жену.

— Птичка сдохла. Посмотри на мою жену.

— Чего-чего?

— Однажды, мой мальчик, ты поймешь, что я имею в виду.

Я уже собираюсь подняться наверх, когда входят трое подростков. Тот, кто у них за главного, обращается ко мне:

— У вас есть «Виртуа сапиенс»?

— Никогда не слышал, — отвечает Бунтаро. — Это сиквел «Гомо»?

— Чего-чего?

— Это видеоигра, — объясняю я. — Вышла на прошлой неделе.

Приспешник главаря не обращает на меня внимания.

— А «Меч Зикворума» есть?

— Софта нет. Только видео.

— Чё я вам говорил! — восклицает главарь, и они удаляются.

— Всегда пожалуйста, ребята. — Бунтаро смотрит, как они уходят. — Знаешь, Миякэ, из одного авторитетного источника — не что-нибудь там, а «Ребенок и вы» — я узнал, что среднестатистический японский отец проводит со своим отпрыском семнадцать минут в день. А с видеоиграми среднестатистический школьник проводит девяносто пять минут в день. Новое поколение с электронными папашами. Когда родится Кодаи, сказки на ночь ему будут рассказывать родители, а не больные на голову программисты-извращен-

цы. Я уже готовлю свое большое громкое «нет», на случай если Кодаи прибежит ко мне выпрашивать игровую приставку.

— А если он прибежит в слезах, когда одноклассники перестанут с ним разговаривать, потому что его папочка из вредности отказывается купить ему игровую систему?

— Я… — Бунтаро морщит лоб. — Об этом я не подумал. А как поступал твой отец в таких случаях?

— Он был далеко.

— А мама?

Одна маленькая ложь влечет за собой другую.

— Я играл в футбольной команде. Так или иначе, мне нужно, э-э, освежиться.

Поднимаюсь в капсулу, принимаю душ, вытираюсь, обливаясь потом так, что впору снова ополоснуться, — и разворачиваю футон. Сон не идет. Перед глазами всплывает образ Аи Имадзё. Ее гибкая шея, ее улыбка. Аи Имадзё называет меня по имени. Встаю, беру аккорды на гитаре, но пальцы не слушаются. Проверяю тараканий мотель. Там только один постоялец, младенческого возраста. Таракан раззвонил по всему миру о гостеприимстве моего мотеля. Возвращается Кошка, досуха опустошает миску с водой. Я нали-

ваю еще, и она снова выпивает все до капли.

Позже я выхожу купить вечерний выпуск «Токио симбун». Еду на подлодке до Уэно и, выбрав в парке тихое местечко, заполняю бланк объявления. Несколько раз начинаю заново — крайне важно не написать ничего такого, что может разозлить мачеху или создать впечатление, что мне нужны деньги. В конце концов я доволен планом «В»: простое, короткое сообщение. Отправлю его завтра, в обеденный перерыв. Сосу шипучий леденец. В парке Уэно полно семей с детишками, парочек, стариков, иностранцев — бразильцев, китайцев, — у каждого народа свой кусочек территории. Любители ходить по музеям, любители фотографировать, скейтбордисты. Цикады на деревьях, младенцы под деревьями, парк аттракционов среди деревьев. Масляные голуби. По периметру, как по велосидрому, носятся мотоциклы. Пахнет сахарной ватой, благовониями, зоопарком и такояки[77]. Я направляюсь к пруду Синобадзу, посмотреть, как кормят уток. Укладываюсь под деревом и вставляю в «Дискмен»

[77] Примечания: 77

Такояки — хрустящие пончики с начинкой из измельченного отварного осьминога и специй.

«Mind Games»[78]. Сегодня самый жаркий день за всю историю сентябрей. Смотрю на облака. Вот идет Дама с фотографиями, споря с невидимым собеседником. Интересно, соберусь ли я когда-нибудь с духом пригласить Аи Имадзё на свидание? Молодая женщина с бумажным пакетиком кормит уток хлебными корочками. Рядом с ней на скамейке лежит стопка библиотечных книг. Меня клонит в сон. Женщина подводит ко мне велосипед, будто хочет что-то сказать. Изучает мое лицо. Я нажимаю «Стоп», и парковый гомон снова льется в уши.

— Нет, — наконец говорит она. — Это не просто совпадение.

— Простите?

Она с недоверчивым отвращением качает головой:

— Даймон за мной шпионит.

Я подскакиваю:

— Кто вы?

Ее лицо суровеет.

— Не надо мне этого дерьма.

Чего-чего?

Она шипит, тыча в меня пальцем:

---

[78] Примечания: 78

«Игры разума» *(англ.). «Mind Games»* («Игры разума») — четвертый сольный студийный альбом Джона Леннона (1973).

— Да пошел он на хрен! Так ему и передай. Пусть охмуряет сопливых школьниц своими фантазиями насчет побега! Передай ему, что он ничтожество! Передай ему, что моя родина перестала быть японской колонией в конце прошлой войны! Передай, что, если он будет звонить, я поменяю номер телефона! А если сунется ко мне домой, получит в рожу вилкой. Передай Юдзу Даймону, чтобы катился куда подальше! Чтоб он сдох! Все это относится и к тебе тоже.

Утки крякают.

И вдруг меня осеняет. Эта женщина — Мириам, хостесса из «Пиковой дамы». Та, что вчера не пришла на свидание к Юдзу Даймону в игровой центр. А я помог Юдзу Даймону с ней поквитаться. Ужас!

— Честное слово, — начинаю я. — Я… я не знал… я вовсе за вами не шпионю, я… — (Утки пролетают мимо, хлопая крыльями.) — Я и не думал… то есть это ошибка, я и понятия не имел, что вы будете здесь… откуда мне знать? Ну, мы с Даймоном почти не знакомы…

Первое: платан игольчато мерцает. Второе: до меня доходит, что она сильно и точно саданула меня ногой по яйцам. Третье: я корчусь от боли под градом горошин агонии. Четвертое: слышу

ледяной голос, способный заморозить весь пруд:

— Я точно знаю, кто ты такой, Эйдзи Миякэ. Ты — пиявка-вымогатель, который живет ложью. Так же как твой отец.

Она идет к велосипеду. Превозмогая боль, повторяю про себя ее последние слова.

— Подождите!

Она уезжает.

Пошатываясь, встаю на ноги.

— Подождите!

Она крутит педали — прочь по дамбе между утиным прудом и озером, по которому катаются на лодках. Бросаюсь бегом, но от боли перехватывает дыхание.

— Мириам! Подождите!

Мамаши с колясками оборачиваются, подростки на мотоциклах глазеют и смеются. Даже утки смеются.

— Мириам!

Опускаюсь на корточки, признав свое поражение, и смотрю, как она исчезает в миражах и брызгах фонтанов. Она знает моего отца! Хочется радоваться забрезжившей надежде и в то же время выть от бессилия. Нетвердой походкой я возвращаюсь к своим пожиткам и в пыли между корнями платана замечаю кое-что еще.

Библиотечная книга выпала, когда Мириам меня саданула. Что за книга? Не могу прочитать ни слова — она на корейском.

◆

В закоулках Сибуя я теряю счет времени. Кажется, что между «вчера» и «сегодня» несколько недель. Лабиринт узких улочек с резкими тенями и вчерашний розовый квартал — два разных города. Среди отбросов снуют кошки и вороны. Фургоны пивоваренной компании задним ходом въезжают в переулки. Из водосточных желобов брызжет вода. Ночная часть Сибуя дремлет, словно дряхлый комедиант между выступлениями. Глаза разбегаются от обилия вывесок: «Дикая орхидея», «Ямато-надэсико»[79], «У Мака», «Диккенс», «У Юми-тян». Даже если «Пиковая дама» где-то здесь, я так устану от поисков, что ее не увижу. Я вышел из «Падающей звезды» без часов и не представляю, сколько осталось до вечера. Ноги гудят, во рту привкус пыли. Ну и жара. Я обмахиваюсь бейсболкой. Лучше не становится.

---

[79] Примечания: 79

Ямато-надэсико (букв. «японская гвоздика») — идиоматическое японское выражение, обозначающее идеальную женщину, «цветок японской женственности».

Какая-то пожилая мама-сан поливает бархатцы на подоконнике третьего этажа. Я оглядываюсь на нее, а она рассеянно смотрит мне вслед.

В телефонной будке — порносафари и вонь нестираных брюк. В Токио незачем покупать секс-мангу — достаточно найти ближайший телефон-автомат. Мы с двоюродными братьями сэкономили бы целое состояние. Здесь все формы и размеры, какие только можно представить, и много еще чего. Втроем, вчетвером, садо-мазо, школьное обозрение, «серебряные» услуги для восьмидесятилетних[80].

— Справочная, — отвечает женский голос. — Назовите город, пожалуйста.

— Токио.

— Район?

— Сибуя.

— Имя?

Мисс Манила Санрайз надувает губки над парой надувных мячей. Нет, конечно же…

— Имя, пожалуйста…

…не может быть, чтобы настоящие…

— Имя, пожалуйста!

---

[80] Примечания: 80

…«серебряные» услуги для восьмидесятилетних. — В Японии пожилых людей называют «серебряным поколением».

— Э-э, простите. Я ищу клуб «Пиковая дама».

— «Пиковая дама»… секундочку…

Стук клавиатуры.

Мисс Взбитые Сливки слизывает пену с каблучков-шпилек.

Стук клавиатуры.

— «Пиковый интерес»… «Пикник втроем»… Извините, такого нет.

— Вы уверены? Я был там вчера вечером. Может, у них новый номер?

Миссис Венник на помеле, рядом пузырь со словами: «Вперед! Назад! И весело тряхнем!»[81]

— Новые номера добавляются в компьютер по мере регистрации.

— Значит, номера «Пиковой дамы» у вас в компьютере нет…

— Должно быть, он не указан в справочнике.

Странно.

— Что же это за клуб такой, если он скрывает свой телефонный номер?

— Должно быть, очень эксклюзивный клуб. Извините, ничем не могу вам помочь.

— Да, конечно. Спасибо.

Вешаю трубку. Большая карточка исписана

---

[81] Примечания: 81

«Вперед! Назад! И весело тряхнем!» — слова английской детской песенки «Хоки-поки», в которой описаны танцевальные движения.

детским почерком. Телефонного номера нет. «Если хочешь секса со мной, я снаружи». Оглядываюсь. Она смотрит сквозь стекло прямо на меня. Шестнадцать? Пятнадцать? Четырнадцать? У нее больной взгляд. Она медленно прижимает губы к стеклу. Я удираю быстрее, чем Таракан.

Дверь в полицейский участок открывается туго. Толкаю изо всех сил, и она со скрипом подается. Выцветшие плакаты «В розыске» с фотографиями последователей «Аум Синрикё»[82], «Набери 110», «Вступи в полицию и служи Японии». Спасибо, обойдусь. Картотечные шкафы. Черно-белые настенные часы с бегущей секундной стрелкой, такие висят во всех государственных учреждениях. Календарь с логотипом «Сити-банка», шелестящий под дуновением вентилятора. Полицейский, откинувшись назад и заложив руки за голову, медитирует. Он приоткрывает глаз:

— Чего тебе, сынок?

— Извините, я ищу клуб.

— Ты ищешь клуб? — Слова сочатся из уголка губ.

---

[82] Примечания: 82

«Аум Синрикё» — японская тоталитарная религиозная секта, устроившая в 1995 г. зариновую атаку в токийском метро (о чем рассказывается в первой части дебютного романа Митчелла «Литературный призрак»).

— Да.

— Любой подойдет? Или какой-то конкретный клуб?

— Я ищу конкретный клуб.

— Ты ищешь конкретный клуб.

— Да.

Вдох, долгий, как конец света. Поднимается второе веко. Два налитых кровью глаза. Молчание затягивается. Он наклоняется вперед — стул скрипит — и разворачивает на столе карту[83]. Вверх ногами.

— Как звать?

— Эйдзи Миякэ.

Долгий пристальный взгляд.

— Да не тебя, гений. Клуб как называется?

— Э-э, простите. «Пиковая дама».

Полицейский мрачнеет:

— Ты член этого клуба?

Я сглатываю:

— Не совсем. Я там был. Вчера.

Он хмурится, как будто я что-то скрываю:

— По приглашению?

---

[83] Примечания: 83

Полицейский… медитирует. á…ñ *Извините, я ищу клуб.* á…ñ *Он… разворачивает на столе карту.* — В Японии нумерация домов не указывает на их местонахождение, поэтому одна из основных обязанностей полицейских — разъяснять, как пройти к тому или иному зданию.

Я киваю:

— Да.

Он рассматривает меня под другим углом:

— И ты снова хочешь туда пойти? Зачем?

— Мне нужно поговорить с одним… знакомым, который там работает.

— Тебе нужно поговорить с одним знакомым, который там работает. Сколько, говоришь, тебе лет?

— Я, э-э, этого не говорил.

— Ясно, что не говорил, гений. Поэтому я и спросил. Сколько тебе лет?

Это еще зачем?

— Двадцать.

— Документы.

Нервничая, открываю бумажник и протягиваю ему водительские права. Полицейский скрупулезно их изучает:

— Эйдзи Миякэ, житель префектуры Кагосима. Приехал в Токио найти работу?

Я киваю. Он читает дальше:

— Дата рождения — девятое сентября. Двадцать тебе исполнилось вчера, так?

— Так.

— Значит, во время посещения вышеупомянутого клуба ты еще не достиг возраста, когда

разрешается распитие спиртных напитков? Так?

— Я был в «Пиковой даме» вчера. В свой день рождения.

— Ты был в вышеупомянутом клубе вчера. В свой день рождения.

— Все, что мне нужно, — это адрес клуба.

Он изучает мое лицо, будто ищет разгадку. В конце концов возвращает мне права.

— Все, что я могу тебе посоветовать, — это получить вышеупомянутый адрес, позвонив вышеупомянутому другу. «Пиковая дама» не значится ни на одной из моих карт.

Конец. Я кланяюсь и ухожу, с трудом закрывая дверь, а он все запоминает мое лицо.

Признаю свое поражение. Ноги вот-вот отвалятся. Обхожу все улицы и переулки в Сибуя по крайней мере дважды, но «Пиковой дамы» нигде нет. Покупаю банку «Калпис»[84] и пачку «Севен старз», присаживаюсь на какую-то ступеньку. Может, Даймон в бильярдном зале? Вряд ли. Теперь он наверняка будет меня избегать и еще долго туда не сунется. Ну почему Мириам вчера вечером не сказала, что знает моего отца?! Кстати, откуда она узнала, как меня зовут? Ну

---

[84] Примечания: 84

«Калпис» — японский молочный напиток с лактобактериями.

да, Даймон несколько раз обращался ко мне по имени. Но «Миякэ» — распространенное имя. А еще Даймон сделал запись в книге посетителей, и она, должно быть, заметила необычные иероглифы для «Эйдзи». Отец наверняка говорил обо мне. Я делаю большой глоток из банки и закуриваю сигарету. Отец посещает эксклюзивные клубы — еще один штрих к тому, что мне о нем известно. Он богат. Представляю, как дым клубится в легких, будто пыль в залитых солнцем шахтах. Столкнуться с Мириам у пруда Синобадзу — не такая уж и неожиданность. Она любит кормить уток — много ли в Токио мест, где можно кормить уток? Пристраиваю сигарету на край банки и пролистываю выроненную Мириам библиотечную книгу. Вот это здорово! Получить по яйцам от женщины, которая обслуживает моего отца. Нет. Тут что-то не так. Странно. Слишком много совпадений. Ну и что? Надо найти им объяснение — вот вам и план «Г». Интересно, отец — такой же бабник, как отец Даймона? Я-то думал, что он изменяет супруге, но верен любовнице. В принципе, я просто хочу с ним встретиться, а не осуждать. Сигарета скатывается с банки, которая вдруг сама по себе дрожит, раскачивается и…

…падает, стонет земля, поют оконные стекла,

трясутся здания, ох, я трясусь, сочится адреналин, обрываются на полуслове миллионы фраз, замирают лифты, миллионы токийцев ныряют под столы и в дверные проемы — я сжимаюсь в комок, защищаясь от обломков каменной кладки, — и весь город и я вместе с ним возносим горячие молитвы кому угодно — кому угодно — Богу, богам, ками[85], предкам — тому, кто слушает: пусть это кончится пусть это кончится пусть это кончится сейчас же, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пусть оно не будет сильным, не будет сильным, не сегодня, не сейчас, не как в Кобэ, не как в двадцать третьем[86], не сегодня, не здесь. «Калпис» ручейками растекается по истомившемуся от жажды тротуару. Бунтаро как-то говорил, что сейсмические волны землетрясения бывают продольными и поперечными. Продольные — это еще ничего. А поперечные ровняют города с землей. Но как отличить одно от другого? Какая разница — просто пусть оно прекратится!

Землетрясение прекращается.

---

[85] Примечания: 85

Ками — божественные духи стихий в синтоизме.

[86] Примечания: 86

…не как в Кобэ, не как в двадцать третьем… — В 1995 г. крупный портовый город Кобэ серьезно пострадал от мощного землетрясения; в 1923 г. сильнейшее землетрясение полностью разрушило Токио.

Я выпрямляюсь, заново рожденный, лишенный дара речи, еще не совсем в это веря. Тишина. Дыши. С небес струится облегчение. Люди включают радиоприемники, чтобы выяснить, это локальный толчок, или Иокогама или Нагоя уже стерты с карты Японии. Поднимаю банку «Калпис» и закуриваю новую сигарету. И вдруг вижу — и не верю своим глазам. Напротив, через дорогу — проход. Он ведет в здание и упирается в лифт. Рядом с лифтом табло. На табло, рядом с цифрой «9», два трапециевидных глаза смотрят прямо на меня. Я узнаю эти глаза. Глаза пиковой дамы.

Двери лифта открываются, звенит бронзовый гонг. Рядом с проектором — ведро с мыльной водой. Женщина в комбинезоне, стоя на стремянке, коктейльной шпажкой чистит дырочки в куполе планетария.

— Извините, но мы открываемся в девять. — Тут она замечает, как неказисто я одет. — Ох, еще один продавец дурацких мобильников… Да что вы сюда все ходите!

Что ж, я тоже обойдусь без любезностей.

— Мне нужно поговорить с Мириам.

Меня пристально оглядывают:

— Кто вы такой?

— Меня зовут Миякэ. Я был здесь вчера, с Юдзу

Даймоном. Мириам нам прислуживала. Мне нужно задать ей один вопрос. И я сразу же уйду.

Женщина качает головой:

— Нет, вы уйдете прямо сейчас.

— Прошу вас. Я не маньяк и не псих. Пожалуйста.

— Мириам сегодня не работает.

— А вы не дадите мне номер ее телефона?

Она ковыряет коктейльной шпажкой в дырочке.

— А что у вас за вопрос?

— Личный.

Таким взглядом на меня никогда в жизни никто не смотрел. Она указывает большим пальцем на скрытую занавесом дверь:

— Спросите у Сиёри.

Я благодарю ее и прохожу в курительную комнату. Вышитые панно скатаны под потолок, солнечный свет падает в окна, забранные прочными решетками. Женщины в футболках и джинсах сидят на полу и, причмокивая, поедают сомэн[87]. Хрупкая дама возится с заводным попугаем. Как только я вхожу, разговор затихает.

---

[87] Примечания: 87

Сомэн — разновидность длинной тонкой лапши из пшеничной муки; обычно подается холодной, с соусом для обмакивания, кунжутом, тертым имбирем, васаби и зеленым луком.

— Да? — спрашивает одна из девушек.

— Девушка у входа велела мне обратиться к Сиёри.

— Это я. — Она наливает себе чашку улуна[88]. — Что вы хотите?

— Мне нужно поговорить с Мириам.

— Она сегодня не работает.

Другая девушка перекладывает в руке палочки:

— Вы были здесь вчера. Гость Юдзу Даймона.

— Да.

Их безразличие сменяется враждебностью. Сиёри полощет рот чаем.

— Так он послал вас проверить, как восприняли его очаровательную выходку?

— Не понимаю, — говорит другая, — что ему за удовольствие так с ней обращаться.

Еще одна девушка покусывает кончик палочки:

— Если вы думаете, что Мириам захочет находиться с вами в одной комнате, то вы просто болван.

— Я понятия не имел, что между ними что-то было.

---

[88] Примечания: 88

Улун — полуферментированный чай из зрелых листьев, сочетает в себе свойства зеленого и черного чая.

— Тогда вы слепой болван.

— Прекрасно. Я слепой болван. Но мне очень нужно поговорить с Мириам.

— Что за срочность?

— Долго объяснять. Она сказала одну вещь…

Дама у клетки попугая откладывает крошечную отвертку, и все замолкают.

— Если вы хотите говорить с Мириам, вам нужно стать членом клуба.

Да это же вчерашняя Мама-сан!

— Кандидаты должны представить девять рекомендаций от действительных членов, исключая Юдзу Даймона, который таковым больше не является. Заявочный взнос — три миллиона иен — не возвращается. Если отборочный комитет одобрит вашу заявку, взнос за первый год членства — девять миллионов иен. По получении данного статуса вы вольны спрашивать Мириам о чем угодно. Кстати, передайте Юдзу Даймону, что он поступит разумно, если уедет из города на как можно более долгое время. Господин Морино крайне недоволен.

— А можно мне просто оставить записку для…

— Нет. Вам можно просто уйти.

Я открываю рот.

— Повторяю, вам можно просто уйти.

И что теперь?

— Масанобу Суга? — недоумевает администратор на проходной Императорского университета. — Студент? Но сейчас воскресенье, четыре часа дня. Он, скорее всего, завтракает.

— Он аспирант. Компьютерщик.

— Тогда он еще не проснулся.

— Кажется, его комната на девятом этаже.

Ее коллега наклоняется к ней и шепчет:

— С экземой.

— А, вот кто. Да. Поднимайтесь. Девятый этаж, комната восемнадцать.

Снова лифт. На третьем этаже двери открываются, входят несколько студентов. Я чувствую себя пришельцем из вражьего стана. Они продолжают разговор. Я всегда представлял, что студенты беседуют только о философии, технике и о том, является ли любовь чувством священным или встроена в программу полового влечения, но эти обсуждают наилучший способ проскочить мимо гидры в «Зэксе Омеге и луне красной чумы». Так вот куда попал весь цвет нашей школы! Не успеваю собраться с духом, чтобы посоветовать им атаковать гидру из огнемета, как двери лифта раскрываются на девятом этаже. Я представлял университеты широкими и плоскими, но в Токио

они высокие и узкие. В коридоре никого нет. Несколько раз прохожу из одного конца в другой, пытаясь разобраться в нумерации. Возможно, это часть вступительного экзамена. Наконец вижу надпись: «Масанобу Суга. Оставь надежду, майкрософтер всяк, сюда входящий…»[89]

Я стучу.

— Войдите.

Толкаю дверь. Воняет, как в немытой подмышке, а покрывало с изображением Дораэмона[90], занавешивающее окно, делает комнату такой же влажной и темной. Барабаны-бонго, учебники, журналы, компьютерная техника, коробки из-под нее, постер с Зиззи Хикару, горшок с каким-то пеньком, полный комплект манги «Вагинадоры: Девятый вал», куча пустых упаковок из-под лапши и горы папок с документами. В бюро находок Суга постоянно твердил о том, как прекрасны офисы без бумажной документации. Сам он сидит в углу, согнувшись над клавиатурой. Теппети-

---

[89] Примечания: 89

«Оставь надежду, майкрософтер всяк, сюда входящий…» — парафраз надписи над вратами ада в поэме Данте Алигьери (1265–1321) «Божественная комедия».

[90] Примечания: 90

Дораэмон — кот-робот из XXII в., персонаж одноименного манга-сериала Фудзико Фудио (псевдоним Хироси Фудзимото и Мотоо Абико), публиковавшегося с 1969 по 1996 г.

теп-теп-теп-теппети-биппити-бип-бип-бип.

— Вот хрень! — Он оборачивается и таращит глаза на гостя. Ищет в памяти мое имя, хотя с тех пор, как он уволился, прошло только девять дней. — Миякэ?!

— Ты же сам предлагал, чтобы я зашел тебя навестить.

Суга морщится:

— Но я же не думал, что ты действительно зайдешь… Как там бюро находок? Госпожа Сасаки по-прежнему вымораживает все вокруг? А как тебе прощальный финт Аоямы? Видел по телику? Показывали во всех новостях, пока старшеклассник не угнал автобус с туристами. Ну, ты видал? Перерезал горло пассажирам, с ума сойти! В общем, если надумаешь совершить эффектное самоубийство, как Аояма, подгадай так, чтобы в это время не происходило ничего сенсационного.

— Суга, я…

— Тебе повезло, что ты меня застал. Бери стул. Тут где-то был один, под… А, ладно, садись вот на коробку. Я только вчера вернулся с недельной стажировки в Ай-би-эм. Ты бы видел их лаборатории! Меня определили в службу техподдержки, подтирать задницы всяким говнюкам. Безнадега. А я хотел попасть в отдел разработок, где испы-

тывают новинки, вот. Ну, через пару минут я сварганил план побега. Раздается первый звонок, какой-то олух из Акиты, с акцентом — только без обид — похуже твоего. «У меня тут с компьютером неладно. Экран потух». — «Ай-ай-ай, какая незадача. Вы видите курсор?» — «Чё?» — «Маленькую стрелочку, которая показывает, где вы находитесь». — «Не вижу я никаких стрелочек. Ничё не вижу. Говорю же, экран потух». — «Ясно. А на мониторе горит индикатор?» — «Че?» — «На мониторе. На телевизоре. Горит зеленый огонек?» — «Нету огоньков. Ничё тут не горит». — «Скажите, а телевизор включен в сеть?» — «Почем я знаю? Тут ничё не видно». — «Даже если заглянуть за телевизор, уважаемый?» — «А что толку? Говорю же, здесь кругом темень». — «А вы не хотите включить свет?» — «Я пробовал, но света нет — лектрическая компания что-то проверяет, сказали, что тока не будет до трех часов». — «Ясно. Что ж, могу дать вам хороший совет». — «Правда?» — «Да. У вас сохранились коробки из-под компьютера?» — «Я никогда ничего не выбрасываю». — «Великолепно. Упакуйте свой компьютер в эти коробки и отнесите обратно в магазин, где вы его купили». — «Все так серьезно?» — «Боюсь, что да». — «И чё мне сказать в магазине?» — «Вы

слушаете внимательно?» — «Да». — «Скажите, что у вас вместо мозгов дерьмо и компьютер вам ни к чему!» И вешаю трубку.

— Это и был твой план побега?

— Я знал, что мои звонки прослушиваются парнем, который за меня отвечает, вот. Плюс я знал, что они знают, что я слишком ценный кадр, чтобы меня вышвырнуть. Поэтому инструктор объявил, что мои таланты можно с большей пользой использовать в другом отделе. Я предложил отдел разработок — и там оказался. Миякэ, что это у тебя?

— Ананас.

— Так я и знал. А зачем тебе ананас?

— Это подарок.

— Я думал, они бывают только в банках. И кому ты собираешься вручить живой ананас?

— Тебе.

— Мне? — недоумевает Суга. — А что с ним делают?

— Режут ножом на кусочки и, э-э… едят.

Суга лучезарно улыбается:

— Вот спасибо. Я забыл пообедать. Угадай, где я сейчас? — Он кивает на свой компьютер и вытаскивает банку пива из упаковки в шесть штук; я мотаю головой, отказываюсь. — Французское

агентство по атомной энергии. Их антихакерские технологии — просто каменный век.

— Ты ж говорил, что «Священный грааль» в Пентагоне.

— Вот же ж хрень! — Суга заливает все вокруг шипящим пивом. — Он там и есть. Французы — зомби.

— Зомби? Ну, я слышал, что французы проводили ядерные испытания в Тихом океане[91], но…

Суга мотает головой:

— Компьютерные зомби. Ни один хакер, достойный своего кремния, никогда ничего не взламывает напрямую. Мы внедряемся в компьютер-зомби и ловим рыбку через него. Частенько через первый компьютер мы зомбируем еще один, а потом еще и еще. Чем рискованней цель, тем длинней зомби-конга[92].

Пора переходить к сути дела.

— Я хотел попросить об одном одолжении. Деликатного свойства.

---

[91] Примечания: 91

…французы проводили ядерные испытания в Тихом океане… — С 1966 по 1996 г. Франция проводила ядерные испытания на атоллах Мururoa и Фангатауфа в архипелаге Туамоту (Французская Полинезия).

[92] Примечания: 92

Конга — групповой танец, зародившийся на Кубе, представляет собой длинную цепочку танцоров, повторяющих одни и те же танцевальные па.

— Что тебе взломать?

Он смотрит на меня и большими глотками пьет пиво. Тут я понимаю, что Суга вовсе не так прост, как кажется. Я слишком опрометчиво сужу о людях. Достаю библиотечную книгу, которую Мириам выронила в парке.

— Наверное, это очень трудно, Суга, но не мог бы ты проникнуть в компьютер Токийской библиотеки и узнать адрес человека, взявшего эту книгу?

Суга вытирает пивную пену:

— Шутишь.

— Ты можешь это сделать?

— Как два пальца обоссать.

Корейское имя Мириам — Кан Хё Ён. Ей двадцать пять лет, и у нее на руках три библиотечные книги. На электричке еду в Фунабаси, где находится квартира Мириам. Район захудалый, но вроде бы приветливый. Все вокруг так и просит свежего слоя краски. Спрашиваю у женщины, что торгует пирожными в магазинчике рядом со станцией, как найти дом Мириам, и она рисует мне карту, а на прощанье лукаво подмигивает. Вдоль дороги тянется длинная стоянка для велосипедов. Прохожу мимо нее, сворачиваю за угол — и вот оно, море. Я его целый месяц не видел. Морской

воздух в Токийском заливе пахнет нефтью. У причала стоят товарные суда, их разгружают и загружают четвероногие краны с шеями, как у лам. Сквозь трещины в асфальте пробиваются огненные сорняки. Закусочная, где подают якинику[93], окуривает вечер мясным духом и запахом древесного угля. Какая-то гаражная группа репетирует песню под названием «Звуковой геноцид». На причале таксист отрабатывает удар в гольфе, загоняет воображаемые мячики в лунки вечерней тишины. Ломбард с зарешеченными окнами, ярко освещенный индийский ресторанчик, прачечная самообслуживания, винный магазин, гейтбольная площадка и, наконец, дом, в котором живет Мириам, — старое трехэтажное здание. Я выкуриваю сигарету из пачки «Севен старз» за рекордно малое количество затяжек. На первом этаже уже никто не живет. Металлическая лестница лязгает под ногами. Один приличный тайфун, и это сооружение развеет по всему Хоккайдо. А вот и нужная дверь: «303».

В полумраке над дверной цепочкой появляется ее лицо.

Она захлопывает дверь.

---

[93] Примечания: 93

Якинику — жаренные на гриле мясо и овощи.

Сконфуженный, я стучу громче. Потом опускаюсь на корточки и говорю в прорезь почтового ящика:

— Я принес вам книгу. Вы обронили ее в парке. Это не имеет отношения к Даймону. Мириам, я с ним толком не знаком! Пожалуйста.

Ответа нет. Мимо идет собака с абажуром на голове. Чуть позади пыхтит толстяк-хозяин. Он хмуро смотрит на меня, ожидая, что я засмеюсь.

— Бобу оттяпали яйца. Эта штуковина — чтобы он не лизал себя где не следует.

Он входит в соседнюю квартиру. Мириам приоткрывает дверь. Курит. Я все еще сижу на корточках. Дверь по-прежнему на цепочке.

— Вот ваша книга.

Мириам берет ее. Потом молча, оценивающе смотрит на меня:

— Ты передал Даймону, что я просила?

— Я уже объяснял: мы с Даймоном едва знакомы.

Она раздраженно мотает головой:

— Вот зачем ты так говоришь? Если Даймон тебя ко мне не подсылал, то как ты узнал, где меня найти?

— Спросил в библиотеке.

Она принимает это объяснение, так что мне

не приходится признаваться в противоправных действиях.

— И ты возвращаешь мне книгу по доброте душевной?

— Нет.

— Так чего же ты хочешь?

Она чуть отступает в сторону, и отраженный янтарный свет озаряет край ее лица. Я понимаю, почему Даймон в нее влюбился. А больше ничего не понимаю.

— Вы действительно знаете, кто мой отец?

— Что?

— В парке Уэно вы говорили о моем отце так, будто знаете его.

— Он постоянный член клуба! Конечно я его знаю.

Я сглатываю слюну:

— Как его зовут?

Она раздражена и озадачена одновременно.

— Твой отец — отец Юдзу Даймона.

План «В» рвется как раз там, где тонко.

— Это он вам сказал?

Ну, теперь все становится на свои места. Под громким названием «План» скрывалась маленькая худосочная ложь.

— В «Пиковую даму» он провел тебя как свод-

ного брата. У его отца — твоего отца — постоянно не менее двух любовниц, так что ты наверняка не единственный.

Я отвожу взгляд. В это трудно поверить. Нет, пожалуй, в это поверить легко.

Мириам пытается разобраться:

— Значит, Даймон все выдумал?

Отец снова исчезает среди миллионов неизвестных. Я не отвечаю на ее вопрос. Она вроде как стенает:

— Самовлюбленное, тупое ничтожество! Просто чтобы отомстить мне… Послушай, Эйдзи Миякэ. Посмотри на меня! — Она гасит окурок. — «Пиковая дама» — это не… обычное место. Если ты опять туда сунешься, с тобой может случиться плохое. И не просто плохое, а очень плохое. Даймон… понимаешь, он нарушил основное правило. Туда можно приводить только кровных родственников мужского пола. Знаешь, не ходи туда больше и сюда тоже не приходи, никогда. И вообще, держись подальше от Сибуя. Я тебя предупредила. Понял?

Нет, я ничего не понял, но она все равно закрывает дверь. Последние мгновения дня. Закат прекрасен, но у меня нет настроения им любоваться. Умирающее солнце из научно-фантастического

фильма висит над мультиплексом «Уорнер-синема». Интересно, какая ветка метро ведет к такому закату и на какой станции нужно сойти? Бреду обратно той же дорогой, что и пришел, замечаю игровой центр. Внутри, у длинного ряда автоматов с полной версией «2084», роятся школьники. Сегодня плохой день. Я разменяю банкноту в тысячу иен на монетки по сто.

♋

Вокруг бушуют потоки фотонного пламени, и мой последний товарищ падает замертво. Ловлю в прицел тюремного охранника и делаю из него жаркое. Замирает последнее эхо. Зловещая тишина. Неужели стрельба закончилась? После красной двери я прошел восемь уровней. Металлический пол лязгает под ногами — я перешагиваю через трупы охранников и повстанцев. Теперь все зависит только от меня. Вот дверь тюрьмы. «Заключенный Нед Лудд[94]. Преступление: кибертерроризм. Приговор: Пожизненное

[94] Примечания: 94

Заключенный Нед Лудд. — Отсылка к полулегендарному историческому персонажу Эдварду Лудлэму. Нед Лудд считается основателем движения луддитов и предводителем стихийных протестов первой четверти XIX в. против внедрения станков и механизмов в ходе английской промышленной революции; в настоящее время луддитами называют сторонников борьбы с инновационными технологиями.

заключение. Код доступа системы безопасности: Оранжевый». Внутри — отец, человек, который освободит мир от тирании Внешней Сети. Сейчас начнется революция, которая преобразит реальность. Стреляю в панель входа, и створки двери разъезжаются в разные стороны. Вхожу в камеру. Темнота. Створки смыкаются, зажигается свет. Офицеры разведки Внешней Сети! С допотопными револьверами? Начинаю стрелять, но фотонная пушка не действует. Камеру пронизывает гасящее поле. Я где-то допустил ошибку. Не заметил предупредительного знака. Столбик заряда энергии на глазах снижается до уровня 0,01. Я не могу шевельнуться. Не могу даже стоять. Какой-то человек — фермер с соевой плантации из моей реальной жизни — подходит ко мне, на ходу ослабляя галстук.

— Меня зовут Агент K00996363E. Открою тайну, Игрок I8192727I. Нед Лудд — это проект Внешней Сети по выявлению антиИгровых тенденций среди игроков и оценке их потенциальной опасности для Внешней Сети. Ваша восприимчивость к нашей провокационной пропаганде свидетельствует о дефектах вашей биопрограммы. Идея, что идеология способна изменить изображение, — исключительно идиотическое инакомыслие.

Внешняя Сеть подвергнет вашу биопрограмму переработке согласно Закона Игры 972HIJ. Глубоко сожалею, I81, но это для вашего же блага. — Он приближает свое лицо к моему. В нем нет ненависти. Оно полно нежности и прощения. — Игра окончена.

4. Отвоеванная земля

Вот так я и умер — сразу после полуночи, на отвоеванной у моря земле, где-то на южном берегу Токийского залива. Я чихаю, заплывший правый глаз дергается и ноет. Воскресенье, семнадцатое сентября. Не могу назвать свою смерть неожиданной, особенно после этих двенадцати часов. С тех пор как Андзю показала мне, что такое смерть, я замечал ее в подъездах, в лифтах, на аптечных полках. Видел, как она бьется о скалы в океане у берегов Якусимы. Всегда в отдалении. Теперь же она сбросила маску, как в кошмарном сне. Теперь это действительно происходит — со мной. Вот он, кошмарный сон наяву, от него не проснешься. Я повержен на лопатки, вдали от всех, кто меня знает, и столбик жизни на нуле. Тело истерзано, а температура поднимается выше, чем этот мост. Небо сыплет звездами, огоньками пролетающих самолетов и спутников. Какая мутная, жестокая, бестолковая, неправдоподобная, преждевре-

менная, сопливая смерть! Гнусная и грустная авантюра, изначально обреченная на провал. В голове проносится, наверное, последняя мысль: если этой бессмысленной истории суждено продолжаться, Богу-вивисектору понадобится новый подопытный кролик. Так много звезд. Для чего они?

В среду после обеда я иду в банк рядом с вокзалом Уэно, чтобы заплатить за сообщения в колонках платных объявлений. Банк в десяти минутах ходьбы вниз по Асакуса-дори, поэтому я сажусь на осиротевший велосипед — служебный транспорт бюро находок. На эту развалину вряд ли кто-нибудь польстится, но велосипед помогает сэкономить четверть часа от обеденного перерыва, так что мне не приходится пробиваться сквозь толпу на улицах, раскаленных выхлопными газами и угасающим летом. В Токио нет тени, а сплошной бетон копит жар. Паркую велосипед снаружи и вхожу в банк — в обеденное время там кипит бурная деятельность, сопровождаемая особым банковским шумом. Трутни, телефоны, принтеры, бумага, автоматические двери, перешептывания, скучающий младенец. Оплатить

план «Г» через банкомат дешевле — главное, не ошибиться, набирая длинный ряд цифр, иначе мои деньги улетят не на тот счет. Виртуальная кассирша на экране кланяется, сцепив руки перед собой. «Пожалуйста, подождите. Производится трансакция».

Жду. Читаю всякую ерунду о потерянных пластиковых картах и дешевых кредитах. Когда же снова поднимаю глаза на виртуальную кассиршу, она говорит нечто другое.

Я не верю своим глазам.

«Ты скоро встретишься с отцом, Эйдзи Миякэ».

Раза три я моргаю и снова смотрю на экран — сообщение не исчезает. Оглядываюсь по сторонам. Должен же быть автор у этого розыгрыша. В начале ряда банкоматов стоит живая кассирша, чтобы помогать клиентам, если у них возникнут затруднения; видя мое замешательство, она спешит подойти. У нее такие же униформа и выражение лица, как у ее виртуальной коллеги. Я молча указываю на экран. Она проводит по нему пальцем.

— Трансакция завершена. Вот ваша карточка, и не забудьте сохранить чек.

— Но взгляните на сообщение!

Голос у нее как у мультяшной мышки Минни:

— «Трансакция завершена. Пожалуйста, заберите карту и чек». Все в порядке.

Смотрю на экран. Она права.

— Там было другое сообщение, — настаиваю я. Оглядываюсь вокруг в поисках шутника. — Сообщение, в котором ко мне обращались по имени.

Ее улыбка застывает.

— Это крайне маловероятно.

Очередь прислушивается. Я взрываюсь:

— Я понимаю, что маловероятно! Иначе зачем бы мне…

На сцене появляется человек в униформе с желтой нашивкой на рукаве. Он всего лишь на пару лет старше меня, а уже Капитан Зазнайка, Самурай корпоративных финансов.

— Спасибо, госпожа Вакаяма. — Он отпускает свою подчиненную. — Я — дежурный менеджер. Что именно вас встревожило?

— Я перевел деньги…

— Автомат допустил ошибку?

— На экране загорелось сообщение. Личного характера. Предназначенное для меня.

— Могу я узнать, почему вы пришли к заключению, что сообщение предназначалось вам?

— Там значилось мое имя.

Участливая мина Капитана Зазнайки явно

отрепетирована на семинаре по обслуживанию клиентов.

— Что именно говорилось в сообщении, господин?

— Что со мной хочет встретиться отец.

Домохозяйки в очереди переглядываются, сгорая от любопытства. Капитан Зазнайка весьма убедительно изображает врача, беседующего с душевнобольным пациентом.

— Вполне возможно, что наш автомат использует иероглифы, которые трудно прочесть.

— Я не работаю в банке, но читать умею, спасибо.

— Ну конечно же. — Капитан Зазнайка оглядывает мой рабочий комбинезон и с притворным смущением чешет в затылке. Потом выразительно косится на часы, намекая, что смущаться следует мне. — Я имею в виду, что здесь либо какое-то недоразумение, либо вы стали свидетелем феномена, ранее не имевшего места ни в истории Токийского банка, ни, насколько мне известно, в истории японского банковского дела вообще.

Я прячу карточку в бумажник, сажусь на велосипед и возвращаюсь на вокзал Уэно. До самого вечера мне настолько не по себе, что госпожа Сасаки спрашивает, в чем дело. Я вру, что меня

знобит, и она дает мне лекарство. В перерыв я подхожу к банкомату на вокзале, который выдает справки о счетах, но не принимает платежи. Ничего необычного. Всматриваюсь в лица посетителей бюро находок, пытаясь уловить многозначительный взгляд. Ничего. Может быть, это проделки Суги? Но Суга не знает о моем отце. Никто в Токио не знает о моем отце. Кроме отца.

Подлодка везет меня в Кита-Сэндзю. Я все время озираюсь. Паранойя. Трутни на меня не смотрят, только какая-то девчушка таращится. По пути домой от станции ловлю себя на том, что высматриваю преследователей в уличных зеркалах. В супермаркете покупаю окономияки[95] со скидкой в полцены и молоко для Кошки. «Бунтаро», — думаю я, стоя в очереди. Я поселился у него, потому что один из родственников моего учителя игры на гитаре, который живет в Кагосиме, знаком с подругой жены Бунтаро. Может, Бунтаро прознал про моего отца? Но разве у владельца скромного видеосалона есть возможность использовать экраны банкоматов для рассылки личных сообщений? А может, Суга

[95] Примечания: 95

Окономияки — жареная лепешка из смеси разнообразных ингредиентов, посыпанная хлопьями сушеного тунца.

и Бунтаро коварно сговорились между собой? В «Падающей звезде» подозреваемый, ероша редеющую шевелюру, беседует с женой по телефону. Обсуждают детские сады для Кодаи. Он кивает мне и складывает ладонь в клюв гогочущего гуся. Я просматриваю пару сцен из фильма ужасов под названием «Вскружи мне голову»[96]. Полицейский преследует маньяка, который заставляет людей испытывать то, чего они больше всего боятся, и жертвы умирают от страха.

— Ну да, парень, ты наверняка думаешь, что это странно, — говорит Бунтаро, вешая трубку. — Ведь Кодаи еще даже не родился. Но списки желающих попасть в эти заведения длиннее, чем гитарные соло *Grateful Dead*[97]. Того, кто пристроен в правильный детский сад, конвейер довезет до правильного университета. — Он вздыхает, качая головой. — Ох, как я глубокомысленно

---

[96] Примечания: 96

…фильма ужасов под названием «Вскружи мне голову». — «Вскружи мне голову» («You Go to My Head») — вымышленный фильм на момент выхода романа в 2001 г., однако существует джазовый стандарт с таким названием (муз. Дж. Ф. Кутс, сл. Хейвен Гиллеспи, 1938), а в 2017 г. бельгийский режиссер Димитри де Клерк снял одноименный романтический триллер о женщине с посттравматической амнезией.

[97] Примечания: 97

Grateful Dead — культовая американская рок-группа, основанная в Сан-Франциско в 1965 г. Джерри Гарсией, бессменным фронтменом, лид-гитаристом и вокалистом группы на протяжении 30 лет.

рассуждаю об образовании. Заботливый папаша. А у тебя как дела? Судя по виду, из тебя высосали костный мозг.

Бунтаро угощает меня сигаретой и вычеркивает себя из моего списка. Невероятно, но единственный оставшийся подозреваемый — отец. И что же нам теперь делать? План «Д».

В обед в четверг я иду в то же самое отделение того же самого банка, чтобы еще раз проверить тот же банкомат. Дежурит та же самая женщина, — узнав меня, она отводит глаза. Вставляю карточку в прорезь, набираю пин-код, и виртуальная кассирша отвешивает мне поклон. Вот это да! «В какой темной комнате нет выхода, а только входы в комнаты еще темнее, чем первая? Отец ждет твоего ответа».

Пытаюсь разгадать — это что, предупреждение? Оглядываюсь в поисках Минни-Маус, но меня уже поджидает Капитан Зазнайка.

— Очередное необъяснимое сообщение?

Этот ублюдок еще и издевается.

Стучу по экрану костяшками пальцев:

— Если это не необъяснимое сообщение, то как его назвать?

— Ну, в общем, понятно, что вы у нас не Билл Гейтс. Вполне возможно, что это сообщение о

недостатке средств для выполнения сделки.

Конечно же, экран вернулся в нормальное состояние и показывает жалкий баланс моего счета. Озираюсь по сторонам, — может, за мной кто-то следит. И стирает сообщение, когда подходит свидетель. Но как?

— Да, конечно, все это очень странно… — неуверенно начинаю я, не вполне понимая, как продолжить; капитан Зазнайка вопросительно вздергивает брови. — По-моему, кто-то использует ваши банкоматы, чтобы дурачить клиентов.

Капитан Зазнайка выжидающе смотрит на меня.

— Неужели это вас не беспокоит?

Капитан Зазнайка складывает руки на груди и склоняет голову набок, всем своим видом давая понять: «Я закончил лучший университет Токио». Я умолкаю и пулей вылетаю из банка. Сажусь на велосипед и возвращаюсь в бюро находок, как и вчера, с подозрением посматривая на припаркованные машины и приоткрытые окна. Отцу достало влияния устроить так, чтобы его имя не значилось в наших с Андзю свидетельствах о рождении, но это, несомненно, другая лига. Остаток дня я провожу, сортируя забытые зонтики: те, что пролежали у нас больше двадцати

восьми дней, пойдут в утиль. А вдруг это мачеха пытается меня запугать? Но если это все-таки отец, то зачем ему шутки, когда он может просто позвонить мне? Бред.

Пятница — день выдачи зарплаты сотрудникам, взятым на испытательный срок в середине года. Банк забит под завязку, приходится несколько минут ждать свободного банкомата. Капитан Зазнайка маячит поблизости. Поглубже надвигаю бейсболку. Женщина со страусиными перьями на шляпке беспрерывно чихает мне в затылок и постанывает. Вставляю карточку, запрашиваю 14 000 иен. Виртуальная кассирша улыбается, кланяется и просит подождать. Пока ничего необычного.

«Отец предупреждает, что передышка окончена».

Что ж, как и следовало ожидать. Из-под козырька кепки я вглядываюсь в нетерпеливую очередь. Кто? Никакой подсказки. Автомат отсчитывает деньги. Виртуальная кассирша снова кланяется.

«Отец идет за тобой».

Ну, так иди! Для чего же еще, по-твоему, я приехал в этот город? Колочу по виртуальному кассиру нижней стороной кулаков.

— Вы не из Токио, господин? — Капитан Зазнай-

ка стоит у меня за спиной. — Я так и думал. Токийцам воспитание не позволяет нападать на наши автоматы.

— Да вы взгляните!

Я тычу в экран и ахаю.

«Пожалуйста, заберите деньги и карту».

Банкомат пищит. Если я что-нибудь скажу Капитану Зазнайке или даже просто посмотрю на него, у меня возникнет непреодолимое желание его ударить, но мой череп вряд ли выдержит больше одного удара головой в неделю. Оставляю без внимания раздраженный вздох Капитана Зазнайки, беру деньги, карточку, чек и разгуливаю по вестибюлю, пытаясь поймать чей-нибудь взгляд. Очереди, мраморный пол, звоночки, подзывающие клиентов к кассам. В банках никто ни на кого не смотрит. Капитан Зазнайка косится на меня и заговаривает с охранником. Я выскальзываю за дверь.

Между банком и Уэно есть лапшевня — самая убогая в Токио. Вообще-то, токийские лапшевни — самые убогие в Японии, так что эта — самая убогая в мире. Она так убога, что у нее нет ни названия, ни определенного цвета. О ней мне рассказал Суга — здесь дешево, как и полагается, зато можно сколько угодно пить воду со льдом

и листать комплекты комиксов за последние двадцать лет. Оставляю велосипед в переулке за углом, вдыхаю запах гари из вытяжки и вхожу сквозь нити бусин в дверном проеме. Внутри грязно, засижено мухами. Четыре строителя молча сидят над четырьмя засаленными плошками. Повар — старикан, который умер пару дней назад. Круглый плафон единственного светильника под потолком пятнают кучки дохлых насекомых, а на стенах красуются разводы жира. По телевизору идет старый черно-белый фильм про якудза, но его никто не смотрит. Гангстера швыряют в бетономешалку. Головки вентиляторов поворачиваются то туда, то сюда. Повар вздрагивает, реанимирует свой труп и распрямляет спину.

— Тебе чего, сынок?

Заказываю лапшу-соба[98] с тэмпурой, яйцом и луком, сажусь на табурет у прилавка. «Сегодня», — говорилось в сообщении. Завтра в это же время я буду точно знать, оказался план «Д» верной ниточкой или очередной липой. Надо как-то обуздать свои надежды. Они рвутся из узды. Кто это может быть, как не отец? Приносят лапшу. Посыпаю ее молотым перцем чили, смотрю, как

---

[98] Примечания: 98

Соба — лапша из гречишной муки.

перчинки расплываются по медузе растопленного жира. Едали лучше, едали хуже.

Снаружи, в слепящем сиянии, велосипеда нет. В переулок втиснут черный «кадиллак», наподобие тех, что ФБР использует для президентских миссий. Задняя дверца приоткрывается, и в щель выглядывает ящерица — короткие иглы белых волос, широко расставленные глаза предоставляют обзор на двести семьдесят градусов.

— Что потерял?

Поворачиваю бейсболку козырьком вперед, чтобы прикрыть глаза от солнца. Ящерица облокачивается о крышу «кадиллака». Вроде бы мой ровесник. Под один короткий рукав рубашки из змеиной кожи уползает драконий хвост, а из-под другого высовывается драконья голова.

— Велосипед.

Ящерица что-то говорит, обращаясь к кому-то в «кадиллаке». Водительская дверца открывается, вылезает мужчина в солнечных очках с франкенштейновским шрамом на щеке, обходит «кадиллак», поднимает с земли груду металлолома и протягивает мне:

— Этот, что ли?

Его руки мускулистее и массивнее моих ног, а пальцы унизаны золотом. Он настолько огромен,

что заслоняет собой солнце. Я ошарашенно беру металлолом и тут же роняю.

— Ага, этот.

Ящерица сокрушенно цокает языком:

— Ах, какие вандалы!

Франкенштейн ногой отпихивает останки велосипеда и большим пальцем тычет в «кадиллак»:

— Залезай. Отец велел тебя доставить.

— Вы от отца?

Франкенштейн с Ящерицей насмешливо переглядываются.

— От кого же еще?

— А искорежить велосипед тоже отец велел?

Ящерица отхаркивается и сплевывает:

— Эй, мудозвон сопливый, лезь в машину, не то щас все руки пообломаю нафиг.

Потоки машин волокут гарь и шум от светофора к светофору. У меня есть выбор?

«Кадиллак» урчит и мягко, как на воздушной подушке, катит по мосту через реку Сумида. Тонированные стекла приглушают яркий дневной свет, а кондиционер охлаждает салон до температуры пива в холодильнике. Я покрываюсь гусиной кожей. Франкенштейн сидит за рулем, а Ящерица, как поп-звезда, растянулся на заднем

сиденье, рядом со мной. Поездка доставила бы удовольствие, если бы не якудза и возможная потеря работы. Вот бы найти телефон и позвонить госпоже Сасаки, сказать ей… что? Меньше всего на свете мне хочется ей лгать. Она хорошая. Мысленно уговариваю себя, что все это — пустяки, ведь за мной прислал отец. Вот что главное. Почему же это не радует? Мимо проплывает Северный Токио, квартал за кварталом, квартал за кварталом. Лучше быть машиной, чем человеком. Магистрали, эстакады, объезды. Трубопровод нефтефабрики, обсаженный штопорами сосен, тянется на километры. Огромный автомобильный завод. Акр за акром — белые каркасы кузовов. Выходит, отец как-то связан с якудза. Что ж, в этом есть определенный смысл. Деньги, власть и влияние. Белые полосы, колышущиеся деревья, заводские трубы — все как во сне. Часы на приборной доске показывают 13:23. Госпожа Сасаки будет гадать, почему я опаздываю.

— А можно позвонить?

Ящерица показывает мне средний палец. Я наглею:

— Я только…

Франкенштейн оборачивается:

— Заткнись нафиг, Миякэ! Терпеть не могу,

когда малолетки ноют.

Отец не дал мне права голоса? Гадать бесполезно, надо откинуться на спинку сиденья и ждать. Проезжаем шлагбаум пропускного пункта. Франкенштейн жмет на газ, и «кадиллак» рвется вперед по платной магистрали. 13:41. Начинаются жилые районы, подступают горы, густо утыканные вышками электропередач. Справа на горизонте вычерчивается полоска моря. Ящерица зевает и зажигает сигарету. Он курит «Хоуп».

— Стильно путешествуем, а? — говорит Франкенштейн, обращаясь не ко мне. — Знаешь, сколько стоит такая тачка?

Ящерица крутит на пальце перстень-череп:

— До фига.

Франкенштейн облизывает губы:

— Четверть миллиона долларов.

Ящерица:

— А на наши?

Франкенштейн прикидывает:

— Двадцать два миллиона иен.

Ящерица смотрит на меня:

— Слышал, Миякэ? Если сдашь вступительные экзамены, всю жизнь прокорпишь в офисе, будешь откладывать премиальные и девять раз переродишься, тоже сможешь разъезжать в «ка-

диллаке».

Я смотрю прямо перед собой.

— Миякэ! Я с тобой разговариваю.

— Извините. Мне же было сказано заткнуться нафиг.

Ящерица присвистывает, с шелестом раскрывает выкидной нож.

— Ты губами-то не шлепай… — Нож, сверкнув у моего запястья, рассекает корпус наручных часов. — Мудило.

Ящерица крутит нож в пальцах, злобно сверкает глазами: мол, попробуй сказать что-нибудь. Потом хохочет, скрипуче и отрывисто, зная, что победа за ним.

Вдали от прибрежной полосы Токийского залива празднуют торжественное открытие «Ксанаду». Съезд со скоростного шоссе увешан гирляндами, над огромным куполом парит гигантский дирижабль «Бриджстоун». У меня начинает болеть горло. «Валгалла» откроется под Новый год, а «Нирвана», с конечной станцией монорельсовой ветки до аэропорта, все еще строится. Поток машин ползет с черепашьей скоростью. Междугородние автобусы, седаны-универсалы, джипы, спортивные машины, снова междугородние автобусы бампер к бамперу вы-

строились в очередь перед пропускным пунктом. С флагштоков свисают флаги всех стран мира. Невероятных размеров транспарант с надписями: «„Ксанаду“ — открытие сегодня! Земной рай для семейного отдыха. Девятиэкранный мультиплекс! Олимпийский бассейн! Танцевальный зал „Криптон“! Караоке-центр! Кухня всех стран мира! Аквапарк „Нептун“! Патинко „Плутон“! Автостоянка на 10 000 — да, на 10 000 — парковочных мест». Полицейский на мотоцикле машет нам рукой, указывая на отдельную подъездную дорогу.

— «Кадиллакам» всюду почет и уважуха. — Ящерица выбивает из пачки еще одну «Хоуп».

— Так это ж наш человек, — говорит Франкенштейн, пока стекло ползет вниз. — Возвращаются старые добрые времена. Когда-то каждый долбаный полицейский в этом долбаном городе относился к нам с уважением.

«Кадиллак» поворачивает и едет вверх по склону прямо на солнце, превращенное тонированным стеклом в темную звезду. С вершины горы мы въезжаем на стройплощадку, отгороженную от «Ксанаду» высоченным забором из листового железа. Кучи гравия, штабеля шлакоблоков, бетономешалки, деревья с корневищами

в мешках, подготовленные для посадки.

— А где работнички? — спрашивает Ящерица.

— Выходной по случаю торжественного открытия, — отвечает Франкенштейн.

Миновав целый квартал передвижных туалетных кабинок, сворачиваем к «Валгалле». Из строительного мусора вырастает сверкающая пирамида треугольников черного стекла. «Кадиллак» съезжает по пандусу в тень и замирает перед шлагбаумом. Сторож опускает окно своей будки. На вид ему лет девяносто, и он либо пьян, либо страдает болезнью Паркинсона. Франкенштейн сердито выглядывает из окна машины. Сторож продолжает кланяться и отдавать честь.

— Сезам, откройся, — рявкает Франкенштейн. — Задолбал уже.

Шлагбаум поднимается, и кланяющийся сторож исчезает из виду.

— Где его откопали? — спрашивает Ящерица. — На кладбище домашних животных?

«Кадиллак» устремляется в темноту, дает задний ход и замирает. Меня охватывает возбуждение. Неужели я действительно под одной крышей с отцом?

— Вылазь, — говорит Ящерица.

В подземном гараже пахнет маслом, бензином

и шлакоблоками. Рядом с нашим припаркованы еще два «кадиллака». В темноте ничего не разобрать, даже стен не видно. Франкенштейн толкает меня в спину:

— Шагай, молокосос.

Иду за ним. Мерцает пятнышко тусклого света — круглое окошко в распашной двери, за которой начинается полутемный служебный коридор, где пахнет свежей краской и гулким эхом отдаются наши шаги.

— Еще толком не построили, а освещение уже хреновое, — замечает Ящерица.

От этого коридора ответвляются другие. Мне приходит в голову, что вроде бы надо испугаться. Никто не знает, что я здесь. Нет, отец знает. Пытаюсь удержать в памяти хоть какие-то ориентиры: у пожарного шланга — направо, дальше — прямо, мимо доски для объявлений. Франкенштейн останавливается у мужского туалета. Ящерица отпирает дверь:

— Входи.

— Мне не нужно в туалет.

— А тебя, сопляк, никто не спрашивает.

— Когда я увижусь с отцом?

Ящерица ухмыляется:

— Мы доложим ему о твоем нетерпении.

Франкенштейн ногой распахивает дверь. Ящерица хватает меня за нос, рывком зашвыривает внутрь — я едва удерживаюсь на ногах — и запирает дверь. Я в белой туалетной комнате. Плитки на полу, кафель на стенах, потолок, светильники, раковины, писсуары, дверцы кабинок — все сверкает ослепительной снежной белизной. Ни окон, ни других дверей. Единственная дверь — металлическая, вышибить ее невозможно. Колочу по ней:

— Эй! Долго вы собираетесь меня здесь держать?

Шумит сливной бачок.

— Кто здесь?

Клацает защелка, дверь кабинки распахивается.

— А я-то думаю, знакомый голос, — говорит Юдзу Даймон, затягивая ремень на брюках. — Надо же, я только сел посрать. Как тебя угораздило попасть в этот дурной сон?

Юдзу Даймон моет руки, глядит на меня в зеркало.

— Так ты мне ответишь или будешь играть в молчанку, пока за мной не придет наш тюремщик?

— Ну ты и наглец!

Он сует руки под сушилку, но ничего не происходит. Тогда он вытирает их о футболку с изображением мультяшной школьницы, опускающей дымящийся пистолет; над ее головой пузырь со словами: «Так вот что такое — убивать… Мне нравится».

— Понятно. Ты все еще сердишься из-за отеля любви.

— Из тебя выйдет отличный адвокат.

— Спасибо за некомплимент. — Он поворачивается ко мне. — Ну что, продлим траур или ты все-таки расскажешь, как здесь оказался?

— Меня привез отец.

— А он кто?

— Пока не знаю.

— Весьма неосмотрительно с твоей стороны.

— А ты здесь зачем?

— Чтобы из меня вытрясли все дерьмо. Может, ты это увидишь.

— А почему? Ты их тоже бросил в отеле любви?

— Ха-ха, очень смешно, Миякэ. Ну, это долгая история.

Я кошусь на дверь.

— Ладно. — Даймон устраивается на умывальной стойке. — Выбирай себе стул по вкусу.

Стульев нет.

— Я постою.

Журчание в бачке стихает. Гулко вздыхает тишина.

— Это старинное сказание о борьбе за наследный престол. Жил да был преклонного возраста деспот по имени Коносукэ Цуру. Свою империю он начал создавать еще во время оккупации, на уличных рынках, из ворованных сигарет. Кстати, у тебя случайно не найдется…

Я мотаю головой.

— Полвека спустя Коносукэ Цуру стал такой важной птицей, что завтракал с членами кабинета министров. Его интересы простирались от преступного мира Токио до правительственных кругов, от наркотиков до строительства — самый выгодный бизнес в стране, правительству которой известно лишь одно средство борьбы с экономическим кризисом: цементировать горные склоны и соединять висячими мостами необитаемые острова. Но я отклонился от темы. Правой рукой Коносукэ был некий Дзюн Нагасаки, а левой — Рютаро Морино. Император Цуру, адмирал Нагасаки и генерал Морино. Ты следишь за ходом моей мысли?

Отвечаю заносчивому фигляру чуть заметным

кивком.

— В подарок на свой девяностый с чем-то день рождения Цуру получает сильнейший сердечный приступ и поездку в «скорой помощи» в больницу Сиба-коэн. В феврале. В самый неподходящий момент. Как раз перед этим Цуру стравливал Морино с Нагасаки, проверяя лояльность своих подчиненных. По традиции Цуру должен выбрать преемника, но он тот еще волчара и упорно цепляется за жизнь. Через неделю Нагасаки решает заявить о своих притязаниях и устраивает нечто вроде Пёрл-Харбора[99] — но выступает не против сил Морино, которые держатся начеку, а против людей Цуру, которые считают себя неприкосновенными. Ночью более ста ключевых фигур Цуру безжалостно ликвидированы — одним махом, за десять минут. Ни переговоров, ни пощады, ни милосердия. — Даймон наставляет на меня указательные пальцы, изображает выстрелы. — Цуру удалось вывезти из больницы, и о нем ходят самые разные слухи: то ли его забили до смерти его собственными клюшками для гольфа, то ли он перебрался в Сингапур, где его

[99] Примечания: 99

Пёрл-Харбор — военно-морская база США на Гавайях, по которой японская авиация нанесла внезапный удар в декабре 1941 г., после чего США вступили в войну с Японией.

накрыл повторный сердечный приступ. Короче, его время вышло. К рассвету престол перешел к Нагасаки. Вопросы из зала?

— Откуда ты все это знаешь?

— Нет ничего проще. Мой отец — продажный коп и служит Нагасаки. Следующий вопрос.

Слишком прямой ответ для такого скользкого типа.

— Что ты здесь делаешь?

— Дай закончить. Если бы это был фильм про якудза, то уцелевшие члены группировки Цуру объединились бы с Морино и начали войну чести. Нагасаки нарушил закон и должен был быть наказан, верно? В действительности все не так интересно. Морино колеблется, теряя драгоценное время. Уцелевшие люди Цуру соображают, откуда ветер дует, и сдаются Нагасаки, поверив обещанию их помиловать. Естественно, их тут же убивают, но это не важно. К маю Нагасаки не только прибирает к рукам весь бизнес Цуру в Токио, но и получает контроль над корейскими группировками и триадами[100]. В июне он уже помогает выбрать крестного отца для внука токийского губернатора. Морино отправляет к

---

[100] Примечания: 100

Триады — преступные группировки, действующие в Гонконге.

Нагасаки посланца с предложением поделить империю, а Нагасаки возвращает посланца Морино, за вычетом рук и ног. К июлю Нагасаки загреб себе все, а Морино довольствуется тем, что вымогает деньги у владельцев борделей, якобы предоставляя им защиту. Нагасаки вполне удовлетворен тем, что влияние Морино сходит на нет, поскольку не желает марать руки физическим уничтожением поверженного противника.

— Почему же ни о чем таком не пишут в газетах?

— Вы, законопослушные японские граждане, — бесплатные статисты на съемочной площадке. А наши политиканы — актеры. Но истинных режиссеров, таких как Нагасаки и Цуру, никому не видно. Спектаклем руководят из-за кулис, а не с авансцены.

— Знаешь, а все-таки объясни, из-за чего ты здесь?

— Я люблю девушку, в которую влюблен Марино.

— Мириам.

Маска соскальзывает с Даймона, и я впервые вижу его настоящее лицо. Дверь со стуком распахивается, входит Ящерица.

— Ну что, девчонки, соскучились? — Он щелч-

ком открывает нож, крутит в пальцах, подбрасывает, ловит и указывает на Даймона. — Ты первый.

Даймон спрыгивает с умывальной стойки, продолжая смотреть на меня недоуменным взглядом. Ящерица причмокивает:

— Даймон, ты готов распрощаться с очаровательным личиком?

— Ты прикупил это тряпье на благотворительной распродаже, — с милой улыбкой говорит Даймон, — или тебе действительно кажется, что ты круто выглядишь?

Ящерица возвращает ему улыбку:

— Шутник.

Когда Даймон проходит мимо, Ящерица с силой бьет его по горлу, хватает за затылок и впечатывает лицом в металлическую дверь.

— Я тащусь от немотивированного насилия, — говорит Ящерица. — А теперь пошути еще.

Даймон с расквашенным носом, пошатываясь, выходит в коридор. Дверь снова запирают на замок.

Или я схожу с ума, или стены туалета изгибаются вовнутрь. Время тоже изгибается. Мои часы разбиты, я понятия не имею, как долго здесь нахожусь. По полу шастает таракан. Набираю в

горсть воду, пью. Потом начинаю игру, которая помогает мне успокоиться: ищу Андзю в своем отражении. Я часто ловлю ее черты в верхней части своего лица. Пробую поиграть по-другому: сосредотачиваюсь на лице матери; вычленяю ее черты из своих; то, что остается, — наверняка отцовское. Может, мой отец — Рютаро Морино или Дзюн Нагасаки? Даймон дал понять, что нас привезли сюда по приказу Морино. А еще он дал понять, что Морино лишился власти. И больше не может позволить себе содержать парк «кадиллаков». Я сосу шипучий леденец. Болит горло. Госпожа Сасаки решит, что Аояма был прав: я — ненадежный недоучка, на меня нельзя положиться. Снова появляется таракан. Рассасываю последний леденец. Из зеркала на меня смотрит Ящерица. Я вздрагиваю.

— А вот и минута, которой ты так долго ждал, Миякэ. Отец хочет тебя видеть.

«Валгалла» — курортный отель невероятных размеров. Когда его достроят, он будет самым шикарным в Токио. Сахарные люстры, молочные ковры, сливочные стены, серебряные светильники. Кондиционеры еще не установлены, поэтому коридоры отданы на милость солнцу, и под всем этим стеклом я уже через полминуты начинаю

обливаться потом. Густой запах коврового покрытия и свежей краски. Над дальним углом ограждения, идущего по периметру строительства, виден громадный купол «Ксанаду», внизу — внутренние дворики и даже искусственная река и искусственные пещеры. Окна полностью лишают внешний мир цвета. Все окрашено в тона военной кинохроники. Воздух сухой, как в пустыне. Ящерица стучит в дверь с номером 333:

— Отец, я привел Миякэ.

Я осознаю весь ужас своей ошибки. «Отец» — значит не «мой отец»; «отец» — значит «крестный отец якудза». Я бы рассмеялся, но события принимают опасный оборот. В следующую секунду раздается сиплое:

— Входи!

Дверь отпирают изнутри. В идеально чистом конференц-зале по обе стороны длинного стола сидят восемь человек, а во главе — какой-то тип лет под шестьдесят.

— Дайте младенцу стул.

Голос сух и шершав, как наждачная бумага. Впалые глазницы, толстые губы, покрытая пятнами шелушащаяся кожа — так обычно гримируют молодых актеров, исполняющих роли стариков, — и бородавка под глазом, будто за-

плутавший сосок-переросток. Мои запоздалые опасения оправдались: если этот тролль — мой отец, то я — крольчиха Миффи. Сажусь на место обвиняемого. Опасные незнакомцы собираются меня судить, а я даже не представляю, в чем меня обвиняют.

— Итак, — говорит человек во главе стола, — вот он, Эйдзи Миякэ.

— Да. А кто вы?

◆

Смерть предоставляет мне выбор. Выстрел в упор, который вышибет мне мозги, или падение с тридцатиметровой высоты. Франкенштейн с помощником режиссера этого черного фарса наверняка сейчас делают ставки на то, какой именно способ я предпочту. Если нет надежды, нет и страха. Монгол шагает по недостроенному мосту. Мой правый глаз так распух, что ночь расплывается. Да, естественно, мне страшно и досадно, что моя бестолковая жизнь так быстро подходит к концу. Но хуже всего то, что я не могу сбросить гнет этого кошмарного сна. Я, как баран на бойне, жду, когда мне размозжат череп. Незачем лепетать. Незачем умолять. Незачем

бежать, ведь единственный выход — падение во мрак. Даже если голова и уцелеет, то тело — нет. Монгол сплевывает и кладет в рот свежую пластинку жвачки. Вынимает пистолет. После того, что случилось с Андзю, мне по нескольку раз в неделю снилось, что я тону, — до тех пор пока я не обзавелся гитарой. В снах страх отступал лишь тогда, когда я прекращал сопротивляться, и сейчас я делаю то же самое. Мне осталось меньше сорока секунд. В последний раз разворачиваю отцовскую фотографию. Сгиб не коснулся его лица. Да, мы действительно похожи. Воображение меня не подвело. Он грузнее, чем я думал, ну да ладно. Касаюсь его щеки в надежде, что, где бы он ни был, он это почувствует. Далеко внизу, на отвоеванной у моря земле, слышны восклицания Ящерицы:

— А, этот еще дергается!

Бах!

Добивать раненых ему интересней, чем смотреть, как умру я.

— И у тебя тоже конвульсии?

Бах!

— Пушки! Вот самая клевая видеоигра.

Бах!

Один из «кадиллаков» оживает, визжат шины.

На фотографии отец сидит за рулем, улыбается тому, что говорит ему Акико Като, которая садится в машину. Далекий черно-белый день. Ближе нам быть не дано. Звезды.

☯

— Кто я? — Глава якудза повторяет мой вопрос. Его губы едва шевелятся, а голос звучит совершенно безжизненно. — Мой бухгалтер называет меня «господин Морино». Мои люди называют меня «Отец». Мои клиенты называют меня «Бог». Моя жена называет меня «Деньги». Мои любовницы называют меня «Потрясающий». — Всплеск угодливых смешков. — Мои враги называют меня именами своих кошмаров. А ты называй меня «господин». — Он берет сигару из пепельницы, раскуривает ее снова. — Садись. Мы и так выбились из графика.

Делаю, что приказано, и обвожу взглядом присяжных. Франкенштейн жует бигмак. Видавший виды тип в кожанке вроде бы медитирует, едва заметно раскачиваясь из стороны в сторону. Женщина перебирает клавиши лэптопа как заправская пианистка. Она похожа на Маму-сан из «Пиковой дамы», и тут до меня доходит, что это и есть Мама-сан из «Пиковой дамы». Она не

обращает на меня внимания. Слева — три фоторобота из альбома головорезов якудза. Духовая секция симфонического оркестра на отдыхе. В щелку приоткрытой двери я краем глаза замечаю девушку в свободном юката; она облизывает фруктовый шербет на палочке. Я пытаюсь поймать взгляд девушки, но она скрывается из виду. Ящерица садится на стул рядом со мной. Рютаро Морино смотрит на меня поверх груды пенопластовых упаковок фастфуда. Звуки дыхания, скрип стула под типом в кожанке, теппети-теп-теп компьютерной клавиатуры. Чего мы ждем? Морино, кашлянув, начинает:

— Эйдзи Миякэ, ты признаешь свою вину?

— А в чем меня обвиняют?

Нож Ящерицы глубоко процарапывает край столешницы и останавливается в дюйме от моего большого пальца.

— «В чем меня обвиняют, господин?»

Я сглатываю:

— В чем меня обвиняют, господин?

— Если ты виновен, то знаешь, в чем тебя обвиняют.

— Значит, я невиновен, господин.

В соседней комнате хихикает девушка с шербетом.

— Невиновен. — Морино скорбно качает головой. — Тогда объясни, зачем ты был в «Пиковой даме» в субботу, девятого сентября?

— Юдзу Даймон здесь?

Морино коротко кивает, мое лицо впечатывают в столешницу, руку выворачивают за голову; еще чуть-чуть — и перелом. Ящерица хрипит мне в ухо:

— Как ты думаешь, что ты сейчас сделал не так?

— Не… ответил… на… вопрос.

Мою руку выпускают.

— Умный мальчик. — Морино моргает. — Объясни, зачем ты был в «Пиковой даме» в субботу, девятого сентября.

— Меня привел Юдзу Даймон.

— «Господин».

— Господин.

— Однако ты сказал Маме-сан, что не знаком с Даймоном.

Мама-сан смотрит на меня:

— Я же предупреждала: терпеть не могу, когда малолетки ноют. Эй, кто-нибудь знает, как сказать по-русски «пятнадцать миллиардов»?

Тип в кожанке отвечает. Мама-сан бойко стучит по клавишам. Морино ждет моего ответа.

— Я не был знаком с Даймоном. И до сих пор его практически не знаю. Я забыл бейсболку в игровом центре, пришел за ней, а она оказалась у него, он ее вернул, мы разговорились…

— А остальное, значит, уже история. Но «Пиковая дама» — не обычный клуб. В гостевой книге Юдзу Даймон назвал тебя сводным братом. Ты утверждаешь, что это ложь?

Я прикидываю, каковы могут быть последствия.

— Ты слышал мой вопрос, Эйдзи Миякэ?

— Да. Это ложь. Господин.

— А по-моему, ты шпион Дзюна Нагасаки.

— Это неправда.

— Значит, тебе известно имя Дзюна Нагасаки?

— Да, я услышал его час назад. Только имя.

— Вы с Юдзу Даймоном пошли в «Пиковую даму» и донимали там одну из хостесс — тебе она известна как Мириам.

Я мотаю головой:

— Нет, господин.

— Вы с Юдзу Даймоном пошли в «Пиковую даму» и уговаривали Мириам переметнуться от меня к долбаным приспешникам предателя Дзюна Нагасаки.

Я мотаю головой:

— Нет, господин.

Ярость пятнает недвижное лицо Морино. Его голос холоднее абсолютного нуля.

— Ты отымел Мириам. Ты отымел мою малышку.

Вот он, переломный момент. Я мотаю головой:

— Нет, господин.

Франкенштейн шуршит картошкой фри в пакетике.

Морино открывает серую папку:

— Что ж, переходим к следующему фокусу. Объясни-ка, что изображено на этой фотографии.

Трубачи передают мне черно-белый снимок формата А4. Обшарпанный жилой дом. Крупным планом — третий этаж, где парень моего возраста просовывает что-то в приоткрытую дверь. Собака с абажуром на голове задирает лапу над цветочным горшком. Узнаю квартиру Мириам и себя тоже. Так вот почему я здесь. Плохи мои дела. Никакая ложь не поможет. Но куда заведет меня правда?

Костяшки пальцев с хрустом напрягаются.

— Я жду, как говорится, затаив дыхание.

Костяшки пальцев Морино с хрустом распрямляются. Во рту у меня сухо, как в песчаной яме.

— Ну, с какой стати твоя прыщавая физионо-

мия маячила перед домом моей малышки?

Я рассказываю все по порядку, начиная от пруда Синобадзу в парке Уэно и кончая разговором с Мириам. Умалчиваю только о Суге, говорю, что сам взломал библиотечную базу данных. Морино обрезает кончик новой сигары. Я завершаю свой рассказ, приговор витает в воздухе. Ящерица поворачивается на стуле:

— Отец?

Морино кивает.

— По-моему, здесь что-то не так, Отец. Задроты-компьютерщики не станут таскать чемоданы на вокзалах, чтобы заработать себе на жизнь.

Мама-сан закрывает лэптоп:

— Отец. Я знаю, Мириам вам очень дорога, но нам пора разобраться с куда более важными делами, чтобы все шло по плану. Это наивное дитя из запредельной глуши, простофиля, который случайно забрел в чужие владения, — именно то, чем кажется. Шпионы Нагасаки — не младенцы в подгузниках. Его рассказ заполняет пробелы в рассказе Даймона; к тому же он и пальцем не прикоснулся к Мириам.

Морино ее уважает.

— Откуда такая уверенность?

— Во-первых, по вашему поручению вот уже

две недели за Мириам следит лучший детектив Токио. Во-вторых, я — женщина.

Морино, прищурившись, изучает мое лицо. Я опускаю взгляд. Пищит мобильник. Франкенштейн встает и уходит в смежную комнату, чтобы ответить на звонок. За окном над головой Морино проплывает дирижабль. Еще выше, в солнечном поднебесье, поблескивает самолет. Мама-сан вынимает из компьютера диск и кладет в коробку.

— Скоро, — рявкает Франкенштейн в телефон. — Скоро.

Он возвращается за стол. Морино заканчивает меня изучать.

— Эйдзи Миякэ. Суд признает тебя виновным. Ты, тупой долбак, виновен в том, что суешь нос куда не следует. В соответствии с нашим окончательным приговором тебе отрежут яйца, вымочат их в соевом соусе, запихнут тебе в рот и заклеят его скотчем до тех пор, пока вышепоименованный орган не будет пережеван и проглочен до последней крошки.

Я обвожу взглядом присяжных. Никто не улыбается.

— Однако суд откладывает исполнение приговора при условии, что ты будешь соблюдать ряд

ограничительных мер. Не смей и близко подходить к «Пиковой даме». Не смей приближаться к моей малышке. Даже если она тебе приснится, я об этом узнаю, и приговор тотчас приведут в исполнение. Я ясно выражаюсь?

Я чувствую запах свободы, но не решаюсь попробовать ее на вкус.

— Абсолютно, господин.

— Ты вернешься к своей бессмысленной жизни. Без промедления.

— Да, господин.

Мама-сан встает, но Морино меня не отпускает.

— Когда я был мальчишкой вполовину младше тебя, Миякэ, мы с друзьями ловили песчаных ящериц в дюнах на побережье Симанэ. Эти ящерицы очень хитры. Хватаешь ее, а она сбрасывает хвост и удирает прочь. Почему я должен верить, что ты не ускользнешь, оставив мне свой хвост?

— Потому что я вас боюсь.

— Твой отец меня тоже боится, однако же это не помешало ему оставить мне целый ворох хвостов.

Трубачи согласно кивают. Шербетка хихикает.

— Вы только что сказали «твой отец»?

Морино выдыхает дым:

— Да-а. Ты прекрасно это слышал.

— Мой настоящий отец?

— Да-а.

— Как…

— Как человек из плоти и крови, который обрюхатил твою мамашу, Марико Миякэ, двадцать лет тому назад. Кого еще я могу иметь в виду?

— Вы его знаете?

— Не то чтобы близко. Мы иногда встречаемся по работе. А что тебя так удивляет? — Морино смотрит, как земля уходит у меня из-под ног. — Итак, мой осведомитель не подкачал. В очередной раз. Она прекрасно работает. Ты в самом деле не знаешь, кто твой отец? Чего только не бывает в жизни! Полусирота приезжает в Токио на поиски отца, которого никогда не видел. Значит, ты решил, что сообщения в банкомате, которые по моему приказу передавали мои люди в банке, были от твоего настоящего отца? — Он слегка выпячивает губы, якобы в усмешке.

Ящерица фыркает. Морино похлопывает по папке:

— Здесь все о твоем отце. — Он обмахивается папкой, словно веером. — С тобой было непросто, но мой осведомитель докапывается до всего. Я поручил собрать информацию о тебе, и тут всплыл

твой отец. Мы удивились. Надо же. А сейчас проваливай. — Он швыряет папку в металлическую мусорную корзину.

Ящерица встает и пинает мой стул.

— Господин Морино?

— Ты еще здесь?

— Прошу вас, дайте мне эту папку, пожалуйста.

Морино, прищурившись, смотрит на Ящерицу и кивает головой на дверь.

— Господин, если вам больше не нужна эта информация…

— Верно, не нужна, но мне доставляют удовольствие твои напрасные терзания. Мой сын проводит тебя в вестибюль. Там тебя ждет твой друг и наставник Юдзу Даймон. Выжатый как лимон. А теперь — вон отсюда, пока тебя не избили до потери сознания и не выбросили на помойку.

Я иду за Ящерицей, бросаю последний взгляд на мусорную корзину, и мой отец скрывается за захлопнутой дверью комнаты 333.

Я твердо намеревался презрительно пройти мимо Юдзу Даймона, не обращая на него никакого внимания. А потом замечаю распростертое на диване тело. Некоторые из моих знакомых умерли, но я никогда еще не видел покойника

— бледного, совершенно неподвижного. Как поступают в таких случаях? Сердце колотится, как обезумевшая заводная боксерская груша. Диван поскрипывает: Даймон шевелится, приоткрывает дрожащие веки. Взгляд блуждает в пространстве, натыкается на меня.

— Что… с тобой… сделали? — Какое-то дребезжание, будто глухо лязгают шестеренки. — Что с тобой сделали, Миякэ?

Я наконец обретаю дар речи:

— Меня отпустили.

— Второе чудо за день. Ты не изувечен?

— Напуган до усрачки, но не изувечен. И уже не так напуган до усрачки, как секунду назад. Я думал, что ты умер! Что с тобой сделали?

Даймон не отвечает.

— Зачем… ты ходил к Мириам… Ну зачем?

— Она выронила библиотечную книгу, когда мы, э-э, случайно встретились в парке Уэно, после того как ты утром слинял. Я вернул ей книгу. Вот и все.

Уголки его губ чуть подрагивают в усмешке.

— А с тобой что сделали?

— Литр крови.

Я, должно быть, ослышался.

— У тебя взяли литр крови? Но это же…

— Да уж, больше, чем… берут в донорском пункте… Ничего, жить буду. Наказание за первую провинность.

— А зачем им твоя кровь?

— Наверное, сделают анализ и продадут.

— Кому?

— Миякэ, прошу тебя… У меня нет сил… для обличительной речи о черных рынках…

— Ты, вообще, как? По-моему, тебе нужно в больницу.

Даймону очень трудно говорить.

— Да, доктор. Я отделался малой кровью — точнее, шестой ее частью — за то, что оскорбил якудза. Жуть. Разумеется, мне повезло. Я остался жив. Согласен, это преступление. Но, прошу вас, не обращайтесь в полицию, потому что отец тоже в этом замешан.

— Хорошо, но болтаться в этом здании совершенно незачем.

— Одну… две минуты… дай мне… собраться с духом.

Я оглядываю вестибюль. Отсюда можно выйти, но снова не зайдешь. Коридор, ведущий в комнату переговоров, забран решеткой, которую запер Ящерица. Стеклянные стены вестибюля оклеены защитной пластиковой пленкой. Отдираю

уголок: строительная площадка, заграждения, псевдокалифорнийский пляж на расстоянии полета футбольного мяча. По дощатым мосткам прогуливаются загорелые люди. Бездвижная гладь Тихого океана блестит, как море в фильмах про монстров. Я чихаю. Ох, только бы не простуда, не сейчас, пожалуйста. Мне страшно. А вдруг Даймон впадет в кому, если его отсюда не вытащить?

— Попытайся встать.

— Отвянь.

— Надо позвонить твоим родителям.

Даймон приподнимается:

— Нет-нет, это совершенно исключено. Поверь мне. Позвонить моим родителям — это самое худшее, что можно придумать…

— Почему?

Даймон трясет головой, будто отгоняя муху:

— Политика. Политика.

И что теперь?

— Сколько у тебя денег?

— Забирай все до последней иены, только оставь меня в покое.

— Не искушай меня. У входа в «Ксанаду» есть стоянка такси. Мы с тобой сейчас туда прогуляемся. Либо прямо сейчас, либо я поору на тебя

минут десять, а потом пойдем. Решай сам.

Даймон снова вздыхает:

— Вот умеешь ты убеждать, когда захочешь.

Мы пробираемся сквозь толпу. На нас косятся, но думают, что Даймон приваливается ко мне, потому что мертвецки пьян. Сентябрьское солнце заливает землю атомными лучами. Мой форменный комбинезон служащего Японской железной дороги взмок от липкого пота. Людской поток течет в «Ксанаду» и обратно. Повсюду серебристые воздушные шарики и бравурная музыка. Обрывки разговоров, дым из ларька, где жарят кукурузные початки. Мы отражаемся в чьих-то громадных солнечных очках шириной с милю. Выглядим дерьмово. Гигантский черный кролик извлекает из цилиндра карлика-фокусника, и весь мир аплодирует. В отдалении фортепиано со струнным оркестром исполняют что-то очень красивое. Даймон давится всхлипами.

— Тебя мутит? — спрашиваю я.

— Нет. Смеюсь над забавной стороной этого дня.

Интересно, где он ее нашел.

— Ты хоть понимаешь, Миякэ, как мне стыдно, что именно ты спасаешь мою шкуру?

Зэкс Омега вприпрыжку перебегает дорогу,

предлагая купить свои мини-копии.

— Ага, — отвечаю я. — Наверное, это очень унизительно.

До самой стоянки такси Даймон не произносит ни слова. С трудом переставляет ноги, дышит прерывисто, тяжело. Дверца такси распахивается сама собой — у нас на юге их все еще открывают вручную.

— Вы знаете Кита-Сэндзю? — спрашиваю я таксиста.

Он кивает.

— Знаете ресторан «Тэнмая», в пяти минутах от станции?

Он кивает.

— Видеопрокат находится на той же улице. — Я записываю адрес «Падающей звезды». — Пожалуйста, отвезите туда моего друга.

Таксист в нерешительности: его привлекает солидная плата за проезд и отпугивает состояние пассажира.

— У него солнечный удар. Минут через десять он придет в себя.

Плата за проезд побеждает, и такси увозит Даймона. Я оборачиваюсь и смотрю туда, откуда

пришел. У меня свидание в «Валгалле»[101] с папкой в металлической мусорной корзине.

◆

Монгол подбирается ближе. Дыра человеческих очертаний в смутной темноте. Вижу его полуулыбку. Ковбойские сапоги отсчитывают последние отпущенные мне секунды. Ящерица и фары «кадиллака», прочесывающие поле битвы, остаются в какой-то другой жизни. Интересно, Морино с Франкенштейном все еще за этим наблюдают? Смотрю на Монгола, боюсь, что если хоть на миг отведу взгляд, то мой убийца сократит путь наполовину. Адреналин борется с лихорадкой, но я не в состоянии воспользоваться силой, которую мне придает страх. Никакой адреналин не сохранит мне жизнь, если я спрыгну с моста и разобьюсь о землю. Никакой адреналин не поможет разоружить настоящего, осязаемого наемника с настоящим, осязаемым пистолетом. Нет, фиг тебе. Я покойник. Кто будет по мне ску-

---

[101] Примечания: 101

…свидание в «Валгалле»… — Отсылка к мессопотамской притче о купце, который пытался избежать встречи со Смертью; притча пересказана У. С. Моэмом в пьесе «Шеппи», а фраза «свидание в Самарре» вошла в поговорку и впоследствии стала названием дебютного романа американского писателя Джона О'Хары (1934).

чать? К следующей субботе Бунтаро найдет себе нового постояльца. Мама начнет очередной цикл самобичевания, угрызений совести и водки. В который раз. Кто знает, что почувствует отец? Мачеха, наверное, купит новую шляпку, чтобы отпраздновать знаменательное событие. У Акико Като ненадолго прибавится бумажной работы. Кошка найдет другое пристанище. Она ко мне приходила только ради молока. Дядюшки со своими женами и моими двоюродными братьями и сестрами на Якусиме, конечно же, расстроятся, но сойдутся на том, что от Токио одни неприятности и что жизнь в Японии полна опасностей, не то что в былые времена. Бабушка выслушает новость с непроницаемым лицом и погрузится в молчание — на полдня. Потом скажет: «Сестра позвала его, и он ушел». На этом список заканчивается. И это при условии, что мой труп найдут. Куда более вероятно, что меня вместе с остальными зароют под будущей взлетно-посадочной полосой. Через неделю Бунтаро заявит обо мне как о пропавшем без вести, и все будут пожимать плечами и говорить, что я пошел по стопам своей матери. Ну вот и он, проверяет свой пистолет. К чему все это? Андзю погубило очарование океана, а меня губит разочарование. Снова чихаю. В такой момент?! А,

какая разница?! С отвоеванной у моря земли веет прохладный бриз.

Я решаю подождать с часок, прежде чем вернуться в «Валгаллу». Первым делом нахожу телефон. Звоню госпоже Сасаки в Уэно, но, услышав ее голос, вешаю трубку — то ли в растерянности, то ли со стыда. Что мне ей рассказывать — заведомую ложь или заведомую правду? И то и другое исключено. Звоню Бунтаро, с которым гораздо проще. Он с ходу тараторит:

— Ой, тут такое! У Кодаи открылись глаза! Прямо в утробе. Открылись! Представляешь? А еще, слушай, — он сосет большой палец. Уже! Доктор сказал, что это очень необычно на таком раннем сроке. Очень развитой младенец, доктор так и сказал.

— Бунтаро, я…

— Я тут смотрел видеофильм про младенцев. Материнство — это… невероятная штука, да. Вот ты знаешь, что эмбрионов тоже мучает жажда? Правда-правда! Поэтому они пьют амниотическую жидкость и отливают ее обратно. То же самое, что подключиться к бесперебойной подаче «Будвайзера». Только амниотическая жидкость

приятней на вкус. Должно быть, ждать своего рождения — это девять месяцев сплошного блаженства. Как бар, где тебе никогда не предъявят счет. Как конец шестидесятых. Вот только мы всего этого не помним.

— Бунтаро, один мой друг…

— А знаешь, как при беременности смещаются внутренние органы? К третьему триместру матка уже соприкасается с грудиной. Ну, всем плацентарным млекопитающим нелегко. Поэтому… — «Падающую звезду» оглашает истошный женский вопль. — Не вешай трубку, я сделаю потише. Я тут смотрю «Ребенка Розмари»[102]. Запоминаю, как проверить, не окажется ли Кодаи сыном Сатаны. Акушерка в больнице сказала…

— Бунтаро!

— Что?

— Извини, но я звоню из автомата, и карточка вот-вот сдохнет. В «Падающую звезду» на такси едет один мой друг. Он сдавал кровь, и теперь ему нужно отдохнуть, — прошу тебя, когда он приедет, проводи его ко мне. Я тебе потом все объясню. Очень тебя прошу.

— А брюки ему не погладить? Или, может, сде-

---

[102] Примечания: 102

«Ребенок Розмари» (1968) — психологический триллер Романа Полански по одноименному роману Айры Левина.

лать массаж, или…

Пищат гудки. Отлично. Я вешаю трубку.

Целый взвод влюбленных, не говоря уже о батальоне суетливых молодых семейств, в которых эти парочки превратятся лет через пять, увлекает меня за собой к сцене в глубине торгового центра. Музыканты играют что-то затейливо-кружевное. Наверное, Моцарта. Совершенно случайно я оказываюсь в первом ряду. Грузный виолончелист, два тощих скрипача, приземистый альтист и девушка, играющая на рояле «Ямаха». Если владельцы собак со временем становятся похожими на своих питомцев, то музыканты превращаются в подобия своих инструментов. Кроме пианисток — как может человек напоминать пианино? Разве только сложностью устройства. Волосы скрывают ее лицо; она склоняется над клавишами, будто боги нашептывают ей мелодию. У пианистки восхитительная шея: изгибы, гладкость, упругость, ложбинки, выпуклости — само совершенство. Платье кремового шелка, пятнышки пота вдоль позвоночника, босые ноги. Музыка замолкает, и все вокруг хлопают в ладоши. Струнники наслаждаются аплодисментами, а пианистка поворачивается и скромно кланяется. Аи Имадзё. Эти Аи Имадзё. Ищу, где бы спрятать-

ся, но вокруг — стена сумок, детских колясок и тающего мороженого. Аи Имадзё смотрит в мою сторону, и лицо мне опаляет взрывом румянца. Потом до меня доходит, что она смотрит, но не видит. Она до сих пор ослеплена музыкой. Вдруг она улыбается — на этот раз совершенно точно мне — и изображает удар головой. Я нерешительно машу ей, но меня оттесняют пингвины с букетами размером с древесные кроны. Какая-то гиппопотамша, увешанная бусами, терзает микрофон, и он протестующе завывает. Я бреду прочь, ищу в «Ксанаду» тенистый уголок, где можно присесть. Не хочу, чтобы из-за меня Аи Имадзё было стыдно перед друзьями с музыкального факультета.

«Валгалла» застит солнце. Спустя час я проскальзываю в щель заграждения и прячусь в неоконченной тени. У центрального входа курят три охранника, но пробираться незамеченным между шлакоблоками, трубами, бухтами тросов и дренажными канавами не составляет большого труда. Если за мной следят из само́й «Валгаллы» — я пропал; одна надежда на то, что встреча с Аи Имадзё исчерпала сегодняшнюю квоту совпадений. Чуть не падаю, споткнувшись о виток троса. Вдруг он оживает, скользит в сторону и

сквозь вентиляционное отверстие уползает в «Валгаллу». Эх, Змея, — вообще-то, змеям здесь не место. Держась вне поля зрения охранников, подхожу к основанию пирамиды и присматриваюсь, где бы проникнуть внутрь. Сооружение поражает своими размерами: от одного угла до другого — минут пять ходьбы. У входа в вестибюль кляну себя за то, что не догадался вставить что-нибудь в дверь, чтобы она не захлопнулась на замок. Правда, придется еще разбираться с внутренней решеткой. Через двадцать минут снова оказываюсь у главного входа, где по-прежнему стоят трое охранников. Можно выдать себя за монтажника или еще кого-нибудь в этом роде — я все еще в рабочем комбинезоне, — но, подобравшись поближе, слышу, как охранники обсуждают лучший способ превратить человека в инвалида, и отказываюсь от этого плана. Возвращаюсь к пандусу, ведущему в цокольный этаж, где Франкенштейн припарковал машину. Спрятавшись за экскаватором, наблюдаю за будкой сторожа. Из окошка будки видны подъездные пути, но не сам спуск. Если держаться стены, можно проскочить до него незамеченным. А дальше проползти внутрь. Основная опасность на пути вниз — машины, выезжающие из гаража. Но там стоят

только три «кадиллака». Вроде бы.

План срабатывает. Мне удается незаметно просквозить к самой будке. По телевизору транслируют бейсбол: «…в этот знойный день под куполом „Токё дому“ собрались шестьдесят тысяч зрителей, чтобы увидеть эпохальную схватку „Гигантов“ с „Драконами“[103]… Вот разминается наш земляк, юный Эноки… Легко представить, о чем думает отважный воин…» — и так далее. До меня доносятся запах тонкацу[104] и звоночек микроволновки. Опускаюсь на четвереньки, проползаю под окном — нога оскальзывается на мелком гравии, сторожу наверняка слышно, но я устремляюсь дальше, мимо двери, под шлагбаум и прочь в темноту, напряженно ожидая криков и сигналов тревоги. Сердце стучит, как барабан. Я бросаюсь за колонну. Ничего. Должно быть, сторож совершенно глухой. Все, теперь я нарушитель, незаконно проник на охраняемый объект.

---

[103] Примечания: 103

…под куполом «Токё дому» собрались шестьдесят тысяч зрителей, чтобы увидеть эпохальную схватку «Гигантов» с «Драконами»… Вот разминается… юный Эноки… — «Токё дому» («Токийский купол») — стадион вместимостью 55 тыс. зрителей, с уникальным куполом, поддерживаемым давлением воздуха изнутри. «Драконы» — «Тюнити дорагондзу», профессиональная бейсбольная команда Нагои. Эноки — Ясухиро Эноки (р. 1972), играл за «Гигантов» в 1998–1999 гг.

[104] Примечания: 104

Тонкацу — панированная свиная отбивная во фритюре.

Спокойно. Я пришел забрать из корзины никому не нужный мусор. Три «кадиллака» по-прежнему стоят рядком у стены, что не предвещает ничего хорошего, но отец покоится в металлической корзине, так что можно где-нибудь спрятаться, дождаться удобного момента и вызволить его оттуда. Держась самой густой тени, дохожу до входной двери и проскальзываю внутрь. Вроде бы помню, куда идти. Вокруг — ни души. Змея тоже странствует по этому лабиринту распашных дверей. Теперь она длиной с каноэ. Прохожу мимо туалета, где мариновали нас с Даймоном. Где-то рядом звенит резкий смех. Нервы не выдерживают. Я бросаюсь вперед и сворачиваю за угол как раз в тот миг, когда смех выплескивается в коридор. Он преследует меня еще три поворота. Потом затихает. Потом меняет направление и обгоняет меня — или чудится? В панике бегу обратно тем же путем — вроде бы тем же путем — и оказываюсь в тупике. В нише стоят автоматы по продаже напитков. Прислушиваюсь. Приближаются два мужских голоса. Я лихорадочно пытаюсь протиснуться за автомат. Уф, я-то протискиваюсь, но ступня застревает в петле проводов. Голоса звучат прямо перед автоматом. Я застываю. Если шевельнусь, меня услышат. А если заглянут за

автомат, то увидят мою ногу. Я вот-вот чихну. В поясницу впивается трансформатор. Он жужжит, как оса, и раскален, как утюг.

— Ну-ка, ну-ка, что здесь у нас?

— Импортное, «Стелла артуа». Нектар богов.

— Дерябнем по баночке?

— А то! Кстати, у Какидзаки четвертая группа, резус отрицательный.

— Ух ты! Надеюсь, ты выжал из него все до капли. Четвертая группа крови, резус отрицательный — это ж просто жидкие рубины, если найдется подходящий миллиардер.

— Ага, выжал мудака досуха. Можно сказать, проявил милосердие. Там по краям ямы — ошейники, слыхал? Да что за херня! Автомат не берет пятитысячные. У тебя нет помельче?

Сейчас чихну.

Автомат проглатывает монеты.

— Ошейники? Морино велел крепить изолентой.

— Мы так и сделали, но Набэ слишком дергался. А Морино запретил успокоительное. Ну, обошлись ошейником и девятидюймовыми гвоздями. Какидзаки повезло. Он теперь белее индюшатины; вряд ли он что-нибудь почувствует.

Чих отступает. Из недр автомата со стуком вы-

катываются банки пива. Собеседники открывают их и уходят, продолжая обсуждать столярно-плотничные работы. Я чихаю и бьюсь головой о стенку автомата.

На комнату под номером 333 я натыкаюсь совершенно случайно, продолжая искать, где бы спрятаться. Прижимаю ухо к двери. Ничего не слышно, только пульс грохочет в ушах. Раздумываю. Нажимаю на ручку. Она поддается с трудом, но вроде не заперто. Затаив дыхание, легонько толкаю дверь, заглядываю в щелку. Вижу металлическую мусорную корзину с папкой. Окно приоткрыто, ветерок ерошит жалюзи. Помня о смежной комнате, крадусь внутрь. Никого. Накатывает волна облегчения, фонтаном бурлит ликование. Риск оправдал себя. Открываю папку и обреченно вздыхаю. Из папки вылетает одна-единственная фотография, падает на пол обратной стороной вверх. Надпись шариковой ручкой гласит: «Есть арабская пословица: „Бери что хочешь, — говорит Бог, — но плати за это“. Патинко „Плутон“, „Ксанаду“, немедленно». Переворачиваю фотографию. Две очевидные вещи. Первая: женщина на снимке — Акико Като. Вторая: по очертаниям подбородка и изгибу бровей абсолютно ясно, что мужчина за рулем — мой

отец. Вне всяких сомнений.

Зал патинко «Плутон» так запружен потом, дымом и неимоверным грохотом, что до зеркальных шаров на диско-потолке можно добраться вплавь. Я готов отдать легкое за сигарету прямо сейчас, а не через пятьдесят лет, но, если задержусь еще хоть на мгновение, то упущу Морино, а вместе с ним и свой план «Д», лучше которого пока ничего не придумывается. Впрочем, вдыхая этот воздух, получаешь дозу никотина, способную свалить носорога. Посетители теснятся в проходах в ожидании свободных мест. Самый старший из моих дядюшек — владелец единственного на Якусиме зала патинко — рассказывал, что владельцы новых игорных домов специально настраивают несколько автоматов на щедрые выигрыши, чтобы вытеснить конкурентов с рынка. Сверкающие каскады дробно постукивающих серебряных шариков зачаровывают трутней мужского и женского пола. Интересно, сколько младенцев сейчас пекутся живьем в недрах подземного гаража «Ксанаду»? Нарезаю второй круг по залу, ищу вход в служебное помещение. Время поджимает. Вижу девушку в униформе «Плутона»:

— Эй! Как пройти в папашин офис?

— Куда, простите?

Я недовольно морщусь:

— К управляющему!

— А, к господину Одзаки?

Я раздраженно закатываю глаза:

— К кому же еще?

Она ведет меня за справочную стойку, набирает код на панели цифрового замка и распахивает передо мной дверь:

— Вверх по этой лестнице, пожалуйста. Я бы сама вас проводила, но мне не позволено уходить из зала.

— Вот именно.

Закрываю за собой дверь. Щелкает сложный замок. Крутая лестница ведет к единственной двери. Тишина, как под водой. Поднимаясь по лестнице, чуть не спотыкаюсь от неожиданности: с верхней ступеньки на меня невозмутимо взирает тип в кожанке.

— Э-э, привет, — говорю я.

Тип в кожанке смотрит на меня и жует жвачку. У него в руках пистолет. Я впервые в жизни вижу настоящий пистолет. Указываю на дверь:

— Можно войти?

Продолжая двигать челюстями, тип в кожанке едва заметно наклоняет голову. Я дважды стучу и открываю дверь.

Я открываю дверь, и кто-то пролетает через всю комнату и через зеркало на противоположной стене. Зеркало разражается звонкими аплодисментами — человек исчезает из виду в нижнем зале, битком набитом трутнями. Перед глазами все плывет. Застываю с открытым ртом — неужели это моих рук дело? Неумолчный грохот патинко врывается в кабинет. Из-за письменного стола на меня смотрит Морино: палец прижат к губам, согнутая ладонь приставлена к уху. Успеваю заметить трех трубачей — авторов броска — и Маму-сан с вязаньем, и тут внизу происходит цепная реакция. Всеобщий хаос, визг, вопли. Морино кладет локти на столешницу. По лицу разливается удовлетворение. Из рамы выпадает еще один осколок зеркала. Тип в кожанке захлопывает за мной дверь. Начинается паническое бегство из зала, и буйство стихии идет на убыль. Ящерица с Франкенштейном выглядывают в проем, оценивают обстановку. В уголках глаз Морино сквозит улыбка.

— Ты очень вовремя, Миякэ. Стал свидетелем объявления войны. Садись.

Меня бьет дрожь.

— А он…

— Кто?

— Ну, тот, который вылетел из окна…

Морино изучает деревянную коробку:

— Одзаки? А что он?

— Ему, наверное, надо… — я сглатываю, — «скорую»?

Морино приподнимает защелку на коробке. Сигары.

— Наверняка.

— А вы ее вызовете?

— Великолепно! «Монте-Кристо». Вызвать «скорую»? Если Одзаки хотел, чтобы ему вызвали «скорую», он должен был думать о последствиях, прежде чем ссать на туфли Рютаро Морино.

— Сюда приедет полиция.

Морино проводит сигарой под носом.

— Полиция? — Франкенштейн смотрит, как хаос изливается из патинко «Плутон» наружу. — Полицейские живут в твоем мире. В нашем мире мы сами себе полиция.

Он кивает Ящерице, и они уходят. Меня все еще мутит от подобной жестокости. Позвякивают спицы Мамы-сан. Трубачи берут паузу.

Наконец Морино снимает обертку с сигары:

— Что ты понимаешь в сигарах? Ничего. Так слушай. Запоминай. Марка «Монте-Кристо» для сигар — то же, что витрина «Тиффани» для бри-

льянтовой диадемы. Абсолютное совершенство. Все исключительно кубинское: наполнитель, связующие и покровные листы, сигарный бант. Для такого хрена крысиного, как Одзаки, даже смотреть на «Монте-Кристо» — богохульство. Я велел тебе сесть.

Я ошеломленно повинуюсь.

— Тебе нужна информация. Я прав?

— Да.

— Знаю. Эти сведения стоят денег. Как ты намерен расплачиваться?

Я отгоняю мысли о том, что по его приказу совсем недавно кого-то вышвырнули в окно, и беру себя в руки.

— Я буду вам очень признателен, если… — Я замираю на полуслове.

Морино пробует головку сигары на язык.

— Несомненно, твоя признательность — это признательность высшего класса. Но жизнь в столице стоит дорого. Твоя признательность мне — что блошиный помет. Попробуй-ка еще раз.

— Сколько?

Морино берет со стола специальное приспособление и обрезает сигару.

— Ну почему у нынешней молодежи на уме только деньги, деньги и деньги? Неудивительно,

что Япония превращается в кладбище моральных и духовных ценностей. Нет, Миякэ. Мне не нужны твои деньги. Кроме того, мы оба знаем, что даже у голубей свободных средств больше, чем у тебя. Нет. Я предлагаю вот что: расплатись со мной преданностью.

— Преданностью?

— У нас здесь эхо, что ли?

— А как я должен выражать свою преданность?

— Ты прямо совсем как твой старик. Такой же дотошный и осмотрительный. Так вот, преданность. Что там у нас? Давай-ка проведем этот день вместе. Сходим в боулинг. На выставку собак. Перекусим, повидаемся кое с кем из старых друзей. А в полночь доставим тебя домой.

— А в обмен…

— Ты получишь… — Он щелкает пальцами, и трубач подает ему еще одну папку. Морино просматривает содержимое. — Получишь отца. Имя, адрес, род занятий, резюме, биографические сведения, фотографии — цветные и черно-белые, — подробные телефонные и банковские счета, любимый гель для бритья. — Морино закрывает папку и улыбается. — Ты подаришь мне и моей семье несколько часов своего времени,

и твои исторические поиски увенчаются триумфальным успехом. Что скажешь?

Снизу, из опустевшего зала патинко, доносится хруст стекла и жужжание электропривода защитных жалюзи. Памятуя о том, свидетелем чему я уже стал, я догадываюсь, что мое «нет» повлечет за собой последствия намного худшие, чем простой отказ отдать мне папку.

— Да.

Влажное касание, и в левую руку, чуть выше локтя, вонзается игла. Я ойкаю. Меня крепко держит второй трубач. Он приближает свою физиономию вплотную к моему лицу и широко раскрывает рот, будто хочет откусить мне нос. Затхлое дыхание. Я не успеваю отвернуться и вижу его пасть крупным планом. Обрубок языка. Бесформенный смешок. Все трубачи — немые. Шприц наполняется моей кровью. Ошарашенно смотрю на Морино: шприц в его руке тоже наполняется кровью.

Морино отчего-то удивляется моему удивлению.

— Нам нужны чернила.

— Чернила?

— Чтобы подписать договор. Я верю лишь тому, что написано на бумаге.

Шприцы наполнены, руку мне больше не держат. Морино выпускает содержимое шприцев в чашку и перемешивает кровь чайной ложечкой. Мне снова дезинфицируют место укола. Трубач кладет перед Морино лист бумаги и подает кисть для письма. Морино обмакивает кисть в чашку, глубоко вздыхает и изящными штрихами рисует иероглифы «Преданность», «Долг» и «Повиновение». «Мори». «Но». Поворачивает лист в мою сторону.

— Быстро, — приказывает он, и кажется, что его взгляд обрел дар речи. — Пока кровь не свернулась.

Я беру кисть, обмакиваю в чашку и пишу «Ми» и «Якэ». Красный уже сгустился до цвета навоза. Морино критическим взором следит за мной:

— Каллиграфия. Умирающее искусство.

— В школе нас учили писать чернилами.

Морино дует на бумагу, сворачивает ее трубочкой и засовывает в футляр. Такое впечатление, что все подготовлено заранее. Мама-сан откладывает спицы и прячет футляр в сумочку.

— Отец, — говорит она, — может, пора заняться серьезными делами?

Морино отставляет чашку с кровью и вытирает рот:

— Боулинг.

Со временем «Ксанаду», «Валгаллу» и «Нирвану» соединит торговый центр в цокольном этаже. Сейчас это мрачный тоннель, освещенный фонарями для дорожных работ и заваленный рулонами брезента, коробками облицовочной плитки, досками, листовым стеклом и преждевременно доставленными голыми манекенами, которые жмутся друг к дружке под дымчатой полиэтиленовой пленкой. Впереди с мегафоном в руке шествует Морино. Мама-сан идет следом за мной, а трубачи прикрывают тыл. Где-то над головой, в залитом солнцем реальном мире, Аи Имадзё играет Моцарта. Слова Морино звучат как голос самой тьмы:

— Наши предки строили храмы для своих богов. Мы строим универмаги. В юности я ездил с отцом в Италию. Мне до сих пор снятся те здания. Японии явно недостает мегаломании.

Здесь, внизу, промозгло и сыро. Чихаю. Горло постепенно распухает. Наконец мы поднимаемся по лестнице неработающего эскалатора. «Добро пожаловать в Валгаллу», — говорит Тор[105] с молнией в одной руке и шаром для боулинга

[105] Примечания: 105

Тор — в скандинавской мифологии бог грома, бури и плодородия.

в другой. Сквозь временную дверь в фанерной стене входим в непроглядную тьму, запечатанную от дневного света. Поначалу я совершенно ничего не вижу, даже пола. Только ощущаю пустоту вокруг. Ориентирами служат хвост дыма и янтарный огонек сигары Морино. Ангар? Вдали маячит свет. Кегельбан. Минуем одну дорожку за другой. Я сбиваюсь со счета. Тянутся минуты. Нет, это невозможно.

— На Якусиме ты боулингом не увлекался, а, Миякэ?

Иногда кажется, что его голос звучит издалека, иногда — что совсем близко.

— Нет, — отвечаю я.

— Боулинг помогает юнцам избежать многих неприятностей. Это безопаснее, чем падать с деревьев или тонуть в прибое. Однажды я играл в боулинг с твоим отцом. Твой папаша — сильный игрок. Хотя гольф ему дается лучше.

Я ему не верю, но все равно пытаюсь его прощупать:

— А на каком поле для гольфа вы играли?

Морино машет на меня сигарой — ее кончик летает, как светлячок.

— Нет-нет, до полуночи — ни крупицы. Таков уговор. А потом лопай подробности до отвала,

лишь бы смог переварить.

И вот мы на месте. Тип в кожанке, Франкенштейн, Ящерица, Шербетка. Мама-сан усаживается и достает вязанье. Морино причмокивает губами:

— Нашим гостям удобно?

Франкенштейн большим пальцем указывает на освещенную дорожку. На месте кеглей — три восковые головы. Центральная голова шевелится. Левую бьет тик. Мне здесь не место. Это кошмарная ошибка. Наверное, это такой допрос. Морино же не псих, чтобы швырять шары для боулинга в живых людей. Он, по сути, бизнесмен.

— Отец, — говорит Мама-сан, — смею сказать, что это чудовищный поступок.

— На войне как на войне.

— А как же роговицы?

— Я понимаю вашу озабоченность, в самом деле понимаю. Но совесть не позволяет мне лишить покойника возможности ясно увидеть свою участь.

— Морино! — хрипло кричит центральная голова. — Я знаю, ты там!

Морино подносит к губам мегафон. Голос похож на песчаную бурю.

— Поздравляю с днем открытия, господин

Набэ.

Эхо плещет о тьму и откатывается обратно.

— По-моему, в зале патинко случился мелкий конфуз, но все уже наверняка уладили.

— Освободи нас! Немедленно! Дзюн Нагасаки заправляет всем в городе.

— Ошибаешься, Набэ. Дзюн Нагасаки думает, что заправляет всем в городе. А я знаю, что всем заправляю я.

— Ты настоящий безумец!

— А ты, — кричит в ответ Ящерица, — настоящий покойник!

Треск в мегафоне.

— Ты, Набэ, всегда был жертвой лоботомии. Твоя смерть прекрасно тебе подходит. А вот ты, Гундзо, оплошал — я-то думал, ты сообразишь вовремя урвать свой куш и умотать в тропики.

Левая голова произносит:

— Мы полезнее тебе живыми, Морино.

— Но намного приятнее мертвыми.

— Я объясню, как перекрыть кислород Нагасаки.

Морино передает мегафон типу в кожанке. Тот выплевывает жвачку в бумажную салфетку.

— Добрый вечер, Гундзо.

— Ты?!

— Я предпочитаю клиентов, которые платят вовремя. — Тип в кожанке говорит с призрачным иностранным акцентом.

— Не верю!

— Неспособность поверить — причина твоего нынешнего плачевного положения.

Центральная голова кричит:

— Тогда ты тоже покойник, ты, поганый монгольский засранец!

Поганый монгольский засранец возвращает мегафон Морино и с улыбкой кладет в рот свежую пластинку жвачки.

Левая голова вопит:

— Сделай меня своим посланником к Нагасаки, Морино!

— Не посланником, — кричит в ответ Ящерица, — а посланием!

— Отлично сказано, сынок, — с одобрением замечает Морино. — Отлично сказано. Что ж, первый бросок — твой.

Ящерица учтиво кланяется и выбирает самый тяжелый шар. Я говорю себе, что это блеф. Мне здесь не место. Ящерица подступает к началу дорожки и выбирает позицию для броска.

— Пристрели нас, Морино! — выкрикивает Центральная голова. — Дай нам умереть с честью!

Франкенштейн орет в ответ:

— Что ты знаешь о чести, Набэ? Ты подставил свою задницу Нагасаки прежде, чем он велел «Нагнись!».

Ящерица делает шаг, другой и — бах! Шар ровно летит по дорожке, у меня внутри все сжимается, я пытаюсь сбросить с себя оцепенение, отвести взгляд, но, когда Центральная голова вскрикивает, я так и смотрю на дорожку, идиот несчастный. Правая голова — по-моему, Какидзаки — абсолютно неузнаваема. Хочется блевать, но не получается. Внутренности словно склеились. Какидзаки превратился во вмятину, полную крови и костей. Трубачи разражаются бурными аплодисментами. Левая голова в отключке. Центральная голова ловит ртом воздух, давится брызгами крови. Ящерица снова кланяется и возвращается на свое место у стены.

— Технически безупречный бросок, — замечает Франкенштейн. — Посмотрим на повторе, хотите?

Я отворачиваюсь, приседаю на корточки, свешиваю голову между колен. И вздрагиваю, когда мне в ухо ревет мегафон: «Ми-яяяяякэээээ!»

Ящерица указывает на дорожку:

— Твоя очередь.

— Нет.

Трубачи жестами выражают удивление. Морино театральным шепотом заявляет:

— Да. Мы подписали договор.

— Там ничего не сказано о соучастии в убийстве.

— Ты дал слово делать все, что прикажет Отец, — напоминает Франкенштейн.

— Но…

— Перед сознательным юношей стоит проблема нравственного выбора, — заключает Морино. — Бросать или не бросать. Если бросит — рискует нанести некоторый вред этой лицемерной мрази. Не бросит — станет причиной пожара в «Падающей звезде» и выкидыша у жены своего домовладельца за двенадцать недель до родов. Что тяжелее для совести?

Он намерен сделать меня узником своей собственной жестокости, обеспечить мое вечное молчание. Слышу лязг тюремных засовов. Встаю и выбираю самый легкий шар, надеясь, что какой-нибудь неожиданный сюжетный ход вызволит меня из этого кошмара. Поднимаю шар, самый легкий. Весит он предостаточно. Нет. Я не могу этого сделать. Просто не могу. За спиной раздается смех. Оборачиваюсь. Ящерица пова-

лился навзничь, раздвинул ноги и засунул под куртку воздушный шарик. На шарике черным фломастером намалеваны соски, пупок и треугольник лобковых волос. Франкенштейн встает на колени, заносит над шариком длинный нож.

— Нет! — фальцетом кричит Ящерица. — Пощадите, у меня ребенок в пузе.

— Сочувствую, госпожа Бунтаро, — вздыхает Франкенштейн, — но такое наказание выпало вам за то, что вы сдаете комнаты жильцам, которые нарушают обещания, данные влиятельным людям…

Ящерица пищит тоненьким голоском:

— Не надо! Мой малыш, мой малыш! Пощадите!

Кончик ножа прижимается к резиновому животу госпожи Бунтаро. Франкенштейн сжимает другую руку в кулак, изображая кувалду и — бах! Шербетка заливисто хохочет, будто ее щекочут. Мама-сан вяжет, Морино рукоплещет. Скопление лиц парит в темноте, блещет, подсвеченное огоньками на пульте и сиянием монитора. Все как один поворачиваются и не сводят с меня взоров. Одно из парящих лиц приказывает:

— Бросай!

Надо промазать, только не слишком явно. Мне

здесь не место. Хочу попросить прощения у голов, но как? Выхожу к началу дорожки, пытаюсь вздохнуть. Раз — целюсь в желоб, в метре от мертвой Правой головы. Два — у меня сводит кишки, и шар вылетает из рук слишком рано — потные пальцы скользят в отверстиях. Сижу на корточках, смотреть гадко, а не смотреть еще гаже. Шар устремляется к желобу, катится по краю, а на последней трети дорожки сила вращения направляет его прямо к Центральной голове. Лицо словно бы преломляется, грохот шара переходит в дикий вопль, трубачи восторженно мычат. Я закрываю глаза. За спиной — разочарованный стон.

— Ты подбрил ему щетину, — успокаивает Морино.

Меня бьет дрожь, которую невозможно унять.

— Посмотрим на повторе? — ухмыляется Ящерица.

Пошатываясь, ковыляю назад и падаю на крайнее сиденье. Закрываю глаза. Яркие сгустки крови.

— Расступись! — выкрикивает Франкенштейн. — Внимание! Коронный номер — экспресс-мельница!

Покряхтывание, сопение, разбег и грохот пу-

щенного шара. Три секунды спустя — бурные аплодисменты.

— Всмятку! — орет Ящерица.

— Браво! — восклицает Морино.

Центральная голова испускает вопль за воплем, а Левая жутко молчит. На внутренней стороне моих век отпечатался конец дорожки. Жмурюсь изо всех сил, но цветная картинка стоит перед глазами, яркая, как на киноэкране. Наверное, она будет преследовать меня до самой смерти. В этот безумный день мне здесь не место. Дрожь не унимается. Давлюсь рвотными позывами, рыгаю. Ядовитая лапшевая отрыжка. Когда я в последний раз ел? Несколько недель назад. Ох, уйти бы отсюда. Плевать на папку! Вот только уйти мне не дадут. Чья-то рука проскальзывает мне в пах.

— Сладенькое есть?

Шербетка.

— Что?

Шипучий леденец?

— Сладенькое есть?

Гнилостное дыхание отдает йогуртом. Ящерица хватает ее за волосы и оттаскивает от меня.

— Ах ты, шалава!

Шлеп, хлоп, удар с оттяжкой. Морино берет мегафон. Уцелевший продолжает вопить:

— У меня есть предложение, Набэ.

Вопли переходят в сдавленные всхлипы.

— Заткнись! Если стерпишь без звука, после следующего шара свободен. Смотри мне, чтоб ни стона!

Из горла Набэ рвутся хриплые вздохи. Морино опускает мегафон и смотрит на Маму-сан:

— Не угодно ли?

— Для меня боулинг — в далеком прошлом.

Позвякивают спицы.

— Отец, — говорит тип в кожанке, — я постиг основы этой игры.

Морино кивает:

— Ты — один из нас. Приступай.

— Я подправлю Гундзо. Он мне никогда не нравился.

Уверенный бросок, испуганное блеяние Набэ и чмокающий удар. Аплодисменты.

— Ну как же так, Набэ? — орет Франкенштейн. — Я четко слышал писк.

— Нет! — сипит надломленный, надрывный, несчастный голос.

Морино встает:

— Попытайся во всем видеть забавную сторону. Юмор — вот основа основ.

Мне здесь не место.

Морино не торопится.

— Фу! Этот шар уже бросали. Он весь в ошметках скальпа Гундзо. Или Какидзаки.

Набэ по-детски всхлипывает, словно потерял плюшевого медвежонка, а никому нет до этого дела. Морино разбегается — раз, два, — грохот, шар летит. Короткий, как взвизг пилы, вскрик. Сухой щелчок, будто сломалась палочка для еды. Два тяжелых предмета с глухим стуком падают в яму.

Три «кадиллака» скользят по скоростной полосе. Земля без названия, ни город, ни сельская местность. Подъездные дороги, станции техобслуживания, склады. День стекает в воронку вечера. На мне клеймо увиденного в кегельбане. Пока длится шок, боли не будет, но потом нервы оживут. А если бы я не вернулся в «Валгаллу»? Сидел бы в кафе, болтал бы с Аи Имадзё. Кормил бы Кошку, курил бы с Бунтаро. Гонял бы по прибрежным дорогам Якусимы на мотоцикле дядюшки Асфальта. Над лесистыми склонами всходит луна. Где мы? Какой-то полуостров. Франкенштейн ведет машину, рядом с ним сидит тип в кожанке. Мы с Морино — на сиденье посреди салона. Морино плетет венки сигарного дыма и разговаривает с кем-то по телефону насчет

«операций». Потом делает ряд звонков, которые в основном сводятся к «Что за хрень, где Мириам?». На заднем сиденье Шербетка отсасывает Ящерице. Въезжаем в тоннель. Потолочные лампы штрих-кодом расчерчивают ветровое стекло. Под сводами тоннеля висят мощные вентиляторы. Мне не место в этом кошмаре.

— Ну сколько можно, — говорит Морино, очевидно обращаясь ко мне. — Не действуй мне на нервы. Каждому из нас достается именно тот кошмар, которого заслуживаешь.

Я пытаюсь понять, что он имеет в виду, а Франкенштейн заявляет:

— Мои кошмары всегда начинаются в тоннелях. Мне снится самый обычный сон, никакой жути, ничего такого, а потом вижу вход в тоннель и думаю: «А вот и кошмар». Въезжаю в тоннель, и кошмар начинается. Под сводами висят люди. Один парень, которого я замочил лет десять назад, снова передо мной, а пистолет дает осечку. Тоннель все сжимается и сжимается, пока не задохнешься.

Шербетка хлюпает слюной и причмокивает. Ящерица тихонько постанывает, а потом говорит:

— В кошмарах живешь по закону джунглей.

Никаких тебе модерновых примочек. Остаешься один-одинешенек, на зуб тому, кто больше, сильнее и злее тебя. Эй, ты с зубами-то поосторожней!

Он хлещет Шербетку наотмашь. Она хнычет. Морино стряхивает пепел в пепельницу.

— Интересные вещи вы говорите, ребята. По-моему, кошмар — это комедия без выпускного клапана. Тебя щекочут, а ты не можешь смеяться. А давление все нарастает и нарастает. Как газ в светлом пиве. Миякэ, у тебя есть что добавить к нашей захватывающей беседе?

Я смотрю на своего мучителя и думаю: неужели сегодня для него — обычный день?

— Нет.

Такое впечатление, что Морино даже не нужно шевелить губами, чтобы говорить.

— Выше нос, Миякэ. Люди все время умирают. Эти трое сами подписали себе смертный приговор, когда решили меня обмануть. Ты просто помог его исполнить. А через неделю ты о них даже не вспомнишь. Говорят, время — лучший лекарь. Фигня все это. Лучший лекарь — забывчивость.

Ящерица кончает с довольным причмокиванием. Шербетка распрямляется, утирает рот:

— Сладенького!

Ящерица невнятно бормочет и расстегивает какую-то молнию.

— У тебя рука — что подушка для булавок. Покажи-ка бедро. Вот туда я сейчас и ширну. Эй, ты меня всего обслюнявила!

В разговор вступает тип в кожанке:

— У меня на родине говорят, что кошмары — это наши жестокие предки-дикари, которые стремятся отвоевать укрощенные земли, вскормившие и напитавшие наши дряблые, разжиревшие, полусонные современные сущности.

Франкенштейн вытаскивает металлическую расческу и запускает ее в шевелюру, держа руль одной рукой.

— А кто их к нам посылает?

Тип в кожанке кладет в рот новую пластинку жвачки.

— Кошмары посылает наше глубинное естество — то, что мы и есть на самом деле. «Не забывай, откуда ты родом, — напоминает кошмар, — не забывай свою истинную сущность».

По вывеске вечно шествует на задних лапах неоновый пудель с франтоватым галстуком-бабочкой на шее. Наш «кадиллак» присоединяется к тому, в котором едут трубачи. На третьем «кадил-

лаке» Мама-сан уехала по делам. Вся заряжают пистолеты, и Франкенштейн распахивает передо мной дверцу:

— Не желаешь ли остаться в этом безопасном элегантном авто на пару с охочей до секса юной шлюшкой под кайфом?

Не успеваю я сообразить, что ответить, как Ящерица с силой хлопает по моей бейсболке:

— Фиг тебе.

Мы выходим из машины и направляемся к дверям с пуделем. То и дело сердито шипит лампа-мухобойка. Из-за стен доносится рев — то громче, то тише. От теней у входа отлипают два амбала и приближаются к трубачам.

— Добрый вечер, господа. Во-первых, я вынужден попросить вас сдать оружие. Таковы правила — оно будет под замком, в целости и сохранности. Во-вторых, ваших машин нет в списке. С кем вы?

Трубачи расступаются, и Морино выходит вперед:

— Со мной.

Амбалы бледнеют.

Морино смотрит на них в упор:

— Говорят, сегодня здесь собачьи бои.

Первым приходит в себя амбал помассивнее:

— Господин Морино…

— Господин Морино скончался в тот же день, что и господин Цуру. Теперь меня зовут Отец.

— Да, э-э, Отец. — Амбал достает мобильник-раскладушку. — Сейчас-сейчас, гарантирую, что для вас и ваших людей освободят самые лучшие места у ринга…

Морино кивает. Франкенштейн всаживает амбалу нож в сердце. По рукоять. Один из трубачей резко запрокидывает голову амбала и, похоже, ломает ему шею. Все происходит с такой быстротой, что я не успеваю осмыслить случившееся, а жертва не издает ни звука. Два трубача валят второго амбала на землю. Ящерица пинком выбивает у него из руки пистолет, наклоняется и целует. Нет, не целует — кусает его за нос и сплевывает темную слюну. Я отворачиваюсь. Глухие удары, кряхтение, стоны, кровь.

— Оттащите этих дохлых крыс вон туда, за ящики, — приказывает Морино.

Звонит оброненный мобильник. Франкенштейн давит его ногой — корпус с хрустом рассыпается.

— Дерьмо тайваньское. Ничего японского не осталось.

Ящерица открывает дверь склада. Внутри пахнет перепрелой соломой и мясом. В темноте

высятся штабели поддонов с банками собачьих консервов. Склад огромен. В глубине плещут волны одобрительных возгласов и улюлюканья. Трубачи идут впереди. Я отстаю, но тут же получаю от Франкенштейна по копчику.

— Не задерживайся, Миякэ. Пока не пробьет полночь, ты — один из нас.

Повинуюсь. Ничего не поделаешь. Поглубже надвигаю бейсболку, чтобы хоть как-то успокоить инстинкт самосохранения. Здесь человек сто, все орут, никто не обращает на нас внимания. Трубачи прокладывают путь сквозь плотное кольцо татуированных мужчин в рубашках якудза. Люди сердито оборачиваются, видят Морино, ошарашенно разевают рты и поспешно отступают в сторону. Мы подходим к краю освещенной ямы. Серый мастиф и черный доберман рвутся с поводков, с клыков брызжет слюна. В дальнем углу ямы на ящике стоит человек. Он торопливо записывает ставки, которые выкрикивают из толпы. Из ячеек сетчатой майки выпирают ромбики волосатого жирного тела. Морино впереди, Франкенштейн позади, я между ними — самая безопасная позиция. Мне очень хорошо видно, как Морино достает из пиджака пистолет и стреляет мастифу в голову.

Тишина.

По полу, вокруг собачьей головы, расползается пятно. Доберман скулит и прячется за своего тренера. Трубачи наводят на толпу автоматы. Толпа откатывается назад. Мне здесь не место. К тренеру мастифа возвращается дар речи.

— Ты пристрелил лучшую собаку господина Нагасаки!

Морино с притворным недоумением спрашивает:

— Чью лучшую собаку?

— Дзюна Нагасаки! Ты… ты…

— А, вот чью.

Тренера вот-вот хватит удар.

— Дзюн Нагасаки! Дзюн Нагасаки!

— Я что-то слишком часто слышу это имя. Не повторяй его больше.

— Дзюн Нагасаки с тебя шкуру сдерет, ты… ты…

Морино наводит пистолет — бах! Тренер дергается и падает на мастифа. Лужа крови растет.

Морино оборачивается к Франкенштейну:

— Я ведь предупреждал. Я ведь его предупреждал, верно, дядюшка?

Франкенштейн кивает:

— Все знают, что вы всегда и всех предупре-

ждаете, отец.

Толпа стоит как пригвожденная к бетонному полу. Морино отхаркивается и метко плюет в тренера.

— Стволы и феи-крестные осуществляют самые безумные мечты. Вы — все до последнего хрена — убирайтесь. Кроме Ямады. — Он указывает пистолетом в сторону букмекера на ящике. — Нам надо пошептаться, Ямада. На ушко. Остальные — пшли вон! Быстро!

Трубачи стреляют в воздух. Толпа, подгоняемая выстрелами, устремляется прочь по рядам и проходам, испаряется быстрее, чем вампиры в предрассветных сумерках. Букмекер стоит с поднятыми руками. Ящерица прыгает в яму и поворачивает голову тренера носком ботинка. Рана между глаз затянута кровавой коркой, словно бутафорская страшилка из магазина приколов.

— Меткий выстрел, Отец.

От склада стремительно отъезжают машины. Букмекер тяжело сглатывает.

— Если ты убьешь меня, Морино…

— Бедный Ямада-кун. Опять поставил не на того пса. Я убью тебя, но не сегодня. Ты передашь сообщение своему новому хозяину. Скажи Нагасаки, что я хочу обсудить с ним военные репарации и

жду его в полночь, у моста к терминалу нового аэропорта. За «Ксанаду», на отвоеванной земле. Запомнил?

◆

Монгол останавливается в десяти шагах от меня. В руке у него пистолет. Выстрелы и свет на отвоеванной земле — как будто из дальней дали. Сердце так и рвется из груди. Тело зудит и чешется под липким вонючим комбинезоном. Мои последние воспоминания о собственной жизни — глупее не придумаешь. В моем шкафчике на вокзале Уэно лежит невостребованная книга из бюро находок — роман Харуки Мураками, дочитанный до середины. Что будет дальше с человеком в высохшем колодце без веревки?[106] Мать хохочет в саду дядюшки Патинко, пытается играть в бадминтон, пьяная, но, по крайней мере, счастливая. Как жаль, что я так и не совершил паломничество в Ливерпуль. Однажды утром я проснулся, а на нашем с Андзю футоне белеет полоска снега — его намело через щель, зима

[106] Примечания: 106

…роман Харуки Мураками, дочитанный до середины. Что будет дальше с человеком в высохшем колодце без веревки? — Имеются в виду «Хроники заводной птицы» (1994).

выдалась ранняя. Неужели из такого сора и складывается жизнь? Слышу свое имя, но знаю, что это просто игра воображения. Стараюсь дышать ровнее и чихаю. Раньше я не смотрел на типа в кожанке, не приглядывался к нему. Его лицо — последнее, что мне суждено увидеть. Не так я представлял себе лицо смерти. Неказистое, не особо интересное, подчеркнуто невозмутимое, оно не выражает никаких чувств в отношении того, чему оно было свидетелем по воле его хозяина. Давай уже. Слишком по́шло вымаливать себе жизнь. Итак, последние слова.

— Зря ты это.

Очень глубокомысленно.

— Сядь на корточки и пригнись, — говорит тип в кожанке.

— На корточки?

Странная поза для казни. Зачем?

— На землю. Прими — как правильно сказать? — позу эмбриона.

К чему все это? Покойнику все равно.

— На корточках безопаснее, — настаивает мой убийца.

Я сдавленно фыркаю от страха, а тип в кожанке истолковывает это как «нет».

Он взводит курок:

— Что ж, я тебя предупредил.

Так много звезд. Для чего они?

Тунец, абалон, желтохвост, лососевая икра, бонито, яичный тофу, человеческое ухо. Целая гора суси. В соевый соус добавлен васаби, чтобы обеззаразить сырую рыбу. Соевый соус со сгустками васаби липкий, как кровь. Не думай о кегельбане. Перестань. После собачьих разборок мы вроде бы едем уже целую ночь, а на часах только 22:14. Осталось чуть больше ста минут, говорю я себе, но в хорошее почему-то не верится. Я в тисках простуды, и мне станет еще хуже. С трудом проглатываю немного воды; начинает пучить живот. Даже дышать тяжело. Ресторан весь в нашем распоряжении. Здесь сидела какая-то семья, но как только они нас увидели, то поспешно освободили столик. Пожилая официантка относительно спокойна, а повар торчит на кухне, не высовывается. Я его понимаю. Франкенштейн швыряет в меня колбаской:

— Почему у тебя такая постная рожа, молокосос? Можно подумать, ты потерял родителей.

Ящерица размешивает васаби в соевом соусе.

— Наверное, он догадался, что мастиф, которого

я пристрелил у Гойти, и был его пропавший папочка. — Морино тычет в мою сторону кончиком сигары. — Улыбайся и терпи. Помни о своих предках. Ты же образец законопослушного японца! Улыбайся и терпи, даже если ходунки развалятся, питьевую воду вконец отравят ртутью, а вся страна от берега до берега превратится в одну большую автомобильную стоянку. Нет, я не глумлюсь над Японией. Я люблю свою страну. В большинстве стран бойцы служат хозяевам жизни. А в Японии мы, бойцы, и есть хозяева жизни. Япония — наше дело. Так что улыбайся. И терпи.

Терпеть-то я терплю, но меня совершенно не улыбает, что я втянут в бандитские разборки. Улыбаться я могу лишь тому, что, пока мы не выйдем из ресторана, хуже не станет.

Ящерица указывает в угол зала:

— Отец! — Рот набит полупережеванным суси, блестящим от слюны. — Высоко сижу, далеко гляжу — и что я вижу? У них караоке!

— Вот она, радость. — Морино смотрит на Франкенштейна. — Пусть песня расправит крылья.

Франкенштейн поет песню на английском, с припевом «I can't liiiiiiiive, if living is without yooo-ooo-ooo, I can't giiiiiiiiive, I can't take any

moooooooore»[107]. Трубачи подвывают на гласных. Все это так гадко, что даже суси того и гляди зачервивеют. Тип в кожанке сидит в углу, потягивает молоко из стакана. Он вроде как отдельно от этой компании. Морино подзывает пожилую официантку, которая нас обслуживает.

— Пой.

Не возражая, она исполняет энку[108] под названием «Вишневый цвет над Внутренним морем», об игроке в маджонг, который кончает с собой, так как не может оплатить долг чести, но только после девяносто девяти куплетов. Ящерица поет песню «Электродный инцест» группы с тем же названием. В ней нет ни куплетов, ни припевов, ни смены аккордов. Трубачи громко хлопают, а Ящерица отплясывает на столе танец индюка и доит микрофон. Наконец песня заканчивается, и Морино жестом приказывает мне встать.

— Нет, — решительно заявляю я. — Я не пою.

---

[107] Примечания: 107

«Не могу жить без тебя, не могу предаваться такой жизни, не могу больше терпеть…» *(англ.) «I can't liiiiiiiive, if living is without yooo-ooo-ooo, I can't giiiiiiiiive, I can't take any toooooooore» — строка из песни Пита Хэма и Тома Эванса «Without you» («Без тебя») британской рок-группы Badfinger с альбома «No Dice» (1970); песня получила широкую известность в кавер-версии американской певицы Мэрайи Кэри (1994).*

[108] Примечания: 108

Энка — традиционный жанр японской песни сентиментально-лирического, балладного характера.

Суси градом летят мне в лицо. Трубачи укоризненно мычат.

— Я не люблю музыку.

— Чушь, — говорит Морино. — Мой друг детектив сказал, что у тебя двадцать компакт-дисков того замоченного битла, папка с нотами и гитара.

— Откуда вам это известно?

— Кошмары тщательно проделывают свою работу.

Я смахиваю с лица рисинки.

— По вашему приказу кто-то проник ко мне в комнату? Вскрыл замок?

Морино протягивает стакан, чтобы официантка его наполнила.

— Если бы я узнал, что ты, неблагодарный виртуальный сиротка, хоть пальцем прикоснулся к моей малышке, то вскрыли бы тебя, а не замок. Так что скажи спасибо.

— Ненавижу караоке и петь не буду.

— Ненавижу караоке и петь не буду, — пискляво передразнивает меня Ящерица.

Потом впечатывает кулак мне в глаз, и стол превращается в потолок.

Потихоньку прихожу в себя. Глаз мелодично ноет, наливаясь кровью.

— Весь день мечтал. — Ящерица осматривает костяшки пальцев. — Отец велел тебе петь.

Мне бы испугаться, но я мотаю головой. Крови нет.

Франкенштейн кладет палочку для еды на указательный и безымянный палец, рыгает и с хрустом переламывает ее средним пальцем.

— Отец, по-моему, Миякэ нарушает условия договора.

Морино наставительно грозит ему пальцем:

— Будь к нему снисходителен. У него сестра утонула, это же потрясение на всю жизнь. Знаешь, у них там был свой мирок. И даже свой собственный язык. Вот только в тот день, когда она умерла, наш юный себялюбец развлекался в Кагосиме. Эй! — Он щелкает пальцами, подзывая официантку. — Еще эдамамэ[109]!

Одурманенный простудой, я не могу понять, то ли Морино ясновидящий, то ли у него есть универсальный ключ к глубинам сознания. Так или иначе, мне очень хочется вонзить ему в глаз палочку для еды. Я живо представляю себе, как это произойдет. Брызнет струйкой. Бородавка Морино подрагивает. По-моему, она за мной следит.

---

[109] Примечания: 109

Эдамамэ — популярная закуска, стручковые соевые бобы с солью.

Если верить часам в «кадиллаке», мы подъехали к окраине отвоеванной земли в 23:04. Вот уже полчаса катим по дороге. Машина трясется от бравурных маршей военного оркестра, а я трясусь от лихорадки, или, может, это машину лихорадит, а во мне громыхает музыка. От убийства меня отделяли миллиметры. Да и сейчас отделяют. Может ли служить оправданием случайное изменение скорости вращения и угла удара? Я сделал бросок. Не по своей воле. Но я сделал бросок. Еще час — и папка с документами будет у меня. Плюс великолепный фингал. Вопреки моим ожиданиям, претендента на трон якудза в Токио не сопровождает целая армия головорезов, вооруженных до зубов. Нет, только два «кадиллака». Из носа непрерывно течет, а шея немеет, будто в тугом ошейнике. Может, какой-нибудь кодекс чести обязывает противников избегать насильственных действий. А может, это самоубийственная авантюра. Ох, только не это! Мысленно уговариваю себя, что исповедуй Морино философию камикадзе, то не дожил бы ни до своего возраста, ни до своего веса. В общем, даже не знаю, что и думать. Никто не разговаривает. Морино звонит Маме-сан, в «Пиковую даму».

— Мириам уже на работе? Я звонил ей домой.

Как только появится, пусть тут же звонит мне на мобильный.

Ящерица с Франкенштейном курят «Кэмел», Морино — сигару. Я так простужен, что курить не хочется. Шербетка хнычет в наркотическом забытье. По недвижной глади моря можно ходить, а небо — сплошные звездные россыпи, акр за акром. Тридцативаттная лампочка полной луны совсем рядом. Морино делает еще один звонок, но никто не отвечает. Какая-то медсестра говорила мне, что самоубийцы предпочитают умирать в полнолуние. Самоубийцы и почему-то лошади. Наконец мы замедляем ход и паркуемся под стратегическим углом к «кадиллаку» трубачей. Ну, мне так кажется. Выхожу из машины. Затекшие мышцы ноют. Очередная строительная площадка. В пригородах Токио повсюду либо кварталы под снос, либо строительные площадки. Гигантский терминал аэропорта — пока что только гигантский фундамент. Ровные, как бильярдный стол, отвоеванные земли простираются до самых гор. Справа и слева от нас высятся опоры моста без центральной секции. Где-то вдали море лениво плещет о набережную.

— Слушай, Миякэ… — Огонек его зажигалки пляшет в темноте. — Полезай-ка на мост.

Гадаю, в чем здесь подвох.

— Нагасаки — наш противник, а ты не вписываешься в образ. Могут подумать, что я беру всяких сосунков.

Ящерица хихикает.

— Вы отдадите мне папку с документами?

— Как ты мне надоел! Не раньше полуночи, понял?! Брысь отсюда!

Делаю несколько шагов, и тут тип в кожанке свистит с груды валунов:

— Едут! Девять машин.

— Девять. — Франкенштейн пожимает плечами. — Я надеялся, что будет больше, но девять — тоже неплохо.

Бегу вверх по склону. Сейчас мост — самое надежное укрытие. Или тюрьма, из которой никуда не денешься. Я примерно в тридцати метрах над землей, от высоты кружится голова и съеживаются яйца. Из-за парапета смотрю, как подъезжают машины Нагасаки, останавливаются полукругом у «кадиллаков» Морино и включают фары на полную мощность. Глушат моторы. Из каждой машины выходят четверо — в военных куртках, шлемах и с автоматическими винтовками. Занимают огневые позиции. В который раз за сегодняшний день я чувствую себя персонажем

боевика. Морино и его люди надевают солнечные очки. Никакого оружия, никаких приборов ночного видения. В одной руке Морино держит мегафон, другую сует в карман. Тридцать шесть вооруженных до зубов человек против семи. Из машины не спеша вылезает тип в белом костюме, его прикрывают два телохранителя. Вот-вот прикажет открыть огонь. Никакой папки не будет. Все напрасно. Голос Морино раскатывается над отвоеванной землей, будто из мегафона вещает сама ночь:

— Дзюн Нагасаки. Есть у тебя последнее желание?

— Ты меня просто поражаешь, Морино. Как быстро ты скатился на самое дно! Слухи преуменьшают степень твоих несчастий. Пять измотанных головорезов, один бывший торговец оружием — ты сдохнешь от моей руки, Сухэ-батор, причем в таких мучениях, что даже тебя проймет, — и безоружный юный педик на мосту. — (Вот тебе и надежное укрытие.) — И вот этими силами ты собираешься захватить власть? Или у тебя еще авианосец в гавани? А может, ты надеешься, что я умру от скуки?

— Я вызвал тебя, чтобы объявить приговор.

— Тебе сифилис все мозги выел? Или ты Уль-

траман[110]?

— Тебе будет позволено с честью принести извинения. Убьешь себя сам.

— Знаешь, Морино, это даже не глупость. Это наглость. Давай разберемся, что там у нас. Ты обосрал мне открытие «Ксанаду». Я чуть пупок себе не надорвал, убеждая газетчиков, что Одзаки случайно выпал из окна. Ты сделал из трех моих менеджеров кегли и шарами для боулинга раскроил им черепа, как яичную скорлупу, — оригинально, не спорю, но весьма досадно, — потом старомодным способом убил двух ни в чем не повинных охранников и пристрелил моего лучшего пса. Моего пса! Это меня очень огорчает. Ты — дилетант, Морино. Полное отсутствие стиля. Настоящий профессионал ни за что и никогда не тронет животное.

— Ах, стиль! По-твоему, закупить в Штатах дрянной говяжий фарш, не прошедший санэпидемконтроля, скормить его школьникам в Вакаяме, заразить их кишечной палочкой, а потом прессануть своих дрессированных мартышек

---

[110] Примечания: 110

Ультраман — герой одноименного японского телесериала о приключениях гигантских серебристых гуманоидов с планеты М-78, которые путешествуют по вселенной и защищают разумную жизнь от всевозможных монстров; создан в 1966 г. японским режиссером Эйдзи Цубурая, одним из соавторов фильмов о Годзилле.

из Министерства сельского хозяйства, чтобы во всем обвинили фермеров, которые выращивают редис[111], — это что, стиль? Шантажировать банкиров фальшивой отчетностью, составленной по твоим же приказам, о списании на убытки кредитов, выданных тебе в эпоху экономического пузыря, — это тоже стиль? Угрожать производителям детского питания бритвенными лезвиями в их продукции, если тебе не заплатят отступных, — по-твоему, это стиль?

— Ты не способен усвоить одну простую вещь, Морино: семидесятые годы остались в прошлом, мировой прогресс шагнул далеко вперед. Вот поэтому именно я унаследовал и расширил интересы Цуру, а ты по-прежнему побираешься в барах Синдзюку, принуждая их владельцев отдавать тебе жалкие гроши. Неужели ты и впрямь думаешь, что через пять минут еще будешь жив?

— Ты забыл, что у меня есть два секретных оружия.

— Да? Сгораю от любопытства.

---

[111] Примечания: 111

…заразить их кишечной палочкой, а потом прессануть своих дрессированных мартышек из Министерства сельского хозяйства, чтобы во всем обвинили фермеров, которые выращивают редис… — Имеется в виду крупнейшая вспышка эпидемии E. coli штамм O-157 (кишечная палочка) в городе Сакаи, префектура Вакаяма, летом 1996 г., от которой пострадали 10 тысяч человек; причиной заболевания официально считаются зараженные побеги редиса.

— Твое пламенное любопытство и есть мое первое секретное оружие, Нагасаки. Даже в старые времена ты сначала говорил, а потом стрелял.

— А твое второе оружие действует столь же устрашающе, как и первое?

— Позвольте представить вам, красотки… — (мне плохо слышно следующее слово), — Нимкьюсикс.

— Нимкьюсикс? Это что еще за хрень? Мифический гоблин-ссыкун? Или средство для очистки сточных труб?

— Пластиковая взрывчатка, разработанная израильскими спецслужбами.

— Никогда о такой не слышал.

— Конечно, ты никогда о ней не слышал. Израильтяне не рекламируют ее в «Тайм». Но микрочастицы Нимкьюсикса нанесены на спусковые крючки автоматов в руках у твоих тупоголовых долболомов. Тем же составом обработаны ваши замечательные кевларовые шлемы. Мой коллега, господин Сухэ-батор, умыкнул ваше снаряжение у своего русского поставщика и лично наблюдал за процессом.

Люди Нагасаки косятся на босса.

Нагасаки складывает руки на груди:

— За всю жалкую историю существования жал-

ких тупых и лживых мудаков, которым нечем козырять, ты, Морино, — самый жалкий, самый тупой и самый лживый мудак. Как ты думаешь, чем я замочил людей Цуру? Если бы в твоих дерьмовых словах был хоть грамм правды, мы бы уже об этом знали.

— Но вы об этом не узнали, потому что я хотел твоими руками избавиться от людей Цуру. За что тебе большое спасибо…

— Спасибо будешь говорить, когда пули изрешетят твое лживое нутро. Ну, мне пора править городом. А вы, щенки, отойдите подальше от машин. Я заказывал их лично, через нашего общего знакомца, монгола, и не хочу повредить покрытие.

Морино гасит сигару о покрытие «кадиллака».

— Заткнись и слушай. «Хоть грамм правды», говоришь? Микрочастицы Нимкьюсикса весят одну двадцатую грамма. Как точка на странице. Взрывчатка неимоверно устойчива к прямому обстрелу и рикошетам, до тех пор пока — и в этом самая прелесть — не подвергнется электромагнитному излучению строго определенной, крайне высокой частоты. Тогда микрочастица взрывается с такой силой, что от тела остаются лишь ошметки. Единственный излучатель к

востоку от Сирии встроен в мой мобильник.

Слова Морино не убеждают даже меня, хотя я обливаюсь холодным потом в тридцати метрах над землей и наверняка под прицелом снайпера.

Нагасаки скучающе тянет:

— Твое псевдонаучное дрочилово, Морино…

— Потерпи еще десять секунд. Нимкьюсикс — это штука будущего. Вводишь код — на всякий случай я проделал это заранее — и нажимаешь кнопку набора номера. Вот так…

Соцветья взрывов, грохот, гром и пламя.

Я растягиваюсь плашмя.

Ударные волны скальпируют воздух.

Грохот эхом отдается в горах.

Наконец я выглядываю из-за парапета. Люди Нагасаки лежат там же, где стояли. Те, на кого не падают лучи фар, высятся темными кучами, а те, кто на свету, багровы от крови, как пол скотобойни. Ноги и туловища по большей части целы, а руки с оружием разорваны в клочья. Голов в армейских шлемах нет вообще. Невозможно подобрать слова, чтобы такое описать. Так бывает только в фильмах про войну, в фильмах ужасов и в кошмарах. Дверца «кадиллака» распахивается, из салона вываливается Шербетка, падает на колени и визжит, будто увидела паука в ванне:

— Аааааааааай!

— Аааай! — передразнивает ее Ящерица. — Фиг тебе, а не аааааааааай!

Нагасаки еще жив — он был без шлема, и череп ему не снесло — и пытается подняться с земли. Руки, оторванные по локоть, изодраны в клочья. Морино вразвалочку подходит к своему врагу и приставляет ему к уху мегафон:

— Наука — великая вещь!

Бах!

Мегафон поворачивается ко мне.

— Это был праздничный фейерверк, Миякэ. Теперь слушай. Полночь миновала. Так что папка в «кадиллаке» — твоя. Да. Отец держит свое слово. К сожалению, ты не сможешь насладиться честно заработанной информацией, потому что сдохнешь, как дурак. Я таскал тебя за собой на случай, если бы Нагасаки решил прибегнуть к услугам твоего отца. Однако же я переоценил умственные способности этого кретина, так что вместо возможного козыря мы заполучили лишнего свидетеля. Господин Сухэ-батор лично вызвался пустить тебе пулю в лоб, а поскольку он является основным исполнителем моего гениального плана, я не смог ему отказать. Прощай. И не расстраивайся понапрасну: ты — совершенно

неприметный мальчишка, и жизнь твоя была скучна, тупа и беспросветна. А твой отец — такое же ничтожество, как и ты. Сладких снов.

◆

К чему все это? Покойнику все равно.

— На корточках безопаснее, — настаивает мой убийца.

Я сдавленно фыркаю от страха.

— Нет? — Тип в кожанке взводит курок. — Что ж, я тебя предупредил.

У него в руке не пистолет, а мобильник. Он набирает номер, наклоняется через парапет, направляет мобильник на «кадиллаки» и резко опускается на корточки.

Ночь вспарывает себе брюхо, стена грохота сбивает меня с ног, мост содрогается, с неба сыплется град камней и обломков металла, пылающий автомобильный каркас автомобиля чертит в воздухе дугу, и папка с моим отцом превращается в пепел. По горам громыхает эхо. Гравий впивается мне в скулу. Пытаюсь встать. Как ни странно, тело еще способно двигаться. Из воронок на месте «кадиллаков» вздымаются столбы дыма.

Тип в кожанке снова набирает номер. При-

жимаюсь к земле, гадая, что здесь еще можно взорвать. А вдруг он ходячая бомба и избавляется от главной улики — от самого себя? Нет, на этот раз мобильник — просто мобильник.

— Господин Цуру? Говорит Сухэ-батор. Ваши пожелания насчет господина Нагасаки и господина Морино выполнены. Совершенно верно, господин Цуру. Что они посеяли, то и пожали.

Он убирает мобильник и смотрит на меня.

Пламя и треск.

Прокушенная губа кровит.

— Вы меня убьете?

— Вот думаю. Страшно?

— Очень.

— Страх — не обязательно признак слабости. Я презираю слабость, но презираю и бессмысленное расточительство. Если хочешь выжить, ты должен убедить себя, что сегодняшняя ночь — чужой кошмар, в который ты попал совершенно случайно. К рассвету отыщи укромное местечко и отсидись там. Если обратишься в полицию, будешь немедленно убит. Ясно?

Киваю. Чихаю. Открываю глаза. Ночь тонет в клубах дыма.

5. Обитель сказок

На полях

Литературный Козлик вглядывался в беззвездную ночь. Дыхание туманило ветровое стекло. Первые заморозки опустили тонкую льдинку в бокал эдельвейсового вина. Литературный Козлик насчитал три шума. Шипение свечи на старинном бюро; гневное бормотание спящей госпожи Хохлатки: «А если кому нипочем, мы в печке его испечем, Амариллис Брумхед!»[112] — и храп Питекантропа в гамаке под днищем дилижанса. Четвертый шум — шепотки, — покамест таился в дальней дали. Литературный Козлик нашарил свое степенное пенсне и начал перелистывать книгу стихов, сочиненных в девятом

---

[112] Примечания: 112

«А если кому нипочем, мы в печке его испечем…» — Строчка из английской детской песенки-потешки:

> *Жил да был озорник Нипочем,*
> *Все было ему нипочем…*

веке принцессой Нукадой[113]. Он откопал этот томик однажды в Дели, в чертогах грозового четверга. С середины лета каждая ночь проходила одинаково. Досточтимый дилижанс останавливался, Литературный Козлик просыпался и никак не мог уснуть. Спустя час или два или три появлялись шепотки. О своей бессоннице Литературный Козлик не говорил никому, даже Питекантропу, и, уж конечно, не госпоже Хохлатке, которая, несомненно, прописала бы ему какое-нибудь отвратительное «целительное снадобье», в сто раз хуже, чем сам недуг. Поначалу Литературный Козлик думал, что шепотки — это шум Абердинского водопада[114], близ которого они тогда стояли, но отверг эту гипотезу, когда шепотки последовали за ним и в другие места. По второй своей гипотезе, он сошел с ума. Но поскольку во всем остальном его умственные способности не претерпели никаких изменений, Литературный Козлик предположил, что шепотки исходят из

---

[113] Примечания: 113

…перелистывать книгу стихов, сочиненных в девятом веке принцессой Нукадой. — Принцесса Нукада (Нуката-но Окими, ок. 630–690) — знаменитая японская поэтесса периода Асука (538–710); автор допускает намеренную ошибку в датировке ее сочинений.

[114] Примечания: 114

Абердинский водопад — живописный водопад в Шри-Ланке, на реке Кегельгаме, притоке Келани.

авторучки — той самой, которой госпожа Сёнагон писала свои записки у изголовья[115] более тринадцати тысяч полумесяцев тому назад. Тут Литературный Козлик услышал тихий шорох, потом шелест, и сердце его забилось быстрее. Он сунул принцессу Нукаду на полку и прижал ухо к корпусу ручки. «Да, — подумал он. — Вот и они». Этой ночью слова звучали отчетливо как никогда — только слушай! «Спесь» — здесь, «гиппопотам» — там, «эбеновое чудо-юдо» — повсюду. Литературный Козлик взял авторучку и начал писать, сперва медленно, потому что слова падали по капле, но мало-помалу предложения полились потоком, переплескивая через край.

— Ах, мой господин, это беспредельное безобразие! — Госпожа Хохлатка раздвинула утренние шторы. — Ежели вам вздумалось в неурочный час отправиться на прогулку, то надо укутаться, как подобает. Вот попомните мое слово, разыграется у вас ревматизм, кому, как не мне, снова придется за вами ухаживать.

Литературный Козлик разлепил клейкие веки:

---

[115] Примечания: 115

…госпожа Сёнагон писала свои записки у изголовья… — Имеется в виду Сэй Сёнагон (ок. 996–1017), средневековая японская писательница, придворная дама из свиты императрицы Тэйси, автор книги «Записки у изголовья».

— Ох, немирный сон на этой м-мирной земле[116], госпожа Хохлатка! М-мне пригрезились поиски м-металлических нордических нонагонов в какой-то дельте, где целую вечность не м-минует утро среды.

Госпожа Хохлатка потуже затянула завязки фартука.

— Я вам девяносто девять раз говорила, мой господин: «Сливки и мед — сон не придет». А вы каждый вечер устраиваете девонширские чаепития[117]. Ну-ка, поднимайтесь. Завтрак на столе. «Эрл грей» и занзибарские копчушки на гриле, все как вы любите. — Госпожа Хохлатка бросила взгляд на пейзаж за окном. — И впрямь уныло, что и говорить.

Литературный Козлик отыскал свое степенное

---

[116] Примечания: 116

…немирный сон на этой м-мирной земле… — Парафраз последнего предложения из романа Эмилии Бронте «Грозовой перевал» (1847). «Я бродил вокруг могил под этим добрым небом; смотрел на мотыльков, носившихся в вереске и колокольчиках, прислушивался к мягкому дыханию ветра в траве — и дивился, как это вообразилось людям, что может быть немирным сон у тех, кто спит в этой мирной земле» (перев. Н. Вольпин). Ср. также две инструментальные композиции Стива Хэккета и Майка Резерфорда с восьмого студийного альбома группы *Genesis* «Wind and Wuthering» (1976) — «Unquiet Slumbers for the Sleepers» («Немирный сон для спящих») и «In that Quiet Earth» («На той мирной земле»).

[117] Примечания: 117

Девонширское чаепитие — один из вариантов традиционного английского угощения, где к чаю подают булочки-сконы, густые топленые

сливки и клубничный джем.

пенсне среди летейских летописей и вгляделся. Досточтимый дилижанс подкатил к неприветливой обочине, за которой печально пустела пустыня пустынных пустошей.

— Чернильный ландшафт, картонные небеса. Вне всяких сомнений, госпожа Хохлатка: м-мы заехали на поля.

В ложбинах ленивых лощин бормотал боязливый боярышник.

— Мутное имя для мутного места, — заявила госпожа Хохлатка.

— Почва слишком кислая, цвет не держит. Один м-маргинальный герцог настойчиво насаждал настурции и нарциссы, но желтый тут же выцветал. Здесь ведь и вечнозеленые заросли не зеленеют. Не слышно птиц, вороны не летают[118]. Даже низко.

— Ох, да бог с ними, мой господин. Копчушки ваши стынут.

Литературный Козлик поморщился:

— Странное дело, госпожа Хохлатка, но аппетит меня покинул. Разумеется, за рыбу вам огром-

---

[118] Примечания: 118

Не слышно птиц, вороны не летают. — Пародия на строку из стихотворения «Засуха» из сборника «Сорняки под стеной» (Weeds by the Wall, 1901) американского поэта Мэдисона Кавейна (1865–1914), прозванного Кентуккийским Китсом.

ное спасибо, я ее попозже отведаю. А покамест я не чаю выпить чаю и… — Хвост предложения ускользнул. — Вот досада! Ночью я исписал десятки страниц — куда они подевались? — Он заглянул под стол, в стол, за стол — страницы исчезли. — Это катастрофа! Я начал сочинять несказанно сказочную сказку!

Госпожа Хохлатка, хотя и прослужила у Литературного Козлика не один десяток лет, очень огорчилась из-за копчушек.

— Смею заметить, мой господин, вам приснился очередной сочинительский сон. Помните, как вам снилось, что вы написали «Отверженных»? Ваш издатель целую неделю убеждал вас не привлекать Виктора Гюго к суду за флагеллат.

Дверь со стуком распахнулась, и в салон ворвался ветер. Заляпанный грязью волосатый торс жуткого доисторического существа заполнил дверной проем. Существо прохрипело нечто нечленораздельное на наречии глины и крови. Госпожа Хохлатка гневно уставилась на него:

— Не марай своими грязными лапами мой чистый ковер!

— И тебя с добрым утром, Питекантроп! — Литературный Козлик позабыл о пропавших страницах. — Что ты там принес, друг мой?

Питекантроп повернулся к госпоже Хохлатке и приоткрыл сложенные лодочкой ладони. Из комка земли высовывался стебелек с поникшим белым цветком.

— Вы только посмотрите! — воскликнул Литературный Козлик. — Сноудонская снежница! В сентябре! Какая прелесть! Какая редкость!

Госпожу Хохлатку это поразило куда меньше.

— Ишь, чего удумал! Вот накопай поганых сорняков побольше да отнеси их куда подальше, тогда и дождешься от меня благодарности. Свинья свиньей, лишь бы в грязи талапаться! И закрой дверь с той стороны, а то мы с господином так и сгинем от сквозняков!

Питекантроп уныло заворчал и закрыл дверь.

— Волосатый дикарь — вот он кто. — Госпожа Хохлатка остервенело скребла сковороду. — Дикарь!

Хотя Литературному Козлику было очень обидно за друга, он знал, что лучше не попадаться госпоже Хохлатке под горячую руку.

♌

Просыпаюсь, пялюсь на очередной незнакомый потолок и невольно изображаю амнезию.

Цепенею и продолжаю пребывать в оцепенении. Я часто играл в эту игру после смерти Андзю, начав девятилетние скитания по родственникам: гостевые комнаты со старенькими слежавшимися футонами («Эйдзи погостит этот месяц у нас») и кузены, у которых на случай любого спора было припасено безотказное ядерное оружие: «Если тебе здесь не нравится, отправляйся домой, к бабушке!» Короче, игра состоит в том, чтобы как можно дольше задержать ощущение, что не знаешь, где находишься. Считаю до десяти, но это не помогает подобрать ключ к настоящему. Спал я на пышном диване посреди гостиной; двустворчатые застекленные двери занавешены светлыми шторами. Во рту язва размером с отпечаток лошадиного копыта. «Бах!» — взрывается бомба памяти. Головы в боулинге. Морино, освещенный огоньком сигары. Монгол на недостроенном мосту. Разминаю затекшие мышцы. Нос и горло основательно закупорены — простуда лютует, но тело борется с ней лучше, чем мозг-идиот. Как долго я спал? Кто покормил Кошку? На журнальном столике пачка сигарет «Ларк». Осталось всего три штуки, и я выкуриваю их одну за другой, чиркая спичками. На зубах толстый слой затвердевшей замазки. В комнате тепло. Я спал

в одежде, подмышки и пах взопрели. Хорошо бы открыть окно, но вставать лень. Если лежать и не двигаться, то ничего нового не произойдет, зато увеличится расстояние, отделяющее меня от смерти тридцати, а то и сорока человек. Тяжело вздыхаю. Не могу развидеть увиденное. Это прогремит в новостях на всю страну, если не на весь мир. Разборки якудза — отныне и до самого Нового года. Тяжело вздыхаю. Судебные эксперты тщательно, на четвереньках и с пинцетами в руках, осмотрят место битвы. Бригада из Отдела особо тяжких преступлений опросит посетителей «Ксанаду». Девушка из пресловутого зала патинко расскажет репортерам о мошеннике, назвавшемся сыном управляющего за считаные секунды до того, как господин Одзаки выпал из окна комнаты охраны на втором этаже. Художник-криминалист набросает углем портреты подозреваемых. А что делать мне? И что собирается делать со мной невидимый господин Цуру? Что сталось с Мамой-сан и с «Пиковой дамой»? У меня нет никаких планов. У меня нет сигарет. У меня нет бумажных носовых платков, чтобы как следует высморкаться. Изо всех сил прислушиваюсь и слышу… полнейшую тишину.

Если бы не курево, как бы я по утрам испраж-

нялся? Реклама с обветренными ковбоями и загорелыми серферами умалчивает о слабительном эффекте сигарет. Жаль, что пришлось спать в джинсах, но я побоялся раздеться — вдруг проснусь от звука взламываемой двери и придется бежать. Страх не отпускает. Хуже, чем ждать землетрясения. Но что делать, если я услышу незваного гостя? Прятаться? А где? Я даже не знаю, сколько этажей в этом доме. Встаю. Первая остановка — туалет. Он японский: сидишь на корточках, рядом чаша с ароматными травами. Ну вот, потужился и разродился — чисто и без всяких осложнений. Из сливного бачка хлещет Ниагарский водопад. Кухня выложена терракотовой плиткой и сияет чистотой, — судя по захватанным поваренным книгам, хозяин любит готовить. Каждый предмет кухонной утвари висит на отдельном крючке. За окном — пустующее место для машины и сад перед домом. Розы, сорняки, кормушка для птиц. Высокая изгородь из бирючины скрывает дом от внешнего мира. В кладовой — всевозможные средства для уборки, но она слишком на виду, так что прятаться в ней бесполезно. Гостиная — типично японская:

устланный татами[119] пол, буддистский алтарь с фотографиями давно и недавно почивших родственников, ниша для цветов, а на стене свиток с иероглифами кандзи — читать его та еще головная боль. Ни телевизора, ни стереосистемы, ни телефона — лишь факс без трубки на широкой книжной полке. Книги — старые издания, все больше сказки с иллюстрациями: «Лунная принцесса»[120], «Урасима Таро»[121], «Лисенок Гон»[122]. В доме идеальный порядок — дети здесь явно не живут. Выглядываю в щелку штор. Сад за домом — предмет чьей-то гордости и создан, чтобы радовать глаз. Пруд больше, чем у бабушки; в зеленой воде мелькает карп. Над ряской скользят поздние стрекозы. На островке — каменный фонарь. Горшки с лавандой, высокие заросли бамбука, такие густые, что в них

---

[119] Примечания: 119

Татами — маты для пола из рисовой соломы.

[120] Примечания: 120

«Лунная принцесса» — японская народная сказка «Сказание о резчике бамбука» (известное также как «Сказание о старике Такэтори» или «Принцесса Кагуя»).

[121] Примечания: 121

«Урасима Таро» — японская легенда о молодом рыбаке, спасшем черепаху — дочь повелителя морей.

[122] Примечания: 122

«Лисенок Гон» — литературная обработка народной сказки, опубликованная японским писателем Нанкити Ниими (1913–1943) в 1932 г.

можно спрятаться. Птичье гнездо в оранжевом почтовом ящике на серебристой березе. Можно часами любоваться этим садом. Он распускается, как цветок. Неудивительно, что в доме нет телевизора. Поднимаюсь на второй этаж. Ковер под босыми ногами мягкий и пушистый, как снег. Роскошная ванна с кранами в виде морских коньков. Хозяйская спальня; ее убранство наводит на мысль о супружеской паре средних лет. Спальня поменьше — для гостей. Что ж, прятаться негде. Это девятилетки умеют находить укромные местечки в обычном доме. Однажды Андзю обыграла меня, умудрившись залезть в стиральную машину. Похоже, на этом экскурсия окончена. Внезапно я замечаю в конце лестничной площадки решетчатую дверцу. Наверное, чулан. Дверная ручка крутится вхолостую, но дверь распахивается. Полки внутри — не полки, а крутые ступеньки. Сверху свешивается веревка с узлами, чтобы легче было подниматься. На третьей ступеньке стукаюсь головой о потолок, и он приподнимается. Толкаю его, и чем выше отходит фанерная крышка люка, тем шире становится полоска дневного света. Я ошибся. Это лучше самого укромного места. Я оказываюсь в библиотеке-кабинете с невероятно высокой плот-

ностью книжного населения. Книжные стены, книжные башни, книжные проспекты, книжные переулки. Книжные россыпи, книжные завалы. Мягкие обложки, твердые обложки, атласы, справочники, альманахи. Книг на девять жизней. Этих книг хватит, чтобы построить эскимосское иглу и в нем спрятаться. Здесь обитает книжный разум. Зеркала возводят книги в квадрат и в куб. Великая китайская стена книг. Книг столько, что чудится, будто и сам я — книга. В треугольное окошко под потолком струится свет. С потолка свисает плетеный абажур. Кроме книжных шкафов и прогибающихся полок, единственный предмет мебели — это старомодный письменный стол-бюро с квадратными ячейками, где копятся счета и прочие документы. Похожий стол был у моей бабушки. До сих пор есть. На бюро лежат две стопки бумаги: одна — чистая, белая, как крахмальные сорочки, другая — рукопись на особом лакированном подносе. Не могу удержаться. Сажусь и начинаю читать первую страницу.

♌

Литературный Козлик работал все утро, пытаясь восстановить фрагменты несказанно

сказочной сказки, нашептанной перед рассветом, но это оказалось так же тяжко, как таскать тюки в полуденном пекле. Госпожа Хохлатка полоскала помятые полосатые простыни. Питекантроп приводил в чувство двигатель досточтимого дилижанса. Наконец Литературный Козлик встал из-за старинного бюро, чтобы посмотреть в словаре, как правильно пишется слово *zwitterion*, но его отвлек *gustviter*, а *durzi* и *theopneust*[123] заманили еще дальше. Незаметно напала дремота. Последнее, о чем подумал Литературный Козлик, — что словарь притворился подушкой, или наоборот.

Когда Литературный Козлик очнулся от краткого сна и вернулся к старинному бюро, он решил, что все еще спит. Страницы, написанные до того, как его сморило, исчезли! Невероятно! Он знал, что госпожа Хохлатка не смела прикасаться к старинному бюро. Оставалось лишь одно объяснение.

— Вор! — закричал Литературный Козлик. — Вор! Вор!

Госпожа Хохлатка вбежала в салон, роняя при-

---

[123] Примечания: 123

Zwitterion — цвиттер-ион (амфион, биполярный ион, содержащий одновременно положительный и отрицательный ионные центры). *Gustviter* — искаженное фонетически записанное слово «ghostwriter» («литературный призрак», *англ.*). *Durzi* — индийский портной (заимств. из хинди). *Theopneust* — боговдохновленный (заимств. из греч.).

щепки:

— Мой господин! Что случилось?

— М-меня ограбили, госпожа Хохлатка, пока я спал!

Выскочил всклокоченный Питекантроп, отчаянно колоча гаечным ключом.

— М-мою восстановленную несказанно сказочную сказку унесли призраки[124]!

— Но как, мой господин? Я развешивала белье и ничегошеньки не видела!

— Возможно, вор так м-мал, что беспрепятственно просочился и высочился через выхлопную трубу!

Госпоже Хохлатке это предположение показалось несколько натянутым, но она последовала наружу за Литературным Козликом и Питекантропом, чтобы взглянуть на досточтимый дилижанс сзади. Питекантроп опустился на колени, понюхал грязь в колее под колесом. И замычал.

— Грязный грызун? — переспросил Литературный Козлик. — Чуть больше м-мыши? Ага! Значит, делаем вывод: вор — грязная м-мелкая

---

[124] Примечания: 124

…несказанно сказочную сказку унесли призраки! — Отсылка к полнометражному анимэ-фильму Хаяо Миядзаки «Унесенные призраками» (2001).

крыса. Вперед друзья! М-мы должны задержать этого прохвоста и объяснить ему кое-что насчет авторских прав! Дорогой Питекантроп, вперед!

Нахмурив чело, Питекантроп изучал землю. Облако-наковальня волглым волоком волочилось по небу. Следы вели в сторону от проторенного пути, по неизбранной дороге, через сонную лощину[125], за озерцо гнилой воды. Вдруг госпожа Хохлатка вскрикнула:

— Что это там за чертовщина?!

На шесте с перекладиной, воткнутом у края запруды, болталось пугало в самом плачевном состоянии. Глаза и уши были выклеваны, а из прорехи на боку при каждом дуновении ветра сочилась солома, словно кровь из раны. Литературный Козлик подошел поближе:

— Кхм. Добрый день, Пугало.

Пугало приподнял голову — медленнее, чем месяц млеет над млечной межой.

— Прошу прощения за беспокойство, — начал Литературный Козлик, — тут, часом, не проска-

[125] Примечания: 125

Следы вели в сторону от проторенного пути, по неизбранной дороге, через сонную лощину… — Аллюзия на хрестоматийное стихотворение Роберта Фроста «The Road Not Taken» (1915, неоднократно переводилось на русский, в частности под названиями «Неизбранная дорога» в перев. В. Топорова, «Другая дорога» в перев. Г. Кружкова) и рассказ В. Ирвинга «Легенда о Сонной лощине» (1820).

кивала противная скрытная крыска с краденым манускриптом?

Рот Пугала открывался медленнее философствования фиалок.

— Ныне же…

— Великолепно! — воскликнул Литературный Козлик. — Скажи, а в какую сторону побежал вор?

— Ныне же… пребуду с Отцом в раю…[126]

В тот же миг на край запруды вскочили два цербера, вонзили слюнявые клыки в Пугало, сорвали беднягу с шеста и растерзали в мелкие клочья. Сильный удар лапой отшвырнул Литературного Козлика в сторону. Питекантроп метнулся к госпоже Хохлатке и подхватил ее на руки. От Пугала остались лишь лохмотья, прибитые к деревяшке. Литературный Козлик пытался вспомнить, что можно и чего нельзя, когда имеешь дело с бешеными собаками. Притворяться мертвым? Смотреть им в глаза? Убегать вприпрыжку?

— Будет знать, как прежде времени раскрывать сюжет! — прорычал вожак.

— Что делать с этими тремя, босс? — взвизгнула шавка помельче.

---

[126] Примечания: 126

Ныне же… пребуду с Отцом в раю… — Парафраз Лк. 23: 43: «И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю».

Литературный Козлик чувствовал на себе жаркое дыхание.

— Хорошие собачки.

— Он излагает как писатель, — тявкнула шавка. — Пахнет так же. Писатель он и есть.

— Нет времени, — пролаял вожак. — Наш создатель улизнет!

— А давай попрактикуемся на бородаче?

Питекантроп приготовился защищать друга, но церберы скачками унеслись прочь в складчатый простор полей, превращаясь в кляксы на смятом горизонте.

— Ну и ну! — воскликнула госпожа Хохлатка. Потом заметила, что угнездилась на руках у Питекантропа. — Немедленно опусти меня на землю, чурбан немытый!

♌

Внизу хлопает дверь, и рукопись отходит на второй план. Сейсмические толчки сотрясают сердце, и я задерживаю дыхание. Кто-то пришел. Кто-то пришел за мной. Бунтаро бы меня окликнул. Не может быть! Как меня так быстро нашли? Инстинкт самосохранения, притупившийся за время знакомства с Морино, включается на

полную мощность. Сейчас там пядь за пядью обыскивают гостиную, кухню, сад. А на диване лежат мои носки. Пачка из-под сигарет. Фанерная крышка люка закрыта, веревка втянута, но притворил ли я дверцу чулана? Можно сдаться и надеяться на пощаду. Забудь. Якудза не знают слова «пощада». Спрячься здесь, под книгами. Но если книги рухнут, я себя выдам. Чем бы вооружиться? Жду, когда на полках-ступеньках зазвучат шаги. Все тихо. Либо незваные гости орудуют в полной тишине, либо в дом проник кто-то один. Вот мой план на крайний случай: встану над лестницей с трехтонным трехтомником «Критического обзора японского романа от первого лица», а когда люк откроется, сброшу книги вниз и, надеюсь, собью этого типа с ног. Потом спрыгну — если у него пистолет, мне несдобровать, — переломаю ему ребра и сбегу. Жду. Еще жду. Сосредоточься. Я жду. А действительно ли хлопнула дверь? Я оставил заднее окно приоткрытым — может, это ветер? Сосредоточься! Я жду. Никого. Руки ноют. Я не выдерживаю:

— Эй?!

Никакой волны насилия.

Испугался сказки, которую сам же и сочинил. Плохи мои дела.

После полудня спускаюсь, из шкафчика в гостевой спальне беру стопки полотенец и простыней, укладываю их на полки-ступеньки за решетчатой дверцей так, чтобы непрошеный гость подумал, что это просто бельевой шкаф. Собираю следы своего пребывания в пластиковый мешок и засовываю его под раковину. Никаких улик оставлять нельзя. Мне пора бы проголодаться — когда же я в последний раз ел? — однако желудка словно бы не существует. Хочется курить, но о том, чтобы выйти из дома, не может быть и речи. Кофе был бы в самый раз, но я нахожу только зеленый чай — и завариваю его. Сморкаюсь — на мгновение слух возвращается, и уши тут же закладывает снова, — открываю застекленные двери в сад, сажусь на ступеньку и пью чай. Карп в пруду то появляется, то исчезает. В воде снуют жучки-вертячки, но не вспарывают свой жидкий небосвод. Птичка с рубиновым горлышком высматривает земляных червей. Наблюдаю за муравьями. Цикады выводят «маззззмеззмеззззмеззмеззззмаззззззззз». В доме нет ни часов, ни даже календаря. В саду есть солнечные часы, но день слишком облачный, и тень нечеткая. По ощущениям сейчас около трех пополудни. Легкий ветерок ерошит листья бамбука. Над водой завис столб мошкары.

Маленькими глотками пью чай. Не чувствую вкуса. Даже не верится. Всего четыре недели назад я плыл на утреннем пароме в Кагосиму, с обедом в коробочке-бэнто, что дала мне в дорогу тетушка Апельсин. Я был уверен, что найду своего отца за неделю. А кого — что — я нашел вместо него? Катастрофические последствия! Лето пропало, все остальное — тоже. Пищит факс. Вздрагиваю, проливаю чай. Сообщение от Бунтаро, в котором говорится, что он приедет около шести, если не помешают пробки. Сколько осталось до шести? Времени нужна точка отсчета, чтобы оно имело смысл. На стене над факсом висит фотография в ракушечной рамке: мужчина и женщина лет пятидесяти. Наверное, это их дом. Солнечным днем они сидят за столиком кафе, в тени. Он вот-вот рассмеется тому, что она только что сказала. Она следит за выражением моего лица, спрашивая, действительно ли мне понравился ее рассказ, или я только притворяюсь из вежливости. Странно. Ее лицо мне знакомо. Знакомо, и ему невозможно солгать. «Верно, — говорит она. — Мы уже встречались». Мы долго смотрим друг на друга, а потом я возвращаюсь в ее сад, где стрекозы проживают всю свою жизнь.

— Ты уверен, м-мой дорогой друг, — уточнил Литературный Козлик, — что следы заканчиваются у этой груды гадкого гнилья?

Питекантроп промычал «да», пробрался во дворик и подобрал что-то с земли.

— Кости копчушек! — закудахтала госпожа Хохлатка.

— Тогда следует признать, — сказал Литературный Козлик, — что мы проследили за нашей добычей до самого логова.

— На вид противней некуда, — поморщилась госпожа Хохлатка. — А вдобавок вонища-то!

При ближайшем рассмотрении стало ясно, что жилище строили тщательно: за кирпич сошли консервные жестянки, банки и битые бутылки, за раствор — картофельные очистки, горелая рисовая шелуха и листовки «Голосуйте за меня!». Велосипедный щиток, уложенный на кучу, будто мостки, вел к дыре чернее начищенного сапога. Литературный Козлик прищурился и заглянул внутрь.

— Так, значит, наш взломщик обитает в этой развалюхе? Воняет почище стилтонского сыра.

— В развалюхе?! — гневно раздалось в ответ. — Да я свою развалюху ни за что не променяю на какой-нибудь дряхлый ржавый дилижанс! Ни за

какие коврижки!

— Ага! Ты дома, вор! Сию же минуту отдай мне мой манускрипт!

— А не пошел бы ты на , Джо Чмо!

— Воды и мыла! — потребовала госпожа Хохлатка.

Литературный Козлик опустил рога:

— Я бы попросил! При дамах!

Из норы высунулась крошечная лапка с оттопыренным средним пальцем.

— Если эта хилая цыпа — дама, то я , Фрэнка Синатры! Предупреждаю: если вы не свалите отсюда на счет «пять», я быстренько пришью вам домогательство, и вас затаскают по судам, да так, что вторник вам собственным X!X£ покажется!

— А, ты взываешь к закону?! Ну-ну. Весьма щекотливый вопрос. Ты проник в наш досточтимый дилижанс, украл занзибарские копчушки и м-мою несказанно сказочную сказку! К тому же, клянусь Гёртоном[127], м-мы не намерены возвращаться с пустыми руками!

— О-о-о, угрозы! Я просто ! ! в широкие штаны!

Питекантроп нетерпеливо заворчал, подобрал-

[127] Примечания: 127

…клянусь Гёртоном… — Имеется в виду Гёртон-колледж, первый женский колледж Кембриджского университета, основанный в 1869 г.

ся к конусовидной куче мусора и снес ее верхнюю четверть. Среди отбросов сидела потрясенная крыса, которая тут же превратилась в крысу разъяренную.

— Совсем на IXXX рехнулся? Ты мне чуть башку не снес, неандерталец криворукий!

Литературный Козлик пристально посмотрел сквозь степенное пенсне:

— Примечательный факт — наш вор является непосредственным сородичем обыкновенной домовой мыши.

— Какой я тебе домовой, старый хрен! Я — Единственный и Неповторимый Вольный Крыс! Ну попробовал я твоих заплесневелых копчушек — и из-за этого весь шум-гам? А сказок никаких я и знать не знаю. Чтобы!•подтирать, у меня есть «Научно-технический еженедельник японских китобоев». А если ты и дальше будешь порочить мое доброе имя, мой адвокат засудит тебя по самые! , и плакали ваши!#X$!

— Щетку и скребок! — Госпожа Хохлатка зажала уши.

Вольный Крыс не унимался:

— Веди себя как курица, а не как яйцо! Ты на полях — живи по закону маргиналий! — Он отдал

честь одним пальцем. — Слава крысам! Наш союз един! Нам все нипочем! Крыс непобедим![128] — С этим кличем грызун скрылся в неизведанных недрах купированной кучи.

Питекантроп промычал что-то вопросительное.

— Согласна, — сказала госпожа Хохлатка. — А если кому нипочем, мы в печке его испечем.

Литературный Козлик печально покачал головой. У него разыгрался артрит.

— Без сомнения, друзья м-мои. Вольный Крыс — существо крайне неприятное, но дурные м-манеры *per se*[129] еще не преступление. Боюсь, что м-мистическая пропажа м-моего м-манускрипта останется неразгаданной. Давайте вернемся в досточтимый дилижанс. Пожалуй, сегодня же вечером лучше убраться с полей.

Вечером на полях царило безмерное умиротворение. Чтобы подбодрить Литературного Козлика, госпожа Хохлатка затеяла пирог с ре-

---

[128] Примечания: 128

Слава крысам! Наш союз един! Нам все нипочем! Крыс непобедим! — Пародия на английскую патриотическую песню «Правь, Британия!», написанную шотландским поэтом Джеймсом Томсоном и положенную на музыку английским композитором Томасом Арном в 1740 г.

[129] Примечания: 129

Сами по себе, как таковые *(лат.)*.

пейником, а Питекантроп заделывал дыру в крыше. Литературный Козлик закончил правку последней страницы и положил ее на поднос к остальным. Переписанная заново, несказанно сказочная сказка потеряла изумительную выразительность, которая осталась у него в памяти.

— Пора ужинать, — позвала госпожа Хохлатка. — Вы, должно быть, умираете с голоду, мой господин.

— Странно сказать, но я не м-могу проглотить ни м-мельчайшей крошки.

— Но, мой господин, вы же целый день ничего не ели!

Питекантроп озабоченно заворчал сквозь дыру в крыше.

Литературный Козлик задумался:

— Действительно, я ничего не ел.

— Все переживаете из-за пропавших сказок, мой господин? Скоро мы уедем, и поля с их ворами и прочим добром останутся далеко позади.

Вдруг Питекантроп вздрогнул и яростно замычал:

— Что еще за чертовщина, дикарь! Заткнись! Господин и так расстроен.

Литературный Козлик удивленно наморщил лоб:

— М-мой дорогой друг, что тебя так взволновало?

Госпожа Хохлатка выронила поваренную книгу:

— Мой господин! Что это вы жуете?

— А в чем дело? Это просто бумаж…

У Литературного Козлика отвисла челюсть. Тайное стало явным. Госпожа Хохлатка облекла правду в слова:

— Мой господин! Вы сжевали собственные страницы, едва успев их написать!

Слова застряли у Литературного Козлика в горле.

♌

Смеркается. Я, не включая света, жду Бунтаро на кухне: меня не видно, а сам я увижу, как он подъедет, и пойму, что это Бунтаро, а не кто-то еще. Всматриваюсь в узорчатые плитки на стене; минуты кружат в предсмертном танце. Вот наконец и сияние фар. Машина Бунтаро въезжает на стоянку у входа. Мне до сих пор странно, что Бунтаро существует не только за прилавком «Падающей звезды», но и где-то еще. Ненавижу зависеть. Я прожил последние девять лет, стара-

ясь не зависеть ни от кого и ни от чего — будь то щедрость, милосердие, привязанность, сочувствие, деньги. А теперь все насмарку. Отпираю входную дверь:

— Привет!

— Извини, что опоздал. Сплошные пробки. Твоя лихорадка прошла?

— Превратилась в простуду.

— Так вот почему ты гундосишь, как попугай. Держи: здесь упаковка «Эбису-экспорт»[130] — шесть банок, на крайний случай — и ужин из «Хокка-Хокка»[131]. Ешь быстрее, а то остынет и на вкус станет как то, из чего его приготовили. — Он вручает мне сумку и снимает сандалии. — И сигареты. Я не знал, что́ ты куришь, так что купил «Пис».

— Спасибо… Извини, нет аппетита.

— Не важно. А курить все равно тянет?

— «Пис» — это отлично.

— А почему ты сидишь в темноте?

— Просто так.

По пути в гостиную я зажигаю свет.

---

[130] Примечания: 130

«Эбису-экспорт» — одна из старейших марок японского пива, производится пивными заводами «Саппоро».

[131] Примечания: 131

«Хокка-Хокка» — сеть магазинов еды навынос по доступным ценам.

— Ого! — Бунтаро смотрит на мой фингал. — Красота!

— А кто сейчас в «Падающей звезде»?

— Жена. А ты думал?

— Но ведь ей нельзя перенапрягаться. Ну, э-э, она же беременна.

— Хуже, чем беременна: она беременна, и ей скучно. Честно сказать, мы с утра немного повздорили. Она, понимаешь, устала оттого, что с ней обращаются как с китом-инвалидом, — если, мол, она посмотрит еще хоть одну дневную программу о том, как делать кукол из пластиковых бутылок, то купит пистолет. Да, если тебе интересно, она знает, что произошло. Но есть и хорошая новость: похоже, она — единственная, кто об этом знает.

— Что?!

— В новостях — ничего. В газетах — тоже.

— Не может быть.

Бунтаро пожимает плечами:

— Парень, ничего не было.

— Но ведь было!

— Нет, этого не было в новостях — значит не было.

— Ты мне веришь?

— Эй! Ты что, забыл, дурень? Я же всю ночь провел за баранкой.

— Значит, все: стрельба, взрывы…

— Все засекречено. Или, возможно, все замели до того, как полиция о чем-нибудь пронюхала. Якудза всегда убирает за собой все свое дерьмо, чтобы не выставлять на всеобщее обозрение свои аппетиты. Благодари судьбу, парень. Нам одной заботой меньше.

— А как же управляющий патинко?

— Да мало ли что? Выпал из окна, когда полез менять перегоревшую лампочку.

Мы выходим в сад и курим на ступеньках. Сумерки растворяются в темноте. В пруду плещется карп. Я выключаю свет, чтобы не налетела мошкара. Лягушки квакают то тише, то громче.

— Скажи, деревенский житель, чем лягушки отличаются от жаб? — спрашивает Бунтаро.

— Жабы живут вечно. Лягушки прыгают под колеса.

— М-да, а ведь на твое обучение шли мои налоги.

— Бунтаро, тут вот еще что. Помнишь, я говорил про кошку…

— Эта животина? Да они с моей женой уже не разлей вода. Так что будущее Кошки обеспечено. Давай-ка покормим рыбок.

Он приносит из дома коробку чего-то рассыпча-

того, пахнущего так же, как еда из «Хокка-Хокка». Мы по очереди кидаем в пруд щепотки корма. Карп молотит хвостом и хлюпает.

— Бунтаро, я действительно тебе очень благодарен.

— За рыбий корм? Пустяки.

— Я не о рыбьем корме.

— А, за сигареты? Потом расплатишься.

Я умолкаю.

Голодный город

Госпожа Хохлатка снесла яйцо, последнее за неделю. Она обернула его ватой, положила вместе с другими в плетеную корзину и накрыла салфеткой. Потом в последний раз пробежала глазами список покупок: вязальная спица номер девять, специальное спиртовое средство от блох, индийское индиго для инкунабул, польский полироль, занзибарские заедки и закуски, две связки свежих светских свечей. В дверь ее будуара постучали, потом раздалось «кхм» Литературного Козлика.

— Да, мой господин?

Дверь со скрипом приоткрылась, и Литературный Козлик поверх пенсне заглянул в щель:

— Вы собираетесь на рынок, госпожа Хохлатка?

— Да, мой господин. Хочу продать свои яйца.

— Замечательно, замечательно. В этих м-местах я чувствую катастрофическую нехватку коротких рассказов. Я подумал, м-может быть, вы отнесете одну из м-моих книг на рынок, вдруг м-мимо будет проходить какой-нибудь книготорговец. М-мало ли, что м-может случиться. Предложение, спрос и все такое…

— Ваша правда, мой господин.

Госпожа Хохлатка была настроена скептически, но, не желая оскорбить чувства Литературного Козлика, положила книгу в карман фартука. Дверь со стуком распахнулась, и в комнату ворвался ветер. Питекантроп вопросительно замычал с порога.

— Да, ухожу, — ответила госпожа Хохлатка. — Нет, со мной нельзя — ты опять распугаешь всех покупателей, как в тот раз, на марше в Марракеше.

Питекантроп пробормотал что-то насчет одолжения и раскрыл перед госпожой Хохлаткой сложенные ладони.

Она чуть не выронила корзину:

— Червяки?! У меня в будуаре! Здесь живут уважаемые, сытые создания! Они не едят червей! Этой гадости не место рядом с моими чудесными свежими яйцами! Убирайся отсюда сейчас же! Невежа!

«Господи, спаси и сохрани мои переливчатые перышки», — думала госпожа Хохлатка, проходя по разоренным пустошам. Что здесь случилось? Когда-то пейзаж радовал глаз, но сейчас некогда тучные поля пожухли и иссохли, деревья словно бы обломали и ободрали, а на выжженной искореженной земле там и сям виднелись кратеры воронок. Из оплавленных продырявленных танковых корпусов упрямо торчали стволы, будто лес стояков. Чертыхался чертополох. Сточные трубы источали нечистоты, превращая в топкое болото пыльную паутину спутанных проводов. Стояло такое зловоние, что госпожа Хохлатка уткнула клюв в шаль.

— Что за чертовщина?!

Вдруг небеса заверещали во все горло. Госпожа Хохлатка едва успела заслонить своим телом драгоценную корзину с яйцами и прикрыть уши крыльями, как от оглушительного звукового удара фартук у нее задрался выше головы, а пан-

талоны вздулись. Взрывная волна схлынула. Госпожа Хохлатка огляделась и поднялась на ноги. Посмотрев вверх, она увидела прелюбопытное зрелище: какой-то хиппи на психоделически раскрашенной доске для серфинга падал с неба прямо на нее! Она непроизвольно схватила корзину и порхнула за большую бочку с надписью «Эйджент-орандж»[132]. Хиппи на предельной скорости врезался в землю. Из кратера вылетел град камней и характерное громыхание. Госпожа Хохлатка смотрела, как оседает пыльное облако, слишком ошарашенная, чтобы произнести хоть слово, даже про себя. В кратере раздался стон.

— Ооооооооо, мэн! — Хиппи с усилием перевалился через край воронки. У него были ярко-рыжие дреды, панорамные солнечные очки и нимб набекрень. — Мэээээээээн… — Увидев госпожу Хохлатку, он изобразил рукой знак мира. — Добрый день, мэм.

К госпоже Хохлатке вернулся дар речи.

— Рискованное было падение, не иначе.

---

[132] Примечания: 132

«*Эйджент-орандж*» (Agent Orange) — смесь синтетических дефолиантов и гербицидов, применявшаяся Великобританией и США во время военных кампаний на Индокитайском полуострове (на территории Вьетнама, Камбоджи, Лаоса и Таиланда) для уничтожения тропических лесов.

— Проклятые «Фантомы»[133]! Из-за них я чуть не загремел в тартарары. А все потому, что лоханулся и вовремя их не заметил. Они летят бомбить город, хотя там уже и бомбить-то нечего. Но раз уж боеприпасы есть, их надо израсходовать.

— Вы ничего себе не повредили?

— Только гордость, мэм. Но спасибо за участие. Я, видите ли, бессмертен.

— Простите, что вы сказали?

— Я бессмертен. Меня зовут Бог. Чрезвычайно рад с вами познакомиться, мэм.

Госпожа Хохлатка несколько опешила. Нужно сделать реверанс?

— Польщена знакомством, что и говорить. Но если в городе вот-вот начнется бомбежка, не следует ли вам что-либо предпринять?

Бог поправил нимб:

— А что тут предпримешь, мэм? Если военные решат бомбить какую-нибудь страну до второго пришествия, то… — Он пожал плечами. — Когда-то у нас было право божественного вето на ведение войн, но мало-помалу нас лишили ис-

---

[133] Примечания: 133

«Фантом» — истребитель-бомбардировщик дальнего радиуса «Макдоннел-Дуглас F-4 Фантом-2», применявшийся, в частности, как самолет наземной поддержки во время войны во Вьетнаме.

полнительных полномочий, и теперь никому и в голову не приходит обращаться к нам за советом.

— Надо же… а позвольте спросить: что нужно, чтобы прекратить войну?

Бог скорчил недоуменную гримасу: мол, откуда ж мне знать.

— Сказать по правде, мэм, я никогда не хотел быть Богом. Папаша настоял: семейные традиции и все такое. Я плюнул на теологические колледжи Лиги Плюща и подался в Калифорнию. — Лицо Бога приняло мечтательное выражение. — Крутой прибой, золотой песок, а девочки! Какие девочки… Разумеется, «вмешательство Всевышнего» — предмет обязательный, но я пропускал почти все лекции ради серфинга на больших волнах Биг-Сура! А прекращение войн… Это бездонная выгребная яма, мэм. Университетский диплом я все-таки получил, хоть и третьей степени с бесчестьем, зато научился фокусу с водой и вином[134]. Папаша пытался меня пристроить, но, видите ли, мэм, — Бог понизил голос, — на небесах повсюду кумовство. Знай вы, что творится в

[134] Примечания: 134

…зато научился фокусу с водой и вином. — Аллюзия на первое чудо, совершенное Иисусом Христом на брачном пиру в Кане Галилейской — претворение воды в вино (Ин. 2: 1–11).

Граде Золотом, подумали бы, что франкмасоны всюду пробиваются исключительно своим умом. Важно не то, что ты знаешь, важно, кого ты знаешь, а главное — откуда. Закадычным друзьям Всемогущего достаются местечки с устойчивой демократией, а тех, у кого со связями напряг, отправляют в зоны военных действий или в миротворческие миссии. Мэм, у вас времени не найдется?

Госпожа Хохлатка взглянула на часы:

— Без двадцати пяти одиннадцать.

— Ах, чтоб его! Мне нужно вернуть видеокассеты в прокат, не то снова оштрафуют!

Бог щелкнул пальцами. Доска для серфинга взмыла со дна воронки и зависла в воздухе. Бог вспрыгнул на нее и помахал солнечными очками:

— Было чрезвычайно приятно побеседовать, мэм. Если вдруг попадете в беду, пошлите мне

взмах крыла и молитву[135]! — Он принял кунг-фуистскую стойку и унесся прочь.

Госпожа Хохлатка смотрела, как его божественное убожество пропадает в дальней дали.

— Ну-ну. Так я ему и поверила. Уж лучше как-нибудь сама, на честном слове.

♌

Мучимый жаждой, я просыпаюсь в мареве предрассветных сумерек и вскрикиваю — надо мной склонилась старуха в черном. Судорожно дергаюсь, падаю с дивана.

— Успокойся, — говорит пожилая женщина в черном. — Успокойся, деточка. Тебе приснился сон. Это я, госпожа Сасаки из бюро находок на вокзале Уэно.

---

[135] Примечания: 135

…пошлите мне взмах крыла и молитву! — Отсылка к известной англоязычной поговорке «on a wing and a prayer» (букв.: «на крыле и молитве»), возникшей в годы Второй мировой войны среди военных летчиков; впервые ее произнес Джон Уэйн в фильме «Летучие тигры» (1942), а популярность она приобрела после того, как в 1943 г. появилась песня Гарольда Адамсона и Джимми Макхью, известная российским слушателям под названием «Бомбардировщики»:

…Бак пробит, хвост горит,
Но машина летит
На честном слове и на одном крыле.

(перев. Т. Сикорской и С. Болотина)

Я пытаюсь расслабиться, вдыхаю, выдыхаю. Госпожа Сасаки? Марево рассеивается.

Она улыбается, качает головой:

— Извини, что напугала. С возвращением в мир живых. Похоже, Бунтаро забыл тебя предупредить, что я утром зайду.

Напряжение наконец-то отпускает. Вздыхаю полной грудью.

— Доброе утро…

Она ставит на пол спортивную сумку:

— Я принесла кое-какие вещи из твоей квартиры, чтобы тебе было здесь удобнее. Ох, знала бы про синяк, захватила бы парочку стейков.

Мне стыдно, что госпожа Сасаки видела бардак в моей капсуле.

— Если честно, я думала, что ты уже проснулся. А почему ты не спишь в гостевой комнате?

Липкая сухость во рту, будто клей с песком.

— Мне тут спокойнее. Безопаснее, что ли. Госпожа Сасаки, а как Бунтаро узнал ваш номер в Уэно? Откуда вам известно про «Падающую звезду» и про Бунтаро?

— Я — его мать. — Госпожа Сасаки улыбается, видя мое изумление. — Знаешь, у каждого есть мать. Даже у Бунтаро.

Все встает на свои места.

— Почему же ни вы, ни он никогда об этом не упоминали?

— Ты не спрашивал.

— Мне и в голову не приходило спросить.

— Тогда зачем нам было об этом говорить?

— А моя работа?

— Бунтаро отправил тебя на собеседование, но места ты добился сам. Впрочем, сейчас это не важно. Вот позавтракаем и обсудим, как быть с твоей работой в бюро находок. Всему свое время. Сначала тебе надо принять душ и побриться, а то похоже, что ты неделю жил с бездомными в парке Уэно. Ты совсем себя запустил. А пока ты будешь приводить себя в порядок, я приготовлю завтрак. Надеюсь, ты съешь больше меня. Какой смысл спасать твою шкуру, если ты устраиваешь голодовку?

Целую вечность стою под душем, пропариваюсь до костей, подушечки пальцев сморщиваются. Намыливаюсь три раза, с головы до пят. Наконец выхожу из-под душа и чувствую, что простуда немного отступила, да и сам я как-то полегчал. А теперь — бритье. Хорошо, что бриться мне нужно раз в неделю. Мои одноклассники хвастливо рассказывали, что бреются очень часто, но на свете есть много занятий поинтереснее, чем шкрябать

сталью по волоскам. Однако предложение госпожи Сасаки в некотором роде приказ. Пару лет назад дядюшка Толстосум подарил мне электробритву, но дядюшка Асфальт поднял меня на смех и заявил, что настоящие мужчины бреются лезвиями. Моя первая упаковка одноразовых «Бик» еще не кончилась. Плещу на лицо холодной водой и держу станок под холодной струей — дядюшка Асфальт говорит, что от холода лезвие сжимается и делается острее. Я вспоминаю его всякий раз, когда бреюсь. Намазываю лицо гелем для бритья «Айс блю», особенно густо желобок между носом и верхней губой — почему для этого места не придумали названия? — и ямочку на подбородке, и основание нижней челюсти, где обычно режусь. Жду, пока гель начнет пощипывать. Затем начинаю с плоских мест рядом с ушами, где не так больно. Вообще-то, мне нравится эта боль. Напряженная, всепоглощающая. Чтобы справиться с болью, надо в нее нырнуть. Вокруг носа. Ай! Ополаскиваю лицо, смываю щетинистую липкую массу в водосток. Еще холодной воды. Ощупываю подбитый глаз, пока он не начинает болеть. Чистые трусы, футболка, шорты. Пахнет едой. Спускаюсь вниз, кладу бритвенные принадлежности в сумку. Ловлю на себе взгляд дамы с

фотографии в ракушечной рамке. «Ну как, полегчало? Да не волнуйся ты так. Здесь ты в полной безопасности. Расскажи, что случилось. Расскажи свою историю. Давай. Рассказывай».

Монгол исчез, как будто его и не было. Горящие «кадиллаки» разразились очередным всплеском аплодисментов. Ко мне с трудом вернулась способность рассуждать, и я понял, что пора уносить ноги, и чем быстрее, тем лучше. Я трусцой спустился с моста. Не бежал сломя голову, знал, что ночь будет долгой. Не смотрел за парапет и не оглядывался. Даже не хотелось, ни капельки. Густой дым вихрился плутониевыми клубами. Я вообразил, что превратился в устройство, которое производит расстояние. Делал сотню шагов бегом и сотню — шагом, раз, другой, третий, по объездной дороге. Следил, нет ли машин в лунной дали. Если вдруг что, спрятался бы внизу, на набережной — она выложена такими здоровенными бетонными панелями с выемками, ими наращивают береговую линию. Ужас, шок, вина, облегчение: казалось бы, обычные чувства, но я ничего такого не ощущал, кроме желания поскорее уйти подальше от всего, что я видел. Звезды угасали. Страх, что меня схватят и обвинят в преступлениях на отвоеванной земле, вскрыл во

мне неведомый прежде пласт выносливости, и я поддерживал режим «сто на сто» до самого пропускного пункта, за которым объездная дорога сворачивала к прибрежному шоссе, ведущему к «Ксанаду». Заря уже опалила горизонт, и движение на трассе в Токио становилось оживленнее. Луна таблеткой аспирина растворялась в теплой воде утра. Водители и пассажиры с удивлением глазели на меня — ведь по шоссе не ходят пешком, там нет тротуаров, только отвалы земли по краям дорожного полотна, — и, наверное, считали, что я сбежал из психушки. Я было подумал об автостопе, но вовремя сообразил, что это привлечет ненужное внимание. Пришлось бы объяснять, как я здесь очутился. Послышался вой полицейских сирен. К счастью, я как раз проходил мимо ресторанчика, поэтому вошел и притворился, что звоню по телефону. Оказалось, что это не полиция, а две машины «скорой помощи». Что делать? Лихорадка грохотала в голове барабанами-тайко. Никаких планов у меня не было, кроме как позвонить Бунтаро и умолять о помощи, но в «Падающую звезду» он приходит к одиннадцати, а его домашнего телефона я не знал, к тому же боялся, что он вышвырнет мои пожитки на улицу, едва услышит, в какую пере-

дрягу я попал.

— С тобой все в порядке, милок? — спросила официантка за кассой. — Может, дать что-нибудь для глаза?

Она смотрела на меня с такой добротой, что единственным способом не разрыдаться было грубо уйти, ничего не ответив. Завидую ее сыну. Путь лежал через промзону, — по крайней мере, там был тротуар. Все уличные фонари погасли одновременно. Вдоль дороги тянулись бесконечные фабричные корпуса. В них производят продукцию для других фабричных корпусов: стеллажные полки, упаковочный материал, коробки передач для грузоподъемников. Барабаны умолкли, но теперь содержимое моего черепа пропаривала лихорадка. Силы были на исходе. «Может, вернуться к ресторанчику, — думал я, — и упасть в обморок на руках ангела милосердия?» В обморок? Больницы, доктора, вопросы? Двадцатилетние в обморок не падают. Да и ресторанчик остался слишком далеко. У фабрики по производству облицовочной замазки стояла лавочка. Неизвестно, зачем и кому здесь понадобилась лавочка, но я благодарно уселся на нее, в тень гигантской кроссовки фирмы «Найк». Ненавижу этот мир. «„НАЙК“ — ФИНИШНОЙ ЧЕРТЫ НЕ

СУЩЕСТВУЕТ». За пустырем виднелись «Ксанаду» и «Валгалла». Бег по кругу. Громыхнул стартовый пистолет, и солнце припустило с места в карьер. Пела какая-то птица: длинный-длинный лихой посвист, а под конец — звездные сполохи птичьей морзянки. И так раз за разом. На Якусиме есть такая же птица. Усилием воли я заставил себя подняться и направиться к «Ксанаду», где можно найти кондиционер и местечко, чтобы поспать, пока не придет время звонить Бунтаро. Себя-то я заставил, но тело не двинулось с места. Рядом притормозила белая машина. Би-бип. Бибикающая белая машина. Проезжай. Распахнулась дверца, водитель перегнулся через пассажирское сиденье:

— Послушай, парень, я, понятное дело, не Зиззи Хикару, но, если у тебя нет предложений получше, залезай.

В полном замешательстве я не сразу сообразил, что человек за рулем — Бунтаро. Осунувшийся, встревоженный Бунтаро. У меня не было сил гадать кто, как, когда и почему. Через полминуты я уже спал.

Рыночный городок оказался ломаным лабиринтом крошеного кирпича и пустынных пустырей. Мечеть на холме, разрушенная снарядом, являла миру развороченные внутренности и выбитые окна. Ее пустые глазницы безучастно взирали на город. На улицах лежали перевернутые остовы трамваев. На обочинах лежали беспризорные дети: сморщенная кожа туго обтягивала выпирающие кости. Мухи жадно всасывали детские слезы. Стервятники кружили так низко, что был слышен шорох их перьев, а по канавам шныряли гиены. Мимо, едва не задавив госпожу Хохлатку, пронесся белый «джип» какой-то миротворческой организации. В «джипе» непрерывно щелкали фотокамеры репортеров, снимавших сюжеты для новостей. Госпожа Хохлатка подошла к огромной статуе, величественно вздымавшейся над руинами. Табличка гласила: «ЛЮБИМЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ». В тени статуи изможденный человек жарил на костре червей, чтобы накормить семью. Напыщенный, надменный, наглый, надутый диктатор на пьедестале был полной противоположностью изможденного человека внизу, чей скелет как будто скрутили из проволочных одежных вешалок.

— Извините, — сказала госпожа Хохлатка. — Я

ищу рынок.

Он хмуро посмотрел на нее:

— Вы на нем.

Госпожа Хохлатка сообразила, что он не шутит.

— Вот на этом пустыре?

— Здесь война, дамочка. Или вы не заметили?

— Но ведь людям нужна еда.

— Какая еда? Мы в осаде.

— В осаде?

Изможденный человек поднес червяка ко рту своего сына; мальчик осторожно снял червяка с палочек и сжевал безо всякого выражения.

— Ну, в наши дни осаду называют «санкциями». Это слово легче проглотить.

— Надо же… А кто с кем воюет?

— Ш-ш-ш-ш! — Человек заозирался по сторонам. — Это секрет! За такие вопросы вас арестуют.

— Но вы же все равно видите, как солдаты сражаются друг с другом?

— Солдаты? Они никогда не сражаются друг с другом. Они же могут пострадать! У них джентльменское соглашение — не стрелять в людей в форме. Цель любой войны в том, чтобы истребить как можно больше гражданских лиц.

— Какой ужас! — А потом госпожа Хохлатка довольно опрометчиво сказала: — Похоже, мне так и не удастся продать свои яйца.

Мешок из-под удобрений зашевелился, и из него выползла жена изможденного человека:

— Яйца?

Изможденный человек попытался шикнуть на нее, но она пронзительно завизжала:

— Яйца!

Полуденное безмолвие содрогнулось. Слово ударной волной раскатилось во все стороны:

— Яйца!

Из канав вылезали безрукие сироты:

— Яйца!

Стучали клюками старухи:

— Яйца!

В зияющих дверных проемах возникли люди с ввалившимися от голода глазами.

Волнующаяся толпа окружила статую. Госпожа Хохлатка попыталась разрядить обстановку:

— Что вы, что вы, не нужно…

Толпа всколыхнулась — на госпожу Хохлатку налетел внезапный вихрь воплей, визга, воя и встревоженно вытянутых рук и унес корзину прочь. Толпа взревела. Госпожа Хохлатка в ужасе закудахтала: яйца раскатились во все стороны и

превратились в растоптанное месиво скорлупок, желтков и белков. Госпожа Хохлатка захлопала крыльями и поднялась над толпой — она не летала с тех пор, как была желторотым цыпленком, и ей удалось продержаться в воздухе лишь считаные секунды. Единственным, что сошло за насест, оказался велосипедный руль усов любимого главнокомандующего. Толпа наблюдала за ней, охваченная благоговейным страхом.

— Она взлетела! Эта дама взлетела!

У пьедестала еще шла драка за ошметки раздавленных яиц, но остальные глазели на госпожу Хохлатку. Какой-то малыш выкрикнул:

— Никакая она не дама!

— Я, безусловно, дама! — негодующе возразила госпожа Хохлатка. — Мой отец был королем курятника.

— Дамы не летают! Это курица!

— Я — дама!

Слово пронеслось по голодному городу, как лесной пожар — по колючим кустарникам Коринфа. Не «дама», не «курица», а:

— Курятина! Курятина! Курятина!

Госпожа Сасаки наливает суп мисо из кастрюльки в стоящую передо мной лакированную плошку. Рыбки-коиваси[136] и кубики тофу. Андзю любила коиваси — наша бабушка всегда подавала их именно так. Мисо кружит по дну тарелки, оседает, как взбаламученный ил. Желтый маринованный дайкон, рисовые шарики с лососем, обернутые в листы водорослей. Настоящая домашняя еда. У себя в капсуле я живу на гренках и йогурте, да и то если встану пораньше; слишком хлопотно готовить что-то еще. Мой организм наверняка оголодал, но аппетита нет как нет. Ем, чтобы не огорчать госпожу Сасаки. Цезарь, бабушкин пес, перед смертью тоже ел, чтобы не огорчать бабушку.

— Госпожа Сасаки, а можно спросить кое-что?

— Да, конечно.

— Где я?

Она передает мне тарелку.

— Ты не спросил у Бунтаро?

— Вчера я не мог собраться с мыслями. Совсем.

— Что ж, ты в доме моей сестры и ее мужа.

— Это они на фотографии в ракушечной рамке над факсом?

---

[136] Примечания: 136

Коиваси — разновидность анчоуса.

— Да. Я сама сделала этот снимок.

— А где они сейчас?

— В Германии. Там очень популярны ее книги, поэтому издатель организовал ей литературное турне. А мой зять изучает европейские языки, так что, пока она исполняет свой писательский долг, он роется в университетских библиотеках.

Я прихлебываю суп:

— Вкусно. Значит, она писатель? Это она работает на чердаке?

— Она предпочитает, чтобы ее называли «сказочницей». А я все думала, отыщешь ли ты кабинет.

— А ничего, что я туда забрался? Я, э-э, начал читать ее рассказы. Ну, те, что лежат на столе.

— Моя сестра не станет возражать. Непрочитанные рассказы — не рассказы.

— Ваша сестра, наверное, особенный человек.

— Доешь-ка рисовые шарики. Почему ты так считаешь?

— Из-за этого дома. Мы в Токио, но кажется, что вокруг лес периода Кофун[137]. Ни телефонов, ни телевизора, ни компьютера.

Госпожа Сасаки улыбается, чуть выпятив губы:

---

[137] Примечания: 137

Период Кофун — культурно-исторический период развития Японии, так называемая «эпоха курганов» (250–538).

— Я обязательно ей передам. Ей это понравится. Сестре не нужен телефон — видишь ли, она глухая от рождения. А мой зять считает, что миру нужно меньше коммуникации, а не больше. — Она нарезает апельсин, корочка брызжет под ножом. — Миякэ-кун, по-моему, тебе не стоит возвращаться в Уэно, — говорит госпожа Сасаки, садясь за стол. — Неизвестно, хотят эти люди и их сообщники тебя отыскать или не хотят. По-моему, рисковать не стоит. В пятницу они знали, где тебя найти. На всякий случай я сделала так, чтобы твое личное дело в Уэно затерялось. Пожалуй, тебе лучше отсидеться здесь до конца недели. Если кто-нибудь станет расспрашивать про тебя в «Падающей звезде», Бунтаро скажет, что ты уехал из города. А если нет, то все чисто.

Это разумно.

— О'кей.

— Думать о будущем начнешь через неделю. — Госпожа Сасаки наполняет чашки чаем. — А пока — отдыхай. В жизни мы не столько преодолеваем трудности, сколько переживаем их.

Зеленый чай с ячменными зернами.

— Почему вы с Бунтаро мне помогаете?

— «Кому» значит больше, чем «почему». Ешь.

— Я не понимаю.

— Не важно, Эйдзи.

В тот же день, позднее. Звонок в дверь, и сердце опять замирает. Откладываю рукопись. Если это не Бунтаро и не госпожа Сасаки, то кто? Я сижу в кабинете на чердаке, но все равно слышу, как поворачивается ключ в замке парадной двери. Я привык к тишине, наполняющей дом, и уже различаю, что мне мерещится, а что нет. Вот распахивается дверь, шаги в коридоре. Книги напряженно прислушиваются вместе со мной.

— Миякэ! Расслабься, это Юдзу Даймон! Выходи, выходи, хватит прятаться. Твой домовладелец дал мне ключ.

Мы сталкиваемся на лестнице.

— Выглядишь лучше, чем в прошлый раз, — замечаю я.

— Жертвы дорожных происшествий выглядят лучше, чем я в прошлую пятницу, — отвечает он. — А вот ты выглядишь хуже. Ух ты! Это они тебе так глаз разукрасили? — На его футболке надпись: «Кто умрет с большей грудой всякой всячины — тот и победитель!»[138] — Я пришел

[138] Примечания: 138

«Кто умрет с большей грудой всякой всячины — тот и победитель!» — парафраз популярного изречения, приписываемого издателю журнала «Форбс», мультимиллионеру Малькольму Форбсу (1919–1990): «Кто умрет с большей грудой игрушек — тот и победитель».

извиниться. Вот, даже подумывал отрубить себе мизинец[139].

— Что бы я стал делать с твоим мизинцем?

— Да что угодно. Заспиртовал бы его и хранил в эмалевой шкатулке: идеальная штука, чтобы ковырять в носу на светских раутах. А какой предмет для разговора! «Знаете, он некогда принадлежал печально знаменитому Юдзу Даймону…»

— Спасибо, для ковыряния в носу я как-нибудь своим пальцем обойдусь. И вообще, — я неопределенно машу рукой, — я же по своей воле туда вернулся, ты тут ни при чем.

— Кстати, я тебе купил десять пачек сигарет, чтоб хватило, — говорит он; похоже, все еще не определился, хочу я его убить или нет. — Если бы я отрубал себе палец всякий раз, когда приходилось извиняться, то давно остался бы с беспалыми культяшками. Там «Мальборо». Помнится, в знаменательный день нашего знакомства в бильярдном зале ты курил «Мальборо». А твой домовладелец решил, что с гитарой тебе

---

[139] Примечания: 139

…подумывал отрубить себе мизинец. — Намек на ритуальный обряд юбицумэ, распространенный среди якудза, — добровольное отрезание фаланги пальца в знак преданности или как признание вины за проступок.

будет веселее, так что я ее тоже привез. Она внизу, в коридоре. Ну, ты как вообще?

Как я? Вообще-то, странно, но больше не сержусь.

— Спасибо, — говорю я.

Он пожимает плечами:

— Ну, учитывая…

Я пожимаю плечами:

— Пойдем в сад, покурим.

Как только я начинаю свой рассказ — с того, как усадил Даймона в такси, — то не могу остановиться до самого конца — когда Бунтаро усадил меня в свою машину. По-моему, я еще никогда так долго не говорил. Даймон не перебивает, только прикуривает нам сигареты и приносит пиво из холодильника. Я рассказываю ему даже про отца и зачем я вообще приехал в Токио. Заканчиваю рассказ уже на закате.

— Самое странное, — говорю я, — это отсутствие шумихи в прессе. Человек сорок погибли — и не тихой смертью, заметь, а со взрывами и пальбой, как в боевиках, — и никто об этом ни гугу.

Пчелы изучают колышущуюся лаванду.

— Разборки якудза лишний раз подтверждают тупость полицейских и продажность политиков. Что, как всем известно, чистая правда. Но если

признать это публично, у токийских избирателей может возникнуть вопрос, зачем они платят налоги. Так что телевидение к таким вещам близко не подпускают.

— А газеты?

— Журналистам скармливают сообщения о победах и поражениях в верхах. Настоящие репортеры-правдоискатели — в черном списке, их не пускают на пресс-конференции, поэтому газеты не держат их в штате. Правда ловко?

— Тогда зачем вообще новости?

— Люди хотят комиксов и сказок. Ой, глянь, стрекоза! В древности поэты-монахи определяли неделю и месяц по цвету и блеску стрекозьих — как их там? — фюзеляжей. — Он поигрывает зажигалкой. — А своему домовладельцу ты тоже все рассказал, без купюр?

— Ну, я не упирал на зверства. И не стал говорить, что собирались сделать с его женой, раз тот, кто этим угрожал, тоже убит. До сих пор боюсь, что рассказал слишком много и теперь его замучают кошмары.

Даймон кивает:

— Ну, иногда, что ни сделаешь, все худо. В таком случае лучший выход — выбрать меньшее из двух зол. Тебе, наверное, все это до сих пор

снится.

— Я вообще не очень много сплю. — Открываю банку пива. — А у тебя какие планы?

— Папаша считает, что мне нужно на время исчезнуть, и это единственное, в чем я с ним согласен. Так что утром я лечу в Штаты. С женой.

Я чуть не давлюсь пивом:

— Ты женат?! С каких пор?

Даймон смотрит на часы:

— Уже пять часов.

Я впервые вижу его искреннюю улыбку. Да и то на миг.

— Мириам? Кан Хё Ён?

Улыбка исчезает.

— Ее настоящее имя Мин. Его знают очень немногие, но мы перед тобой в долгу. Кстати, я не знал, что она познакомила тебя со знаменитым ударом ногой.

— Угу, я все пришил обратно. Мин, говоришь? У нее каждый раз новое имя.

— На этот раз — постоянное.

Мы чокаемся банками пива.

— Поздравляю. Скоропалительная, э-э, свадьба.

— В том-то и смысл тайного брака.

— А я-то думал, вы ненавидите друг друга.

— Ненавидим… — Даймон внимательно изуча-

ет свои руки. — Любим.

— Твои родители знают?

— Они уже лет десять живут каждый своей жизнью — естественно, соблюдая все приличия. — Даймон поигрывает зажигалкой. — Так что больше не имеют права давать мне советы по поводу моей личной жизни.

— Значит, тебе пора возвращаться к, э-э, Минсан?

— Да, мне еще нужно забрать билеты на самолет. Слушай, а покажи фотографию отца?

Я достаю ее из бумажника. Даймон внимательно изучает снимок и мотает головой:

— Нет, я его никогда не видел. Вот что, я спрошу своего папашу: может, он знает, как связаться с детективом, услугами которого пользовался Морино. Как правило, якудза обращаются к ограниченному кругу надежных, проверенных лиц. Не могу обещать наверняка, в полицейском департаменте и в мэрии сейчас полный кавардак, никто не знает кто, когда и с кем. Вдобавок поговаривают, что Цуру вернулся, правда частично лишившись памяти и рассудка. Он явно нужен кому-то в качестве подставного лица. В общем, я постараюсь. Потом будешь действовать сам, но, по крайней мере, сможешь придумать план «Б».

— План «Ж». Любой намек лучше, чем ничего.

Мы идем в коридор. Даймон обувает сандалии.

— Что ж…

— Что ж, счастливого медового месяца.

— Вот что мне в тебе нравится, Миякэ.

— Что именно?

Он садится в свой «порше» и машет рукой.

♌

— Связать ее! — завывала часть толпы.

— В духовку ее! — завывала другая. — Запечь ее с картошкой!

И словами не передать, как хотелось госпоже Хохлатке, чтобы из развалин выбежал Питекантроп и унес ее в безопасное место. Она и не пикнула бы, даже если бы обнаружила в его шерсти блоху.

— Куриных крылышек! — верещали малютки. — Жареной картошки!

Откуда ни возьмись появилась лестница, и госпожа Хохлатка с ужасом поняла, что толпа сейчас заберется на статую любимого главнокомандующего и отправит ее, госпожу Хохлатку, в печь. А кто же будет заботиться о Литературном Козлике? Он же умрет с голоду. И тут госпожа

Хохлатка вспомнила про его книгу.

— Постойте! — закудахтала она. — Я накормлю вас кое-чем повкуснее старой жесткой курицы!

Толпа замерла в ожидании.

Госпожа Хохлатка взмахнула священной книгой:

— Сказки!

Потрепанная проститутка прогоготала:

— Брюхо сказками не набьешь!

Лестница придвинулась ближе. Госпожа Хохлатка задохнулась от волнения.

— Значит, вы не слышали правильных сказок!

— Докажи! — возопил волчара во вретище и пепле[140]. — Прочитай-ка нам сказку, посмотрим, насытимся ли мы ею.

Госпожа Хохлатка открыла первую страницу, отчаянно желая, чтобы почерк Литературного Козлика был поразборчивее.

— «Однажды некий канатоходец отправился к водопадам Сатурна, чтобы устроить самое великолепное представление из всех, какие когда-нибудь устраивались или будут устраиваться. Наступил долгожданный вечер, и канатоходец приготовился бросить вызов смерти своим от-

---

[140] Примечания: 140

…во вретище и пепле. — Библейский образ горя и сетований, см. Дан. 9: 3; Эсф. 4: 1; Лк. 10: 13; Мф. 11: 21 и пр.

важным выступлением. Ему требовалась каждая крупица его внимания. Над головой кружили луны. Под ногами бесконечный водопад Сатурна падал, падал, падал в безбрежный океан так далеко внизу, что шума воды было не слышно. Когда канатоходец дошел до середины величественного безмолвия, он, к своему немалому изумлению, увидел девушку, которая неторопливо шла навстречу. К чему описывать девушку его мечты? Вы и так знаете, какая она. „Зачем ты здесь?“ — спросил канатоходец. „Я пришла спросить, веришь ли ты в призраков?“ — „В призраков? — недоуменно переспросил канатоходец. — А ты веришь в призраков?“ Девушка его мечты с улыбкой ответила: „Конечно верю“. И спрыгнула с каната. Охваченный ужасом, канатоходец следил за ее медленным падением, но она растворилась в лунном свете задолго до того, как удариться о воду…»

Совсем рядом с госпожой Хохлаткой просвистел булыжник.

— Я все еще голоден! — взвыл волчара во вретище и пепле.

К торсу любимого главнокомандующего прислонили лестницу. Толпа не на жизнь, а на смерть боролась за право влезть наверх.

— Погодите, погодите, вы сейчас от смеха животики надорвете! — Госпожа Хохлатка захлопала крыльями, потеряла место, откуда собиралась читать, и открыла книгу на девятой странице:

— Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?[141]

Полуденное светило побурело, посерело, остыло и застыло.

Толпа замолкла — потом занервничала — и забилась в истерике.

— Фантомы! — завопили все в один голос. — В бомбоубежища!

Мужчины, женщины и дети рассыпались по трещинам, щелям и штольням голой земли, а госпожа Хохлатка осталась наедине с любимым главнокомандующим и трупом спекулянта с головой, расколотой неудачно брошенным булыжником.

— Силы небесные! — выдохнула госпожа Хохлатка.

---

[141] Примечания: 141

Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? — Слова Иисуса Христа на Кресте, обращенные к Богу-Отцу, см. Мф. 27: 46; Мк. 15: 34.

— Милость святая![142] — отозвался Бог, зависая рядом на доске для серфинга. — Мэм.

— Боже мой!

— Вы ко мне воззвали.

— Я? Воззвала?

— Тут район неспокойный, мэм, не то что раньше. Давайте-ка я подброшу вас куда-нибудь потише.

Госпожа Хохлатка с облегчением закудахтала:

— Боже мой, как вы вовремя! Здесь одни каннибалы, самые настоящие каннибалы! Не сочтите за труд, отвезите меня к нашему досточтимому дилижансу. Я вам буду очень признательна.

— Прошу вас, мэм. — Бог придвинул доску для серфинга вплотную к усам любимого главнокомандующего. — И держитесь крепче!

Госпожа Хохлатка потуже затянула шаль и стала смотреть, как голодный город исчезает в далекой дали. Почему люди не ценят красоты и добра? Почему они разрушают то, в чем больше всего нуждаются? Госпожа Хохлатка не понимала людей. Она их действительно не понимала.

---

[142] Примечания: 142

Силы небесные!.. / Милость святая!.. — Диалог пародирует рефрен песни Отиса Блэкуэлла и Джека Хаммера «Силы небесные» («Great Balls of Fire»), исполненной американским певцом Джерри Льюисом в 1957 г. (перев. Е. Соловьева).

♌

Усаживаюсь на ступеньку веранды, закуриваю очередную сигарету. Что-то эта пачка «Мальборо» тяжеловата. Заглядываю внутрь. Платиновая зажигалка Юдзу Даймона. Сбоку надпись на английском, и я беру словарь — выяснить, что она означает. «Генералу Макартуру по случаю семьдесят первого дня рождения, январь 1951 г., от Комитета по репатриации уроженцев Айти[143] — умоляем помочь нашим соотечественникам, томящимся в застенках СССР». Значит, эта зажигалка — настоящая реликвия! Она наверняка стоит… сколько? Много. Слишком много. Иду в коридор, выглядываю за дверь, но Даймона уже нет. Рев спортивной машины — может, его, может, нет — сливается с обычным дневным шумом. Да, это тебе не мизинец. Грустно, вообще-то. Интересно, много ли уроженцев Айти увидели родные берега?

♌

Паутина королевы Эрихниды

---

[143] Примечания: 143
Айти — префектура на острове Хонсю.

Питекантроп выглянул из гамака под днищем. Досточтимый дилижанс совершал свое тряское ночное путешествие. Белые полосы и огоньки отражателей выскакивали из несущейся навстречу непроглядной тьмы, как лосось из реки гиперпространства. Питекантроп любил убаюкивающее покачивание гамака, когда досточтимый дилижанс заносило на поворотах, и встречный ветер, трепавший волосы. Пегий кролик в свете фар завороженно замер, задрожал, забился, забавно заверещал и невредимым проскочил между колесами, едва не столкнувшись нос к носу с Питекантропом.

«Круто! — подумал кролик, обнаружив, что остался жив и здоров. — Ангел смерти — просто урод! Надо поскорей рассказать своим!»

Долго ли, коротко ли, Питекантроп зевнул и скользнул обратно в гамак, устраиваясь поудобней посреди разломанных птичьих вилочек, старых батареек, замасленной ветоши и корочек стилтона. Засыпая, он представлял себе, будто не досточтимый дилижанс катит по земле, а земля вертится под его древними неподвижными колесами.

Гул пылесоса в будуаре госпожи Хохлатки разогнал утренние сны Питекантропа, и он про-

будился счастливым первобытным человеком. Досточтимый дилижанс остановился. Даже в гамаке под днищем было ясно, что путники заехали в место пожарче секстета саксофонов в Сахаре. Пожевав жареной саранчи, Питекантроп вылез в бесплодную охряную пустыню, где не было ничего, кроме булыжников, валунов и выбеленных остовов вековечных врагов. Глазное яблоко солнца не мигая таращилось на небосводе, подернутом розоватой пеленой сухого зноя. Ветер пустыни даже не пытался остудить мир, по которому странствовал. Дорога бежала вдаль прямо, как математическая константа, стремящаяся к точке схождения. Питекантроп напряг мощные бицепсы, забарабанил в грудь, широкую, как три пивных бочонка, и испустил громоподобный рык, а пустыня откликнулась кворумом квохчущих квокк. Дверь досточтимого дилижанса отворилась, и госпожа Хохлатка, встав на пороге, вытряхнула из скатерти крошки от завтрака.

— Разве можно так безбожно орать?!

Литературный Козлик спустился по ступенькам и втянул в себя воздух пустыни.

— Доброе утро.

Питекантроп промычал приветствие и вопрос.

— По-моему, — ответил Литературный Коз-

лик, — м-мы где-то на Северных территориях, но Австралии или М-марса — я точно не знаю. Если обратиться к…

Литературному Козлику было не суждено закончить фразу, потому что откуда ни возьмись вокруг досточтимого дилижанса взвился восхитительный вихрь волшебных птиц — свирлистящих, щербечущих, свистопляшущих, заливистрельных, пестропереливчатых птиц, невиданных с той давней-предавней поры, когда мифы и легенды были повседневными происшествиями.

— Археоптерикс! — воскликнул Литературный Козлик. — Гуси-лебеди! Кетцалькоатль! Белая ворона! Первая ласточка! Полуденный козодой! Послушайте! Послушайте этот напев! Отрывки! Я слышу отрывки!

Литературный Козлик жмурился и оттягивался по полной. Питекантроп глазел во все глаза, вспоминая детство в доисторических дубравах. Госпожа Хохлатка в поисках укрытия нырнула под досточтимый дилижанс. Птицы исчезли, разлетевшись неведомо куда, так же внезапно, как и появились.

— Экстраординарная авифауна! — заявил Литературный Козлик. — Выходите, госпожа Хох-

латка. Знаете, я ведь слышал отрывки несказанно сказочной сказки. Ее пели эти птицы. Извините, друзья м-мои, но м-мне нужно сию же секунду вернуться к старинному бюро!

♌

Проходит еще два или три ничем не примечательных дня. Вот как я их провожу. Встаю поздно, курю в саду и пью чай с гренками. Наблюдаю, как бледнеет синяк на подбитом глазу. Прибираю в гостиной и на кухне, прячу мусор и отправляюсь читать на чердак. Там я чувствую себя безопаснее всего. Я превращаюсь в автомат для чтения. Я читаю рассказы про детектива Когоро Акэти[144]. Я читаю «Кухню» Бананы Ёсимото и проникаюсь к ней неприязнью, сам не знаю почему. Я читаю «Снежный пейзаж» Дзюнъитиро Танидзаки и прихожу в восторг. Я читаю странный роман

[144] Примечания: 144

…рассказы про детектива Когоро Акэти. — Рассказы японского писателя Таро Хираи (1894–1965), публиковавшегося под псевдонимом Эдогава Рампо (японизированная версия имени Эдгар Аллан По).

Филипа Дика[145] о параллельном мире, в котором Вторую мировую войну выиграли Япония с Германией, а какой-то писатель пишет странный роман о параллельном мире, в котором эту войну выиграли Америка с Англией. Я читаю «Исповедь „неполноценного“ человека» Осаму Дадзая, но его главный герой так жалеет себя, что мне хочется, чтобы он бросился в море задолго до того, как он это делает. В отличие о меня, Андзю много читала. А я, помнится, ревновал ее к книгам за те часы жизни, которые она дарила им, а не мне. Уроки японского в старших классах были созданы, чтобы отбить охоту к чтению, со всеми этими вопросами вроде: «Какое слово наиболее полно выражает чувство, которое мы испытываем, читая следующие строки: „Когда мой отец уходил в свое последнее плавание, над волнами разносились печальные крики чаек“? (А) ностальгия; (Б) горечь; (В) тоска; (Г) благоговение перед высшими силами; (Д) умиление». «Мы». Что за придурок этот «мы»? Я его никогда не встречал. Сегодня утром я читаю французский

---

[145] Примечания: 145

…странный роман Филипа Дика о параллельном мире, в котором Вторую мировую войну выиграли Япония с Германией, а какой-то писатель пишет странный роман о параллельном мире, в котором эту войну выиграли Америка с Англией. — Имеется в виду «Человек в высоком замке» (1962).

роман «Большой Мольн»[146]. Я просто пухну от книг. На закуску между завтраком, обедом и ужином я читаю сказки про Литературного Козлика, которые написала сестра госпожи Сасаки. Их здесь множество. Госпожа Сасаки говорит, что ее сестра писала их для своего племянника, Бунтаро, когда тот был маленьким. Бунтаро когда-то был ребенком? Странно. Теперь же она пишет их по утрам, чтобы разогреться. Когда много читаешь, хочется есть. Проголодавшись, я спускаюсь на кухню и беру что-нибудь из холодильника и еще яблоко или банан. Потом большим сачком очищаю пруд от опавших листьев и кормлю рыбу. Потом снова поднимаюсь на чердак и читаю до самого вечера. Как стемнеет, заклеиваю треугольное окно светозащитной бумагой и играю на гитаре, пока не придет Бунтаро или госпожа Сасаки. Мы вместе ужинаем и болтаем — ни в «Падающей звезде», ни в Уэно обо мне так никто и не спрашивал. До сих пор. После ужина запираю дверь на замок, задвигаю засов и накидываю цепочку, отжимаюсь и приседаю вволю, потом принимаю душ. Сплю я по-прежнему внизу на диване, где уж точно услышу незваных гостей,

[146] Примечания: 146

«Большой Мольн» — роман французского писателя Анри Алена-Фурнье (1886–1914), опубликованный в 1913 г.

прежде чем они до меня доберутся. Читаю почти до утра; в конце концов засыпаю. Мне снятся пустые, размытые сны: зум-объективы, машины на стоянках, многозначительные улыбки незнакомых людей…

Я снова стал чувствовать запахи. Никогда я не чувствовал их так остро, как сейчас. Вновь исследую дом, на этот раз по запахам. В гостиной — полировка, татами, благовония. На кухне — растительное масло для жарки, нержавеющая сталь, коринка. В хозяйской спальне — белье, жасмин, лак. В саду — лиственный дух, тина, привкус дыма. В этом доме так тихо! Малейший шорох сразу обращает на себя внимание, как в метро визгливый разговор по мобильнику. Я слышу звуки, о которых раньше не подозревал. Пульсация крови в жилах, похрустывание суставов, когда я поднимаюсь по полкам-ступенькам, вибрация от проезжающих машин. Вороны, двери на отдаленных улицах, муха, таранящая оконное стекло, выбиваемый футон.

Гудит факс. Откладываю «Большого Мольна», спускаюсь и вижу на полу сообщение.

«МИЯКЭ. СВЯЗАТЬСЯ С ДЕТЕКТИВОМ МОРИНО МОЖНО ПО УКАЗАННОМУ НИЖЕ АДРЕСУ. БУДЬ ОСТОРОЖЕН. НЕ ДАВАЙ СВОЕГО АДРЕСА, ПОКА НЕ

УВЕРЕН, ЧТО ВСЕ В ПОРЯДКЕ. НАШ РЕЙС ЧЕРЕЗ 30 МИН. НАДЕЮСЬ, ТЫ НАЙДЕШЬ ТОГО ЧЕЛОВЕКА».

Дальше идет номер почтового ящика в Эдогавабаси. Я переписываю его на клапан от сигаретной пачки и прячу в бумажник, а факсовое сообщение поджигаю в пепельнице с помощью зажигалки генерала Дугласа Макартура. Это слишком пафосно, но я люблю смотреть на огонь. Бросаю взгляд на фотографию сестры госпожи Сасаки. Охлажденное вино у нее в бокале наполняет воздух своим ароматом.

«Итак, — говорит она, — что будет в следующей главе?»

♌

Литературный Козлик уселся за старинное бюро. Витиеватые фразы вились у него над головой, ожидая, когда он пришпилит их к бумаге. Литературный Козлик не мог найти ручку. «Странно, — думал он. — Я точно помню, что положил ее сюда, на блокнот, когда услышал утреннее мычание Питекантропа…» Он проверил там, где она должна была быть, потом там, куда она случайно могла закатиться, и, наконец, там, где ее наверняка быть не могло. Из этого следовал

только один вывод.

— Вор! — закричал Литературный Козлик. — Вор! Вор!

Питекантроп с госпожой Хохлаткой бросились в досточтимый дилижанс. Госпожа Хохлатка точно знала, что делать.

— Нет-нет, мой господин. Позвольте объяснить: ваша закусочная бумага лежит вот здесь, а ваши записи и все…

Литературный Козлик затряс головой:

— Нет, госпожа Хохлатка! М-мой манускрипт на м-месте, но м-моя авторучка! Язык м-моего воображения! Та самая ручка, которой госпожа Сёнагон писала свои записки у изголовья больше тринадцати тысяч полумесяцев тому назад! Эти птицы были просто тактической приманкой, дидактической обманкой — нас отвлекли, чтобы вор сделал свое дело!

— Куда катится мир?! — воскликнула госпожа Хохлатка. — Ограбить ближнего своего!

Питекантроп вопросительно замычал.

— Кто? Завистники! Соперники! Перебирают, как бы проворнее пырнуть м-меня под ребро, чтобы переломить м-мое перо! — простонал Литературный Козлик со слезами в голосе. — Без м-моей авторучки м-моя карьера окончательно

окончена! Критики меня де-ре-рас-пере(кон) — структурируют!

— Только через мой труп! Не волнуйтесь, мой господин! Мы отыскали вора единожды, отыщем и дважды! Так ведь? — уточнила госпожа Хохлатка у Питекантропа.

Питекантроп ужасно обрадовался, что госпожа Хохлатка заговорила с ним и, радостно замычав, не стал обращать ее внимание на то, что если искать следы в грязи полей было делом пустяковым, то искать их в выжженной, выметенной ветром пустыне — задача совершенно другого порядка.

— Вы, госпожа Хохлатка, как всегда, абсолютно правы, — несколько успокоившись, сказал Литературный Козлик. — Давайте применим умение рассуждать логически. М-моя ручка пропала. Где обычно находят ручки? В конце предложений. А где находят концы предложений? В конце строк. А сколько строк м-можно отыскать в пустыне?

Госпожа Хохлатка выглянула в окно:

— Здесь только одна черта, которая может сойти за строку, мой господин.

— Что же это за черта, м-моя дражайшая госпожа Хохлатка?

— Ну как же, мой господин, — та, что идет по центру дороги!

Литературный Козлик зацокал копытами.

— К оружию, друзья мои! В бой, в бой!

Госпожа Хохлатка задыхалась, обливалась потом под парасолькой и боялась, что следующее яйцо снесет вкрутую. С Питекантропа пот катил градом, а гудрон, расплавленный всмятку, до дыр прожигал ему пятки. Литературному Козлику мерещились миражи глаголов «замерзать» и «оттаивать». Жестокое солнце пуляло в полуденные просторы палеными порциями пламенного свинца. Само время повторялось и обрывалось. Литературный Козлик промокнул лоб хлюпающим носовым платком и удостоверился, что то, что, как ему почудилось, ему почудилось, так и было на самом деле.

— Ага! Радуйтесь, друзья мои! Белые строки сворачивают с дороги, м-моя авторучка наверняка где-то недалеко!

Госпожа Хохлатка настояла, чтобы все испили пунцового опунциевого пунша прежде чем пуститься в пустыню. Если бы белые строки не указывали путь, даже Питекантроп заблудился бы в этих воспаленных валунах, в скалах и завалах, в осыпях и насыпях. Рептилии застыли, чередуя лапы. Питекантроп чувствовал, что за ними наблюдают, но ничего не сказал из боязни

огорчить госпожу Хохлатку.

— Послушайте, — объявил Литературный Козлик, глава экспедиции, — м-мы, кажется, уже… здесь.

Все трое поднялись к самому краю фарфоровой воронки, настолько же крутой, насколько и широкой. В центре воронки зияла черная дыра.

— Экстраординарно, — пробормотал Литературный Козлик. — Примитивная культура с зачатками радиотелескопических технологий, оторванная от внешнего мира…

— Вы можете называть это радио-теле-как-бишь-там, мой господин, но уж кухонную-то раковину я ни с чем не спутаю. А чтобы эту как следует отдраить, понадобится целый месяц понедельников…

— Кееееееееруаааааааааак! — Дурноглазый пилозубоклювый птеродактиль ошалело спикировал со стелы и смело совершил злое дело, толкнув тщедушное тело Литературного Козлика так, что оно стремительно слетело прямо в кратер.

— Мой господин! — закудахтала госпожа Хохлатка: копыта Литературного Козлика заскользили по керамической поверхности. — Мой господин! Я иду! Я спасу вас!

Госпожа Хохлатка, заложив вираж, бросилась на перехват, но Литературный Козлик уже исчез в черной дыре. Госпожа Хохлатка, не в силах выйти из крутого пике, последовала за ним. Питекантроп смотрел, как птеродактиль заходит на второй круг, готовясь к новой атаке.

— Кееерууууаааакееерууууаааакееерууууаааак!

Питекантроп не боялся ни динозавров, ни кого другого, но мысль о том, что госпожа Хохлатка в полном одиночестве окажется лицом к лицу с опасностью, тисками сдавила ему череп. Питекантроп стремглав соскользнул в кратер. Бархатно-черная бездна бабахнула.

♌

Я сижу за старинным бюро перед чистым листом бумаги и на мгновение представляю идеальное письмо. Фотография моего отца лежит рядом. Что пишут настоящему живому частному детективу? «Здравствуйте! Вы меня не знаете, но…» — не пойдет. «Здравствуйте! Я личный помощник покойного господина Морино и пишу вам с просьбой предоставить…» — не пойдет. «Здравствуйте! Меня зовут Эйдзи Миякэ — вы не так давно следили за мной, чтобы…» — не пойдет.

Я решаю написать все просто и кратко. «Прошу вас выслать копию досье Эйдзи Миякэ на п/я 333 „Токио симбун“. Спасибо». Если сработает, то сработает; если нет, то, что бы я ни написал, все будет неубедительно. Спускаюсь в сад и сжигаю три черновика: если бы Бунтаро или госпожа Сасаки их увидели, то сказали бы, что я сумасшедший, не говоря уж о том, что безответственный, и, конечно, были бы правы. Писать человеку, который связан с Морино! Но если бы этот человек представлял угрозу, мы уже знали бы об этом. По поручению Морино детектив обыскивал мою капсулу, так что ему известно, где я живу. Кладу записку в конверт, надписываю адрес, запечатываю. Это — самая легкая часть дела. Теперь нужно выйти из дома и отправить письмо.

Надвигаю бейсболку на лоб, снимаю ключ с крючка у двери и обуваюсь. Поднимаю задвижку на воротах и выхожу в реальный мир. Ни скрипа тормозов, ни таинственных машин. Только тихая улочка в спальном районе на пологом склоне холма. Все дома стоят в стороне от дороги, за высокими заборами с автоматическими воротами. На некоторых установлены видеокамеры. Любой из этих домов стоит больше, чем целая деревня на Якусиме. «Может, прольюсь дождем, — вздыхает

погода, — а может, и не прольюсь». Интересно, живет ли Аи Имадзё на такой же улице, с таким же окном в спальне, за такой же изгородью из бирючины? До меня доносится девичий смех — из переулка вылетает подросток на велосипеде, с девчонкой, стоящей на раме заднего колеса.

— Фу, гадость какая! — повторяет она, смеясь и запрокидывая голову. — Гадость!

Склон ведет к оживленной широкой улице со множеством магазинов. Странно слышать шум и видеть суету. Каждая машина движется с какой-то целью. Чувствую себя призраком, вернувшимся в то место, где не был особенно счастлив. Прохожу мимо супермаркета, на витрине которого красуются фигурно выложенные манго и папайи. В проходах между рядами детвора играет в догонялки. На стоянке перед супермаркетом люди сидят в машинах, смотрят телевизоры. Какая-то тетка усаживает разнаряженного песика в корзину велосипеда. Беременная — молоденькая, моя сверстница — чинно ступает, сложив руки на животе. Строители карабкаются по балкам, магниево шипит сварочный аппарат. Детсадовцы в разноцветных шапочках — у каждой группы свой цвет — броуновскими частицами носятся по детской площадке. Зачем все это? Больше всего

изумляет то, что я невидим. Никто не останавливается и не указывает на меня пальцем; никаких аварий на дороге; птицы не падают с небес; никаких возгласов: «Эй! Гляньте! Вот парень, который видел, как якудза на прошлой неделе взорвали тридцать с лишним человек!» Может быть, такое чувствуют солдаты, когда возвращаются с войны. Когда донельзя обычные вещи кажутся донельзя странными. В почтовом отделении орут младенцы, а пенсионеры отрешенно глядят в никуда. Встаю в очередь, рассматриваю плакаты «Их разыскивает полиция», на которых изображены общественно опасные личности с поправкой на возможное вмешательство пластического хирурга. «Не пытайтесь самостоятельно задержать преступников. Они вооружены и очень опасны». Меня толкают в спину. Кассирша обращается ко мне в третий или в четвертый раз:

— Слушаю вас.

— А, да-да. Мне нужно отправить письмо.

Я расплачиваюсь, она подает мне марки и сдачу. Все это правда. То, что произошло со мной в прошлую пятницу, заперто у меня в мозгу и не отражается на лице. Лижу марки, наклеиваю их, просовываю конверт в прорезь почтового ящика, но не выпускаю. Разумно ли это? Разжимаю

пальцы; письмо с бумажным шорохом падает на дно. Да ну, при чем тут «разумно»? Вперед, план «Ж». Смотрю в глазок видеокамеры над головой. На улице воздух сгущается в порывы ветра, низко снуют ласточки. Еще одна видеокамера наблюдает за стоянкой у супермаркета. И еще одна установлена на мосту — медитирует над потоком машин. Я спешу в дом.

Вечер брызжет неторопливым дождем. Сижу на чердаке. В густеющих сумерках белая бумага постепенно синеет, сизовеет, почти сливается с чернилами. Смотрю, как по оконному стеклу ползут струйки воды. Почти слышу, как истомившийся от жажды город, хлюпая пеной, жадно впитывает дождь. На Якусиме дождями похваляются. Дядюшка Патинко говорит, что там тридцать пять дней в месяц дожди. А когда в Токио шел дождь? Летняя гроза налетела в день моей дурацкой засады. Ох, я был таким простофилей! Ну, Морино раскрыл мне глаза. Что, если отец и впрямь не испытывает ни малейшего желания со мной встречаться? А вдруг он тоже якудза? Иногда струйки сливаются в одну, иногда — разделяются. Ну, надо, чтобы он сам мне об этом сказал. Его работа, да и то, как он вообще живет, — его личное дело. По улице за окном шур-

шат колеса машин, обычные мужья едут к своим обычным семьям. Одна из машин останавливается перед домом, и мое умиротворение исчезает. Я вглядываюсь в темноту за треугольным окном: старенькая «хонда» Бунтаро. А вот и мой спаситель — с газетой над головой перепрыгивает через полузатопленное отверстие сточного желоба. Плешь поблескивает под дождем.

Съедаю свою порцию лапши и завожу разговор о том, что меня волнует:

— Бунтаро, нам надо поговорить о деньгах.

Бунтаро выискивает хрустящие кусочки кляра:

— О каких деньгах?

То-то и оно.

— О квартплате за следующий месяц. Я не знаю, как бы это получше сказать, но… Мне нечем заплатить. Я же больше не работаю в Уэно. Мне очень неудобно вас просить, но не могли бы вы взять нужную сумму из моего задатка?

Бунтаро хмурит брови — он досадует на меня или на неуловимый кляр? Я продолжаю:

— Мне действительно очень стыдно. Вы с госпожой Сасаки столько для меня сделали! Но я должен был вам сказать, так что, если, ну, если вы выставите меня из капсулы, в общем, я все понимаю, честное слово…

— Ага, попался! — Бунтаро подхватывает креветку палочками и смачно хрустит креветочной головой. — Парень, жена придумала кое-что получше. Она хочет съездить в отпуск, пока срок беременности позволяет, ведь авиакомпании не любят глубоко беременных пассажирок. Мы тут вспоминали, когда в последний раз вместе ездили в отпуск. Угадай, когда? Никогда! Буквально никогда. Сначала у нас вечно не было денег, потом я стал владельцем «Падающей звезды», а видеопрокат никогда не спит. Когда я работаю, она отдыхает; когда работает она, отдыхаю я. И так уже девять лет. Сегодня утром она обзвонила несколько отелей на Окинаве[147] — сейчас межсезонье, много недорогих предложений. Так вот, слушай, что мы придумали: на следующей неделе присмотришь за салоном, в счет квартплаты за октябрь.

— За весь октябрь?

— Так ведь работа-то сволочная — с десяти утра до полуночи, семь дней в неделю. Да, деньги небольшие. Но у тебя будет время подыскать другую работенку.

— А вам не страшно оставлять меня в салоне?

---

[147] Примечания: 147

Окинава — самый крупный остров архипелага Рюкю, на юге Японии.

— Двойники Аль Пачино о тебе не справлялись. Хорошо, что ты здесь отсиделся, но сейчас уже можно вернуться.

— Нет, я имел в виду, не страшно ли вам оставлять на меня свой, э-э, бизнес?

— Моя жена тебе доверяет, значит и я тоже. Кроме того, предыдущий работодатель дал тебе отличную характеристику. — Бунтаро ковыряет в зубах. — Работать в видеопрокате несложно, я за полчаса тебя всему научу. А мама будет забегать по вечерам, забирать выручку и подбивать баланс. Ну что? Сказать жене, пусть заказывает райские кущи?

— Конечно. Да-да. Спасибо.

— Не стоит, парень. Это бизнес. Давай посидим на ступеньках, выкурим по «Мальборо», чтобы отметить наше взаимовыгодное соглашение. Только жене не говори. К торжественному появлению Кодаи я должен завязать с этим делом.

Мы выходим в сад и выкуриваем почти целую пачку, слушая лягушек и плеск дождя в пруду. Дождь и дым разгоняют москитов.

— Кстати, — говорит Бунтаро, — тебе, случайно, не знакомо имя Аи Имадзё?

Я чешу в затылке, киваю.

— Друг или враг?

— Надеюсь, что друг. А в чем дело?

— Видишь ли, сегодня утром она зашла в бюро находок в Уэно и заявила, что потеряла Эйдзи Миякэ. Мама сказала ей, что ты уехал из Токио по семейным делам. Барышня состроила гримаску, мол, что ж он не предупредил, сказала спасибо и ушла.

Я сижу с непроницаемым лицом.

— Что ж, я пойду. — Бунтаро встает. — Жену обрадую.

Выхожу в коридор вместе с ним. Бунтаро делает вид, что проверяет пыль.

— Да, у тебя здесь чисто, как во дворце. Во всяком случае, чище, чем в твоем роскошном пентхаусе. — Он хлопает себя по нагрудному карману. — Парень, я болван! Чуть не забыл, извини. Вот, тебе тут сегодня прислали пиктограмму. Ну, приятных снов.

Как только Бунтаро уходит, я уношу пиктограмму в гостиную и рассматриваю под лампой. «Нагано. Горный рай». Что-то подсказывает мне, что провал в памяти Бунтаро не случаен: это от моей матери, передано через дядюшку Толстосума. Сажусь, кладу письмо на колено. Почти невесомое, оно так весомо. Серые снежные тучи, горные склоны, розовеющие цветами сакуры,

снег, отливающий бирюзой небес, счастливые туристы, счастливые лыжники. Снова сокровенные откровения, избавляющие от чувства вины. Создательница Литературного Козлика смотрит на меня сверху вниз из обрамленного ракушками полумрака. Не вижу ее глаз, но слышу ее голос:

«По-моему, ты несколько несправедлив. Давай. Распечатай письмо и прекрати наши мучения».

Совсем как госпожа Сасаки — одновременно и добра и сурова.

«Ах, — вздыхает она, и море, дремлющее у нее за спиной, вздыхает вместе с ней, — молодежь!»

♌

Густая сеть шнуров, проводов и кабеля прервала затяжное падение Питекантропа. Сквозь крошечное отверстие высоко вверху пробивался лишь тоненький лучик света, но ночному зрению первобытного человека этого было достаточно. Он замычал.

— Да, — слабым голосом ответил Литературный Козлик, — провидение приостановило м-мое падение с помощью попурри из пористого пластика. Госпожа Хохлатка, госпожа Хохлатка, вы меня слышите?

Экономка закудахтала:

— Я так просто не сдамся, мой господин! Может, я и старая курица, но крылья у меня еще хоть куда. А это что за паутина кругом? Я с трудом двигаюсь!

Перед ними распахнулась стена света, и тишину прорезал женский голос:

— Добро пожаловать! — На стене появилось женское лицо. — Добро пожаловать!

На ней была корона, сияющая всеми цветами радуги, и строгий деловой костюм с подкладными плечами. Светлые волосы отливали солнцем, губы блестели, но она выглядела двумерной, потому что таковой и была. Стена оказалась экраном, освещающим комнатушку, сплошь затянутую кабелем электропроводки. Пол был устлан мягким слоем выпавших ресниц и хлопьев отшелушившейся кожи.

— Добро пожаловать, о Литературный Козлик! Я — королева Эрихнида. А это мой веб-сайт.

— Я м-мало знаком с генеалогией вашего величества.

— Моя генеалогия — информационные технологии! Моя империя — это будущее.

— Грандиозно, спору нет, — заявила госпожа Хохлатка, — но мы ищем украденную авторуч-

ку, и у нас есть основания подозревать, что она где-то здесь.

— Так и есть. — Королева Эрихнида соблаговолила взглянуть на госпожу Хохлатку. — Ее украли по моему повелению.

— Истинно королевское поведение! — проворковала госпожа Хохлатка. — Подслушивать, подглядывать и прикарманивать вещи порядочных граждан! Там, откуда я родом, таких, как вы, называют ворами!

— Королева Эрихнида не своими руками ее украла, ты, постная отбивная! — крамольно крикнул крысиный голос. — Это я стащил вашу паршивую ручку из-под ваших нахальных носов, когда ее величество нацифровала птичий вихрь!

Питекантроп изумленно замычал.

— Вольный Крыс! — выдохнул Литературный Козлик, когда тот появился на экране рядом с королевой Эрихнидой и, встопорщив усы, хитро вытаращил глаза.

— Называйте меня «Артист, ранее известный как Вольный Крыс»[148].

---

[148] Примечания: 148

Называйте меня «Артист, ранее известный как Вольный Крыс». — Ироническая отсылка к творчеству американского исполнителя Принса (Принс Роджерс Нельсон, 1958–2016), который с 1993 по 2000 г. выступал под псевдонимом-символом, а в прессе его именовали «Артист, ранее известный как Принс».

Госпожа Хохлатка раздраженно заквохтала:

— А ты как здесь оказался?

— Обретаться на полях было так скучно! Я путешествовал с вами за компанию в этой ■⏳ой ржавой развалюхе с тех самых пор, как ваш пещерный человек разрушил мое вольное жилище. А сегодня ее божественное величество… — (королева одарила его улыбкой, сверкающей золотом чистейшей пробы), — сделала меня предложение, от которого не отказалась бы ни одна честная крыса: я заманю вас на ее веб-сайт, а она оцифрует меня в компьютерную крысу номер один.

Королева Эрихнида потрепала Вольного Крыса за ухом, и от экстаза у грызуна мелко задрожал хвост.

— Но почему, — Литературный Козлик пожевал бороду, — ты добровольно променял свою реальную сущность на виртуальную?

— Почему? Потому! Весь интернет теперь — моя нора, Козел! Я со скоростью света ношусь по тем самым проводам, о которые когда-то до !😐☹ сточил зубы! Короче, Козел, ты удостоился королевской аудиенции, потому что королева Эрихнида намерена предложить тебе то же самое.

Королева Эрихнида приближалась, пока ее

калейдоскопные глаза не заполнили собой весь экран.

— Да, Литературный Козлик. Я предлагаю загрузить тебя в Сеть. Там тебя ждет большое будущее! Система ссылок на киберагентов, электронные книжные магазины! Бумажные книги вымирают! — В ее наэлектризованных волосах с треском проскакивали искры, а голос зазвучал в оперном регистре, с опереточным накалом страстей. — Ты будешь сочинять свои истории в виртуальном раю! Я будут твоим киберагентом, и…

— Ай! — воскликнула госпожа Хохлатка. — Вот счастье-то!

— Умолкни, курица! Литературный Козлик, оцифровка тебя усовершенствует. Сгладит д-досадный д-д-дефект речи! Предложения станут м-м-мчаться со скоростью света, а не плестись, как одноногий м-м-марафонец!

Литературный Козлик гордо посмотрел на нее:

— М-мое заикание помогает м-мне отличить настоящих друзей от поддельных, истинных почитателей — от подхалимов, притворщиков и льстецов. Я отказываюсь!

Королева Эрихнида невозмутимо подпиливала ногти.

— Сплошной позитив с твоей стороны! Только

я все равно тебя оцифрую, взломаю твой виртуальный мозг, синтезирую все до единой истории, возникающие в твоем уме, а оставшиеся байты удалю, вместе с твоими занудными спутниками — мистером Ид и мадам Эго. — Королева Эрихнида прижала руки к груди. — Ах, гонорары! Авторские отчисления! Вольный Крыс! Подключай цифровой преобразователь!

Изображение королевы зла уменьшилось, освобождая место для ужасающего приспособления — полупушки-полугенератора, — которое Вольный Крыс втаскивал на экран.

— Приготовься к загрузке, Козел!

Литературный Козлик рванулся из прочной паутины проводов, но она не отпускала.

— Но ведь, выдавая чужие истории за свои, не получаешь никакого творческого удовлетворения!

— Творческое удовлетворение? — недоуменно переспросила королева Эрихнида. — Писательство не имеет никакого отношения к «творческому удовлетворению». Писательство — это поклонники. Гламур! Награды! Когда я была всего лишь человеком, «удовлетворение» тоже сбивало меня с толку. Я выучила язык писателей, да-да! Я говорила «кода» и «концепция» вместо «конец» и

«главная мысль»; «шедеврально» вместо «хорошо написано»; «культовая классика» вместо «этот бред никто не купит». И что же, я обрела удовлетворение? Нет! Я обрела безвестность и долги! Но когда я заполучу твой мозг, Литературный Козлик, все литературное пространство станет моим коктейльным баром! Вольный Крыс! Приготовиться!

— Жду вашего повеления, о моя королева!

Литературный Козлик дерзко опустил рога:

— Вы кое о чем забыли, ваше величество!

— А чем, по-твоему, меня можно запугать, бесправная скотина?

— Законом королевы зла! — заявил Литературный Козлик и процитировал: — Статья о загадке: «Любые разногласия, возникшие между королевой зла и ее пленником, решаются с помощью загадки, которую первая сторона загадывает второй стороне. В случае неисполнения или недобросовестного исполнения этой статьи, запрещается удерживать пленника в поисковой системе, пересылать вышеозначенного пленника в любой форме и любым способом, в том числе, но не ограничиваясь электронными, механическими, фотокопировальными средствами и средствами записи, без предварительного раз-

решения пленника и его издателей». Ясно как чертыхающийся чертополох.

Ледяной взгляд королевы Эрихниды заполнил экран.

— Вольный Крыс, скажи, что это не так.

Вольный Крыс потянул себя за ус:

— Это просто формальность, ваше величество. Предоставьте это мне. Я заведу nerazreshimyezagadki@korolevazla.sup.org и раздобуду первоклассного мозго***! Расслабьтесь! Дело в шляпе! У Козла нет ни☠Ф шанса в бангкокском Ψ🏙.

Королева Эрихнида закрыла глаза в кибероргазменном экстазе.

— Исполняй! А потом его истории… — (На экране замелькали туманные цвета, смешиваясь и растворяясь друг в друге.) — Их «душа»… — Она запрокинула голову. — Права на экранизацию и издания на двадцати семи языках… — Ее смеющийся рот поглотил экран и вверг веб-сайт в темноту ее глотки. — Будут принадлежать мне! Мне! Мнеееееееее!

Тем временем Питекантроп, выскользнув из кабельных джунглей — он знал толк в джунглях, — изучал окраины похожего на пещеру веб-сайта — он знал толк и в пещерах тоже. Он

заметил, что все провода свивались и уходили в гигантских размеров штепсель. Над штепселем крутился вентилятор, охлаждающий систему, а на решетке вентилятора, в футляре с гаечными ключами фирмы «Филипс», виднелась любимая авторучка Литературного Козлика. Во тьме за решеткой Питекантроп разглядел лестницу, ведущую из соседней шахты на поверхность. Он задумчиво замычал, но, услышав, что Вольный Крыс вернулся, скользнул обратно к экрану. На грызуне был сверкающий пиджак, как у ведущего викторины, а в лапах — конверт с надписью «Загадка на миллион долларов».

— Добыл, ваше величество! Вот загадка тысячелетия!

— Напоминаю, — сказала королева Эрихнида. — Если ты не ответишь, авторские права перейдут ко мне.

— А если господин ответит верно, — госпожа Хохлатка тряхнула хвостовыми перьями, — мы выйдем на свободу и заберем с собой авторучку нашего господина.

— Надо же, какое живое воображение у этой когтистой прислуги! — презрительно усмехнулась королева Эрихнида. — Вольный Крыс! Загадывай!

Вольный Крыс зазубренным клыком вскрыл конверт. Из невидимых динамиков раскатилась барабанная дробь.

— Какое животное самое математическое?

— Вот чертовщина! — Госпожа Хохлатка сложила крылья. — Что за дурацкая викторина?

Вольный Крыс стильно сплюнул сквозь зубы. Плевок сполз по экрану.

— У тебя одна минута, пачка брынзы!

На экране появился циферблат секундомера.

— Начали!

Зазвучала музыка обратного отсчета. Литературный Козлик пожевал бороду:

— Самое математическое животное… Ну, что касается людей, минута перед телевизором полностью отшибает им мозги… Дельфины побеждают в состязании на соотношение веса мозга и веса тела… Однако нет лучших знатоков евклидовой геометрии, чем пауки… а познания морских гребешков по части построения декартовых овалов остаются непревзойденными прочей фауной…

Вольный Крыс хихикнул:

— У тебя тридцать секунд!

Королева Эрихнида радостно захлопала в ладоши и затанцевала страстную румбу с гадким

грызуном.

— Я уже чувствую вкус обедов с издателями! Слышу восторженные отзывы критиков из «Ньюйоркера»!

Взволнованная госпожа Хохлатка принялась рыться в сумочке, ища чего-нибудь пожевать для вдохновения, но отыскала лишь пригоршню праха. В этот самый момент Питекантроп робко коснулся крыла госпожи Хохлатки и сунул авторучку Литературного Козлика ей в сумочку. В сиянии экрана востроглазая госпожа Хохлатка углядела, как меж бровей Питекантропа скачет чудовище из ее самых страшных кошмаров.

— Блоха! — пронзительно завизжала она. — Я так и знала! Блоха!

— Да-да, конечно же да! — Литературный Козлик застучал копытами. — Именно! Самое математическое животное — это блоха!

Румба королевы Эрихниды оборвалась. С морды Вольного Крыса сползла усмешка.

— Объясняй почему. Иначе ответ не засчитывается.

Литературный Козлик откашлялся и заявил:

— Блохи отнимают счастье, делят внимание, прибавляют горестей и умножают тревоги.

Вольный Крыс уставился на своего экранного

кумира:

— Что ж, ваше величество, иногда выигрываешь, а иногда…

Двойным кликом королева Эрихнида заставила Вольного Крыса умолкнуть.

— Ты провалил мой план, ты, продажный, нашпигованный жучками киберпаразит! Есть только одно наказание твоему преступлению!

— Нееееее-еееe-еее-т… — завопил Вольный Крыс, но королева перетащила его в корзину, и все стихло.

Ярость королевы полыхала все ярче.

— Что до тебя, о Бородач, если ты думаешь, что твое блеяние о всяких там законах помешает мне заполучить предмет моих желаний… — (в ее сощуренных глазах сверкнула ледяная угроза, раздался треск мегабайтов), — то ты невероятно глуп, даже для писателя! Внимание! Начинаем оцифровку! — Она включила экранный преобразователь. — Пять… четыре…

— Мой господин! — Госпожа Хохлатка забила крыльями, но не могла вырваться из сети. — Мой господин!

Литературный Козлик всеми силами пытался сбросить кабельную сбрую.

— Проклятая, подлая приспешница преиспод-

ней!

Зубы королевы Эрихниды сверкнули кремнием.

— Три… два…

Питекантроп выдернул штепсель из розетки.

Экран погас, и веб-сайт исчез, будто его и не было вовсе, что в некотором смысле соответствовало истине, поскольку Литературный Козлик, Питекантроп и госпожа Хохлатка оказались посреди выжженной солнцем пустыни. От потрясения они не могли вымолвить ни слова.

◆

Лыжный курорт в горах Нагано
17 сентября
Эйдзи!

Очень мило с твоей стороны, если ты все-таки пытался со мной связаться, но я сбежала из клиники в Миядзаки, потому что больше не могла там находиться. Кюсю, как ни кинь, слишком близко к Якусиме, чтобы найти там успокоение. (Если не пытался, я ни минуты тебя не виню. На самом деле я на это и не надеялась.) Возможно, я еще не совсем поправилась, но так боялась остальных пациентов, что решила снова

попытать счастья в большом скверном мире. (По крайней мере, здесь можно есть ножом и вилкой.) Сожги мое последнее письмо. Пожалуйста, сожги. Я больше никогда ничего у тебя не попрошу. Из общения с доктором Судзуки я усвоила одно-единственное: в нашей жизни есть рубеж, после которого уже невозможно измениться. Мы такие, какие есть, к добру ли, к худу ли, вот и все. Не стоило рассказывать тебе про случай на лестнице. Теперь ты наверняка меня ненавидишь. Я бы ненавидела. Иногда я и правда ненавижу. Себя, конечно. Не доверяй психоаналитикам, психотерапевтам и прочим мозгоправам. Они во все суют свой нос и разбирают все по косточкам, не думая, как снова сложить воедино. Сожги письмо. Таких писем быть не должно. (Особенно на Якусиме.) Сожги.

Итак, сейчас я в Нагано. Видел бы ты здешние закаты! Моя гостиница стоит у подножья горы Хакубы, а сама гора как раз за моим окном. Чтобы описать ее, приходится каждый раз подбирать новые слова. Тебе обязательно нужно побывать в Нагано. В период Эдо[149] *все миссио-*

---

[149] Примечания: 149

Эдо — название культурно-исторического периода (1600–1868), характеризующегося жесткой самоизоляцией Японии от внешнего мира; также первоначальное название Токио.

неры из столицы проводили здесь лето, спасаясь от жары. По-моему, именно они и прозвали эти горы «японскими Альпами». Почему обязательно сравнивать свою страну с заграницей? (Например: Кагосима — японский Неаполь, — у меня просто зубы оскоминой сводит всякий раз, как я это слышу.) Никто не знает, как местные жители называли эти горы, когда никто еще не ведал, что где-то есть Альпы и вообще Европа. (Неужели это расстраивает только меня?) Я живу бесплатно в небольшой гостинице, с владельцем которой мы знакомы давным-давно, еще с той поры, когда я отдала вас с Андзю на попечение бабушки, а сама осталась в Токио. Он теперь важная персона в гостиничном бизнесе, вполне респектабельный человек, если не считать двух очень дорогих разводов, — правда, он сам в этом виноват. (Впрочем, он изменился, прежде чем перешел тот рубеж, после которого все в жизни застывает, как бетон.) Он хочет, чтобы я помогла ему отыскать место для строительства новой гостиницы, но пока еще не знает о моем пьянстве или убеждает себя в том, что сможет меня «спасти». Его любимые слова — «проект» и «предприятие», что, по-моему, означает одно и то же. В конце ноября обещают снег. (Осталось всего шесть недель. Еще

один год хвост показывает.) Если к зиме у нас с моим другом иссякнут воспоминания о добрых старых временах, я, наверное, подамся в теплые края. (Старая китайская пословица: «Гости как рыба — через три дня начинают пованивать».) Говорят, что зимой хорошо в Монте-Карло. А еще говорят, что принц Уэльский снова холост. Вчера ночью мне приснилась Андзю. Андзю, уссурийский тигр, бегущий за мной по подземному переходу (уссурийский, потому что у него были не желтые, а белые полосы), и какая-то игра, когда нужно прятать костяное яйцо в библиотеке. Андзю не оставляет меня в покое. Я отдала священнику целое состояние на заупокойные обряды, но что толку? Лучше бы я потратила эти деньги на французское вино. Ты мне никогда не снишься, — по правде сказать, я не помню своих снов, кроме тех, что с Андзю. Почему так? Доктор Судзуки, похоже, считает… а, не важно. Сожги предыдущее письмо, пожалуйста.

♌

Обитель сказок

По потемкам, запятнанным папоротниками,

метались летучие мыши. Литературный Козлик размышлял за старинным бюро, взирая на замшелый лес, пока не заплясали тени.

— Снова и снова, не то слово… — бормотал Литературный Козлик. — Верное слово… Право слово….

Госпожа Хохлатка сурово сметала с пола полову.

— Лишь бы не криво, мой господин, ну а верное — не скверное, не то будете, как этот Вольный Крыс: что ни слово, то помои.

Литературный Козлик погладил авторучку Сэй Сёнагон:

— Право слово, в древесной душе этого леса… в его незримых недрах… пробиваются проблески несказанно сказочной сказки…

Непонятно было, думает он вслух или говорит про себя.

— Досточтимый дилижанс заехал в заповедный лес, куда завела нас дорога, и стоит здесь уже семь дней… невероятно… по-моему, он пытается этим что-то сказать…

Потянуло вечерней прохладой, и госпожа Хохлатка зябко поежилась.

— Фокстрот-пудинг на ужин, мой господин. Дайте-ка глазам роздыху, поиграйте в скрэббл

вслепую.

Она надеялась, что ночью досточтимый дилижанс наконец-то сдвинется с места, но сильно в этом сомневалась.

На следующее утро Питекантроп раскапывал скрипучие глубинные угольные пласты в поисках бриллиантов. Приближался день рождения госпожи Хохлатки, а несколько ночей назад мимо досточтимого дилижанса пронесся кабриолет, из радиоприемника которого звучала песня о том, что бриллианты — лучшие друзья девушек. Госпожа Хохлатка не была, конечно, девушкой, но Питекантроп надеялся, что упоминание о дружбе послужит ему оправданием. Наш древний предок зарывался все глубже, не отвлекаясь на всякие лакомые вкусности — ни на земляных червей и личинок, ни на трюфели, ни на прикольных троллей, кротких кротов, гадких гадюк и бесноватых барсуков, — а снизу доносился гул горнила Земли, рокочущего в одном ему ведомом ритме. На такой глубине часов не наблюдают, и Питекантроп потерял всякое чувство времени.

— Эй, олух неповоротливый! — отыскал его невозможно далекий голос. — Куда запропастился?

Госпожа Хохлатка! Питекантроп мощными

гребками рванул наверх, преодолел взрыхленную землю и меньше чем через минуту вынырнул на поверхность. Госпожа Хохлатка бегала вокруг, как безголовая курица, хлопала крыльями и размахивала какой-то запиской.

— Наконец-то! У нас горе, а ты все в земле роешься!

Питекантроп замычал.

— Наш господин собрался и ушел! Вечером он был сам не свой, а утром я нашла на старинном бюро эту записку! — Она сунула листок под нос Питекантропу.

Тот застонал — как же люди любят портить бумагу загадочными закорючками!

Госпожа Хохлатка вздохнула:

— Эх ты, за три миллиона лет так и не выучился грамоте! Здесь сказано, что господин пошел в лукавый лес! Один! Пишет, что не хочет подвергать нас опасности! Опасности? А если он повстречает амбала-каннибала? Или, того хуже, дикого зверя? Нет, не верю! А если досточтимый дилижанс вечером тронется в путь? Мы же навсегда расстанемся с нашим господином! А он забыл свой ингалятор от астмы! — Госпожа Хохлатка начала всхлипывать, вытирая глаза фартуком, и это зрелище разрывало гигантское сердце Питекан-

тропа. — Сначала потерялась его сказка, потом его ручка, а теперь и он сам!

Питекантроп умоляюще замычал.

— Ты… ты уверен? Ты сможешь отыскать следы господина в этом лукавом лихолесье?

Питекантроп обнадеживающе замычал.

◆

Я слышу, как в дом входит Бунтаро.

— Сейчас! — кричу я. — Спускаюсь!

Пробило два часа — сегодня последний день моего изгнания. На меня снова навалилась усталость. Всю ночь по стеклам постукивали пухлые пальцы дождя, мешали уснуть. Мне не давала покоя мысль, что кто-то пытается открыть окно. Аккуратно складываю страницы рукописи на старинном бюро и осторожно пробираюсь к люку. Кричу вниз:

— Извини, Бунтаро! Я зачитался!

Прощай, обитель сказок! Спускаюсь в гостиную, а там кто-то в черном закрывает дверь у меня за спиной. Сердце комком застревает в горле. На меня смотрит женщина средних лет — с любопытством, без тени страха. Седые волосы подстрижены коротко, строго, как у школьной ди-

ректрисы, которую все боятся. Одета она неброско и безлико, как на картинке из почтового каталога. Мимо нее можно пройти раз сто и не заметить — если только она вдруг не окажется в вашей гостиной. Она чем-то похожа на сову, а жизнь оставила на ней свои шрамы. Она не спускает с меня глаз, будто непрошеный гость — это я, а она находится здесь по праву и ждет, чтобы я объяснил свое появление.

— А вы кто? — наконец спрашиваю я.

— Вы меня пригласили, Эйдзи Миякэ. — Голос у нее незабываемый. Трескучий, как тростник, суше сухостоя. — И я пришла.

Она сумасшедшая?

— Я никого не приглашал.

— Нет, приглашали. Два дня назад вы выслали приглашение на мой почтовый ящик.

Это она?

— Вы — тот самый детектив?

Она кивает.

— Меня зовут Ямая. — Она обезоруживает меня улыбкой, столь же доброжелательной, как удар кинжала. — Да, я женщина, а не мужчина в женском платье. По роду занятий мне необходимо быть невидимой. Но я здесь не затем, чтобы обсуждать мои методы и стиль работы, верно? Вы

не предложите мне сесть?

Все это так странно.

— Конечно, садитесь, пожалуйста.

Госпожа Ямая занимает диван, я опускаюсь на пол под окном. У нее взгляд дотошного читателя, под этим взглядом я чувствую себя книгой.

Она глядит мне за плечо:

— Хороший сад. Хороший дом. Хороший район. Хорошее убежище.

Похоже, теперь моя очередь. Предлагаю ей сигарету из последней Даймоновой пачки «Мальборо», но госпожа Ямая мотает головой. Я закуриваю.

— Как вы меня, э-э, выследили?

— Я получила ваш адрес в «Токио симбун».

— Вам дали мой адрес?

— Нет, я сказала, что получила его. А вчера я следила за господином Огисо и видела, как он заезжал сюда.

— При всем уважении, госпожа Ямая, я просил вас о досье, а не о визите.

— При всем уважении, господин Миякэ, взгляните на вещи здраво. Я получаю записку от таинственного незнакомца, который просит у меня досье на самого себя, подготовленное для покойного Рютаро Морино за три дня до ночи

длинных ножей. Какое совпадение. Я зарабатываю на жизнь, расследуя совпадения. Ваша записка — будто кусок парного мяса, брошенный в бассейн с акулами. У меня было три гипотезы: вы — возможный клиент, который хочет удостовериться в моем профессионализме; вы интересуетесь Эйдзи Миякэ по корыстным личным мотивам; или же вы — отец Эйдзи Миякэ. Все три гипотезы стоило проверить. Оказалось, что вы — не отец, а сын.

Из сада доносится воронье карканье. Интересно, какие жизненные перипетии сделали госпожу Ямая такой печальной и такой несгибаемой?

— Вы знаете моего отца?

— Не по работе.

«Не по работе».

— Госпожа Ямая, мне проще всего попросить вас без обиняков: пожалуйста, дайте мне досье на моего отца.

Госпожа Ямая переплетает длинные сильные пальцы.

— Вот мы и подошли к тому, зачем я здесь. Чтобы обсудить эту просьбу.

— Сколько?

— Бросьте, господин Миякэ. Мы оба прекрасно осведомлены о состоянии ваших финансов, точ-

нее, об отсутствии таковых.

— Тогда что же вы собираетесь обсуждать? Достоин ли я получить досье?

Ворона вспархивает на балкон и заглядывает в дом. Она размером с орла. Негромкий голос госпожи Ямая заставил бы замолчать целый стадион.

— Нет, люди моей профессии не принимают в расчет понятие «достоин».

— А что же тогда принимают в расчет?

— Обстоятельства.

Звонят в дверь, я вздрагиваю, и пепел обжигает мне ногу. Еще звонок. Просто нашествие какое-то! Несколько раз мигает особая лампочка, установленная потому, что сестра госпожи Сасаки страдает глухотой. Тычу сигаретой в пепельницу. Оставляю окурок. Снова звонок — и негромкий смех за дверью. Госпожа Ямая не двигается.

— Вы откроете?

— Извините, — говорю я, и она кивает.

По глупости и от волнения я не закрываю дверь на цепочку, а двое молодых людей за порогом так рады меня видеть, что на миг мне чудится, что все это подстроено госпожой Ямая и я угодил в ее ловушку.

— Привет! — лучезарно улыбаются юноши. Кто из них заговорил первым? Кипенно-белые

рубашки, классические галстуки, аккуратные прически, будто смоделированные на компьютере. Не похоже на обычный прикид якудза. Они лучатся здоровьем и источают позитив. — Привет, дружище! Извини, если мы не вовремя. У нас замечательные новости! — Непонятно, то ли они собираются выхватить пистолеты, то ли сообщить мне о грандиозной скидке на прокат кимоно.

— Э-э, правда? — Я оглядываюсь.

— Правда! Понимаешь, в этот самый миг Господь наш Иисус Христос стоит у дверей твоего сердца и хочет узнать, не уделишь ли ты Ему несколько минут, чтобы Он рассказал тебе о радости, которой ты причастишься, если откроешь сердце и впустишь туда Его Любовь.

Я облегченно выдыхаю, они принимают это за согласие и продолжают с удвоенным рвением:

— Похоже, твое сердце не миновали бури. Мы несем благую весть Церкви Святых последних дней — может быть, ты о ней слышал?

— Нет-нет. По правде говоря, не слышал. — Глупое и опрометчивое заявление.

Наконец я закрываю дверь — улыбки на лицах мормонов просто приклеенные — и возвращаюсь в гостиную, но там уже никого нет. Неужели мне

привиделась суровая гостья?

— Госпожа Ямая?

Ворона тоже улетела. Ничего, кроме напластований летних звуков: жужжания, потрескиваний и шипения. Бабочка с алчными глазами принимает меня за цветочный куст. Я наблюдаю за ней, и мгновения превращаются в минуты. На обратном пути замечаю то, что не увидел сразу, — коричневый конверт на диване, где сидела госпожа Ямая. Смутная надежда, что она оставила мне досье на отца, тут же улетучивается: на конверте написано «„Токио симбун“ — почтовый ящик № 333». Внутри — послание на мое имя, выведенное дрожащим стариковским почерком. Я сажусь и распечатываю конверт.

♌

Когда полотнища мха стали такими плотными, что сквозь них было не продраться, Литературный Козлик с плеском вошел в журчащий ручей. Копыта в потоке цокали не по гальке, а по обеденным тарелкам. Вода была цвета чая. Литературный Козлик попробовал ее на вкус — отличный холодный чай. Литературный Козлик напился чаю, и в голове у него прояснилось.

— Поток сознания! — обрадовался он. — Похоже, я в предгорьях Дарджилинга.

Он затрусил вверх по течению. Фонарики орхидей расцвечивали полуденный сумрак под сенью унылых ландышей. Колибри с опаловыми крылышками пристраивались к инжиру, сочившемуся сладким соком. Лесной полог высоко над головой припорошила пастельная пыль дневного света. Литературному Козлику чудилось, что беспорядочные проблески складываются в слова. «Всю жизнь я искал несказанно сказочную сказку в сокровенном и таинственном. А м-может, м-мои сумасбродные странствия — совершенная суета сует? М-может быть, тайное скрывается в явном?»

Литературный Козлик дошлепал до залитой солнечным светом прогалины. Девушка с волосами как лен качалась на качелях, напевая мелодию без начала и названия. Литературный Козлик подошел ближе. Голос девушки и был теми шепотками, которые слышались старому козлу еженощно с самой середины лета.

— Ты ищешь несказанно сказочную сказку. — Она качнулась вверх, и Антарктика сдвинулась с полюса на немереные мили.

— Да, — ответил Литературный Козлик.

Девушка с волосами как лен качнулась вниз. Взошла Малая Медведица.

— Несказаннные сказки живут в горной стране.

— Как же м-мне найти эту горную страну?

— Иди по излучине до священного озера, переберись через стену и пройди над водопадом.

— Над водопадом…

Девушка с волосами как лен качнулась вверх.

— Ты готов заплатить?

— Я платил всю свою жизнь.

— Ах, Литературный Козлик. Ты еще не расплатился сполна.

— Помилуйте, чем же еще я могу заплатить?

Качели качнулись к земле. На них было пусто.

Когда Литературный Козлик подошел к священному озеру, он снял пенсне, чтобы стереть с него водяную пыль, и с изумлением обнаружил, что без пенсне видит лучше.

Поэтому он оставил пенсне на мраморной скале и обозрел озеро. Очень странно. Во-первых, водопад был бесшумным. Во-вторых, вода не падала с головокружительной высоты, а стремилась вверх головокружительным, кренящимся, пенным — и беззвучным — потоком. Литературный Козлик не обнаружил никакой тропинки, которая вела бы

вверх. Он заговорил сам с собой, не издавая при этом ни звука:

— Я уже не козленок. Я слишком стар для символических странствий.

Даже в самую последнюю минуту он подумывал, не повернуть ли назад. Госпожа Хохлатка сойдет с ума от горя, если он не вернется, но у нее есть Питекантроп; она будет заботиться о нем, а он — о ней. Писатель в теле животного вздохнул. Потом подумал о своей несказанно сказочной сказке и спрыгнул с мраморной скалы. Озеро оказалось холодным и внезапным, как сама смерть.

◆

Токио
Среда, 20 сентября
Дорогой Эйдзи Миякэ!

Надеюсь, вы простите непродуманный, необычный и, возможно, навязчивый тон моего письма. Более того, вполне возможно, что вы и тот, кому оно адресовано, — совершенно разные люди, что может привести к немалой неловкости. Однако я решился на этот риск. Позвольте объясниться.

Я пишу в ответ на сообщение, напечатанное в колонке частных объявлений в «Токио симбун»

за 14 сентября. Я узнал о нем только сегодня от одного знакомого, который навестил меня в больнице. Вероятно, мне следует объяснить, что я еще не оправился после недавней операции на сердечном клапане. Вы просили откликнуться родственников Эйдзи Миякэ. Возможно, я ваш дед со стороны отца.

Двадцать лет назад у моего сына родились — внебрачно — близнецы, мальчик и девочка. Он порвал отношения с их матерью, женщиной недостойной профессии, и, насколько мне известно, никогда больше не видел своих детей. Я не знаю, где они воспитывались — надо полагать, у родственников матери. По слухам, девочка утонула, когда ей было одиннадцать, но мальчик жив, и сейчас ему должно исполниться двадцать. Я не знаю, как зовут их мать, и не видел ни одной фотографии моих незаконных внуков. Мои отношения с сыном никогда не были такими сердечными, как хотелось бы, а с тех пор, как он женился, мы общаемся еще меньше. Тем не менее мне удалось выяснить, как назвали детей, отцом которых он стал, поэтому я и пишу это письмо. Девочку звали Андзю, а мальчика зовут Эйдзи, и его имя пишется не так, как обычно принято (два иероглифа: «умный» и «два», или «править»),

а очень редкими иероглифами, означающими «чары» и «мир». Как в вашем случае.

Я буду краток, так как «свидетельства» иероглифов недостаточно для полной уверенности. По-моему, личная встреча поможет прояснить эту неопределенность: если мы связаны кровными узами, то между нами наверняка обнаружится и физическое сходство. Я буду в чайном зале «Амадеус» на девятом этаже отеля «Рига Ройял» (напротив вокзала Харадзюку) в понедельник, 25 сентября, за столиком, заказанным на мое имя. Прошу вас прийти к десяти утра с любым достоверным доказательством своего происхождения.

Я надеюсь, вы понимаете всю щекотливость этого дела и простите мне нежелание в этот раз предоставить вам какие-либо личные сведения. Если окажется, что вы — другой Эйдзи Миякэ, чье имя пишется теми же иероглифами, пожалуйста, примите мои самые искренние извинения за то, что пробудил в вас беспочвенные надежды. Если же вы тот самый Эйдзи Миякэ, на что я искренне надеюсь, нам нужно многое обсудить.

С почтением,
Такара Цукияма

Впервые с момента приезда в Токио я абсолют-

но счастлив. Мне написал письмо мой дедушка. Подумать только, я встречусь и с отцом, и с дедом. «Нам нужно многое обсудить». Я столько раз падал духом оттого, что это невозможно, а на самом деле установить связь с отцом оказалось проще простого, как я и мечтал. До понедельника всего два дня. Судя по письму, дед — человек высокообразованный, наверняка в семье он имеет больший вес, чем моя страдающая паранойей мачеха. Завариваю зеленый чай и иду в сад покурить — «Мальборо» закончились, и Бунтаро купил мне свои любимые, «Кент». Цукияма — классное имя! — пишется иероглифами «луна» и «гора». Сад кипит красотой, гармонией, жизнью. Как же хочется, чтобы понедельник наступил через пятнадцать минут! А который теперь час? Возвращаюсь в дом и смотрю на часы (их принесла госпожа Сасаки). До приезда Бунтаро по-прежнему три часа. Из ракушечной рамки отсутствующая хозяйка ловит мой взгляд.

— Вот наконец и тебе улыбнулась удача. Позвони Аи. Это ведь она придумала дать объявление в газете. Ну же, звони. При первом знакомстве застенчивость не помеха, но, сидя в этой скорлупе, добра не наживешь себе.

— Рифма была задумана или это вышло слу-

чайно?

— Не смей менять тему! Выйди на улицу, найди телефон и позвони.

Улица с супермаркетом ничуть не изменилась с тех пор, как я был здесь в последний раз, зато изменился я сам. Попросту говоря, мир — упорядоченная схема сюжетных линий. Вот как все эти машины — едут себе мимо и никогда не сталкиваются. Порядок трудно разглядеть, но он есть, скрывается под видимым хаосом. Я провел двенадцать часов в аду — ну и что? Некоторые маются в аду по двенадцать лет — и ничего, выживают. Жизнь продолжается. К счастью для нас. В магазине «Юникло» нахожу телефонную будку под пожарной лестницей. Когда мобильники окончательно заполонят весь мир, телефонные будки станут такой же редкостью, как газовые фонари. Снимаю трубку и цепенею. Трус! «Сперва надо постричься», — решаю я (ты бесхребетный червяк, Миякэ!) и поднимаюсь по ступенькам в заведение с вывеской «Гэндзи. Цирюльня». У входа стоит вращающийся столбик с красными, белыми и синими полосками — в свое время Андзю отчаялась мне объяснять, откуда и куда они бегут по столбику. Для нее это было яснее ясного. «Гэндзи» — убогое заведение; от кондиционера

веет зимней стужей, я — единственный клиент, а последний ремонт здесь делали, когда Япония капитулировала. Немой телевизор показывает скачки. Воздух так насыщен парами лака для волос и тонизирующего эликсира, что, если чиркнуть спичкой, все здание разлетится в щепки. Сам Гэндзи, старикашка с пучками волос из ноздрей, трясущимися руками шуршит метлой по полу.

— Заходи, сынок, заходи.

Он указывает на пустое кресло. Я сажусь, он накидывает скатерть мне на плечи. В зеркале голова словно бы отрезана от тела. Вспоминаю кегельбан в «Валгалле» и вздрагиваю.

— А что ты пригорюнился, сынок? — спрашивает Гэндзи и роняет ножницы на пол. — Что бы ни случилось, в твоей жизни никогда не будет столько горестей, как у моего последнего клиента. Бизнесмен, с виду состоятельный, но такого неудачника я никогда еще не встречал! — Гэндзи роняет расческу. — Говорю ему: «Простите, если не ко времени спрашиваю, мой господин, но, по-моему, вас что-то беспокоит». Клиент со вздохом отвечает: «На прошлой неделе умерла Ситчик». — «Ситчик? Это ваша собачка?» — Гэндзи щелкает ножницами. — «Нет, — вздыхает клиент. — Моя жена». — Гэндзи прерывает свой

рассказ, открывает бутылку сакэ, залпом выпивает половину и пристраивает на полочку под зеркалом. — «Какая трагедия, господин, — говорю я. — Надеюсь, вы найдете утешение в работе». — «Меня вчера уволили», — говорит клиент. «Какой ужас, мой господин, — говорю я. — Вас уволили, э-э, из-за уныния, в которое вас ввергла тяжелая утрата?» — «Не совсем, — заявляет он. — Меня уволили из-за моей шпионской деятельности». — Гэндзи останавливается, не глядя, тянется к сакэ, но по ошибке берет флакон тонизирующего эликсира для волос и выпивает почти все, так и не заметив своего промаха. — Ну, такого я не ожидал, доложу я вам! «Шпионаж? Я никогда еще не стриг шпионов. На кого вы работаете? На Китай? На Россию? На Северную Корею?» — «Нет, — признается он с некоторой гордостью. — На самую могущественную державу в мире. На королевство Тонга». — Гэндзи включает машинку для стрижки, но ничего не происходит; он теребит шнур и с силой бьет машинкой по столу. Она оживает. — Я говорю: «Королевство Тонга? Я и не думал, что у них есть, ну, знаете, секретные службы». — «Об этом никто не знает. Здорово, правда?» — «Что ж, мой господин, наверное, вы у них вроде национального

героя. Может, вам лучше эмигрировать туда? Вас примут с распростертыми объятиями». — Гэндзи бреет у меня за ушами. — Клиент мрачнеет. «Три дня назад там случился дворцовый переворот. Власть захватили милитаристы, меня объявили двойным агентом и вчера приговорили к смерти через повешение». — «Что ж, мой господин, по крайней мере, вы все еще в добром здравии». — Гэндзи вешает бритву на крючок и снова берет ножницы. — И тут мой клиент заходится жутким кашлем, и мне приходится стирать с зеркала кровь. «Гм. Может быть, вам стоит вернуться к вашей прежней работе. Чем вы занимались до того, как стали шпионом?» Он несколько приободряется и говорит: «Я был летчиком». — «Вот и славно. Так почему бы вам не устроиться в авиакомпанию?» — предлагаю я. Он чихает, и — вот честное слово, сынок, — из правой глазницы у него выскакивает глаз и катится через всю комнату! «Вот наказание! — говорит он. — Мой лучший протез!» Ну, ты представляешь, я уже в полном отчаянии. «А может, вы напишете автобиографию, мой господин? — предлагаю я. — Ваша жизнь заслуживает „Оскара“, и не одного». — Гэндзи щелкает ножницами раз, другой, третий. — «Фильм, который про меня сняли,

получил три „Оскара“». — «Великолепно, сэр! Я так и знал, что вам повезет!» — «Он завоевал три „Оскара“ через восемнадцать месяцев после того, как мой агент сбежал, прихватив с собой мой сценарий. По сценарию сняли фильм, который заработал в прокате миллионы долларов, а мне не перепало ни иены. И что хуже всего, знаете, кто там играл меня? С Джонни Деппом я бы еще смирился, но Брюс Уиллис?» Тебе покороче, сынок?

♌

Тем временем в замшелом лесу госпожа Хохлатка с Питекантропом увязли среди величественных вязов в дебрях листвы и травы выше головы, между скалистой горой и твердью земной. Питекантроп поскреб в затылке и замычал. Следы Литературного Козлика давно смешались со следами священных коров и белых слонов, но Питекантроп ничего не сказал, боясь ввергнуть госпожу Хохлатку в отчаяние. Госпожа Хохлатка устроилась на пеньке, перевитом грибными гирляндами.

— Сейчас моему господину как раз пора бы съесть второй завтрак… Предупреди он меня, что собрался на прогулку, я бы заранее что-нибудь

приготовила.

Из непролазных зарослей вырвался какой-то тип и распластался на земле. От неожиданности госпожа Хохлатка закудахтала и перелетела на твердь, а Питекантроп прыжком оказался между ней и неизвестным. С виду незнакомец не представлял угрозы. Он встал, одернул твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях, отряхнул с лацканов прелую листву, поправил обмотанные пластырем роговые очки и ничуть не удивился тому, что повстречал в заповедном лесу разумную курицу и давно вымершего предка *homo sapiens*.

— Вы их видели?

Такое бесцеремонное обращение слегка покоробило госпожу Хохлатку.

— Видели кого?

— Словесных церберов.

— Таких злобных, брызжущих слюной говорящих псов, что встретились нам на полях?

— Их самых. — Он в страхе прижал палец к губам и посмотрел на Питекантропа. — Слышите?

Потолок тишины опустился так низко, что его балки едва не задевали головы. Питекантроп промычал: «Нет». Писатель вытащил из своего венца длинный шип.

— Много лет назад я написал удачный роман. Я даже не думал, что кто-нибудь на самом деле захочет его напечатать, понимаете, но захотели; его буквально вырвали у меня из рук, и чем больше я желал, чтобы каждый его экземпляр лопнул, как перезрелый гриб-дождевик, тем лучше продавалось это убогое творение. Со всеми его ошибками, с его надуманностью, с его самолюбованием! О, я бы продал душу, чтобы отправить на костер весь тираж. Но, увы, Мефистофель так и не ответил на мой факс, и слова, которые я выпустил на свободу, преследуют меня с тех самых пор.

Госпожа Хохлатка вернулась на пенек и продолжила аудиенцию:

— Почему бы вам не уйти на покой?

Писатель утомленно припал к скалистой горе:

— Если бы все было так просто. Я прятался в школах мысли, в сложных смешанных метафорах, в залах ожидания аэропортов непризнанных государств, но рано или поздно я слышу далекий вой и знаю, что мои слова идут за мной по следу… — Страдальческая гримаса внезапно сменилась подозрительной. — А вас-то что завело в дебри замшелого леса?

— Наш друг ушел на прогулку — вы его не встречали? Рога, борода, копыта?

— Если он не Дьявол, значит писатель или безумец.

— Писатель. Как вы догадались?

— Только эта троица и может забрести в заповедные дебри. Шшшшшшшшшш! — Писатель в ужасе вытаращил глаза. — Лай! Слышите лай?

Питекантроп негромко хмыкнул и покачал головой.

— Лжецы! — зашипел писатель. — Лжецы! Вы заодно с этими псами! Я знаю, какую игру вы ведете! Они за деревьями! Они приближаются![150]

Он стремглав бросился наутек, продираясь сквозь заросли. Госпожа Хохлатка и Питекантроп посмотрели друг на друга. Питекантроп замычал.

— Придурочный, — согласно кивнула госпожа Хохлатка, — как плюшевая панамка с помпонами!

Питекантроп осмотрел проем среди густой листвы и травы выше головы и снова замычал. В проеме виднелся беззвучный поток.

— Поспешай, копуша!

---

[150] Примечания: 150

Они за деревьями! Они приближаются! — Цитата из английского фильма ужасов «Ночь демона» (1957, реж. Жак Турнёр), использованная в песне Кейт Буш «Hounds of Love» («Гончие любви») с одноименного альбома (1985).

Госпожа Хохлатка перепархивала с камня на камень, а Питекантроп брел против чайного течения по дребезжащим тарелкам. Поэтому госпожа Хохлатка добралась до священного озера одним мигом. И вторым мигом заметила на мраморной скале степенное пенсне Литературного Козлика. А третьим мигом увидела в воде тело своего самого дорогого и близкого.

— Мой господин! Мой господин! Что же делать?!

Быстрее четверокрыла она метнулась через озеро, не замечая ни струящегося вверх водопада, ни тугой перчатки безмолвия. На пятом взмахе она подлетела к голове Литературного Козлика. Шестое чувство Питекантропа подсказывало ему, что священное озеро — это смерть; он предостерегающе рыкнул, но звука не последовало, и ему только и оставалось, что с отчаянием наблюдать, как его возлюбленная по воздуху скользнула, крыло в воду окунула и с плеском нырнула, замерев бездыханной близ Литературного Козлика. В семь прыжков Питекантроп достиг мраморной скалы и, охваченный скорбью, испустил восемь душераздирающих горестных немых стонов. Он колотил скалу, в кровь разбивая кулаки. Внезапно наш дальний предок успокоился, выдрал

колючие репьи из шерсти и по отвесному склону взобрался на уступ, нависший над озером. Он сосчитал до девяти — считать дальше он так и не выучился, несмотря на все старания Литературного Козлика, — и прыгнул вниз, к бездвижным телам друзей. Великолепный прыжок, твердая «десятка». Не потревоженный ни единой мыслью, Питекантроп погрузился в воды священного озера. Он не знал слова «безмятежность», но именно безмятежность и ощущал.

♌

— Добрый день. Кафе «Юпитер». Нагамини у телефона.

Ослица. По-моему.

— Э-э, алло. Можно поговорить с госпожой Имадзё?

— Извините, но, видите ли, она сегодня не работает.

— Понятно. А не могли бы вы сказать, когда ее следующая смена?

— Извините, не могла бы.

— Понятно. Из-за правил безопасности?

Ослица визгливо хихикает:

— Нет, не поэтому. Видите ли, последняя смена

мисс Имадзё была в воскресенье.

— Понятно…

— Она студентка, учится музыке; в колледже начинается семестр, и поэтому она больше не будет здесь подрабатывать, понимаете, чтобы вплотную заняться учебой.

— Понятно. Я надеялся поговорить с ней. Я просто друг…

— Да-да, понимаю, вы друг и все такое…

— Может быть, у вас есть ее домашний номер? На какой-нибудь регистрационной карточке или в списке?

— Мы не держим здесь ни карточек, ни списков. К тому же госпожа Имадзё работала у нас всего месяц. — Ослица что-то бормочет про себя, размышляя. — Мы не держим здесь личные дела и все такое, понимаете, из-за нехватки места. Даже наша раздевалка меньше ящика, в который фокусник втыкает шпаги. Это несправедливо. А вот в Ёёги, понимаете, раздевалка достаточно большая, чтобы…

— Спасибо, госпожа Нагамини, но…

— Погодите! Госпожа Имадзё оставила мне свой номер, но только на тот случай, если позвонит некий Эйдзи Миякэ.

Убейте меня.

— Это я. Меня зовут Эйдзи Миякэ.

— Правда? — Ослица визгливо хихикает.

— Правда.

— Вот это да! Какое забавное совпадение!

— Да уж.

— Госпожа Имадзё просила меня дать номер, только если позвонит некий Эйдзи Миякэ. И вот звоните вы, и вас зовут Эйдзи Миякэ! Я всегда так говорю, понимаете. «Правда удивительней действительности». Я помню, как вы ударили головой того негодяя. Больно было, да?

— Госпожа Нагамини, пожалуйста, дайте мне номер госпожи Имадзё.

— Да-да, минуточку. Куда же я его задевала?

Номер Аи Имадзё из десяти цифр. На девятой цифре пальцы немеют от страха. А вдруг мой звонок ее смутит? А вдруг она подумает, что я — просто мудак, который не хочет оставить ее в покое? Что, если трубку снимет ее друг? Ее отец? Что, если она сама снимет трубку? Что говорить? Оглядываю торговый зал «Юникло». Покупатели, полки, пустое пространство. Нажимаю последнюю цифру. В квартире где-то далеко отсюда раздается звонок телефона. Кто-то встает, может быть, останавливает видео, может — откладывает палочки для еды, проклиная несвоевременную

помеху…

— Алло!

Она.

— Э-э… — Я пытаюсь заговорить, но горло сжимается и исторгает какие-то невнятные звуки.

— Алло!

Нужно было лучше подготовиться.

— Алло! Представьтесь, пожалуйста. Кто вы?

Ко мне возвращается дар речи.

— Алло, это Аи Имадзё?

Глупый вопрос. Я знаю, что это Аи Имадзё.

— Я, э-э, мне, э…

Судя по всему, она рада.

— Мой рыцарь в сверкающих доспехах.

— Как вы узнали?

— По голосу. А как вы узнали мой номер?

— От госпожи Нагамини из кафе «Юпитер». После долгих переговоров. Если вам сейчас неудобно, то я могу, э-э…

— Вот и нет, как раз сейчас очень удобно. Я зашла в бюро находок на вокзале Уэно — вы как-то упоминали, что там работаете, — но мне сказали, что вы неожиданно уехали.

— Да, э-э, госпожа Сасаки мне говорила.

— Это из-за вашего родственника?

— Отчасти. То есть нет. В каком-то смысле, да.

— Ну, по крайней мере, теперь все прояснилось. Куда вы исчезли тогда, в «Ксанаду»?

— Я подумал, что у вас будет с кем поговорить, ну там, э-э, с организаторами и с музыкантами.

— Вот именно! И мне очень хотелось, чтобы вы наградили кое-кого своим фирменным ударом. Кстати, как голова? Мозг не пострадал?

— Нет, спасибо, мозг в порядке. Вроде бы.

Аи Имадзё это кажется смешным.

Мы начинаем говорить одновременно.

— После вас, — говорю я.

— Нет, после вас, — говорит она.

— Я, э-э… — (на электрическом стуле, должно быть, гораздо приятнее), — подумал, если, то есть, ничего страшного, если нет, но, видите ли, — (никогда не начинай битву без четкого плана отступления), — а, можно, э-э, мне, э-э, позвонить вам?

Пауза.

— Итак, Миякэ, ты звонишь, чтобы спросить, можно ли мне позвонить?

Да уж. Надо лучше готовиться.

♌

С тех пор как Литературный Козлик оставил

страдающее артритом тело в священном озере, прогулки превратились в удовольствие. Перед ним растерянно расступался бамбук, конфузливые козодои восхищенно выводили восторженные вокализы. Он поднял голову и увидел на холме дом. Странно было встретить подобное сооружение посреди плато Лапсанг-Сушонг. Такому особняку, с его затянутым ряской прудом и стрекозами, самое место в каком-нибудь сонном пригороде. На островке светился каменный фонарь. Пегий кролик прятался в ромбовидных ростках ревеня. Под карнизом виднелось открытое треугольное оконце. Воздух полнился шепотками. Литературный Козлик пошел по тропинке к парадной двери. Дверная ручка закрутилась вхолостую, дверь распахнулась, и Литературный Козлик по сияющим ступенькам взобрался на чердак.

— Добрый день, — поздоровалось старинное бюро.

— Приветствую, — сказала ручка Сэй Сёнагон.

— Вы же остались в досточтимом дилижансе! — воскликнул Литературный Козлик.

— Куда ты, туда и мы, — объяснило старинное бюро.

— А когда вы научились говорить?

— Когда ты научился слушать, — ответила ручка госпожи Сёнагон, отточившая кончик пера на точильном камне остроумия своей первой хозяйки.

— Ну что, приступим? — предложило старинное бюро. — Госпожа Хохлатка с Питекантропом подойдут с минуты на минуту.

Литературный Козлик взял чистый лист бумаги. Снаружи, над долами, над горами, над тропическими лесами, над трущобами и над особняками, над степями и островами, по всем девяти сторонам света с туманного марева небес медленно, капля за каплей, струилось умиротворение. Действительность — страница. Жизнь — слово.

6. Кайтэн

回天

Чайный зал «Амадеус» похож на свадебный торт. Пастельная сахарная глазурь, рюшечки-розеточки. Тетушка Толстосум удостоила бы его своей высшей похвалы: «Обворожительно». Что до меня, то я с удовольствием запшикал бы краской из баллончика все эти кремовые ковры, молочные стены и сливочно-нежные драпировки. Отель «Рига Ройял» я отыскал без особого труда, поэтому еще час гулял по Харадзюку, убивая время. Сонные продавщицы по холодку мыли витрины бутиков, цветочники поливали тротуар. Помешиваю лед в стакане с водой. Мой дед должен прийти через пятнадцать минут. Теперь слово «дед» получит для меня новый смысл. Странно, как легко слова меняют значения. Еще на прошлой неделе слово «дед» означало человека с зернистой фотографии на бабушкином семейном алтаре. «Его забрало море» — это все, что она рассказала нам о своем давно умершем муже. В местном фольклоре он остался вором и

пьяницей, которого смыло с причала ночным штормом.

«Амадеус» — заведение такого класса, что в нем есть метрдотель. Он стоит за похожей на пьедестал конторкой у жемчужных врат, листает книгу заказов, дает распоряжения официанткам и перебирает пальцами, словно нажимая на невидимые клавиши. Интересно, где учат на метрдотеля? Сколько им платят? Пробую перебирать пальцами, но в тот же миг метрдотель устремляет взгляд на меня. Я сконфуженно прячу руки и отворачиваюсь к окну. За столиками по соседству жены состоятельных людей обсуждают секреты своей профессии. Бизнесмены изучают финансовую отчетность и стучат по клавиатурам лэптопов величиной с воробья. С потолочной фрески взирает Вольфганг Амадей Моцарт, окруженный трубящими в трубы маргариновыми херувимами. На вид он одутловат и нездорово бледен — ничего удивительного, что так рано умер. Нестерпимо хочется курить — у меня в кармане лежит пачка «Кларкс». Через панорамные окна Моцарту определенно открывается грандиозный вид. Токийская телебашня, «Паноптикум», парк Ёёги, где околачиваются старые козлы с биноклями. На высоченном хромированном кубе гигантский

подъемный кран сооружает свою копию поменьше. Водонапорные цистерны, антенны, крыши. Сегодня погода вырядилась в хаки. Мерный звон серебряной ложечки о тонкий фарфор чашки — нет, это часы на каминной полке возвещают о том, что уже десять. Метрдотель кланяется и подводит ко мне пожилого человека.

Он!

Мой дед смотрит на меня — я вскакиваю, взволнованный, все заготовленные слова вдруг вылетают из головы, — и его глаза говорят: «Да, это я», — так смотрят, когда назначили встречу незнакомому человеку. Не могу сказать, что мы похожи, но и не могу сказать, что нет. Он опирается на трость; на нем темно-синий поплиновый костюм и галстук-шнурок с аграфом. Метрдотель проворно бросается вперед и отодвигает стул. Мой дед поджимает губы. Кожа у него болезненно-серая, в пигментных пятнах, и он не может скрыть, скольких усилий стоит ему ходьба.

— Эйдзи Миякэ, надо полагать?

Я кланяюсь ему на все восемь восьмых, безуспешно пытаясь подобрать нужные слова. Мой дед насмешливо возвращает мне одну восьмую.

— Господин Миякэ, прежде всего я должен сообщить вам, что я не ваш дед.

Я распрямляюсь:

— А.

Метрдотель удаляется, незнакомец садится, а я в замешательстве остаюсь стоять.

— Однако я пришел по воле вашего деда, чтобы обсудить то, что касается семейства Цукияма. Садитесь, юноша. — Он наблюдает за каждым моим движением — из-под набрякших век сверкает острый, как бритва, взгляд. — Зови меня Райдзо. Мы с твоим дедом знакомы не один десяток лет. Я знаю, кто ты, Миякэ. Именно я указал другу на твое сообщение в колонке частных объявлений. Теперь к делу. Как тебе известно, твой дед сейчас выздоравливает после серьезной операции на сердце. Первоначальные прогнозы врачей были чересчур оптимистичны, так что он проведет в больнице еще несколько дней. Поэтому я пришел вместо него. Вопросы?

— Мне можно его навестить?

Господин Райдзо качает головой:

— Твоя мачеха помогает ухаживать за ним в палате, и… как бы помягче выразиться…

— Она считает, что я — пиявка, которая хочет высосать из семейства Цукияма побольше денег.

— Именно. Признайся, у тебя есть такое намерение?

— Нет, господин Райдзо. Все, чего я хочу, — это встретиться с отцом.

Сколько еще раз мне придется это повторять?

— Твой дед полагает, что держать все в секрете — самый верный способ избежать подозрений со стороны твоей мачехи. Барышня! — Господин Райдзо пальцем подзывает официантку. — Гигантскую порцию коньяка, как обычно, пожалуйста. Что будешь пить, Миякэ?

— Э-э, зеленый чай, пожалуйста.

Официантка с заученной улыбкой обращается ко мне:

— У нас восемнадцать сортов…

— Да принесите вы мальчику чайник чаю!

Официантка кланяется, убрав улыбку:

— Да, адмирал.

Адмирал? Сколько в Японии адмиралов?

— Адмирал Райдзо?

— Это было очень давно. Лучше «господин».

— Господин Райдзо, вы знакомы с моим отцом?

— Прямой вопрос заслуживает прямого ответа. Я никогда не скрывал, что презираю этого человека. Я уже много лет избегаю встреч с ним. С тех самых пор, как узнал, что он продал фамильный меч Цукияма. Этот меч пять веков принадлежал его — твоей — семье, Миякэ. Пятьсот лет. То, как

твой отец распорядился пятью веками истории семьи Цукияма — не говоря о тех Цукияма, которым еще предстоит родиться, — несмываемый позор. Несмываемый! Твой дед, Такара Цукияма, верит в кровные узы. Твой отец верит в совместные предприятия на Формозе[151]. Знаешь, где сейчас меч Цукияма? — Адмирал скрипит зубами. — В Небраске. В зале заседаний совета директоров завода по производству пестицидов! Что ты об этом думаешь, Миякэ?

— Это постыдно, господин Райдзо, но…

— Это преступление, Миякэ! Твой отец — бесчестный человек! Он с легким сердцем бросил твою мать на произвол судьбы! Твоему деду пришлось предоставить ей финансовую поддержку.

Вот это новость!

— Кодекс чести существует даже в отношениях с любовницами. Плоть и кровь — вот что имеет значение, Миякэ! Узы крови — основа жизни. Наша сущность! Не ведая своей родословной, не познаешь самого себя.

Официантка возвращается с серебряным подносом и ставит наши напитки на кружевные салфетки.

---

[151] Примечания: 151

Формоза — португальское название Тайваня.

— Я тоже считаю, что узы крови — это важно, господин Райдзо. Поэтому я здесь.

Адмирал мрачно нюхает коньяк. Я отхлебываю свой чай с чуть мыльным привкусом.

— Знаешь, Миякэ, врачи запретили мне спиртное. Но среди моих знакомых больше престарелых моряков, чем престарелых докторов. — Он одним глотком выпивает полбокала, запрокидывает голову и с наслаждением смакует каждую молекулу. — Твои сводные сестры — никчемные создания. Визгливые пошлячки, учатся в каком-то дурацком колледже. Встают в одиннадцать утра. Мажут губы белой помадой, носят ботинки на толстой подошве, ковбойские шляпы, украинские платки. Красят волосы в кислотные цвета. Твой дед надеется, что его внук — ты — придерживается высоких, благородных принципов, а не довольствуется пошлыми сантиментами популярных хитов.

— Господин Райдзо, простите, если… то есть я надеюсь, что мой дед не станет объявлять меня своим наследником. Я ни в коем случае не намерен врастать в фамильное древо Цукияма и готов ответить за свои слова.

Господин Райдзо нетерпеливо перебивает:

— Кто… что… когда… зачем… почему… чей…

Послушай, твой дед хочет, чтобы ты прочитал вот это. — Он кладет на стол коробку, обернутую черной тканью. — Это не подарок, возьми на время, потом вернешь. Этот дневник — величайшая ценность. Храни его как зеницу ока. Вернешь через неделю, когда придешь знакомиться со своим дедом. Сюда. В это же время — десять утра — за этот же стол. Вопросы?

— Мы не знакомы… Неужели он не боится доверить мне…

— Да, непростительное безрассудство. Я уговаривал его сделать копию. Не отдавать оригинал какому-то юнцу. Но он настоял, старый осел. Копия не передает души, уникальности. Это его слова, не мои.

— Я, э-э… — Я смотрю на черный сверток. — Я польщен оказанной мне высокой честью.

— Еще бы. Твой отец никогда не читал этих страниц. Скорее всего, он выставил бы их на аукцион в своем интернете.

— Господин Райдзо, скажите, чего хочет мой дед?

— Еще один прямой вопрос. — Адмирал допивает коньяк. Камень в аграфе отливает синевой океанских глубин. — Я отвечу тебе. Войну с возрастом невозможно выиграть. В ходе этой войны

мы наблюдаем отвратительные сцены. Истины превращаются в фиглярство. Вера становится предметом торга для лжецов. Жертвы оказываются ненужными крайностями. Героев объявляют старыми пройдохами, а молодых пройдох — героями. Этику делают логотипом спортивной одежды. Ты спрашиваешь, чего хочет твой дед? Я скажу тебе. Он хочет того же, что и ты. Ни больше ни меньше.

Шабаш жен разражается диким хохотом.

— Но чего же?

Адмирал Райдзо встает. Метрдотель с его тростью уже здесь.

— Смысла.

♎

1 августа 1944 г.

С утра пасмурно. После полудня моросит дождь. Еду в поезде из Нагасаки. Путь до Токуямы, префектура Ямагути, займет еще несколько часов, а до острова Оцусимы, конечного пункта моего назначения, я доберусь только завтра утром. В прошлые выходные, Такара, я разрывался между двумя обещаниями. Первое я дал тебе: рассказать во всех подробностях о своей службе на Импе-

раторском военно-морском флоте. Второе я дал стране и императору: держать в строжайшей тайне все подробности, касающиеся подготовки сил особого назначения. Чтобы справиться с дилеммой, я решил вести этот дневник. Эти слова — для тебя. Молчание — для императора.

Когда ты будешь читать эти строки, матушка уже получит извещение о моей смерти и посмертном повышении в звании. Возможно, ты, матушка и Яэко в трауре. Возможно, вы теряетесь в догадках, что означает моя смерть. Возможно, жалеете, что нечего положить в семейный склеп — у вас нет ни праха, ни костей. Этот дневник — мое утешение, смысл моей жизни и мое тело. Море — прекрасная могила. Не стоит выражать чрезмерной скорби.

Итак, я начинаю. Военное положение быстро ухудшается. Силы императора несут огромные потери на Соломоновых островах. Американцы высаживаются на Филиппинах с очевидной целью захватить гряду Рюкю. Чтобы предотвратить разорение родных островов, требуются исключительные меры. Вот почему Императорский военно-морской флот разработал программу кайтэн.

Кайтэн — это видоизмененная торпеда модели

93 — лучшая в мире торпеда, с кабиной для пилота. Пилот управляет торпедой, наводит ее на цель и бьет вражеское судно ниже ватерлинии. Поражение цели теоретически неизбежно. Я знаю, Такара, ты любишь технические подробности, так вот. Длина кайтэн — 14,75 метра. Она приводится в движение двигателем мощностью 550 лошадиных сил, работающим на жидком кислородном топливе, которое не оставляет на поверхности воздушных пузырьков, что позволяет нанести внезапный удар. Кайтэн способна двадцать пять минут поддерживать скорость 56 км/ч и таким образом настичь корабль, на который нацелена. Торпеда вооружена боеголовкой с зарядом в 1,5 тонны тринитротолуолового эквивалента, которая взрывается от удара. Подлодки приближаются к стоянкам кораблей противника на дистанцию поражения и выпускают кайтэн. Эта новая торпеда, которая под управлением человека превращается в смертоносное оружие, возместит наши недавние потери в полушарии, принадлежащем Великой Восточноазиатской империи, деморализует военно-морской флот США и уничтожит бóльшую его часть. Тихий океан станет японским озером.

На военно-морских авиабазах Нара и Цутиура

свои жизни для программы кайтэн предложили 1375 добровольцев. Строжайший отбор прошли только 160 из них. Видишь, брат, какой чести удостоилось имя Цукияма и сколь славная память о нем сохранится.

2 августа 1944 г.

Туманное утро; жаркий, безоблачный день. Вместе с другими курсантами я просыпаюсь на нарах в казарме военной полиции в Токуяме — армейские казармы были разрушены бомбежкой месяц назад. Бомба ударила в топливный склад, и взрыв сровнял с землей весь порт и значительную часть города. Из этих руин нас морем переправили на Оцусиму. Путешествие было коротким — всего полчаса, но перемена разительная. Оцусима — сплошь мирные лесистые холмы и террасы рисовых полей. База кайтэн и завод по производству торпед расположены в низине, на узком перешейке.

Мы удостоились невиданной чести: у сходней нас встречали младший лейтенант Хироси Куроки и мичман Сэкио Нисина — изобретатели кайтэн. Эти двое — живая легенда, Такара. Поначалу Верховное командование военно-морских сил не выказало особой охоты санкционировать использование сил особого назначения и

отклонило предложение младшего лейтенанта Куроки и мичмана Нисины по созданию кайтэн. Чтобы убедить Верховное главнокомандование и доказать искренность своих намерений, они вновь вынесли это предложение на его суд, на сей раз написав его своей кровью. При все при этом они — жизнерадостные, скромные парни. Они проводили нас в казармы, перебрасываясь шутками насчет «Оцусимского отеля», до вечера объясняли нам технические подробности, а экскурсию по базе отложили на завтра.

3 августа 1944 г.

Ветрено. На море волнение. На огражденной территории базы кайтэн, размером примерно с шесть бейсбольных полей, размещаются от пятисот до шестисот человек. Секретность строжайшая — даже жители острова не знают истинного предназначения базы. Сама база состоит из казармы, столовой, трех торпедных заводов, ремонтно-механического цеха для переделки торпед модели 93 в кайтэн, спортивной площадки, плаца для торжественных построений, административных зданий и причала. Через прорубленный в скале четырехсотметровый тоннель узкоколейка соединяет ремонтно-механический цех с пирсом, откуда будут запускаться кайтэн

и где сегодня вечером начнутся тренировки. Я поспорил с Такаси Хигути, моим сослуживцем из Нары, за привилегию быть в первой из запущенных кайтэн, вместе с младшим лейтенантом Куроки. Его камень побил мои ножницы! Что ж, моя очередь придет завтра.

4 августа 1944 г.

Душная, влажная жара. Трагедия случилась так внезапно. Вчера младший лейтенант Куроки и лейтенант Хигути не вернулись из рейда вокруг северной оконечности Оцусимы. Аквалангисты всю ночь искали их кайтэн. Нашли уже на рассвете (через 16 часов после запуска), всего в трехстах метрах от причала, наполовину погруженную в ил. Хотя кайтэн оборудованы двумя аварийными люками, их можно открыть только над водой. Под водой не позволяет давление. Запас воздуха рассчитан на десять часов, — если пилотов двое, это время сокращается наполовину. Их жертва не была напрасной — они оставили 2000 иероглифов технических данных и наблюдений, относящихся к роковой неисправности. Когда кончилась бумага, они выцарапывали слова отверткой на стене кабины. Мы только что вернулись с погребальной церемонии. Мичман Нисина поклялся взять прах Куроки с собой в кайтэн, чтобы вместе

встретить час славы. Конечно, мы все скорбим, но нас поддерживает уверенность, что гибель наших собратьев не была напрасной. Вина камнем лежит у меня на сердце. Я попросил коменданта Удзину предоставить мне аудиенцию и рассказал ему, почему чувствую особую ответственность перед душой Хигути. Комендант Удзина обещал не оставить мою просьбу без внимания и включить меня в число участников первого боя с применением кайтэн.

9 августа 1944 г.

Нестерпимая жара. Извини за долгое молчание, Такара. Тренировки идут полным ходом, и на дневник невозможно выкроить даже десять минут в день. Вечером я засыпаю, едва голова коснется подушки. У меня прекрасные новости. Во время утренней поверки объявили имена участников первого боя с применением кайтэн; прозвучало и имя Цукияма! Эмблема нашего подразделения — кикусуи, плывущая хризантема с герба Масосигэ Кусуноки[152], который сражался за императора Го-Дайго. В битве при Минатогаве

[152] Примечания: 152

Масосигэ Кусуноки (1294–1336) — японский военачальник периода Намбокутё, образец «идеального самурая»; в годы Второй мировой войны считался символом верности и преданности, святым покровителем камикадзе.

семьсот воинов Кусуноки противостояли натиску тридцати пяти тысяч предателей под предводительством Асикаги, и Кусуноки вместе со своим братом Масасуэ совершил сэппуку только после того, как получил одиннадцать страшных ран. Мы выбрали этот символ не случайно. Мы — как семьсот верных воинов. Наша преданность императору неизмерима.

В море выйдут четыре подлодки, и на борту каждой из них будет по четыре кайтэн. «I-47», под командованием доблестного капитан-лейтенанта Дзэндзи Ориты, примет на борт мичманов Нисину, Сато, Ватанабэ и лейтенанта Фукуду. «I-36» — лейтенанта Ёсимото и мичманов Тоёдзуми, Иманиси и Кудо. На борту «I-37» будут лейтенанты Камибэппу и Мураками, а также мичманы Уцуномия и Кондо. «I-333», под командованием капитана Ёкоты, повезет лейтенантов Абэ и Гото с мичманами Кусакабэ и Цукиямой Субару. После этого объявления нам отвели новые койки, чтобы пилоты одного звена спали в одной комнате. Комната тех, кто займет место на «I-333», на третьем этаже в конце коридора, ее окно выходит на рисовые террасы. По ночам лягушки квакают так громко, что заглушают шум литейных цехов. Мне сразу вспоминается наша комната в Нагасаки.

12 августа 1944 г.

Прохладно и тихо. Море гладкое, как река Накадзима, на которой мы пускали кораблики. Сегодня я расскажу о наших тренировках. После завтрака мы делимся на Хризантем и Курсантов. На учебные пуски выделено только шесть кайтэн, поэтому нам предоставили преимущество в тренировках. В восемь тридцать мы по тоннелю направляемся к причалу для пуска кайтэн, занимаем свои места в кабинах, и подъемный кран опускает нас в море. Обычно мы садимся по двое. Конечно, тесно, но это помогает сэкономить топливо, а «капля горючего так же драгоценна, как капля крови». Инструктор стучит по корпусу, и мы стучим в ответ — в знак того, что готовы к отплытию. Сначала мы проходим серию спусков. Потом решаем навигационные задачи с секундомером и гирокомпасом. Мы определяем местонахождение вражеского корабля и имитируем удар, проходя под его носовой частью. Нужно быть осторожным, чтобы не зацепиться верхним люком за киль — на базе «П» так погибли два пилота. Еще мы боимся застрять в иле, как младший лейтенант Куроки и лейтенант Хигути. Если это все же случится, следует закачать сжатый воздух в боеголовку (которая вместо

тротила наполнена морской водой), что должно, в принципе, вытолкнуть кайтэн на поверхность. Никому не хочется первым проверить эту теорию. Однако больше всего мы боимся потерять тренировочную кайтэн и при этом остаться в живых. Пять дней назад это произошло с курсантом из Иокогамы. Его исключили, и его имя всеми забыто. После возвращения к причалу или в порт базы мы приступаем к «разбору полетов», чтобы поделиться своими наблюдениями с курсантами. Когда спадает невыносимая дневная жара, мы занимаемся борьбой сумо, фехтуем на бамбуковых мечах-кэндо, бегаем или играем в регби. Пилоты кайтэн должны быть в наилучшей физической форме. Помни, что говорил наш отец, Такара: тело — это оболочка души.

14 августа 1944 г.

С утра погода прекрасная, но к середине дня набегают тучи. Мой учебный спуск отменили из-за поломки двигателя, и у меня появился свободный час, чтобы рассказать тебе о собратьях по «I-333». Ютака Абэ — командир нашего звена, ему двадцать четыре года, он из старинного токийского рода и закончил школу Гакусю-

ин[153]. Его отец был на борту «Симантогавы» в славной битве при Цусиме[154] в 1905 году. Абэ — сверхчеловек, у него получается все, за что бы он ни взялся: гребля, навигация, хайку. Как-то он обмолвился, что за последние девять лет не проиграл ни одной партии в шахматы. Девиз его кайтэн: «Стрела императора не знает промаха». Сигэнобу Гото, двадцати двух лет, уроженец Осаки, из семьи торговцев; его остроумие разит с двадцати шагов. Почти каждый день он получает любовные письма от девушек и жалуется, что на базе ему не хватает женского общества. На его жалобы Абэ отвечает одним словом: «Целомудрие». Гото способен изобразить кого и что угодно. Он даже принимает заявки: китаец, на которого в уборной напала змея; торговка рыбой из Тохоку, над ухом которой взыграла труба. Он пользуется своим умением подражать разным

---

[153] Примечания: 153

Школа Гакусюин — частная школа в Токио, так называемая «школа пэров», основанная императором Нинко в 1847 г. для детей японской аристократии.

[154] Примечания: 154

…на борту «Симантогавы» в славной битве при Цусиме… — Имеется в виду Цусимское сражение в мае 1905 г., последняя решающая битва русско-японской войны 1904–1905 гг. близ острова Цусима, где Императорский флот Японии нанес сокрушительное поражение силам российского флота. «Симантогава» — такого корабля в Цусимском сражении не участвовало, но Симантогава («река Симанто») есть на острове Сикоку.

голосам, чтобы отвлекать Абэ, когда они играют в шахматы. Абэ все равно выигрывает. На своей кайтэн Гото написал: «Пилюля для янки». Наш третий товарищ — Исса Кусакабэ. Кусакабэ на год старше меня. Этот тихий паренек читает все, что попадет под руку: технические справочники, романы, стихи, довоенные журналы. Все подряд. Госпожа Осигэ (наша «мама» на Оцусиме — она думает, что мы испытываем новую подводную лодку) договорилась с местным мальчишкой, и тот каждую неделю приносит Кусакабэ книги из школьной библиотеки. У него есть даже томик Шекспира. Когда Абэ заявил, что сочинения изнеженного европейца — неподходящее чтение для японского воина, Кусакабэ ответил, что Шекспир в Англии — все равно что кабуки. Абэ сказал, что Шекспир оказывает разлагающее влияние. Кусакабэ спросил, какие именно пьесы Абэ имеет в виду, и Абэ оставил его в покое. В конце концов, Кусакабэ не попал бы в отряд кайтэн, если бы его моральные принципы вызывали какое-либо сомнение. На его кайтэн написан не лозунг, а стихотворная строка: «Пусть враг грозит в десять тысяч голосов — мы победим без единого слова». Следует упомянуть и о Мазуте, нашем главном инженере. Это прозвище он получил за свои

руки, которые всегда черны от смазочного масла. Он старше всех на базе и, хотя избегает говорить о своем возрасте, явно годится нам в отцы. Настоящие дети Мазуты — его кайтэн. Кстати, я решил оставить свою кайтэн без девиза. Ее девизом и смыслом станет моя жертва.

◆

Прячу дневник под прилавок «Падающей звезды», чтобы дать глазам отдохнуть — хоть страницы и заламинированы, карандашные строки выцвели и стали какими-то призрачными. К тому же многих иероглифов я не понимаю, так что приходится постоянно сверяться со словарем. Открываю банку диетической пепси и окидываю взглядом свою новую империю: повсюду видеокассеты — на стеллажах и полках, сложены стопками на прилавке. Покрытые слизью чужие, сверкающие доспехами гладиаторы, писклявые кумиры. Из динамиков звучит софт-рок. За ту неделю, что меня здесь не было, на месте старой обувной мастерской рядом с «Фудзифильмом» открылась закусочная сети «KFC». У ее входа, под обвисшим полотнищем с надписью «Торжественное открытие», стоит жутковатого

вида статуя полковника Сандерса в натуральную величину. При взгляде на его упитанную фигуру и улыбающуюся физиономию невольно вспоминаются храмовые статуи Эбису[155]. Неужели от жаренных по-кентуккийски кур можно так растолстеть?

Бунтаро с Матико наверняка уже в самолете «Японских авиалиний», где-нибудь над Тихим океаном. Когда я пришел домой после встречи с господином Райдзо, Бунтаро был на грани срыва, хотя до прихода такси оставалось еще девяносто минут. Что будет, если зависнет компьютер? Если сломается монитор? Если пойдет дождь из мурен, отплясывающих чечетку? Матико буквально уволокла его в такси. На мониторе можно смотреть все что угодно, но выбор слишком велик, поэтому я весь день кручу один и тот же фильм с Томом Хэнксом. Никто не заметит. С двух до пяти клиентов почти нет, но как только офисы и школы начинают закрываться, работы сразу же прибавляется. Завсегдатаи пялятся на меня, разинув рты, — им немедленно приходит в голову, что у Матико случился выкидыш. Когда я объясняю,

[155] Примечания: 155

Эбису (Акахирако, Хирадзи) — в синтоизме один из трех богов успеха и семи богов удачи, покровитель рыбаков, торговцев и честных тружеников, защитник детей.

что супруги Огисо уехали в отпуск, постоянные посетители реагируют так, будто я сказал, что Бунтаро с женой превратились в чайники и улетели в Тибет. Вопрос, кто же тогда я, довольно щекотлив — мой ушлый домовладелец сдает капсулу, не тревожа попусту налоговую службу. Школьники толпятся вокруг стендов с ужастиками, секретарши выбирают голливудские фильмы с белокурыми звездами, служащие предпочитают названия вроде «Пам Тарарам — амстердамская мадам» и «Академия долболомов». Некоторые возвращают видеокассеты с опозданием, и нужно постоянно сверяться с регистрационными записями. Госпожа Сасаки приходит в половине восьмого; я несусь наверх, накормить Кошку, а потом через дорогу, в «KFC» — накормить себя. Куры полковника Сандерса сделаны из опилок. Госпожа Сасаки рассказывает, кого приняли на мое место в Уэно, и меня охватывает тоска по прежней работе. Она оставляет мне газету «Звезда Токио» — в понедельник там печатают объявления о вакансиях. Если меня привлекает карьера разнорабочего на ресторанной кухне, оператора телепродаж, грузчика в супермаркете или специалиста по распространению рекламных буклетов, то Токио для меня — рай земной.

Кошка выходит на лестницу — за ту неделю, что я скрывался, она научилась отворять дверь капсулы. Я шикаю на нее, мол, ступай назад, но она не обращает на меня никакого внимания и устраивается на моем стуле, как только я начинаю расставлять по полкам стопки возвращенных кассет. Мне приходится довольствоваться шаткой табуреткой. «Фудзифильм» показывает 22:26. Поток клиентов сходит на нет.

♎

2 сентября 1944 г.

Жара еще не спала, но по вечерам уже прохладно. Сегодня я получил твое письмо, Такара, и посылку от матушки и Яэко: они прислали мне пояс в тысячу стежков. Так как мое боевое задание будет носить особый характер, вшитые в этот пояс пятисэновые монеты не спасут меня от смерти, но я все равно буду надевать его каждый раз, когда забираюсь в кайтэн. Мы с Абэ, Гото и Кусакабэ читаем письма из дома вслух, и я был горд, как тэнгу[156], когда сообщил им, что мой

[156] Примечания: 156

…горд, как тэнгу… — Тэнгу — персонаж японского фольклора, злой или добрый дух, наделенный огромной силой; по народным поверьям, гордецы после смерти превращаются в тэнгу.

младший брат возглавил юношескую бригаду на фабрике боеприпасов. Ваши так называемые «игры» сродни настоящей воинской подготовке — своими бамбуковыми штыками вы пронзаете рузвельтов и черчиллей. Я думаю о Яэко и о ее работе на парашютной фабрике. Стежки, сделанные ее руками, спасут жизни моих бывших товарищей по Академии военно-морской авиации в Наре. Матушке наверняка больно продавать фамильные драгоценности Цукияма за горстку риса, но я знаю, что отец и наши предки поймут ее. В войну живешь по другим правилам. Ты молодец, что наклеил на окна полоски бумаги, чтобы стекла не выбило ударной волной. Нагасаки всегда везло, и если будут налеты, то враг будет бить по верфям, а не по нашей стороне города. Но предосторожность не помешает.

Скоро я напишу ответ на твое письмо. Сейчас, читая этот дневник, ты наверняка понимаешь, почему тогда я не мог ответить на все твои вопросы.

9 сентября 1944 г.

Погода: ясно, тепло, безветренно. Сегодня мне исполнилось двадцать лет. Неуместно праздновать день рождения, когда страна на военном положении, поэтому после занятий, на которых

нам рассказывали об устройстве боеголовки, я улизнул, не дожидаясь ужина, и с благодарностью принял в подарок закат. На Внутреннем море особенные закаты. Цвет сегодняшнего точь-в-точь был как приправа-умэбоси[157], которую прекрасно готовит Яэко. Помнишь легенду об Урасиме Таро? Как он спас гигантскую черепаху и три дня гостил в ее подводном дворце, а когда вернулся, то на земле сменилось три поколения? Я думаю, как будет выглядеть это место через девяносто лет, когда Великая восточноазиатская война станет далеким воспоминанием. Когда мы выиграем войну, привези сюда своих детей. Местный морской окунь очень вкусный, и устрицы тоже. Я уже собирался вернуться в столовую, когда увидел Абэ, Гото и Кусакабэ. Абэ откуда-то узнал о моем дне рождения и рассказал госпоже Осигэ, а она зажарила для нас курицу-якитори на бамбуковых шампурах. Кусакабэ развел костер, и мы поужинали на берегу; было даже домашнее сакэ, которое Гото позаимствовал у подручного на кухне. Сакэ оказалось таким крепким, что у нас онемели лица, но я никогда не ел ничего вкуснее этого угощения, если не считать того, что

[157] Примечания: 157

Умэбоси — традиционная японская приправа ярко-красного цвета, моченые абрикосы.

готовит матушка.

13 сентября 1944 г.

Теплое утро, днем высокая влажность. На базе свирепствует грипп. Я целые сутки провалялся в лазарете с температурой 39°. Сейчас мне получше. Снились странные сны. В одном я в своей кайтэн плыл вокруг Соломоновых островов в поисках вражеского авианосца. Все вокруг было синим-синим. Я чувствовал себя неуязвимым, как акула. Почему-то со мной в кайтэн оказался сын госпожи Сиоми, тот самый, который бросился с гранатой под русский танк у Номон-Хана[158]. «А ты не знаешь? — сказал он. — Война окончена». Я спросил, кто победил, и тут увидел, что у Сиоми нет глаз. «Император в своей резиденции развлекает американцев охотой на уток. Так он надеется спасти свою шкуру». Я решил поплыть в Токийский залив, чтобы потопить хоть один вражеский корабль, и повел кайтэн на север. От ускорения меня всем телом откинуло назад, и когда я проснулся, то словно бы помнил, как рождался или, может быть, умирал в прошлый

[158] Примечания: 158

...бросился с гранатой под русский танк у Номон-Хана. — Имеется в виду вооруженный конфликт на границе Монгольской народной республики и Маньчжоу-Го, проходивший с мая по сентябрь 1939 г. у реки Халхин-Гол на высоте Номон-Хан-Бурд-Обо с участием японских, монгольских и советских войск.

или в следующий раз. Позже ко мне пришли Кусакабэ с Гото и принесли конспекты занятий по навигации, но о своем сне я им не рассказал.

2 октября 1944 г.

Весь день моросит дождь. Сегодня на секретном собрании объявили о дислокации целей для подразделения Кикусуи. «I-47» и «I-36» направятся к Улити, большому атоллу на Филиппинах, который американцы захватили всего 10 дней назад. «I-37» и «I-333» одновременно атакуют якорную стоянку в проливе Коссоль на островах Палау. Двойная цель нападения необходима, чтобы нанести максимальный урон моральному духу противника. Найди острова Палау в отцовском атласе, Такара. Ты увидишь, какое там ярко-синее море. Когда будешь думать обо мне, знай: твой брат растворился в морской синеве.

Разногласия между Абэ и Кусакабэ все сильнее. Командир нашего звена вызвал Кусакабэ на партию в шахматы, но тот отказался. Абэ стал его поддразнивать: «Ты что, боишься проиграть?» На что Кусакабэ заявил: «Нет, я боюсь выиграть». Абэ продолжал улыбаться, хотя было ясно, что он задет. Братья, которым предстоит умереть вместе, не должны ссориться.

10 октября 1944 г.

Ясно. Утром выпала роса. После обеда, когда мы с Мазутой и его командой перевозили кайтэн к пусковому причалу, завыла сирена воздушной тревоги. Учения на этот день не планировались. Пока комендант выкрикивал в громкоговоритель приказы, тоннель наполнился людьми с пускового причала. Для безопасности тротил опустили в глубокий бункер, подлодки ушли из бухты, а мы встревоженно прислушивались, не приближается ли гул американских тяжелых бомбардировщиков Би-29. Если бомба попадет в ремонтно-механический цех, проект придется отложить, и мы потеряем несколько решающих недель. Мазута обеспокоился, не означает ли налет на крупные острова, что американцы уже штурмуют Окинаву? Слухов ходит много, но проверенной, надежной информации почти нет. Через сорок тягостных минут прозвучала сирена отбоя. Вполне возможно, что какой-то вахтенный с перепугу принял наши истребители «Зеро» за вражеские самолеты.

13 октября 1944 г.

Приятное послеполуденное солнце. К вечеру набегают тучи. Перечитывая дневник, обнаружил, что не описал общий настрой на базе. Здесь царит исключительное воодушевление. Инженеры,

инструкторы, пилоты и курсанты работают слаженно, стремясь к единой цели. За проведенные здесь недели я ощущаю небывалый душевный подъем. Моя жизнь получила смысл — защитить Родину. Дисциплина суровая, такая же муштра и проверки, как на любой другой военной базе. Но на Оцусиме нет тех крайностей, которые часто случаются в обычных лагерях, где новобранцев изнуряют работой, а солдат подвешивают вниз головой и избивают. В наш паек входят сигареты, конфеты и настоящий белый рис. Жаль, что я не могу поделиться едой с тобой, матушкой и Яэко, но я коплю конфеты, чтобы передать их тебе, а не трачу их на ставки в азартных играх, как Гото и остальные мои собратья.

18 октября 1944 г.

Целый день льет дождь. «Дзуйкаку»[159] все еще на плаву, и, стало быть, отец почти наверняка жив! Абэ устроил мне возможность по военным каналам отправить телеграмму матушке. Я узнал эти новости от Цуёси Ёкоты — капитана «I-333», которая сегодня пришвартовалась на Оцусиме.

---

[159] Примечания: 159

«Дзуйкаку» («Священный журавль») — тяжелый авианосец Императорских военно-морских сил Японии, принимавший участие во всех боевых действиях на Тихом океане, начиная с нападения на Пёрл-Харбор (7 декабря 1941 г.), уничтожен торпедными атаками авиации ВМС США 25 октября 1944 г. в сражении в заливе Лейте (Филиппины).

Семь дней назад капитан Ёкота, патрулируя залив Лейте на Филиппинах, лично разговаривал с адмиралом Куритой на борту флагмана «Атаго»[160]. Не могу выразить, как меня поддерживает уверенность в том, что отец в добром здравии и думает о нас. Возможно, когда-нибудь этот дневник окажется у него в руках! Капитан Ёкота говорит, что со времен Перл-Харбора «Дзуйкаку» считается заговоренным кораблем. Помни, что гражданская почта в южные моря сейчас не считается грузом особой срочности, и не расстраивайся, если не услышишь никаких новостей. Сегодня вечером личному составу подразделения Кикусуи дали четырехдневную увольнительную — перед отправкой в пункт назначения.

20 октября 1944 г.

Ясный день, свежий бриз. Удача рождает удачу. Когда за ужином комендант Удзина через громкоговорители читал вечерние новости, мы узнали об исключительных успехах камикадзе на Филиппинах. Вчера было потоплено пять американских авианосцев и шесть эсминцев! Одним

---

[160] Примечания: 160

…разговаривал с адмиралом Куритой на борту флагмана «Атаго». — Адмирал Такэо Курита (1889–1977) был верховным главнокомандующим 2-го Императорского флота, принимавшего участие в сражении в заливе Лейте (23–26 октября 1944 г.); тяжелый крейсер «Атаго» был уничтожен американскими подлодками за день до начала сражения.

ударом! Наверняка даже американские дикари поймут, как безнадежно их намерение оккупировать наши острова. Лейтенант Камибэппу встал на скамью и провозгласил тост за души отважных летчиков, которые отдали свою жизнь за нашего возлюбленного императора Хирохито. Редко я слышал такие волнующие слова. «Что тверже — чистый дух или металл? Дух согнет металл и изрешетит его. Металл же для чистого духа — не больше чем ножницы для струйки дыма!»

Признаюсь, я представил себе день, когда похожие тосты будут произносить за наши души.

28 октября 1944 г.

Мелкий дождь. Сегодня привели в боевую готовность новые кайтэн для «I-333». Управлять ими легче, чем тренировочными. После затянувшейся проверки я под дождем побежал в казарму и на краю спортивной площадки чуть не столкнулся с Кусакабэ, который стоял, прислонившись к стене склада, и пристально разглядывал что-то на земле. Я спросил, что так завладело его вниманием. Кусакабэ показал на лужу и тихо сказал:

— Круги рождаются, когда еще живы круги, рожденные секунду назад. Круги живут, когда круги, рожденные секунду назад, умирают. Круги умирают, но в то же время рождаются новые

круги.

В этих словах — весь Кусакабэ. Я сказал, что ему нужно было родиться странствующим поэтом-монахом. Он ответил, что, может, и был им когда-то. Мы с ним долго стояли и смотрели на лужи.

2 ноября 1944 г.

Жара 1944-го на исходе. Я только что вернулся из своей последней поездки в Нагасаки. Ты разделил со мной эти воспоминания, поэтому я не стану здесь о них писать. Я до сих пор помню вкус матушкиного ёкана[161] и тэмпуры из тыквы, приготовленной Яэко. Поездка на поезде отняла много времени, потому что двигатель то и дело ломался. Вагон для военных заняла группа высокопоставленных офицеров, и я ехал в вагоне, полном беженцев из Маньчжоу-Го[162]. Их рассказы о жестокости русских и о вероломстве слуг-китайцев были ужасны. Хорошо, что отец так и не собрался туда переехать за почти два десятилетия существования колонии. Девушка

---

[161] Примечания: 161

Ёкан — разновидность пастилы из красной фасоли-адзуки и растительного желатина агар-агара.

[162] Примечания: 162

Маньчжоу-Го (Маньчжурская империя) — марионеточное государство, образованное японской военной администрацией на оккупированной территории Маньчжурии, просуществовавшее с 1932 по 1945 г.

помладше тебя ехала в Токио, чтобы отыскать свою тетю. Она впервые попала в Японию. На шее у нее висела погребальная урна с прахом ее отца, который погиб в Мукдене, матери, которая погибла в Карафуто, и сестры, которая погибла в Сасебо. Бедняжка боялась уснуть и пропустить Токио — она думала, что он такой же маленький, как и ее приграничный городок. Она верила, что найдет свою тетю, расспрашивая прохожих. В Токуяме я отдал ей половину своих денег, завернув в платок, и вышел прежде, чем она успела отказаться. Мне страшно за нее. Мне страшно за всех них.

◆

— Големы, — объясняю я, лежа нагишом после душа в полночной темноте своей капсулы с Аи на другом конце провода, — совсем не похожи на зомби. Конечно, и те и другие не совсем мертвецы, но голема лепят на кладбище из могильной земли по образу и подобию того, кто похоронен в могиле, а потом чертят у него на груди особую руну. Голема можно убить, только стерев эту руну. Зомби же легко обезглавить или спалить из огнемета. Их собирают из частей тел, которые

обычно крадут в морге, или просто оживляют полуразложившиеся трупы.

— Что, некрофилия — обязательный предмет в школах Кюсю?

— Сейчас я работаю в видеопрокате. Мне положено знать такие вещи.

— Смени тему.

— Ладно. О чем поговорим?

— Я первая спросила.

— Ну, мне всегда было интересно понять, в чем смысл жизни.

— В том, чтобы есть мороженое с австралийским орехом и слушать Дебюсси.

— Отвечай серьезно.

Аи что-то мурлычет, устраивается поудобнее.

— Ты совершенно неправильно сформулировал вопрос.

Я представляю, что она лежит рядом со мной.

— Что же мне надо спросить?

— Ты должен спросить: «В чем твой смысл жизни?» Взять, к примеру, баховский «Хорошо темперированный клавир». Для меня это гармония на молекулярном уровне. Для моего отца — сломанная швейная машина. Для Баха — деньги, чтобы заплатить свечных дел мастеру. Кто прав? Если по отдельности, то прав каждый из

нас. Если в целом, то все мы не правы. Ты все еще думаешь о своем двоюродном дедушке и его кайтэн?

— Да, наверное. Его смысл жизни кажется бесспорным и несокрушимым, как скала.

— Для него — да. Пожертвовать жизнью ради тщеславия военной клики — не то что я назвала бы «бесспорным», но твой двоюродный дед тоже не счел бы стоящим делом научиться играть на фортепьяно так, как я — в меру способностей, отпущенных моему мозгу, нервам и мышцам.

Тут входит Кошка.

— Может, смысл жизни в том, чтобы его искать?

Кошка лакает воду в томящемся жаждой свете луны.

◆

— Здесь так просторно! — орет Бунтаро в телефонную трубку ветреным утром. — Что делать со всем этим простором? Почему я раньше сюда не приезжал? Перелет занял меньше времени, чем визит к дантисту. Знаешь, когда я в последний раз уезжал из Токио в отпуск?

— Не-а, — сквозь зевок отвечаю я.

— Вот и я не знаю, парень. Мне было двадцать два, когда я приехал в Токио. Я тогда работал на трансформаторном заводе, и меня послали учиться. Сошел с поезда на токийском вокзале и минут двадцать искал выход. Думал, что ни за что на свете не останусь жить в этой адской дыре! А теперь, двадцать лет спустя, гляжу и думаю: «Вот как все оно повернулось». Остерегайся отпусков в раю, парень. Здесь слишком много размышляешь о том, чего не сделал.

— А в этом раю еще кто-нибудь просыпается в такую рань?

— Моя жена встала раньше меня. Гуляет по пляжу под пальмами. Почему океан такой… ну, знаешь… синий? С нашего балкона слышно, как о берег бьются волны. Жена нашла на берегу морскую звезду. Настоящую, живую морскую звезду.

— Океан, он такой. Так о чем, э-э, вы хотели со мной поговорить?

— Да так, о твоих трудностях.

— Какие, э-э, трудности вы имеете в виду?

— Ну, в салоне.

— В «Падающей звезде»? С ней нет никаких трудностей.

— Никаких?

— Ни единой.

— А…
— Возвращайтесь в свой рай, Бунтаро.

Пытаюсь снова заснуть — мы с Аи говорили до начала четвертого утра, — но мозг набирает обороты. «Фудзифильм» показывает 07:45. Кошка лакает воду и отправляется по своим делам. Утро вставляет штепсель в розетку. Какое-то время я машинально наигрываю блюз, выкуриваю три последние «Лаки страйк», ем йогурт — ложечкой выудив из него плесень — и слушаю «Milk and Honey»[163]. На Андзю ложится воздушный змей солнечного света.

Два дня она считалась пропавшей без вести, но ни у кого не хватало духу сказать мне: «Надеяться не на что». На Якусиме постоянно пропадают туристы, но по большей части находятся — или их находят — спустя день-другой. Однако же местные жители не настолько глупы, даже одиннадцатилетние, и все мы понимали, что Андзю утонула. Ушла, не попрощавшись. К утру бабушка постарела на десять лет и смотрела на меня, едва узнавая. В тот день я покинул ее дом, тихо, без всякого скандала. Помню, она сидела за столом

[163] Примечания: 163

«Молоко и мед» *(англ.). «Milk and Honey»* («Молоко и мед») — посмертный альбом Джона Леннона, выпущен в 1984 г.

на кухне и говорила, что, если бы я не уехал в Кагосиму, ее внучка была бы жива. А я думал — и думаю до сих пор, — что это истинная правда. Оставаться в нашей с Андзю комнате, среди ее одежды, игрушек и книг, было невыносимо, и я отправился в дом дядюшки Апельсина, где тетя освободила мне угол для спанья. На следующий вечер полицейский Кума зашел сказать, что поиски тела Андзю прекращены. Двоюродные сестры, которые были старше меня, вообразили, что я нуждаюсь в сочувствии, и наперебой твердили, что мне надо выплакаться, что все разделяют мое горе, что я не виноват в смерти Андзю, что я всегда был хорошим братом. Сочувствие тоже было невыносимо. Как можно было променять сестру на какой-то гол, которого никто и никогда не повторит?! И я сбежал. Сбежать на Якусиме легче легкого: нужно просто выскользнуть из дома, пока хозяйки не принялись за свои хлопоты, а туман не снесло к морю, тихонько прокрасться по узким проулкам между дощатых заборов, пересечь прибрежную дорогу, обогнуть чайные плантации и апельсиновые сады, потревожить пса на соседней ферме, углубиться в лес и начать подниматься на гору.

Когда голова бога грома исчезает в океане, я

ухожу к уступу скалы над бабушкиным домом. Окна не светятся. Осеннее утро, вот-вот начнется дождь. Я взбираюсь на гору. Безымянные водопады, восковая листва, ягоды в нефритовых лужицах. Взбираюсь на гору. Виснут ветки, покачиваются папоротники, корни хватают за ноги. Взбираюсь на гору. Ем арахис и апельсины, чтобы исчезнуть как можно дальше. На ноге пиявка, жуткое безмолвие, утро сгущается в серый день, чувство времени пропадает. Взбираюсь на гору. Кладбище деревьев, колыбель деревьев, битва деревьев. Стынет пот. Взбираюсь на гору. Наверху все покрыто мхом. Мхом ярким, как горе, беззвучным, как снег, мохнатым, как лапки тарантула. Если здесь заснуть, то и тебя затянет мхом. Ноги дрожат от напряжения, я сажусь на землю, и тут сквозь оконце в пологе леса пробивается туманная луна. Холодно. Я кутаюсь в одеяло, вжимаюсь в древний остов поваленного кедра. Мне не страшно. Вот если ценишь себя, тогда да, страшно. Но все же, впервые за эти три дня, мне чего-то хочется. Хочется, чтобы бог леса превратил меня в кедр. Старики-островитяне говорят, что если пойти в горы ночью, когда бог леса пересчитывает деревья, он включит тебя в их число и превратит в дерево. Звери перекли-

каются, темнота сгущается, холод покусывает пальцы ног. Вспоминаю Андзю. Несмотря на холод, засыпаю. Несмотря на усталость, просыпаюсь. Белая лисица крадется вдоль поваленного ствола. Останавливается, поворачивает голову, и в глазах, прозорливее, чем у людей, сквозит узнавание. Меж моих ветвей повис туман, а там, где прежде было ухо, птицы свили гнездо. Хочу поблагодарить бога леса, но рта больше нет. Ничего страшного. Нет и не будет ничего страшного, на веки вечные. Просыпаюсь с затекшими руками и ногами — уже не дерево, а мальчишка с сопливым носом и простуженным горлом — и плачу и плачу и плачу и плачу и плачу и плачу.

«Milk and Honey» заканчивается, «Дискмен» с тихим гудением умолкает. Воздушный змей солнечного света перемещается на заваленную хламом полку, откуда, шевеля усиками, на меня взирает Таракан. Вскакиваю, хватаю флакон с морилкой, но Таракан сбегает по стене в щель под плинтусом. Я выстреливаю туда примерно треть флакона. И вот, стою в позе охотника на мамонтов, совершенно опустошенный. Я забрался в горы, чтобы понять, зачем Андзю росла рядом со мной, клеточка за клеточкой, день за днем, если ей было суждено умереть, не дожив

до двенадцатого дня рождения. Я так и не нашел ответа на этот вопрос. На следующий день я без особых приключений спустился с горы — в доме Апельсинов все бились в истерике из-за моего исчезновения, — но, если разобраться, действительно ли я вернулся? Что, если сущность Эйдзи Миякэ так и осталась там, на Якусиме, волшебством превращенная в кедр на затерянном в тумане склоне горы, а мои попытки найти отца всего лишь смутное… мимолетное… ничто? «Фудзифильм» напоминает, что пора готовить «Падающую звезду» к открытию. Наступает день, и дел слишком много, чтобы думать о том, что же все это значит. К счастью для меня.

♎

7 ноября 1944 г.

Погода тихая, по небу плывут чешуйки облаков. Я сижу в общей спальне после банкета по случаю нашего отплытия. Я вволю отведал рыбы, белого риса, сушеных водорослей, катигури[164], консервированных фруктов и сакэ, которое нам прислал сам император. Так как погода сегодня прекрасная, церемонию по случаю завершения

[164] Примечания: 164
Катигури — сушеные каштаны, так называемые «каштаны победы».

подготовки подразделения Кикусуи провели на открытом воздухе, на спортивной площадке. Присутствовала вся база — от коменданта Удзины до последнего поваренка. Над базой, кораблями и подводными лодками одновременно подняли флаги с восходящим солнцем. Духовой оркестр играл «Кимигаё»[165]. На нас были мундиры, специально сшитые для нашего подразделения кайтэн: черные, с кобальтово-синим кантом и зеленой хризантемой, вышитой на левой стороне груди. Нас удостоил напутственного слова сам Мива, вице-адмирал Шестого Императорского флота[166]. Он не только непревзойденный тактик морского боя, но и прекрасный оратор, и его слова запали нам в душу.

«Вы — мстители, готовые к расправе над убийцами ваших отцов и насильниками ваших матерей. Ваши души не упокоятся, если вы не уничтожите врага! Смерть легче перышка, но долг тяжелее горы! Иероглифы „кай“ и „тэн“ озна-

---

[165] Примечания: 165

«Кимигаё» («Да продлится царство твое») — государственный гимн Японии с 1880 г.

[166] Примечания: 166

…Мива, вице-адмирал Шестого Императорского флота. — Сигеёси Мива (1852–1959) — вице-адмирал Императорского флота Японии, командовавший подразделением подводных лодок при нападении на Пёрл-Харбор в декабре 1941 г.

чают „поворот“ и „небеса“, поэтому я заклинаю вас, поверните небеса так, чтобы землю богов снова озарил свет!»

Один за другим мы всходили на подиум, и вице-адмирал вручал каждому ленту-хатимаки, чтобы обвязать чело по древнему самурайскому обычаю, и меч для сэппуку — он служил напоминанием о том, что наши жизни принадлежат Его Императорскому Величеству, а также орудием избавления от унизительного плена, если роковая случайность помешает нам поразить цель. Под звуки «Кимигаё» мы поклонились портрету императора. Потом священник повел нас в синтоистский храм помолиться о славе.

Абэ, Гото и Кусакабэ пишут письма родным, я тоже напишу вам и вложу в конверт прядь волос и ногти для сожжения. Из письма вы узнаете мою последнюю волю, повторю ее и здесь: Такара, до возвращения отца ты — глава семьи Цукияма. Какие бы испытания ни ожидали тебя, храни наш меч. Передай своим сыновьям и сыновьям своих сыновей цельность и чистоту нашего имени. Моя душа поселится в храме Ясукуни[167], вместе с

[167] Примечания: 167

Храм Ясукуни — святилище служит местом поклонения душам воинов, погибших за Японию и императора; находилось в ведении военного руководства страны.

мириадами моих собратьев, отдавших жизнь за императора. Приди туда помолиться, принеси наш меч, и пусть на его клинке заиграет свет. Я буду ждать.

8 ноября 1944 г.

Погода: ясно, легкая дымка. Кленовые листья горят багрянцем. «I-333» покинула берег Оцусимы. Проводы состоялись в 09:00 у пристани. Бригада кинооператоров снимала наше отплытие для хроники новостей. Я помахал в камеру, Такара, на случай, если вы с друзьями в Нагасаки увидите меня на экране кинотеатра. Лейтенант Камибэппу произнес речь от имени подразделения Кикусуи, в которой поблагодарил наших наставников, принес извинения за наши ошибки и пообещал, что каждый пилот кайтэн сделает все возможное, чтобы нами гордилась страна. После этого мы отдельно поблагодарили госпожу Осигэ. Она задыхалась от волнения и не могла говорить, но иногда слова — помеха тому, что хочет сказать сердце. После ритуального распития омики[168] мы с офицерами под крики «банзай!» взошли на борт подводных лодок. Мы стояли на своих кайтэн и махали оставшимся на берегу товарищам,

[168] Примечания: 168

Омики — букв. «священное сакэ», используется в ритуальных церемониях жертвоприношений.

пока не скрылись за западной оконечностью острова. Небольшая флотилия рыбацких лодок и тренировочных каноэ проводила нас в открытое море. Гото смотрел на дочерей рыбаков в бинокль Кусакабэ. Абэ только что объявил, что техническая проверка состоится на час раньше, поэтому рассказ о «I-333» я отложу до завтра.

9 ноября 1944 г.

Погода: утром дождь; после обеда ясно, волнение на море усиливается. Гото, мастер облекать мысли в слова, подобрал меткое сравнение для жизни на подлодке: «закупорили в жестянку и швырнули в бурный поток». В нашу жестянку втиснуты носовой торпедный отсек, офицерские каюты, носовые батареи, насосный отсек, боевая рубка, аппаратный отсек, кают-компания, каюты матросов на 60 человек, носовой и кормовой машинный отсеки, кормовые торпедные отсеки. Мазута сравнивает «I-333» с железным китом. Я восхищаюсь экипажем подлодки: они стоят на боевом дежурстве с начала войны и за это время провели на берегу всего 10 дней! Я здесь только день, но уже очень хочется побегать или поиграть в бейсбол. Я скучаю по нашим оцусимским футонам — на «I-333» койками нам служат узкие полки с бортиками, чтобы не упасть. Воз-

дух спертый, свет тусклый. Надо брать пример с выносливости команды. Ловкость и изворотливость требуется даже при ходьбе, особенно в начале плавания, когда все коридоры заставлены ящиками с провизией. Здесь только два места, где можно побыть в одиночестве. Одно из них — кайтэн; в нее можно забраться через специальный шлюз, соединяющий палубу подлодки с нижним люком торпеды. Второе — туалет. (Однако туалеты на подводной лодке не вдохновляют на долгие размышления.) Кроме того, капитан Ёкота разрешил нам выходить на мостик, если позволяют погодные условия и обстановка. Разумеется, о выходе на верхнюю палубу я должен докладывать вахтенному офицеру, чтобы он предупредил меня в случае экстренного погружения. После вечерних занятий гимнастикой я присоединился к вахтенному мичману на правом борту боевой рубки. Ночью аппаратный отсек «приспособлен к темноте» — разрешены только красные лампочки, так что капитан и впередсмотрящие могут переходить с одной палубы на другую, не теряя ночного зрения. Смотрю на белые брызги у носа подлодки и на пенистый след за кормой. В лунную ночь они становятся ориентиром для бомбардировщиков. Мичман

сказал, что побережье к западу от нас — мыс Сата в префектуре Кагосима. Край Японии теряется в зареве облаков.

◆

— Эээйдз-з-змиякэ!

Из неоновой ночи в «Падающую звезду» вваливается Масанобу Суга, спотыкается и с размаху падает на пол. Возит расквашенным носом по плиткам и с улыбкой смотрит на меня — так пьян, что его мозг не понимает, как больно его телу. Пошатываясь, он встает на одно колено, как будто собирается просить моей руки. Выбегаю из-за прилавка, поднимаю его очки, пока он их не раздавил. Суга думает, что я бросился ему на помощь, и, пихнув меня локтем, вопит: «Отстань!» Потом поднимается, устойчивый, как новорожденный жираф, и спиной заваливается на стеллаж с военными фильмами. Стеллаж опрокидывается, с него каскадом сыплются сотни видеокассет. Посетительница — к счастью, только одна — пронзает нас лучами смерти сквозь полукруглые стекла очков. Суга пялится на опрокинутый стеллаж.

— Здесь в-в-о-одится полтигейст, Миякэ. Мне н-ну-ж-ноп-п-е-реться воното… се… секундо… — Он,

как канатоходец, добирается до прилавка и упирается взглядом в монитор. — «Кассибланка».

На самом деле это «Бегущий по лезвию»[169]. Поднимаю стеллаж, собираю видеокассеты. Голова у Суги болтается, как у сломанной марионетки.

— Миякэ.

— Суга. Рад, э-э…

Суга теряет контроль над слюноотделением. На лету перехватываю сталактит слюны, подставив «Токио симбун».

— Ннепьян. Я никогда н-н-е пьян-н-ею, т-только-конея. Я счастлив, счастлив, с-с-ча-стлив, да, м-может б-быть, но все п-под кант… под к-рролем.

Он падает на колени и цепляется за прилавок, будто за край утеса. Даже дядюшка Патинко не доходит до такого состояния, когда перебирает вискаря.

— Зашелтя н-навестить, гошпожа Шшашаки грит ты уволился. Простипрощай уэно пока-пока худое место этотвашуэно дурное проклятое

---

[169] Примечания: 169

«Бегущий по лезвию» («Blade Runner») — фильм режиссера Ридли Скотта, снятый в 1982 г. по мотивам научно-фантастического романа Филипа Дика «Снятся ли андроидам электроовцы?» (1968).

тамвсеэти забытые дети сироты[170] после войны знаешь мерли как мухи совсем малыши… бедняжки…

Глаза Суги полны слез. Слезинка ползет по изрытой оспинами щеке. Дама в очках, испускающих лучи смерти, пронзительно верещит, будто карманная сирена для самозащиты:

— Нет, это уж слишком! От ваших выходок, молодые люди, просто наизнанку выворачивает!

Она уходит прежде, чем я успеваю извиниться. На какую-то секунду мне хочется, чтобы Суга вырубился, — я бы притворился, что знать его не знаю, и, может, его увезла бы «скорая».

— Суга! Иди домой! Ты пьян!

Суга чихает и смотрит на меня опухшими акульими глазками.

— Я п-проклят.

— Тебе хватит денег на такси?

— П-проклят.

— Суга, ты помнишь свой адрес?

Он зажмуривается и изо всех сил бумкает головой о прилавок; по счастью, сил у него не много,

---

[170] Примечания: 170

…забытые дети сироты… — Имеются в виду так называемые «вокзальные дети», беспризорные сироты, получившие презрительную кличку «фуродзи», которые после Второй мировой войны во множестве обитали в туннелях под железнодорожными путями и вокзальными постройками.

шейные мышцы не слушаются, но лицо все равно перекашивает от боли. Я придерживаю его голову, а он меня отталкивает.

— Проклят япроклят, Миякэ! Понимашь? Проклят! Один пончик! Один жалкий хренов пончик! Маленький мальчик, совсем маалыш, стоял прямзадвееерью, за дверью булочной хныкал хотел выйти…

Слезы снова наворачиваются у него на глаза, и Сугу бьет дрожь. Так дрожат испуганные собаки.

— Суга, моя комната наверху, я сейчас…

— Один… — (Бум!) — жалкий… — (Бум!) — пончик. Я открыл дверь, малыш выбежал быстро-быстро прыг-скок… — Суга жмурится от боли. — На футболке Бэтмен и Робин, такой малыш прямнасередину… дд-дороги… — Суга всхлипывает, задыхается от рыданий. — А явесьтакой какдурак, Миякэ. Не бросился спасать, нет, нет-нет-нет — я замерзамерзамер. Оцепенел, Миякэ. Видел. Слышал. Аудивизально. Машина. Тормоза. Маллыш. Бац, бац, бах. Малыш взлетел, прям как пакет с покупками, шмяк-плюх! шарвкегельбане кровьнадороге фломастер… — Суга впивается ногтями в лицо, будто хочет содрать с него кожу, и я хватаю его за руки, сжимаю ему ладони. Суга почти не сопротивляется. —

Мать, она… брос…бросилась мимоменя завыла… АааааааАаааааАаааааааааа… Я как побежал бежал бежал не останавливаясь, Миякэ, бежал… беги Суга беги У-БИЙ-ЦА… Суга-убийца. — Он тяжело сглатывает ком горя в горле. — Зря ты не отравил ананас… потому и кожа у меня как сырная терка. Я проклят. Перехожудорогу вижу малыша. Сновавижу малыша, вижувижу малыша. Проклят. Проклят. — Его глаза закрываются.

Понятно.

Беру ключ и волоком тащу Сугу вверх по лестнице:

— Вот туалет. Обоссышь мне футон[171], спалю все твои компьютеры огнеметом, понял? Суга? Ты меня слышишь?

Суга кивает и бормочет что-то нечленораздельное.

— Я буду внизу.

Внизу у кассы девушка в футболке, разрисованной коровами, держит стопку видеокассет — все фильмы с Брэдом Питтом, какие есть в салоне. Она смотрит на часы и тяжело вздыхает.

— Извините, что заставил вас ждать, — говорю я.

---

[171] Примечания: 171

Футон — спальный матрас с одеялом.

Она игнорирует мои слова. Слышу, как блюет Суга.

Он блюет раз — девушка с коровами недоумевает. Он блюет другой — девушка с коровами нарушает обет безразличия и вопросительно смотрит на меня. Он блюет третий — девушка с коровами спрашивает:

— Вы ничего не слышите?

Я смотрю на нее, как на буйнопомешанную:

— Нет, ничего. А в чем дело?

Она уходит, и я переставляю видеокассеты на стеллаже. Из туалета доносится звук сливного бачка, что успокаивает. Входит стайка посетителей. Я перестаю понимать, кто в «Бегущем по лезвию» человек, а кто — репликант. Интересно, как долго Суга носит на себе свое проклятие? Нельзя забывать, что у других тоже может быть боль в душе. Почти одиннадцать, а ночной прохлады как не было, так и нет. Наверху что-то глухо грохочет — ну, по крайней мере, не придется объяснять Бунтаро, откуда взялся труп. Слышу плеск и на миг мне чудится, что жара сменилась дождем, но потом до меня доходит, что происходит: Суга, верный своему ответу на вопрос трехнедельной давности, по пьяни и в самом деле легко может обоссать свои пальцы. Еще один подаро-

чек к утру. Включаю кондиционер на полную мощность, достаю из-под прилавка дневник деда и словарь иероглифов. Теплые отношения между Субару и Такарой, его младшим братом, резко отличаются от холодности между моим отцом и Такарой, моим дедом. Меня беспокоят «распри», на которые намекнул адмирал Райдзо. Мои тетки на Якусиме без стеснения пользовались мной как боекомплектом в своих бесконечных учтивых перепалках, и меня не покидает чувство, что я вот-вот снова окажусь в самом центре сражений.

♎

10 ноября 1944 г.

Скверная погода не позволяет выходить на мостик. Абэ напоминает, что мы — незаменимая составная часть кайтэн. Из-за сильной болтанки невозможно проводить регулярные инспекционно-профилактические работы. Экипаж «I-333» относится к нам с непонятной сдержанностью. Разумеется, определенная дистанция между нами и членами экипажа вполне естественна, но иногда их поведение граничит с холодностью. Например, из разговоров я узнал, что радист первого класса Хосокава вырос в Нагасаки. Как-то

раз, столкнувшись с ним в коридоре после ужина, я обратился к нему на нашем местном диалекте. Он вздрогнул и ответил мне очень официальным тоном. Когда Абэ предложил, чтобы пилоты кайтэн помогали с уборкой помещений, капитан Ёкота коротко ответил, что наше предложение великодушно, но об этом не может быть и речи. Абэ считает, что на нас смотрят как на своего рода богов и излишне благоговеют перед нами. Гото сказал, что три с половиной года постоянных погружений и глубоководных обстрелов подорвут душевное здоровье любого. Кусакабэ предположил, что они считают сумасшедшими нас. Это разозлило Абэ. Кусакабэ спокойно объяснил, что подводники постоянно играют в прятки со смертью, а мы намеренно стремимся к ней. Абэ вспомнил о своем чине и приказал Кусакабэ — и Гото — никогда больше не высказывать вслух ничего подобного, потому что такие заявления оскорбляют преданность и патриотизм тех, у кого мы в гостях. Я промолчал, чтобы не нарушать гармонию, но про себя согласился с Гото. Даже у самых молодых подводников глаза стариков.

11 ноября 1944 г.

Установилась хорошая погода. Ртуть в термометре поднимается по мере того, как теплеет

море. Если отсоединить кайтэн от корпуса подлодки, то снова их не установишь, поэтому у нас нет возможности совершать проверочные пуски. Но мы все равно забираемся в кайтэны, проверяем двигатель и другие системы, чтобы поддерживать их в рабочем состоянии. Больше всего мне нравится смотреть в перископ кайтэн на летящее мимо море, особенно когда «I-333» идет под водой. Мы продвигаемся к югу; я замечаю, как меняется фауна подводного царства. Например, сегодня я видел ламантина. Он проплыл мимо, как корова. Мы прошли сквозь стаю пестрых тропических рыб цвета ноготков, снега и сирени. После обеда появилась пара улыбчивых дельфинов. Они плыли рядом с нами, словно бы добродушно посмеиваясь над странной рыбой. Хоть бы судьба так же улыбнулась нашей миссии. Гото придумал загадку-шутку: «Если китайский бандит, американский империалист и английский генерал вместе спрыгнут с крыши, кто разобьется первым?» Никто не смог отгадать ответ, поэтому Гото дал его сам: «А какая разница?»

12 ноября 1944 г.

Собирается гроза, но дождя еще нет. Капитан Ёкота не стесняется в выражениях, критикуя на-

ше правительство, и это еще мягко сказано. Если бы такое заявил кто-то из гражданских, его наверняка арестовала бы секретная служба. Сегодня за ужином капитан открыл бутылку рома. Я знал об этом напитке только по детским книжкам про пиратов. Он определенно развязывает язык. Абэ пил меньше всех, он всегда мало пьет, а капитан Ёкота пил стакан за стаканом, будто холодный чай в жару. Сначала капитан Ёкота набросился на Адмиралтейство за то, что поражение в битве за Мидуэй[172] не просто скрыли, но и запретили о нем упоминать, вместо того чтобы извлечь из него урок. «Единственная стратегия, которую признает наше флотское командование, — если верить капитану Ёкоте, — это навязать противнику „решительные военные действия“, как в сражении при Цусиме с русскими. Но в этой войне такого не будет. Американцы не настолько глупы». Премьер-министра Тодзё[173] он обозвал «тупым солдафоном первой величины» из-за

[172] Примечания: 172

Битва за Мидуэй — крупное сражение Второй мировой войны близ тихоокеанского атолла Мидуэй в июне 1942 г., в котором флот США одержал решительную победу над Императорским флотом Японии, потерявшим 4 тяжелых авианосца и свыше 250 самолетов с лучшими пилотами.

[173] Примечания: 173

Тодзё, Хидэки (1884–1948) — премьер-министр и глава военного кабинета Японии с 1941 по 1944 г.

того, что тот приказал оккупировать необитаемые Алеутские острова[174] у побережья Аляски: «Зачем? Чтобы освобождать чаек от тирании англосаксов?» Принц Хигасикуни[175] «так глуп, что не сообразил бы, как вылить мочу из сапога, если бы инструкция была написана на подошве». Гото рассмеялся, Кусакабэ улыбнулся, а Абэ слегка покраснел. Я не знал, как реагировать. Капитан Ёкота убежден, что нефтяные месторождения Ост-Индии[176] остались бы территорией Японии, если бы военные действовали сообща, а не грызлись друг с другом и всерьез развивали бы радарные технологии. Сейчас нам приходится выпрашивать радарные установки у немцев. Он обвиняет императорскую армию в том, что она, не сообщая Верховному главнокомандованию,

---

[174] Примечания: 174

…оккупировать необитаемые Алеутские острова… — Острова Кыска и Атту были захвачены японскими вооруженными силами в июне 1942 г. как отвлекающий маневр от основной атаки, сосредоточенной на атолле Мидуэй.

[175] Примечания: 175

Принц Хигасикуни (Хигасикуни-но-мия Нарукихо, 1887–1990) — представитель младшей ветви императорского дома Мэйдзи, в 1941 г. возглавил Главное командование обороны, отвечавшее за оборону собственно японских островов; после капитуляции Японии в 1945 г. был назначен премьер-министром, но почти сразу ушел в отставку из-за конфликта с оккупационной администрацией.

[176] Примечания: 176

…нефтяные месторождения Ост-Индии… — Имеется в виду захват

японскими войсками территории Голландской Ост-Индии (современной Индонезии) в марте 1942 г.

использует подводные лодки как «тачки» для переброски войск, оказавшихся в безвыходном положении на Рабауле и других островах, захваченных американцами. Больше всего меня беспокоит твердое убеждение капитана в том, что наши секретные коды давно расшифрованы. Абэ неосмотрительно поторопился заметить, что эти коды разработаны криптологом из Токийского императорского университета и недоступны пониманию западного разума. Капитан Ёкота возразил, что ни один криптолог из Токийского императорского университета не нарывался в открытом море на засаду эсминцев, которым были точно известны координаты его судна.

♎

— Но что, если… — распутываю петли телефонного шнура. — Если ты права и смысл — это просто то, что «делает» разум, то почему у разных людей разный смысл жизни? Почему у некоторых его нет совсем? Или они о нем забыли?

— Опыт, влияние окружения, болезни, разводы. А что это там за шум?

— Суга храпит.

— А кошки способны так громко храпеть?

— Суга — это человек. В каком-то смысле.

— О! А Суга — это «он» или «она»?

Я тщетно пытаюсь уловить в ее голосе нотки ревности.

— «Он». Приятель. Выпил лишнего и не дошел до дома. Я разрешил ему лечь на полу, но он занял мой футон. Так что ты говорила?

— Уже не помню… А, вот, вспомнила. Хочешь, я скажу тебе что-то личное, о себе?

Я сажусь:

— Конечно хочу.

— У меня диабет первого типа. Вот уже тринадцать лет я каждый вечер колю себе в руку инсулин. Соблюдаю специальную диету. Если этого не делать, резко снизится сахар в крови. От острой гипогликемии я могу умереть. Смысл моей жизни в том, чтобы держать равновесие между смертью и сахаром. У тех, в чьи гены не встроена бомба с часовым механизмом, вряд ли будет такой же смысл жизни. Может быть, самое главное отличие между людьми в том, как они представляют себе, зачем живут.

Суга стонет во сне. Тлеет огонек моей сигареты.

— Ммм.

— Что с тобой сегодня, Миякэ?

Гашу сигарету в пепельнице из пивной банки.

— Для меня смыслом жизни всегда была встреча с отцом. А теперь, когда я вот-вот… в общем, что мне делать после встречи с ним?

— Почему тебя это сейчас волнует?

— Не знаю. Меня многое волнует, но я не могу себя остановить.

— Эйдзи Миякэ, я хочу с тобой переспать. Вот прямо сейчас.

Я давлюсь дымом:

— Чего-чего?!

— Я пошутила. Хотела доказать, что ты способен не волноваться, если захочешь. А между прочим, Дебюсси никогда не задумывался о смысле жизни.

— Дебюсси? Он из какой группы?

— Клод Дебюсси. Скажи, что ты шутишь.

— Клод Дебюсси… Он барабанил у Джими Хендрикса, верно?

— Не богохульствуй, даже в шутку, иначе орлы выклюют тебе печень. На завтрашнем прослушивании я исполню его пьесу. Хочешь сыграю?

— Конечно.

Это впервые.

В трубке слышен стук и шорох.

— Ложись и смотри на звезды.

— Ночное небо над Кита-Сэндзю — неоновое марево.

— Тогда я сыграю тебе «Et la lune descend sur le temple qui fut»[177].

— Пощади!

— «И луна озаряет развалины храма».

— Ты говоришь по-французски так же хорошо, как делаешь все остальное?

— Не забывай, я чуть ли не с шести лет мечтаю сбежать во Францию.

— Франция. Какой изысканный смысл жизни.

— Ш-ш-ш-ш-ш! Ты не услышишь звезд.

◆

На сковородке шипит масло. Неудачно разбиваю второе яйцо, обломки скорлупы впиваются в пальцы, в сковородку шлепается нечто спермоподобное. Мне нравится смотреть, как прозрачная масса подергивается белизной. Почти вовремя спасаю гренку, соскребаю гарь в раковину. Груда на моем футоне шевелится.

— Уууоооееааааиии.

---

[177] Примечания: 177

«Et la lune descend sur le temple qui fut» («И луна озаряет развалины храма») — пьеса французского композитора Клода Дебюсси (1862–1918) из Второй тетради сборника «Образы» (1907).

Суга — эта безобразная двоякодышащая рыба — с усилием приподнимает голову и обозревает капсулу. Гашу «Филипп Моррис» в скорлупе, раздвигаю шторы, и замызганное утро струится в комнату, на скопившуюся за три дня грязную посуду и груды носков и газет. Сугу красавцем не назовешь. Шея у него пунцовая, как вареный осьминог, а через все лицо тянется вулканическая гряда комариных укусов.

Он моргает:

— Миякэ? Что ты здесь делаешь?

— Я здесь живу.

— Да? А что я здесь делаю?

— Вчера ты здесь вырубился.

— Ох, ссать охота, как динозавру. Где сортир?

Я кивком показываю ему дорогу. Суга встает и идет отлить.

И льет, и льет. Наконец он выходит из туалета, зевает и застегивает ширинку.

— У тебя в сортире вонища похлеще, чем в Уэно. Как будто там кто-то долго блевал.

— А ты не хочешь яишенкой позавтракать? Она так хорошо зажарена, на вкусном маслице…

— Так это я вчера унитаз пугал?

— Ага, по большей части метко. В общем, заходи еще, всегда рад тебя видеть.

— Я готов выпить целый бассейн.

Я наливаю в пивную кружку воды из-под крана. Суга осушает ее одним глотком, длинным, как марафонский забег.

— Спасибо. А кофе есть?

Я отдаю Суге свой и ставлю на плитку новый ковшик с водой. Суга сворачивает футон тугим рулоном, садится за стол, пьет кофе, издает «ааааааааах» и опускает рукава рубашки, пряча экзему.

— Не знал, что ты играешь на гитаре. А малышка на качелях — твоя младшая сестра?

Он почти угадал.

— Да. — Я вываливаю яичницу на гренку, убираю мусор и сажусь завтракать.

— А тип в смешных темных очках — твой отец?

Желток растекается.

— Не совсем. Это Джон Леннон.

Суга потирает виски большими пальцами:

— А, да, слыхал о таком. Из *The Beach Boys*, верно? А где я вообще нахожусь?

— Над видеопрокатом в Кита-Сэндзю.

— Когда я сюда пришел?

— Вчера вечером, около одиннадцати.

— Ты живешь над своей работой? Наверняка

дорога отнимает очень много времени.

— Скажи спасибо, что недалеко. Вот если бы я не смог оттащить к себе твою тушу, то лежал бы ты в канаве и на тебя бы все собаки ссали. Как ты вчера сюда добрался? Доехал от станции на такси? На ногах ты стоял с трудом.

Суга беспомощно мотает головой:

— Я не помню.

Яичница удалась.

— А почему ты решил меня навестить?

Суга пожимает плечами:

— Миякэ, вчера, под мухой… надеюсь, я не наболтал каких-нибудь глупостей? Я как напьюсь, так несу всякую хрень. Если я чего-нибудь наговорил, в этом, ну, знаешь, не было ни слова правды. Сплошное вранье. Все, что я сказал. Или мог сказать.

— Логично.

— Но ведь я не говорил ничего, ну, из ряда вон, правда?

— Нет, Суга, ничего.

Суга уверенно кивает:

— Так я и думал. Ну, я и спиртное… ха!

Входит Кошка и тут же признает в Суге легковерного лоха.

— Привет, красавица! — Суга гладит Кошку, а

Кошка тем временем изучает, чем бы поживиться. — И зачем тебе общество этого сомнительного типа?

— Твоя благодарность безгранична.

— Почему ты ушел из Уэно всего через две недели после пожизненного приговора?

— По семейным обстоятельствам. А у тебя, э-э, сегодня семинары?

Суга пожимает плечами:

— Какой у нас сегодня день?

— Четверг.

— Я не знаю, чем сегодня займусь.

— А как же поиски Священного грааля?

— Да ну, ерунда. — Суга снимает очки, трет переносицу и почему-то сразу становится похож на шестидесятилетнего старика. — Совершенно бесполезная трата времени. Я забросил хакерство.

— Я не ослышался?

— Две недели назад я проник в Пентагон. И угадай, что я нашел?

— Священного грааля там не было?

Суга пятерней ерошит волосы:

— Девять миллиардов Священных граалей. Я заглянул в один. И обнаружил еще девять миллиардов Священных граалей. А в каждом из них?

— Девять миллиардов священных граалей?

Мне пора собираться на работу.

Суга вздыхает:

— Оказалось, что это розыгрыш какого-то нерда из госструктур. А время, потраченное на то, чтоб взломать проклятую пустышку — между прочим, на это ушли не часы, а месяцы, — можно было с тем же успехом провести, ковыряя пальцем в жопе. Так что компьютеры я больше видеть не могу.

— Так чем же ты занимаешься в университете?

— Я не занимаюсь. Я гуляю. Сплю.

— А может, поискать другой сайт для взлома?

Снимаю с карниза чистую футболку. Она сухая, но мятая — приходится включить утюг.

— Для хакеров, — вздыхает Суга, — ну, для лучших из них, поиски Священного грааля — это высший смысл хакерства, вот. Нехакерам этого не понять. Представь, что ты вдруг узнал, что твой отец — совсем не тот, кем ты его воображал. Ох, даже не хочется постить эту новость. Мне все равно не поверят. Подумают, что я переметнулся к противнику.

Добавляю очередную тарелку к коллекции в раковине и пытаюсь найти пару одинаковых носков. Ну, хоть примерно.

— Девять миллиардов Священных граалей и в каждом — девять миллиардов Священных граалей. — (Раскладываю гладильную доску.) — Прекрасный способ спрятать Священный грааль, — рассеянно замечаю я.

Суга открывает рот, хочет что-то сказать, но почему-то молчит. Гладит Кошку, которая издает девяносто урчаний в минуту. Утюг пышет паром. Суга снова открывает рот.

— Нет, — говорит он. — Я выборочно проверил сотни файлов грааля во всем документальном поле. Поиски Священного грааля — занятие бесконечное. И бессмысленное.

♎

13 ноября 1944 г.

Какая погода, неизвестно. Идем в режиме радиомолчания. Десять минут назад впередсмотрящие объявили тревогу — в нашу сторону направляется эскадрилья «Лайтнингов»[178]. Началась тщательно отрепетированная суматоха — экипаж готовил «I-333» к погружению.

---

[178] Примечания: 178

«Лайтнинг» — американский тяжелый двухмоторный истребитель «Локхид Р-38 Лайтнинг», использовавшийся на тихоокеанском театре военных действий во время Второй мировой войны.

«Впередсмотрящие, вниз! Погружаемся!» Погружаемся. Мы с Абэ, Гото и Кусакабэ вернулись к себе в каюту. «Задраить люки!» Балластный отсек наполнился морской водой. Воздух с пронзительным свистом вырвался наружу через бортовые клапаны. «I-333» накренилась на десять градусов. Лопаются электрические лампочки. В ушах звенит тупая боль. Теперь наша жизнь в руках экипажа. Мы погружаемся на максимальную глубину в 80 метров. Корпус «I-333» стонет — я никогда не слышал ничего подобного. Никто не смеет издать ни звука. Капитан Ёкота рассказывал, что, по слухам, противник опускает в море буи-гидролокаторы, с помощью которых акустические торпеды обнаруживают и уничтожают подлодки. Возможно, капитан Ёкота прав: мужество бойцам необходимо, но иногда его неплохо заменяет техника. Я постоянно думаю о толще воды над головой. Но больше всего на «I-333» я ненавижу запах: он оскорбляет мое обоняние всякий раз, как я спускаюсь с мостика. Пот, испражнения, гниющие продукты и люди. Люди, люди, люди. На берегу сюрпризам радуются. Они развеивают скуку и вносят в жизнь разнообразие. На борту подлодки сюрпризы смертельны. Я пишу эти слова, чтобы отвлечься. Абэ медитиру-

ет. Гото молится. Кусакабэ читает. Пилот кайтэн — самое опасное оружие в истории морских сражений, но каким же уязвимым я сейчас себя чувствую.

14 ноября 1944 г.

Погода портится. «I-333» уже на полпути от цели. Отношения между Абэ и Кусакабэ ухудшились. Вчера вечером Абэ предложил ему партию в шахматы, но Кусакабэ отказался.

— Странно, что пилот кайтэн боится проиграть, — заявил Абэ, вроде бы в шутку, но под шутками всегда скрывается нечто другое.

По-моему, Абэ раздражает, что Кусакабэ не делится с ним сокровенным. Кусакабэ молча закрыл книгу и разложил шахматную доску. Он разгромил Абэ, как ты разделался бы с шестилетним мальчишкой. На каждый ход ему требовалось не больше десяти секунд. Абэ обдумывал свои ходы гораздо дольше, мрачнел, но не желал признавать поражение. Кусакабэ трижды выводил свою пешку в ферзи, и всякий раз король Абэ уныло стоял в углу доски, ожидая своей неизбежной участи. Наконец Абэ опрокинул своего короля на доску и пошутил:

— Остается лишь надеяться, что свою миссию ты выполнишь с таким же успехом, с каким иг-

раешь в шахматы.

— Американцы — серьезные противники, лейтенант, — ответил Кусакабэ.

Мы с Гото опасались, что от словесных оскорблений они перейдут к действиям, но Абэ спокойно убрал шахматные фигуры.

— Американцы — изнеженная и малодушная нация. Янки во всем полагаются только на силу оружия.

Кусакабэ сложил доску:

— Мы проиграли войну, потому что наслушались своей же пропаганды. Она отравила наш разум.

Абэ разозлился, схватил шахматную доску и швырнул ее через всю каюту:

— Так почему же ты здесь, пилот кайтэн?

Кусакабэ с вызовом посмотрел на нашего командира:

— Смысл моей жертвы в том, чтобы помочь Токио договориться о менее унизительной капитуляции.

Абэ зашипел от злости:

— О капитуляции? Это слово — проклятие для духа Ямато! Мы освободили Малайю за десять недель! Мы бомбили Дарвин! Мы вышвырну-

ли англичан из Бенгальского залива![179] Наша военная мощь создала на Востоке содружество благоденствия, невиданное со времен Чингисхана! «Восемь углов мира под одной крышей»[180]!

Кусакабэ не выказал ни злости, ни покорности:

— Очень жаль, что дух Ямато[181] не придумал, как сделать так, чтобы эта крыша не рухнула нам на голову.

Абэ хрипло закричал:

— Твои слова позорят честь твоего мундира! Они оскорбляют твое подразделение! Будь мы на Оцусиме, я составил бы на тебя рапорт за подстрекательство! Речь идет о добре и зле! О проявлении божественной воли!

Кусакабэ ответил:

---

[179] Примечания: 179

Мы освободили Малайю за десять недель! Мы бомбили Дарвин! Мы вышвырнули англичан из Бенгальского залива! — Так называемое «освобождение Малайи» длилось с декабря 1941-го по февраль 1942 г., после чего Япония оккупировала британские протектораты Малайю, Сингапур, Северное Борнео и Саравак. Массированную бомбардировку Дарвина в феврале 1942 г. называют «австралийским Пёрл-Харбором», всего Япония совершила около 100 налетов на Австралию в 1942–1943 гг. Силы Императорского флота Японии в марте — апреле 1942 г. провели серию рейдов в Бенгальском заливе, разгромив британский Восточный флот у берегов Цейлона (Шри-Ланки).

[180] Примечания: 180

«Восемь углов мира под одной крышей» («Хакко итиу») — лозунг в поддержку политики территориальной экспансии Японии, популяризированный в конце 1930-х гг.; идеологическое оправдание агрессии

Японии против других народов и претензий на мировое господство.

[181] Примечания: 181

Дух Ямато (Ямато-дамасии, букв. «дух Японии») — термин для обозначения культурных ценностей и характеристик японцев; Ямато («великая гармония, мир») — древнее самоназвание Японского государства.

— Мы говорим о размере бомб. Я хочу потопить вражеский авианосец, но не ради тебя, лейтенант, не ради нашего подразделения, не ради благородных господ или этих клоунов в Токио, а потому, что чем меньше американских самолетов будут бомбить Японию, тем больше вероятность, что мои сестры доживут до конца этой дурацкой кровавой войны.

Правой рукой Абэ отвесил Кусакабэ две хлесткие пощечины, а левой нанес хук под подбородок. Кусакабэ пошатнулся и сказал:

— Очень убедительные доводы, лейтенант.

Гото встал между ними. Я потрясенно замер. Абэ плюнул в Кусакабэ и бросился вон из каюты, но на подводной лодке далеко не убежишь. Я намочил платок, чтобы приложить его к синяку, но Кусакабэ снова принялся за книгу, будто ничего не случилось. Он так спокоен, словно нарочно выводит Абэ из себя, чтобы тот от него отстал.

15 ноября 1944 г.

Погода: дождь и ветер, хвост тайфуна. У меня понос, но в лазарете мне дали отличное лекарство. Мы потеряли связь с «I-37», нашей братской подлодкой в этом плавании. Проверка всех систем кайтэн заняла почти весь день. После вчерашнего Абэ заговаривает с нами только в случае крайней

необходимости. Кусакабэ обращается к нему с неизменной вежливостью. Под заплывшим правым глазом Кусакабэ темнеет синяк. Гото сказал подводникам, что Кусакабэ упал с койки. Я спросил Кусакабэ, в силе ли еще его предложение дать мне почитать книгу английского кабуки, и он ответил, что да, и посоветовал мне пьесу о доблестном римском воине. Вот послушай: «И по мне тоже война — лучше мира; она — ясный день, а мир — это ночь. Война живит, веселит, полна слухов и россказней. А мир — будто сон или паралич: скука, пустота, глухота, вялость. В мирное время побочных детей больше родится, чем на войне людей гибнет»[182]. Я продолжал читать, даже когда в каюту вошел Абэ. Однако западные понятия о воинской доблести меня озадачили. Этот воин, Кориолан, рассуждает о чести, но когда понимает, что римляне предали его, то вместо того, чтобы совершить харакири, выразив тем самым свое негодование, он дезертирует и сражается на стороне врага! В чем же тут честь? Сегодня после обеда мы заметили

[182] Примечания: 182

«И по мне тоже война — лучше мира; она — ясный день, а мир — это ночь. á…ñ В мирное время побочных детей больше родится, чем на войне людей гибнет». — У. Шекспир. Трагедия о Кориолане. Акт IV, сц. 5. Перев. А. Смирнова.

американский транспорт, идущий без конвоя, но капитану Ёкоте дан строжайший приказ не выпускать обычных торпед, пока кайтэн не выполнят свое задание. Гото заявил, что вот лично он не проболтался бы Адмиралтейству, если бы капитан Ёкота пренебрег этим указанием. «I-47» передала сообщение о двух вражеских линкорах в двадцати километрах к юго-юго-востоку, и мы дали этому транспорту уйти. Ближе к вечеру мы с Гото сделали из картона модель военного корабля и отрабатывали углы захода на цель с воображаемым перископом. Потом Гото посмотрел на меня и сказал, просто, как будто о погоде:

— Цукияма, я хочу познакомить тебя с моей женой.

На этот раз он говорил всерьез. Он женился во время нашего последнего увольнения.

— Если она захочет снова выйти замуж после моей смерти, — сказал он, больше обращаясь к себе самому, чем ко мне, — я уже дал ей свое благословение. У нее может быть другой муж, но у меня никогда не будет другой жены.

Потом Гото спросил, почему я вызвался добровольцем в силы особого назначения. Тебе может показаться странным, что мы никогда не обсуждали это на Оцусиме или даже в Наре, но тогда

наши помыслы слишком были заняты «как», чтобы отвлекаться на «почему». Я ответил, и мой ответ неизменен: я верю, что проект кайтэн — именно то, для чего я рожден.

◆

Суга неуклюже спускается:

— Привет.

— Привет. — Я закрываю дневник. — Как самочувствие?

— Голова просто раскалывается.

— У моего босса где-то есть аптечка…

— У меня иммунитет к обезболивающим. Я отмыл твой туалет. Я еще никогда не мыл туалетов. Надеюсь, что нашел нужные тряпки и все такое.

— Спасибо.

Суга чихает и некоторое время смотрит на экран. Это американский фильм — в видеосалоне в основном американские, — который я выбрал наугад, он называется «Офицер и джентльмен»[183]. По надписям на коробке я решил, что

[183] Примечания: 183

«Офицер и джентльмен» (1982) — романтическая мелодрама Тейлора Хэкфорда о жизни курсантов военно-морского авиационного училища, в главных ролях Ричард Гир и Дебра Уингер; получила две премии «Оскар» (за лучшую мужскую роль второго плана и лучшую песню) и признана одной из величайших романтических кинокартин.

он может быть про войну в Тихом океане и про моряков, с которыми сражался мой двоюродный дед, но ошибся. Главный герой — у него физиономия страдающей крысы — застрял в лагере для новобранцев где-то в восьмидесятых.

— Что ж, — говорит Суга, — я понимаю, почему ты послал Уэно подальше. И это все, чем ты занимаешься? Целыми днями протираешь штаны перед экраном и смотришь фильмы?

— А ты целыми днями протираешь штаны перед мониторами своих компьютеров.

Суга рассматривает стеллаж с новинками:

— Видеопрокаты доживают последние дни. Скоро фильмы будут загружать из Сети, вот. В формате DCDi[184]. Технология уже существует, ждут только, когда рынок созреет. Кстати, как поживает кореяночка, которую ты выслеживал?

— Э-э, я ошибся, спутал ее с другой.

Криптонитово-зеленый джип, громыхая музыкой будущего, въезжает на тротуар. Лолита на пассажирском сиденье плюет вишневые

---

[184] Примечания: 184

В формате DCDi. — Имеется в виду технология «Directional Correlational Deinterlacing», разработанная американской компанией «Фаруджа» («Faroudja»), — процесс преобразования чересстрочного видеосигнала в прогрессивную (построчную) развертку; деинтерлейсинг встроен в большинство современных DVD-плееров, светодиодных телевизоров, приставок, компьютерных видеоплееров и профессионального видеооборудования.

косточки за окно, а в видеосалон стремительно врывается далай-лама; в одной руке у него пушистый белый хорек с розово-лаймовым галстуком-бабочкой, а в другой — три кассеты.

— «Ясон и аргонавты» нас взволновал, «Синдбад» напугал, а «Титаник» сразил наповал[185]. Мифы уже не те, что были. Я-то знаю, я сам их сочинял.

Я проверяю срок возврата и благодарю его. Далай-лама летящей походкой удаляется в пелену сентября, машет нам лапкой хорька на прощанье. Хорек зевает. Джип срывается с места, красное смещение превращает музыку в сдавленный писк. Суга смотрит вслед сквозь стеклянную дверь.

— Вот бы и мне такого друга. Звонил бы ему всякий раз, как почувствую себя долбанутым, сразу бы вспоминал, что я, в сущности, нормален. — Суга зевает, протирает очки краем футболки и выходит за порог, взглянуть на небо. — Итак, новый день.

---

[185] Примечания: 185

«Ясон и аргонавты» нас взволновал, «Синдбад» напугал, а «Титаник» сразил наповал. — «Ясон и аргонавты» (1963) — американский приключенческий фильм по мотивам греческих мифов (реж. Дон Чеффи); «Седьмое путешествие Синдбада» (1958) — американский приключенческий фильм по мотивам истории морехода из «Тысяча и одной ночи» (реж. Натан Юран); «Титаник» (1997) — американская мелодрама, получившая 11 премий «Оскар» (реж. Джеймс Кэмерон).

— Тут, в приемной, пока ждешь своей очереди на прослушивание, кажется, что попала в дурдом или на испытания методов психологической войны, — говорит Аи сквозь шум ветра в трубке, похожий на невнятный треск помех. — Музыканты хуже шахматистов мирового класса, которые пинают друг друга под столом. Парень из музыкальной школы Тохо[186] ест чесночный йогурт и читает французские ругательства по разговорнику. Вслух. Другой вместе с мамашей распевает буддистские мантры. А какие-то девицы обсуждают самоубийства в знаменитой музыкальной академии, там якобы студенты не выдерживают напряжения.

— Даже если твое исполнение будут судить в два раза строже, чем я вчера ночью, у тебя все прокатит на ура.

— Ты небеспристрастен, Миякэ. Здесь не выставляют баллов за красивые шеи. В конкурсе на стипендию Парижской консерватории невозможно «прокатить на ура». Тут надо продираться, ломая ногти, по трупам таких же юных дарова-

[186] Примечания: 186

…музыкальной школы Тохо… — Имеется в виду известная школа музыки Тохо Гакуэн, основанная знаменитым японским виолончелистом и дирижером Хидео Сайто в 1948 г., где готовят музыкантов по западной музыкальной традиции.

ний. Как гладиаторы в Древнем Риме, только здесь проигравший с поклоном и вежливой улыбкой поздравляет удачливого соперника. Играть для тебя по телефону — не то же самое, что выступать перед судейской комиссией, где все точь-в-точь как воскресшие злодеи, осужденные за военные преступления. А от них, между прочим, зависит мое будущее, моя мечта и смысл всей моей жизни. Если я провалю прослушивание, то до самой смерти буду давать частные уроки избалованным капризным девицам, которых куда больше интересует кошечка Китти[187].

— Будут и другие прослушивания, — вставляю я.

— Ты не то говоришь.

— Когда объявят результаты?

— Сегодня в пять, после того как выступит последний конкурсант. Завтра судьи возвращаются во Францию. Подожди, кто-то идет. — В трубке шуршит, шипят помехи, слышится приглушенное бормотание. — Через две минуты моя очередь.

Найди какие-нибудь сильные, ободряющие,

---

[187] Примечания: 187

…кошечка Китти. — «Hello Kitty» — популярный персонаж японской поп-культуры, антропоморфная белая кошечка с красным бантом на ухе, известный бренд всевозможной сувенирной продукции.

умные слова.

— Э-э, удачи.

От ходьбы ее дыхание меняет ритм.

— Я тут думала…

— О чем?

— О смысле жизни, конечно. Я нашла новый ответ.

— И что?

— Мы обретаем смысл жизни, сдавая или проваливая экзамены.

— А кто оценивает, сдашь ты или провалишься?

Эхо ее шагов, шорохи помех.

— Ты сам.

Посетители приходят и уходят. Фильмы о конце света пользуются большим спросом, их разбирают нарасхват, просто какое-то поветрие. Интересно, как прошло выступление Аи? Я всегда считал, что неплохо играю на гитаре, но по сравнению с Аи я — форменный дилетант. Входит измученная мамаша, просит фильм, который на часок утихомирил бы ее отпрысков. Перебарываю искушение подсунуть ей «Пам Тарарам — амстердамскую мадам» («Ну как, притихли ваши крошки?») и предлагаю «Небесный замок Лапута». Подхожу к двери — в небе горит опалово-карамельный

закат. Мимо проезжает «харлей-дэвидсон», взрыкивает, как лев на прогулке. Хромированная сбруя сверкает кометой, а за рулем сидит парень в кожаных брюках, футболке с фасонными прорехами и надписью «Я ОФИГЕННО КРУТ». На его армейском мотоциклетном шлеме красуется трафаретный мультяшный утенок. Его подружка, чьи прекрасные руки зарываются под футболку, а светлые волосы отливают янтарным блеском, не кто иная как Кофе. Кофе из отеля любви! Надутые губы, бесконечно длинные ноги. Я прячусь за рекламным плакатом с Кэном Такакурой[188] и смотрю, как мотоцикл лавирует в потоке машин. Точно, Кофе — или ее клон. Теперь я уже не так уверен. В Токио у Кофе миллионы клонов. Сажусь и открываю дневник деда. Что сказал бы Субару Цукияма о сегодняшней Японии? Стоило ли за нее умирать? Может быть, он сказал бы, что эта Япония не та, за которую он погиб. Япония, за которую он погиб, так никогда и не родилась. Одно из возможных будущих, которые настоящее рассмотрело и отвергло, равно как и другие

[188] Примечания: 188

Кэн Такакура (Гоити Ода, 1931–2014) — известный японский актер и певец, игравший в основном героев-одиночек, олицетворение «благородного якудза»; знаком российским зрителям по фильмам «Якудза» (1974, реж. Сидни Поллак) и «Черный дождь» (1989, реж. Ридли Скотт).

несбывшиеся мечты. Наверное, хорошо, что он не увидел ту Японию, которую в итоге воплотили. Я не знаю, с какой стороны подойти к разговору с дедом в понедельник. Жаль, что я не умею, как Даймон, оценивать ситуацию с разных точек зрения. Жаль, что адмирал Райдзо не дал мне подсказки. Должен ли я восхищаться самурайским духом и все такое? Важно ли это? Я просто хочу, чтобы дед познакомил меня с моим отцом. Ничего больше. Интересно, как бы я себя повел на той войне? Смог бы спокойно сидеть в брюхе железного кита, несущего меня навстречу смерти? Сейчас мне столько же лет, сколько было моему двоюродному деду, когда он погиб. Наверное, в то время я был бы не я. Я был бы совсем другим. Странная мысль: я создан не самим собой и не родителями, а Японией, рожденной окончанием войны. Субару Цукияма был создан Японией, погибшей при капитуляции. Наверное, трудно быть сыном обеих, вот как Такара Цукияма.

♎

18 ноября 1944 г.

Погода: тропическая жара, слепящее солнце. Утром я провел полчаса на смотровой площадке

перед перископами. Впередсмотрящий одолжил мне свой бинокль. Мы находимся в шестидесяти километрах к западу от атолла Улити. Самолет-разведчик с базы Трук сообщил, что там находятся двести судов противника, включая четыре авианосца. Эфир заполнили вражеские радиопередачи. Капитан Ёкота принял решение не дожидаться «I-37», поскольку связи с ней не было уже пять дней, а в непосредственной близости от противника слишком опасно устанавливать радиосвязь на сверхдлинных волнах. Надеюсь, «I-37» просто задерживается. Для пилотов кайтэн преждевременная гибель на подходе к цели стала бы слишком жестокой насмешкой судьбы. Мы пожелали «I-36» и «I-47» удачной охоты и повернули на восток, к архипелагу Палау. «I-333» подошла к острову Пелелиу примерно в 18:00. Архипелаг похож на неведомые края из древних сказаний, такой же чудесный и странный, как те воображаемые пейзажи, которые я рисовал в своих альбомах: коралловые атоллы, извилистые цепочки прибрежных скал, расселины и мысы, выдающиеся далеко в море; болота и песчаные отмели. Повсюду заметны следы недавних сражений. Четырнадцатая дивизия Квантунской армии скоро заставит врага дорого заплатить

за оккупацию этих островов. Местные военные базы и аэродромы были в числе наиболее подготовленных к войне, потому что архипелаг Палау находится в нашем управлении с 1919 года, с тех самых пор, как Лига Наций выдала Японии Южный Тихоокеанский мандат. Враг и не подозревает, какую цену ему придется заплатить за то, что он бросил якорь у пролива Коссоль. Впередсмотрящий заметил вражеский самолет-разведчик, и мы пошли на погружение. Поскольку наш сегодняшний ужин, по всей вероятности, будет последним, капитан Ёкота принес заводной граммофон и две пластинки. Я сразу же узнал одну из мелодий, которые любил слушать отец, прежде чем джаз запретили из-за разлагающего влияния на нравы. Музыканта зовут Дзю Кэрингутон[189]. Как странно слушать американский джаз перед тем, как убивать американцев.

19 ноября 1944 г.

Погода: ясно, на море спокойно. Тихая последняя ночь. «I-333» идет на перископной глубине. Мазута пообещал заехать в Нагасаки и передать

---

[189] Примечания: 189

Музыканта зовут Дзю Кэрингутон. — Японское произношение имени Дюк Эллингтон (Эдвард Кеннеди Эллингтон, 1899–1974) — американский джазовый композитор, пианист, руководитель джаз-оркестра, один из выдающихся джазовых исполнителей XX в.

этот дневник тебе в руки, Такара. Мои товарищи пишут прощальные письма родным. Кусакабэ спросил у Абэ совета насчет одного редкого иероглифа для своего хайку. Абэ ответил ему безо всякой злобы. Я не силен в поэзии. Мазута сейчас в последний раз проверяет наши кайтэн и их пусковые механизмы. Капитан Ёкота приближается к устью пролива Коссоль по широкой дуге. Мы помолились в кающе, отведенной под храм, и воскурили благовония в дар местному богу. Гото сжег свой картонный авианосец и принес в дар его пепел. Мы изучили картографическую схему района цели с замерами глубины. За прощальным ужином мы поблагодарили команду за то, что они доставили нас сюда живыми и невредимыми, и выпили за успех нашей миссии и за императора. Я в последний раз поднялся на мостик, полюбоваться луной и звездами, и выкурил сигаретку с вахтенным мичманом. Луна, полная и яркая, напоминала зеркало, перед которым матушка и Яэко накладывают косметику. Меньше чем через три часа эта луна позволит мне четко увидеть цель. Три часа. Все, что осталось мне пройти по дороге жизни, если не случится ничего непредвиденного. Теперь мои мысли заняты тем, как лучше использовать все свои умения и

навыки, чтобы нанести врагу смертельный удар. Сейчас я передам этот дневник Мазуте.

Проживи мою жизнь за меня, Такара, а я умру за тебя.

Живи долго, братишка.

◆

Я еще не слышал у Аи такого несчастного голоса и даже не предполагал, что он есть в ее репертуаре. Я глажу Кошку.

— Твой отец знает, как много значит для тебя консерватория?

— Этот тип прекрасно знает, как много она для меня значит.

— И он знает, как нелегко туда попасть?

— Да.

— Почему же он запрещает тебе поехать? Почему он не преисполнен гордости за дочь?

— Ниигата хороша для него, значит Ниигата должна быть хороша и для меня. Этот тип не употребляет слова «музыка». Он говорит «треньканье».

— А что думает твоя мама?

— Мама? Думает? Думать она разучилась еще в медовый месяц. Она только долдонит: «Пови-

нуйся отцу!» Раз за разом. Этот тип так долго заканчивал за нее предложения, что теперь и начинает их тоже. Она даже просит у него прощения за то, что вынуждает на себя кричать. Кстати, моя сестра вышла замуж за владельца крупнейшего цементного завода на побережье Японского моря только потому, что этот тип так захотел. И теперь она все больше и больше становится похожа на мать. Это ужасно. Она, видите ли, слышала, что над Австрией большие озоновые дыры, и поэтому…

— Австрией? Может, она имела в виду Австралию?

— Их знания об окружающем мире за пределами Японии ограничиваются расстоянием, на которое можно отплыть от берега. Извини, если я говорю слишком резко. Потом они натравили на меня брата. Он управляет филиалом семейной фирмы, так что можешь представить, как он мне посочувствовал. Заявил, что я разрушаю семейную гармонию. Что при моем диабете французская еда сведет меня в могилу — можно подумать, его волнует мой диабет — и что все это так расстроит маму, что у нее подскочит давление и лопнут сосуды. Тогда я буду виновата не только в том, что ослушалась этого типа, но еще

и в том, что свела мать в могилу. А что это там за шум? Снова Суга?

— На этот раз Кошка. Она тебе сочувствует, но не знает, как это выразить поубедительнее. Она надеется, что все закончится хорошо.

— Передай ей спасибо. Иногда я жалею, что не курю.

— Прижми рот к трубке — я вдохну в него дым.

— Подростки часто фантазируют, что их родители — не настоящие родители. Сегодня вечером я поняла почему. Понимаешь, этот тип не желает примириться с мыслью, что я могу обойтись без него. Он хочет править миром, как ему угодно. Боится, как бы его подчиненные не узнали, что он не в силах обуздать собственную дочь. Не семья, а стая песчаных блох! Честное слово, иногда мне хочется быть сиротой. Ох, Миякэ… извини, пожалуйста.

— Да не расстраивайся ты!

— Сегодня мой чип такта вышел из строя. Вот сейчас я выключусь и оставлю тебя в покое. А то все ною и ною, вот уже полчаса.

— Да хоть всю ночь ной! Правда, Кошка?

Кошка, большая умница, тут же мяукает.

— Слышишь? Давай ной дальше.

◆

В воскресенье вечером Бунтаро возвращается с Окинавы, и я говорю ему:

— Вы выглядите на пять лет моложе.

Это действительно так.

— Значит, если я съезжу в отпуск еще четыре раза, то буду выглядеть на двадцать один?

Он вручает мне брелок с Зиззи Хикару — как большинство наших кумиров, Зиззи родом с Окинавы, — которая сбрасывает одежду, если подышать на пластиковый корпус.

— Вот спасибо, — говорю я. — Будущая фамильная реликвия. Вы рады, что вернулись?

— Угу. — Бунтаро окидывает взглядом «Падающую звезду». — Нет. Да.

— Что ж. А Матико-сан понравилось?

— Даже слишком. Она хочет туда переехать. Завтра. — Бунтаро чешет в затылке. — Кодаи скоро родится… из-за этого начинаешь по-другому на все смотреть. Ты хотел бы вырасти в Токио?

Я вспоминаю письмо матери, то, которое про балкон.

— Нет, наверное.

Бунтаро кивает и смотрит на часы.

— У тебя, должно быть, скопилась куча дел, парень.

Это не так, но я понимаю, что он хочет поскорее

засесть за бумаги, поэтому отправляюсь к себе в капсулу и собираю грязное белье. Пытаюсь позвонить Аи, но никто не отвечает. Сегодня с верхних этажей доносятся адские звуки. Мужская ругань, визг младенцев, гул стиральных машин. Завтра понедельник — встреча с дедом. Ложусь на футон и начинаю разбирать три оставшиеся страницы дневника. Они написаны на другой бумаге, очень мелкими буквами. Читать их гораздо труднее. Верхняя часть страниц проштампована красным, по-английски: «SCAP»[190] — этого в словаре нет — и «Военный цензор». Штампы наполовину скрывают карандашную надпись по-японски: «…эти слова… моральная собственность… Такары Цукиямы…» И неразборчивый адрес в Нагасаки.

♎

20 ноября 1944 г.

Погода — неизвестна. Умер, но еще жив. Один в кайтэн. Последние шесть часов. В 02:45 капитан Ёкота пришел к нам в каюту — объявить, что атака кайтэн начнется через пятнадцать минут. Встали в круг и повязали друг другу хатимаки.

---

[190] Примечания: 190

SCAP (Supreme Commander of Allied Powers) — главнокомандующий силами союзников, то есть генерал Дуглас Макартур.

Гото: «Очередной учебный спуск, ребята». Абэ — Кусакабэ: «Мичман, в шахматы ты играешь как демон». Кусакабэ: «А ты бьешь левой как демон, лейтенант». Прошли по «I-333», поблагодарили экипаж за то, что нас доставили сюда. Отдали честь каждому. Пожали друг другу руки, забрались в кайтэн, каждый через свой шлюз. Мазута задраил за нами люки. Его лицо — последнее, что я видел. «I-333» погрузилась, чтобы как можно ближе подойти к цели. Радист первого класса Хосокава поддерживал с нами телефонную связь до самого пуска, докладывая обстановку. Абэ стартовал в 03:15. Слышал, как громыхнули зажимы. Гото стартовал в 03:20. Кусакабэ отплыл в 03:35. Следующие пять минут я размышлял о многом, было трудно сосредоточиться. Хосокава на диалекте Нагасаки: «Я буду думать о тебе. Да пребудет с тобой слава». Последние слова. Носовые зажимы отпущены. Завел двигатель. Хвостовые зажимы отпущены. Свободное плавание. Круто забрал влево, чтобы избежать столкновения с боевой рубкой и перископом. Проследовал на восток-юго-восток, держась на глубине пяти метров. Всплыл на поверхность в 03:42, чтобы уточнить местонахождение визуально. На фоне огней гавани четко виднелся вражеский флот.

Корабли для перевозки личного состава, танкеры, по меньшей мере три линкора, три эсминца, два тяжелых крейсера. Авианосцев нет, но прицелиться есть в кого. Американцы. Все жрут, спят, срут, курят, болтают. И я, их палач. Странное чувство. По стратегическому плану, разработанному на «I-333», первые кайтэн должны ударить по отдаленным целям. Пришлось выбирать наугад, как в детской считалке: «До-рэ-ни-си-ма-су-ка? Ками-са-ма-но-ю-то…»[191] — взрыв. Ударная волна, кайтэн закачалась. Навел перископ, увидел топливный танкер, лепестки пламени будто цветы сливы, дым заволакивал звезды. Второй взрыв. Оранжевый. Прекрасно, ужасно, глаз не оторвать. Взвились сигнальные ракеты, в проливе светло как днем. Ушел под воду, пока не заметили. Сон наяву. Не делать, но *быть*. Выбрал ближайший крупный корабль, сманеврировал, чтобы оказаться под правильным углом к цели. Клаксоны, шум двигателей, суматоха. Еще один сильный взрыв — кайтэн, глубинная бомба, не знаю. Патрульный катер? Вибрация ближе, ближе, ближе — погрузился на восемь метров — прошел мимо. Довольно сильный взрыв по правому борту.

[191] Примечания: 191

«Дорэ ни симасу ка? Ками сама но ю тори» («Какой ты выберешь? На то воля богов», *яп.*).

Одиночество — страшно, что братья оставят меня одного среди врагов чуждой расы. Снизил скорость до 2 км/ч, всплыл уточнить местонахождение. Огонь, дым, поражены две цели. Выбрал по очертаниям большой корабль точно на западе — легкий крейсер? Сто пятьдесят метров. В глаза ударил поисковой прожектор, но меня выручила суматоха на берегу. Погрузился на 6–7 метров. Увеличил скорость до 18 км/ч. Странное чувство полета. Резко остановился. Всплыл, последняя проверка. Крейсер прямо по курсу затмил ночь. Восемьдесят метров. Видел суетящиеся фигурки. Муравьи. Светлячки. Погрузился на пять метров. Включил боеголовку. Мысль: «Это моя последняя мысль». Открыл дроссель — максимальная скорость. Ускорение отбросило меня назад, сильно… приближение семьдесят метров, шестьдесят, пятьдесят, сорок, тридцать, двадцать, столкновение в следующую секунду, столкновение сейчас

Звон, будто храмовый колокол. Бешеное вращение — верх = низ, низ = верх, крутит, швыряет из стороны в сторону вверх вниз незакрепленные предметы летают я тоже. Легкие пусты. Так это смерть, думаю я, потом думаю, могут ли мертвые думать? Голову кольцом сжимает боль, все мысли стерты. Крен треск > сброс вниз > тряска

остановка. Рев двигателей, руль сломан, проворачивается под рукой, визг двигателей, жар, запах горящего масла — внезапно понимаю, что жив и должен заглушить двигатели, но они глохнут сами. Провал. Боеголовка не взорвалась. Кайтэн отскочила от корпуса = бамбуковое копье от стальной каски. Прицел перископа изрезал лицо, сломал нос. Прислушался к звукам с поверхности. Попытался взорвать тротил вручную, бил по корпусу гаечным ключом. Оторвал ноготь. От удара сломался хронометр. Минуты или часы, неизвестно. Чернота в перископе теперь синева. Фляжка с виски. Выпью, положу эти страницы во фляжку. Такара. Послание в бутылке в брюхе дохлой акулы. Знаешь эту песню, Такара?

Трупы плывут, вздутые трупы.

Трупы покоятся в бездне морской,

Трупы почивают в горных лугах,

Мы умрем, мы умрем, умрем за императора,

умрем безоглядно.

Покоюсь в бездне морской. Воздух заканчивается. Или мне кажется, что заканчивается. Уже? Меня могут найти ныряльщики — тайфун раскачает меня и вытолкнет на берег — останусь

здесь навсегда. Кайтэн — это не путь к славной смерти. Кайтэн — это погребальная урна. Море — могила. Не вините нас, тех, кто умер задолго до полудня жизни.

◆

— Безнадега, — отвечает какая-то женщина, не Аи. Уже за полночь, но, похоже, мой звонок ее не злит, а забавляет. У нее сильный акцент уроженки Осаки. — Извини.

— А могу я спросить, когда госпожа Имадзё вернется?

— Спросить-то можешь, но отвечу ли я — это другой вопрос.

— Когда госпожа Имадзё вернется? Пожалуйста!

— А теперь главная новость сегодняшнего вечера: Аи Имадзё призвана в родовое гнездо в Ниигате и отчаянно надеется, что ей удастся возобновить переговоры, которые зашли в тупик. Когда репортеры спросили непокорную госпожу Имадзё, как долго продлится саммит, нам было сказано: «Столько, сколько понадобится». Оставайтесь с нами!

— Значит, несколько дней?

— Теперь моя очередь. Ты — парень-каратист[192]?

— Нет. Я тот, кто бьет головой.

— Ага, он самый, парень-каратист. Приятно наконец услышать твой бесплотный голос. Это Аи называет тебя «тот, кто бьет головой», но, по-моему, «парень-каратист» смешнее.

— Э-э, наверное. Когда Аи вернется, не могли бы вы…

— От бабушки я унаследовала способность к телепатии. Я знала, что это ты звонишь. Ты не хочешь узнать, кто я?

— Вероятно, вы — та скромная и застенчивая девушка, с которой Аи снимает квартиру.

— В яблочко! Кхм. А на этот раз Аи встречается с человеком или ты еще один гремлин-психопат?

— Не то чтобы встречается… — Я заглатываю наживку. — «Гремлин-психопат»?

— Вот именно. Восьмидесяти процентам поклонников Аи прямая дорога в фильмы ужасов.

---

[192] Примечания: 192

Парень-каратист — отсылка к популярному американскому кинофильму «The Karate Kid» (1984, реж. Джон Эвилдсен, в российском прокате также «Малыш-каратист», «Карате-кид»).

Последний был Тварь из Черной лагуны[193]. Перепончатый, неповоротливый, влагонепроницаемый, ловил мух языком. Звонил в полночь и квакал до рассвета. Водил «вольво», носил блейзеры, раздавал диски с мадригалами собственного исполнения, а когда Аи просила сказать, что ее нет дома, грузил меня своими фантазиями. Мол, они с Аи сыграют свадьбу в токийском Диснейленде, а потом отправятся в турне по Афинам, Монреалю и Парижу вместе тремя сыновьями: Дилиусом, Сибелиусом и Йо Йо[194]. Однажды позвонила его мать, попросила телефон родителей Аи в Ниигате, чтобы начать переговоры о браке напрямую с производителем. Нам с Аи пришлось призвать на помощь воображаемого друга, бывшего боксера, которому впаяли срок за то, что он чуть не придушил ее предыдущего поклонника.

— Моя мать вам не позвонит, гарантирую. А…

---

[193] Примечания: 193

Тварь из Черной лагуны — чудовище из одноименного культового фильма ужасов, снятого американским режиссером Джеком Арнольдом в 1954 г.

[194] Примечания: 194

…вместе с тремя сыновьями: Дилиусом, Сибелиусом и Йо Йо. — Имена воображаемых сыновей — фамилии знаменитых музыкантов: английский композитор Фредерик Теодор Альберт Дилиус (1862–1934), финский композитор Ян (Юхан Юлиус Кристиан) Сибелиус (1865–1957) и американский виолончелист китайского происхождения Йо Йо Ма (р. 1955).

— Ты когда-нибудь работал в пиццерии, парень-каратист?

— В пиццерии? А что?

— Аи говорила, что с завтрашнего дня тебе нужна работа.

— Да, нужна. Но я никогда не работал в пиццерии.

— Не беспокойся. С этим и мартышка справится. Если честно, еще недавно мы брали на работу этих мохнатых обитателей джунглей. Время паршивое — с полуночи до восьми утра, — на кухне жарче, чем в солнечном ядре, но за ночную смену неплохо платят. Это в центре — пиццерия «Нерон», напротив того самого кафе «Юпитер», где был нанесен легендарный удар головой. Вдобавок будешь работать со мной. Аи говорила, как меня зовут?

— Э-э…

— Конечно же, обо мне она думает в последнюю очередь. Сатико Сэра. Как в «*Che sera, sera*[195], что будет ля-ля ля-ля…». Ну, как-то так. Сможешь начать завтра вечером? В понедельник?

---

[195] Примечания: 195

Что будет, то будет *(исп.). Как в «Che sera, sera, что будет ля-ля ля-ля…»* — Имеется в виду «Whatever Will Be, Will Be» («Что будет, то будет») — популярная эстрадная песня Джея Ливингстона и Рэя Эванса, впервые исполненная Дорис Дэй в фильме Альфреда Хичкока «Человек, который слишком много знал» (1956).

— Я не хочу отговаривать вас дать мне работу, которая мне так нужна, госпожа Сэра, но, может быть, сначала вам лучше со мной встретиться?

Сатико Сэра изрекает замогильным голосом:

— Эйдзи Миякэ, уроженец Якусимы… О тебе мне известно *все*…

◆

— Господин Миякэ? — В чайном зале «Амадеус» метрдотель перестает перебирать пальцами. Изгибает бровь; искусство метрдотеля заключается в умении выразительно двигать бровями. — Прошу вас, следуйте за мной. Цукиямы ждут вас.

Цукиямы? Неужели дед убедил моего отца прийти вместе с ним? Народу больше, чем в прошлый раз, — чьи-то поминки, многие посетители в черном, — и мне трудно сразу найти двух мужчин, пожилого и средних лет, похожих на меня. Поэтому, когда метрдотель отодвигает стул за столиком, где сидят женщина и девушка — моя сверстница, я уверен, что здесь какая-то ошибка. Брови метрдотеля подтверждают, что ошибки нет, и я замираю, как дурак, а дамы оценивающе смотрят на меня.

— Прикажете принести еще чашку, мадам? —

спрашивает метрдотель.

Женщина отсылает его со словами:

— Разумеется, нет.

Девушка в упор смотрит на меня презрительно-задумчивым взглядом — мол, а вдруг эта какашка застрянет в канализационной трубе? — а я запоздало замечаю некоторое сходство… Андзю! Пухленькая, с короткой стрижкой в завивке-гофре, насупленная Андзю. У нас одинаковые брови перышком.

— Эйдзи Миякэ, — говорит она, и я киваю, будто это был вопрос. — Жалкий, бесстыжий тип.

Внезапно меня осеняет. Это моя сводная сестра. Моя мачеха теребит бронзовое ожерелье на шее — такое массивное, что остановило бы удар топора, — и вздыхает:

— Давайте сделаем так, чтобы эта встреча прошла как можно быстрее и безболезненнее. Садитесь, господин Миякэ.

Сажусь. Чайный зал «Амадеус» отъезжает на задний план, будто на экране телевизора.

— Госпожа Цукияма, — я подыскиваю слова, чтобы выразиться повежливее, — благодарю вас за письмо, которое вы прислали месяц назад.

Притворное удивление.

— «Благодарю вас»? Вы пытаетесь иронизиро-

вать, господин Миякэ?

Я оглядываюсь по сторонам:

— Э-э… вообще-то, я ожидал увидеть здесь своего деда…

— Да, мы знаем. Ваша встреча была записана у него в ежедневнике. К сожалению, мой свекор не может прийти.

— А… понятно.

Они заперли его в шкафу?

У моей сводной сестры хлесткий голос.

— Дедушка скончался три дня назад.

Хрясь!

Мимо проходит официантка; на подносе — порции чизкейка с малиной.

Мачеха натянуто улыбается:

— Честно сказать, меня удивляет, что в прошлый понедельник вы не заметили, как он болен. Заставили его бегать по городу, развели какую-то дурацкую конспирацию. И наверняка очень гордитесь собой.

Ничего не понимаю.

— Я с ним никогда не встречался, тем более в прошлый понедельник.

— Врешь! — бросает моя сводная сестра. — Врешь. Мама же сказала, у нас есть его ежедневник. Угадай, чье имя там указано в записи о

встрече неделю назад!

Мне хочется залепить ей рот изолентой.

— Но в понедельник мой дед был еще в больнице.

Моя мачеха утомленно опускает голову на руки:

— Ваша ложь ставит нас всех в неловкое положение, господин Миякэ. Нам точно известно, что в прошлый понедельник мой свекор покинул больницу, чтобы встретиться с вами! Он даже не предупредил дежурную сестру, потому что его бы не выпустили. Ему было очень плохо.

— Я не лгу! Мой дед был слишком болен, поэтому прислал на встречу своего друга[196].

— Какого друга?

— Адмирала Райдзо.

Мачеха и сводная сестра переглядываются. Сводная сестра презрительно хихикает, мачеха улыбается, поджав напомаженные губы. Эти губы целуют моего отца.

— Ты встречался с дедушкой, — заявляет моя сводная сестра. — Но тебе не хватило ума его

---

[196] Примечания: 196

…дед… прислал на встречу своего друга. á…ñ *Адмирала Райдзо.* — Имеется в виду вице-адмирал Райдзо Танака (1892–1969) — по оценкам историков, один из лучших тактических командующих Императорского флота Японии в годы Второй мировой войны, прозванный американцами «несгибаемым».

узнать!

Мое самообладание на пределе. Я перевожу взгляд на мачеху, ожидая объяснений.

— Это последний розыгрыш моего свекра.

— Зачем моему деду притворяться каким-то адмиралом Райдзо?

Моя сводная сестра ударяет по столу кулаком:

— Он тебе не дед!

Я не обращаю на нее внимания. Мачеха злобно сверкает глазами:

— Он просил вас подписать какие-либо документы?

— Зачем, ну зачем моему деду выдавать себя за кого-то другого?!

— Вы что-нибудь подписывали?

Продолжать бесполезно. Завожу руки за голову, откидываюсь на спинку стула и изучаю потолок, чтобы успокоиться.

«Да, друг мой, плохи твои дела, — говорит Моцарт. — Выпутывайся сам. Я тут ни при чем».

Нестерпимо хочется курить.

— Госпожа Цукияма, к чему все эти распри?

— «Распри», — бормочет моя сводная сестра. — Очаровательное выражение.

— Как мне убедить вас, что я просто-напросто хочу встретиться с отцом?!

Мачеха наклоняет голову набок:

— Спокойнее, господин Миякэ…

Я не выдерживаю:

— Нет, госпожа Цукияма, я сыт по горло вашим спокойствием! Я не…

— Господин Миякэ, вы устраиваете…

— Заткнитесь и выслушайте меня! Мне не нужны ваши деньги! Мне не нужна ваша помощь! Я не собираюсь вас шантажировать! С чего вы взяли, что я буду вас шантажировать? Я устал метаться по городу, разыскивая собственного отца! Вам угодно презирать меня? Прекрасно, я это переживу. Но позвольте мне встретиться с ним — всего один раз! — и если он лично скажет, что не хочет меня видеть, так и быть, я исчезну из вашей жизни, начну жить своей собственной, как положено. Вот и все. Больше ничего. Неужели это так трудно понять? Я слишком много прошу?

Я опустошен.

Сводная сестра мнется в нерешительности.

С лица мачехи исчезает невыносимая усмешка.

Кажется, они меня все-таки услышали. Равно как и половина посетителей чайного зала «Амадеус».

— На самом деле — да, вы слишком мно-

го просите. — Мачеха наливает себе и своей толстухе-дочери слабый чай из рифленого чайника. — Допустим, я приму ваши заверения, что вы не желаете зла моей семье, господин Миякэ. Допустим даже, что я отчасти сочувствую вашему положению. Однако же это не меняет главного.

— Главного?

— Если говорить без обиняков, то мой муж не имеет ни малейшего желания с вами встречаться. Похоже, вы верите в какой-то заговор, цель которого — помешать вашей встрече. Это не так. Мы здесь не для того, чтобы вас запутать. Мы здесь для того, чтобы передать вам просьбу моего мужа. Он хочет, чтобы вы оставили его в покое. Он оказывал вам финансовую поддержку не ради того, чтобы вы лелеяли надежду на воссоединение с отцом. Он просто покупал себе право остаться для вас никем. Неужели это так трудно понять? Мы слишком много просим?

Мне хочется плакать.

— А что ему мешает сказать мне об этом лично?

— Если кратко, то… — Мачеха отпивает чай. — Позор. Ему стыдно за вас.

— Как может быть стыдно за сына, с которым отказываешься встречаться?

— Моему мужу стыдно не из-за того, кто вы, а из-за того, что вы собой представляете.

Один из посетителей в конце зала встает, резко отодвигая стул назад.

— Вы мучаете его, нас, да и себя самого. Прошу вас, перестаньте.

Официантка натыкается на стул. Чашки и порции чизкейка с малиной соскальзывают с подноса, тонкий фарфор разлетается звенящими осколками, шелестят сочувственные вздохи. Мачеха, сводная сестра и я вместе с ними смотрим в ту сторону. Метрдотель подлетает к месту происшествия, чтобы лично руководить уборкой. Покаянные извинения, заверения, распоряжения, губки для чистки ковров, совки для мусора. Шестьдесят секунд спустя от лавины чизкейков не остается и следа.

— О'кей, — говорю я.

— О'кей? — переспрашивает сводная сестра.

Я обращаюсь к женщине, которую отец выбрал себе в жены:

— О'кей, вы победили.

Она такого не ожидала. Я сам такого не ожидал. Она пристально вглядывается мне в лицо, ищет подвох. Никакого подвоха.

— Отец — просто тем, что сам он ни разу не

пытался встретиться со мной или написать мне, — уже давно ясно дал понять, как он ко мне относится. Я… не знаю… просто я не хотел в это верить. А теперь передайте ему, — в стеклянной слезинке вазы стоит абрикосовая гвоздика, — привет. Прощайте.

Мачеха не спускает с меня глаз.

Я встаю.

— Это тебе дедушка дал? — требовательно спрашивает сводная сестра и кивает на дневник пилота кайтэн, обернутый черной тканью. — В таком случае это собственность семьи Цукияма.

Я смотрю на анти-Андзю. Попроси она вежливо, я бы отдал.

— Это мой обед. Мне пора на работу.

Не оглядываясь, ухожу из чайного зала «Амадеус», уношу дневник с собой. Метрдотель вызывает лифт и кланяется, пока двери закрываются. В кабине я один. *The Carpenters* поют «Top of the World»[197]. От этой мелодии у меня сводит зубы, но нет сил ни на какие чувства, даже на отвращение. Я ошарашен своим поступком. Смотрю, как сменяются номера этажей. Уверен ли я в нем?

---

[197] Примечания: 197

Здесь: «Вершина счастья» *(англ.). «Top of the World»* («Вершина счастья») — песня американского поп-кантри-дуэта *The Carpenters* с их четвертого студийного альбома «A Song for You» (1972).

Отец не желает со мной встречаться… Значит, мои поиски… бесполезны? Окончены? Смысл моей жизни перечеркнут? И все-таки — да, я уверен в своем поступке.

— Первый этаж, — сообщает лифт.

Двери раскрываются, и внутрь вламывается толпа очень спешащих людей. Пробиваюсь к выходу, пока двери не закрылись, пока меня снова не унесло туда, откуда я пришел.

7. Карты

Сатико Сэра, мой третий босс за последние четыре недели, не преувеличивала: в «нероновской» пекарне жарко, как в преисподней, а с моей работой — сборка пиццы по картинкам — справилась бы даже мартышка. Пекарня крохотная, как крысиная нора, — пять шагов в длину и один в ширину; у входа отгорожен загончик со шкафчиками и стульями для разносчиков-мотоциклистов. Сатико и Томоми принимают заказы по телефону или у посетителей, которые просовывают бланки в окошечко над прилавком. Я выкладываю начинку на коржи в соответствии с названиями пиццы на огромной таблице во всю стену. Вместо надписей на таблице — цветные фотоснимки, для мартышек, которые не умеют читать. Так, например, в большом круге с надписью «Перестрелка в Чикаго» наклеены фотки томатной пасты, мясных тефтелек, колбасок, перца чили, сыра и красного и желтого сладкого перца; «Медовый месяц на Гавайях» — помидоры,

ананас, тунец, кокосовый орех; «Нерономан» — пеперони, сметана, каперсы, оливки и королевские креветки. Коржи тоже разные: толстые, хрустящие, с травами, с моцареллой. Начинки живут в громадном холодильнике величиной с пещеру, на каждый контейнер наклеена фотография содержимого. Выкладываешь на коржи нужные начинки и засовываешь пиццы в двухколейную газовую геенну. Ролики транспортера протаскивают их сквозь раскаленное нутро печи со скоростью около десяти сантиметров в минуту, хотя, если заказов много, можно ухватить пиццу щипцами и помочь ей преждевременно появиться на свет.

— Весь фокус в том, чтобы правильно рассчитать время, — объясняет Сатико, собирая волосы в хвост. — В идеале пицца кладется в коробку в ту же секунду — бланк заказа прикрепляют к крышке, вот так, — когда разносчик возвращается с предыдущего вызова.

Через полчаса Сатико оставляет меня одного. В общем-то, работать весело, а заказы сыплются один за другим и не прекращаются даже между часом и двумя ночи, поэтому, в отличие от бюро находок в Уэно и «Падающей звезды», у меня нет времени на раздумья. Наши заказчики

— студенты, заядлые картежники и бизнесмены, работающие ночи напролет: Синдзюку — это ночные джунгли. Пью воду литрами, обливаюсь литрами пота, а отлить даже не тянет. Кроме всего прочего, здесь есть вытяжка — шумная, как двигатель парома, — и радиоприемник, который ловит только местную станцию, застрявшую где-то в восьмидесятых. Измызганная карта мира издевательски напоминает рабам преисподней о всех тех странах — и о женщинах разных цветов кожи, — куда им попасть не дано. Стрелка настенных часов дергается вперед. Сатико именно такая, какой я ее представлял себе по телефону: безалаберная и организованная, взбалмошная и невозмутимая. Томоми — злая ведьма, она работает в «Нероне» с тех самых пор, как черные корабли адмирала Перри вошли в Токийский залив[198], и отнюдь не собирается нарушать размеренность своей жизни ради повышения в должности. Она болтает по телефону с друзьями, заигрывает с разносчиками, выбирает

[198] Примечания: 198

…корабли адмирала Перри вошли в Токийский залив… — Мэттью Кэлбрейт Перри (1794–1858) — коммодор ВМС США, который добился подписания Канагавского договора (1854), первого дипломатического соглашения между Японией и США, положившего конец двухвековой самоизоляции Японии от внешнего мира; его эскадра прибыла в Токийский залив в июле 1853 г.

всевозможные курсы, на которые никогда не записывается, и роняет прозрачные намеки на роман с хозяином «Нерона» энное число лет назад и на вред, который она могла бы причинить его браку, окажись милая ее сердцу гармония под угрозой. Ее голос способен резать листовую сталь, а смех громкий, заливистый и фальшивый. Разносчики каждую неделю меняются; сегодня работают Онидзуки и Дои. У Онидзуки гвоздик пирсинга в нижней губе и соломенно-желтые волосы; вместо «пицца-неронской» униформы он носит косуху с черепом. Когда Сатико знакомит нас, он говорит:

— Тот тип, что раньше здесь работал, все время путал заказы. Клиенты меня с дерьмом мешали. Не путай заказы.

Он родом из Токоху и до сих пор не избавился от северного говора, вязкого, как нефть, так что самое невинное замечание можно принять за угрозу и наоборот. Дои почти старик. Ему за сорок, он прихрамывает, а на лице — выражение распятого Христа. Страдальческий рассеянный взгляд, будто заставка на экране компьютера, не слишком много волос на голове, зато с избытком на подбородке.

— Не дрейфь, мэн, — говорит он. — Онидзука

свой в доску. Починил мне байк и не взял ни иены. Травку куришь?

Я отвечаю «нет», он грустно качает головой:

— Эх, ну и молодежь пошла! Тратите лучшие годы впустую, потом будете жалеть, мэн. А у тебя есть друзья, которые любят тусоваться? Могу предложить качественный товар по разумной цене, ненавязчиво…

За перегородку заглядывает Томоми — у нее дар подслушивать.

— Ненавязчиво? Ну да, примерно так же ненавязчиво, как если бы над императорским дворцом зависло НЛО с милю шириной и на весь мир заиграло музыку из «Миссия невыполнима»[199].

В три часа ночи Сатико приносит мне кружку крепчайшего кофе — такого густого, что в него можно втыкать карандаши, — и тело забывает об усталости. Онидзука сидит в загончике у входа и больше со мной не заговаривает. Дважды выхожу подышать, стою у двери в пиццерию, курю «Джей-пи-эс». Отсюда открывается великолепный вид на «Паноптикум». Заградительные

[199] Примечания: 199

…музыку из «Миссия невыполнима». — Имеется в виду культовый сериал американского телеканала Си-би-эс (1966–1973); музыкальная тема, написанная композитором Лало Шифриным, использована также и в серии одноименных кинофильмов (1996–2018).

сигнальные огни мигают от заката до рассвета. Прямо как в Готэме[200]. Оба раза геенна призывает меня обратно прежде, чем я успеваю докурить. Жду, когда «Клуб здоровья» — спаржа, сметана, оливки, ломтики картофеля, чеснок — выберется из геенны, а в окошечко заглядывает Дои:

— Миякэ, а знаешь, как я голоден?

— Как ты голоден, Дои?

— Я так голоден, что готов отрубить и схрумкать свой собственный палец.

— Ну, тогда и впрямь голоден.

— Дай-ка нож.

Корчу недовольную мину: мол, а нельзя ли без этого.

— Давай нож, мэн, я умираю от голода.

— Только осторожно, он очень острый.

— Еще бы! Другого мне не нужно, мэн!

Дои кладет большой палец левой руки на разделочную доску, приставляет к нему лезвие ножа, а кулаком правой руки бьет по рукояти. Лезвие рассекает сустав. На стол хлещет кровь. Дои шумно вздыхает:

---

[200] Примечания: 200

Заградительные сигнальные огни мигают от заката до рассвета. Прямо как в Готэме. — Имеется в виду Готэм-Сити, вымышленный город из вселенной Бэтмена, мрачный мегаполис, где действие происходит в основном ночью.

— Ну вот, и почти и не больно!

Правой рукой он берет отрубленный палец и втягивает в рот. Чпок. Я давлюсь воздухом. Дои медленно жует, определяя, как оно на вкус.

— Хрящей много, мэн, а вообще-то, ничего! — Он выплевывает обглоданную косточку, белую и блестящую.

У меня все валится из рук. В окошечке появляется Сатико — я тычу пальцем, тяжело сглатываю.

— Дои! — укоризненно говорит она. — Тоже мне, примадонна! Что, нашел новую аудиторию? Извини, Миякэ, я забыла предупредить, что у Дои есть хобби — школа фокусников.

Дои принимает оборонительную стойку кунг-фу:

— Священная академия иллюзионистов — это больше чем хобби, командирша. Наступит день, и перед «Будоканом» выстроятся очереди, чтобы попасть на мое представление. — Он машет передо мной двумя невредимыми большими пальцами. — По глазам видно, что этому котяре Сиякэ явно не хватает волшебства.

— Миякэ, — поправляет Сатико.

— И ему тоже, — заявляет Дои.

Я не знаю, как на это реагировать, — просто радуюсь, что кровь оказалась всего лишь томатным

соком. Пять часов. Утро выходит на старт. Сатико просит приготовить несколько порций мини-салата — я мою латук и помидоры-черри. Заказов на пиццу снова становится больше — кто же ест пиццу на завтрак? Но прежде, чем я успеваю это узнать, Сатико возвращается и заявляет голосом верховного судьи:

— Эйдзи Миякэ, властью, данной мне императором Нероном, и принимая во внимание ваше примерное поведение, я прерываю ваше пожизненное заключение на шестнадцать часов. Тем не менее в полночь вам надлежит вновь явиться в данное исправительное учреждение для отбывания следующих восьми часов каторги.

Я недоуменно морщу лоб:

— В смысле?

Сатико показывает на часы:

— Уже восемь. Ты домой собираешься или как?

Дверь пиццерии открывается. Сатико косится на нее и смотрит на меня многозначительно: мол, ага, попался.

— За воротами узника ждет посетитель.

…Аи говорит, что ей все равно куда, только не в кафе «Юпитер», и мы идем по Синдзюку в поисках места, где можно позавтракать. Разговор поначалу не клеится — мы ведь не встречались

с того самого дня в кафе «Юпитер», хотя на прошлой неделе проболтали по телефону, должно быть, больше суток.

— Если влажность усилится, — решаюсь я, — то будет настоящий дождь.

Аи поднимает лицо к небу:

— По-моему, уже и так дождь.

Из Ниигаты она приехала автобусом вчера вечером и очень устала с дороги. Я весь потный и всклокоченный, как постель в борделе. Ну, мне так кажется.

— Ты разобралась с отцом?

Аи хмыкает.

— Безнадежно. Я так и знала, что будет… — начинает она.

Произношу положенные слова в положенное время, но, как обычно, когда со мной обсуждают родителей, мне кажется, что я выслушиваю рассказы о состоянии какого-то жизненно важного органа, который у меня отсутствует. И все же мне ужасно нравится, что Аи пришла за мной и предложила позавтракать вместе. Мы проходим мимо крошечного храма. Она останавливается, смотрит на деревья, ворота-тори, соломенные канаты

и бумажные свитки. Перед статуей Дзидзо[201] — апельсин, бутылка виски «Сантори» и ваза с хризантемами. Погруженный в молитву старик.

— Музыканты суеверны?

— Это зависит от инструмента. Струнники — с технической точки зрения пианисты тоже к ним относятся — могут позволить себе роскошь репетировать, пока не получится так, как нужно, а любые ошибки, которые мы все же делаем, обычно заглушаются оркестром. Гораздо тяжелее тем, кто играет на духовых инструментах — деревянных и особенно медных. Как бы хорошо ты ни играл, одна неудачная нота — и божественная Девятая симфония Брукнера[202] превращается, как говорил наш дирижер, в оглушительный пердеж. Почти все, кто играет на духовых, по утрам пьют кофе и закусывают бета-адреноблокаторами вместо печенья. А специалисты по пицце с Якусимы суеверны?

— Последний раз я был в храме, э-э, чтобы сне-

---

[201] Примечания: 201

Дзидзо (Кшитагарбха) — в буддизме один из четырех наиболее почитаемых бодхисатв; в Японии считается покровителем дорог и путешественников.

[202] Примечания: 202

Девятая симфония Брукнера — так называемая «Готическая» или «Неоконченная» симфония № 9 ре минор австрийского композитора Антона Брукнера (1824–1896), создававшаяся в 1887–1896 гг. и оставшаяся незавершенной.

сти голову богу.

— Молнией?

— Нет, ножовкой из набора юного плотника.

Она видит, что я говорю серьезно.

— Этот бог не дал тебе того, чего ты хотел?

— Этот бог дал мне именно то, чего я хотел.

— И поэтому ты отпилил ему голову?

— Ага.

— Мне нужно быть осторожней с исполнением твоих желаний.

— Аи Имадзё, я, Эйдзи Миякэ, клянусь, что никогда не отпилю тебе голову.

— Ну, тогда ладно. А почему тебя не отправили в исправительную колонию для малолетних за разрушение религиозных памятников?

— До сегодняшнего дня я никому об этом не рассказывал.

Аи окидывает меня взглядом, который может иметь девяносто девять значений. Над входом в «Макдональдс» висит электронное табло с количеством свободных мест — цифры на нем мигают, изменяясь по единице то в ту, то в другую сторону. Наверное, там в сиденья вмонтированы датчики. Аи просит меня занять столик на втором этаже, а сама становится в очередь. Я так устал, что даже спорить не могу. В «Макдональд-

се» воняет «Макдональдсом», но, по крайней мере, это зловоние заглушает мое собственное — зловоние Миякэ, немытого кухонного раба. На втором этаже расположилась стайка медсестер-практиканток — они курят, жалуются друг другу на жизнь и визжат в мобильники. Я подсчитываю деньги, которые только что заработал, и усталость отступает. Сейчас в «Макдональдсе» европейские недели — на стене висит видеоэкран, на котором медленно сменяют друг друга виды Рима, а усыпляющая музыка затягивает, как водоворот. На верхней ступеньке лестницы появляется Аи с подносом, оглядывает зал. Надо бы помахать, но мне нравится на нее смотреть. Черные легинсы, небесно-голубая футболка под шелковой рубашкой цвета спелых ягод и серьги с янтарной лавой. Если бы Аи была медсестрой, я бы сломал себе какую-нибудь важную кость, лишь бы попасть к ней в палату.

— У них кончился шоколадный коктейль, — говорит она. — Я взяла банановый. А у тебя, я вижу, фетиш на медсестер.

— Они, должно быть, э-э, ходят за мной по пятам.

Аи вставляет соломинку в крышку моего коктейля.

— Ага, размечтался. Кстати, от тебя воняет сыром. Сатико говорит, что среди ваших покупателей много медсестер — у них практика через дорогу. Вот то серое здание — больница Сэнсо-дзи.

— А я думал, тюрьма. Ты будешь только зеленый чай?

— Зеленый чай — это все, что мне по расписанию можно до обеда.

— О, я опять забыл. Извини.

— Не извиняйся. Диабет — это болезнь, а не грех.

— Я не имел в виду…

— Успокойся, успокойся: я знаю. Ешь.

Под окном течет мощный поток трутней: государственные служащие спешат добраться до своих письменных столов раньше, чем начальник отдела усядется за свой.

— Когда-то, давным-давно, — говорит Аи, — люди строили Токио. А потом что-то изменилось, и теперь Токио строит людей.

Я жду, когда струйка коктейля растворится на языке.

— Ну, продолжим. Значит, твой отец сказал, что если ты поедешь в Париж, невзирая на его запрет, то в Ниигату можешь не возвращаться.

— А я сказала, что хорошо, если ему так угодно.

— Значит, ты не поедешь в Париж?

— Я поеду в Париж. И никогда не вернусь в Ниигату.

— Твой отец действительно имел в виду то, что сказал?

— Его термоядерная угроза предназначалась матери, а не мне. «Если хочешь, чтобы в старости за тобой ухаживала дочь, заставь ее остаться». И вскоре после нашей беседы он отправился играть в патинко. Мать разразилась шквалом рыданий, чего он и добивался. Я вот думаю: в каком веке мы живем? В горах близ Ниигаты есть деревни, куда жен завозят с Филиппин партиями по двадцать человек, потому что как только местные девушки становятся совершеннолетними, то садятся на самый быстрый синкансэн[203] и уезжают подальше. Мужчины не могут понять почему.

— Значит, ты победила. Ты едешь в Париж.

— В немилости, но да, еду.

Я закуриваю «Джей-пи-эс».

— Ты очень стойкая, Аи.

Она качает головой:

— Для меня большая загадка, почему существу-

---

[203] Примечания: 203

Синкансэн — «поезд-пуля» на высокоскоростных железных дорогах Японии.

ет такая разница между тем, как тебя воспринимают другие и как ты сам себя воспринимаешь. По-моему, это ты стойкий. По-моему, я такая же стойкая, как твой коктейль, который, кстати, на девять десятых состоит из свиного жира. Я очень хочу, чтобы родители гордились мной. Настоящая стойкость — это когда тебе не нужно постоянное одобрение других.

На римском балконе при свете заходящего солнца девушка ставит подсолнухи в терракотовую вазу. Она замечает оператора с камерой, морщится, надувает губы, встряхивает волосами и исчезает. Аи опускает в кипяток чайный пакетик, вытаскивает его, потом снова опускает…

— Честное слово, они, кажется, были бы счастливее, если бы я окончила двухгодичные курсы визажистов в каком-нибудь женском колледже, вышла замуж за стоматолога и произвела на свет выводок младенцев. Музыка. Ты питаешься ею, но и она питается тобой.

Я жую месиво из жареной картошки.

— Ну, по сравнению с семейством Миякэ твоя семья — просто фон Триппы из «Звуков музы-

ки»[204].

Аи крутит пакетик в чашке.

— Фон Траппы.

У нашего столика возникает девчушка лет пяти и смотрит на Аи:

— Как малыши попадают в мамины животики?

— Их приносят аисты, — говорит Аи.

Девочка с сомнением смотрит на нее:

— А где аисты их берут?

— В Париже, — говорю я, и Аи наконец улыбается.

На лестнице появляется отец девочки с подносом еды в ярких обертках, и она убегает. Судя по всему, он хороший отец.

Аи смотрит на меня. Я представляю, каким ее лицо будет в глубокой старости и каким оно было в раннем детстве. Так долго я еще никому не смотрел в глаза с тех самых пор, как мы с Андзю играли в гляделки. Будь это в фильме, а не в «Макдональдсе», мы бы поцеловались. Но то, что происходит сейчас, сближает нас еще

---

[204] Примечания: 204

...твоя семья — просто фон Триппы из «Звуков музыки». — Имеется в виду мюзикл Ричарда Роджерса и Оскара Хаммерстайна (1959) и одноименный фильм режиссера Роберта Уайза (1965), основанные на автобиографической книге Марии фон Трапп «История семейства фон Трапп».

больше. Преданность, горе, хорошие новости, плохие дни.

— О'кей, — наконец произношу я.

Аи не спрашивает: «Что о'кей?» Сцарапывает квадратик на скретч-карте «Мактериякибургер».

— Ой, я выиграла робота-трансформера и «хеппи-мил» с индюшатиной. Это хорошая примета. А можно я куплю тебе в подарок новую бейсболку?

— Эту мне подарила Андзю, — отвечаю я, прежде чем успеваю передумать.

Аи недоуменно морщит лоб:

— Кто-кто?

— Моя сестра-двойняшка.

Аи недоумевает еще больше:

— Ты же говорил, что ты — единственный ребенок.

Отступать поздно.

— Я солгал. Только один раз. И хочу это исправить. Вообще-то, я много чего хочу тебе рассказать. Со мной связался мой дед — между прочим, из-за объявления, которое ты посоветовала, — а потом явились моя мачеха и сводная сестра. Правда, было больше похоже на засаду, чем на встречу. А еще я понял, что поиски того, кто явно не хочет меня видеть, хоть он мне и отец, принесут одни разочарования, поэтому я

бросил это… Что с тобой?

Аи в изнеможении вздыхает:

— Миякэ, ты в своем репертуаре!

Я пытаюсь понять:

— В каком смысле?

Аи постукивает себе по лбу костяшками пальцев:

— О'кей. Начни с сестры-двойняшки. А потом про мачеху. Вперед.

В «Падающую звезду» я возвращаюсь около полудня, чуть ли не по воздуху, невесомый, как световая волна. Аи в колледже до самого вечера, но зайдет ко мне в капсулу завтра… Среда… Останавливаюсь, вспоминаю, какой сегодня день недели. Думаю об Аи девяносто раз за час. Мы с ней очень смешно прощались в Синдзюку и безнадежно заблудились, потому что я шел за ней, а она — за мной. Сегодня прогулка от станции Кита-Сэндзю доставляет мне удовольствие. Кусты, осенние деревья, малыши с мороженым в прогулочных колясках — сегодня все они скрашивают уродство Токио.

— Доброе утро, Эйдзи-кун, — весело говорит Матико. — От тебя несет сыром.

Она смотрит фильм Бита Такэси, где действие

происходит на Окинаве[205].

— Хороший режиссер, но только очень классный актер способен хорошо сыграть плохую роль.

Матико показывает отпускные фотографии и дарит одну, которая мне понравилась: апельсиновая роща на склоне холма, исчезающая за пеленой дождя. Потом начинает расспрашивать меня про «Нерон». У нее особый дар внушать собеседнику, что он ей интересен, — я чуть не рассказываю ей про Аи, но боюсь скатиться в сопливую романтику, да и говорить пока особенно не о чем, поэтому я поднимаюсь к себе в капсулу.

— Эйдзи-кун! Я забыла вам отдать! Сегодня утром принесли.

Я спускаюсь взять пакет — маленький пухлый конверт, меньше просто не бывает. Адресат — господин Фудзин Йода[206] — кто-кто? — проживает в Хакодатэ на Хоккайдо. На лицевой стороне

---

[205] Примечания: 205

Она смотрит фильм Бита Такэси, где действие происходит на Окинаве. — Бит Такэси — псевдоним Такэси Китано (р. 1947), японского кинорежиссера и актера; на острове Окинава разворачивается действие его фильмов «Точка кипения» (1990) и «Сонатина» (1993).

[206] Примечания: 206

…господин Фудзин Йода… — Вымышленное имя составлено из двух: Фудзин — бог ветра в синтоистском пантеоне, а также персонаж видеоигры «Mortal Kombat», Йода — персонаж «Звездных войн», Гранд-мастер ордена джедаев.

конверта штамп: «АДРЕСАТ НЕИЗВЕСТЕН». На обороте в графе «ОТПРАВИТЕЛЬ» красуется наклейка с моим именем и адресом.

— Что-то не так? — спрашивает Матико.

Вовремя спохватившись, отвечаю:

— Ничего.

И все же что-то не так — я этого письма не отправлял. Захожу в капсулу, и изодранное в клочья кухонное полотенце вытесняет из головы таинственный пакет, — очевидно, Кошка рассердилась на то, что ей пришлось коротать ночь в одиночестве. Хочется верить, что до моих рубашек она все-таки не доберется. Принимаю душ, подбираю с пола лоскуты и наигрываю на гитаре «All You Need Is Love»[207] в версии Хаулин Вулфа[208]. Мне бы падать от усталости, но сна ни в одном глазу. Вспоминаю про загадочное письмо. Вскрываю. Внутри — лазерный диск, обернутый в письмо. Выковыриваю из пласт-

---

[207] Примечания: 207

«Все, что тебе нужно, — это любовь» *(англ.)*.

[208] Примечания: 208

…«All You Need Is Love» в версии Хаулин Вулфа. — «All You Need Is Love» («Все, что тебе нужно, — это любовь») — песня *The Beatles* с их девятого студийного альбома «Magical Mystery Tour» («Волшебное таинственное путешествие», 1967); Хаулин Вулф (*англ.* Howlin’ Wolf, «воющий волк») — псевдоним Честера Артура Бернетта (1910–1976), американского блюзмена и гитариста, одного из основоположников чикагской школы блюза; этой битловской песни, насколько известно, не играл.

массовой формочки кубики льда, высыпаю их в стакан, заливаю водой. Люблю слушать, как они шипят и потрескивают, когда начинают таять.

Токио
1 октября

Меня зовут Кодзуэ Ямая. Даже если мой рассказ о последних девяти годах моей жизни покажется вам неправдоподобным или жестоким, умоляю, дочитайте его до конца. У вас в руках мое завещание. Прошу вас стать моим душеприказчиком.

Окончания довольно просты, но любое начало берет начало в том, что началось еще раньше. Пожалуй, я начну с одного вечера в сезон дождей, девять лет назад. В те дни меня звали Макино Матани. Домохозяйка с двухлетним сыном и мужем – владельцем финансовой компании. Недавняя выпускница коммерческого факультета престижного женского колледжа в Кобэ. На Новый год обменивалась поздравительными открытками с подругами по колледжу, которые были замужем за стоматологами, судьями

и государственными служащими. Шла обычная жизнь. Наступил сезон дождей. Я отчетливо помню последние мгновения: сынишка играл с пластмассовым паровозиком, а я оттирала душевую кабину от плесени, которая всегда появляется в сезон дождей. В новостях по телевизору говорили о наводнениях и оползнях в западной Японии.

Раздался звонок. Я приоткрыла дверь, на нее тут же навалились трое и сорвали цепочку, которой муж приучил меня пользоваться. Потребовали, чтобы я сказала, где скрывается мой муж. Я потребовала, чтобы они представились. Тогда один из них ударил меня по лицу с такой силой, что выбил зуб.

– Мы – судебные исполнители по делу твоего мужа, – прорычал он, – и вопросы задаем мы!

Двое обыскивали дом, а третий смотрел, как я успокаивала плачущего сына, и грозил искалечить ребенка, если я не скажу, где муж. Я позвонила мужу на работу; мне ответили, что утром он сказался больным и не пришел. Его мобильный

телефон был отключен, пейджер тоже не отзывался. Я была на грани истерики. Один из бандитов налил мне стакан виски, но я не могла даже глотать. Сын смотрел на это, испуганно раскрыв глаза. Два бандита сложили в коробку какие-то мужнины вещи и мои драгоценности и только после этого сообщили мне по-настоящему дурные вести. Муж задолжал свыше пятидесяти миллионов иен кредитной организации, за которой стояли якудза и которая теперь значилась бенефициаром в нашем страховом полисе, а в случае неуплаты долга наш дом и все остальное имущество становились ее собственностью.

– А имущество включает и вас, – сказал самый злобный бандит.

Сына увели в другую комнату. Мне объявили, что я несу ответственность за долги своего мужа. Меня избили и изнасиловали. Сфотографировали надругательство, чтобы «гарантировать повиновение». Ради сына я молча терпела все унижения. Если бы я отказалась подчиняться, то фотографии разосла-

ли бы по всем адресам в моей записной книжке.

Месяц спустя я жила в клетушке без окон где-то в районе Бураку в Осаке. Меня отправили в бордель, отрабатывать мужнин долг. Не было ни единой возможности ни связаться с внешним миром, ни покинуть помещение. Я должна была «обслуживать» клиентов. Возможно, вы не поверите, что в двадцать первом веке в Японии существует сексуальное рабство. Вашему неведению можно только позавидовать, но сексуальное рабство не только безнаказанно существует, но и процветает именно благодаря неверию публики. Я и сама не поверила бы, что «уважаемых» женщин можно превратить в проституток, но владельцы борделей – мастера своего дела. У меня отобрали все, что принадлежало моей прежней жизни или напоминало о ней, – все, кроме сына. Мне позволили взять сына с собой, чтобы я не покончила жизнь самоубийством. Мои клиенты знали о том, что я подневольная пленница, и это придавало остроты их удовольствиям, ведь, измываясь надо

мной, они становились соучастниками преступления. Но самой прочной была еще одна, последняя стена между мною и окружающим миром – то, что психологи называют «синдромом заложника». Я твердо уверовала в то, что заслужила свою участь и что в издевательствах надо мной нет ничего противозаконного. Теперь я была «шлюхой» и не имела никакого права уповать на помощь матери или старых приятелей, поскольку навлекла бы на них позор. Нет, пусть лучше считают, что я вместе с мужем-банкротом сбежала за границу. Вместе со мной в борделе было еще шесть женщин, причем трое с детьми младше моего сына. Тот, кто меня изнасиловал, стал нашим сутенером. Нам приходилось выпрашивать у него еду, лекарства и детские подгузники. Он снабжал нас наркотиками в строго отмеренных дозах, причем вкалывал их нам собственноручно, чтобы мы «не переусердствовали». Мы придумали себе новые имена и вскоре отстранились от прошлого, смирившись с новым образом жизни. Тем не менее все мы мечтали

расправиться с нашим «хозяином» – потом, в неопределенном будущем, когда получим свободу, – хотя понимали, что никогда не посмеем вернуться в Осаку. За детьми мы присматривали по очереди, пока остальные «развлекали» клиентов. Сутенер пообещал, что тех, кто отработает сумму задолженности, отпустят на все четыре стороны, поэтому чем усерднее мы угождаем клиентам, тем быстрее освободимся. Осенью выпустили женщину, которая провела в борделе два года. Ну, мы думали, что ее выпустили.

Меня «освободили» раньше, потому что на следующий год у меня случился нервный срыв. Клиенты нажаловались сутенеру, что я им не угождаю. Как ни странно, тот поговорил со мной по-доброму. Сочувствие было еще одним оружием в его арсенале. Он якобы посоветовался с кредиторами и получил разрешение той же ночью перевезти нас с сыном в место поспокойнее. Он предложил отметить это событие джином с тоником.

Я очнулась, завернутая в одеяло. В душной темноте сознание мутилось от

наркотиков. Сына рядом не было. На мне была ночнушка из борделя. На миг почудилось, что я похоронена заживо, но, ощупав все вокруг, я сообразила, что лежу в багажнике. Я нашла какой-то лом, и в конце концов мне удалось выбраться. Машина стояла в запертом гараже. В боковом зеркале я увидела отражение сутенера и похолодела. Он вроде бы спал. Потом я заметила, что у него дыра на месте носа. Кто-то сунул ему в ноздри дуло пистолета и нажал на спусковой крючок. Мой сын пропал. Я бросилась к выходу, но не сделала и пары шагов, как ко мне вернулась способность соображать. Я оказалась неведомо где, без гроша в кармане; все знакомые считали, что я исчезла. Мои нынешние «хозяева» наверняка решили, что меня похитили или убили те же бандиты, которые расправились с сутенером. Поразмыслив, я вернулась к машине и обшарила карманы его пиджака в надежде найти бумажник. В дорожной сумке обнаружилась пухлая пачка иен. Десятитысячные банкноты. Никогда в жизни я не видела столько денег. Я выбралась

из гаража и поняла, что нахожусь в центральной больнице Осаки – именно там, где смертельно бледная женщина в ночнушке не вызовет никаких подозрений.

Не стану подробно описывать, как я жила после этого: приюты для женщин, дешевые гостиницы, банковские счета на вымышленные имена. Поиски сына стали смыслом моей жизни. О муже я больше не вспоминала, но наняла частного детектива, чтобы собрать сведения о группировке якудза, которая удерживала меня в заточении. Спустя неделю детектив вернул аванс, поскольку ему посоветовали не связываться с этим делом. Впрочем, он оказался человеком совестливым и предложил мне место секретаря-бухгалтера в своем агентстве – очень мудрый ход, потому что его клиентура на три четверти состояла из женщин, которые нанимали его выслеживать неверных мужей, чтобы при разводе требовать больше денег. Они предпочитали обсуждать неприглядные подробности с женщиной, поскольку супружеская измена чем-то сродни гинекологии. Они

рекомендовали наше агентство своим приятельницам, и наш бизнес пошел на подъем. Я помогала боссу в расследованиях. Женщины – все равно что невидимки, даже для самых подозрительных мужчин. (Вдобавок я выяснила, что хозяева борделя уничтожили всю информацию обо мне и моем сыне. Я стала женщиной, которой не существует.) Жизнь в борделе меня не только изломала, но и закалила. Спустя три года мой босс предложил мне стать его партнером, но вскоре умер от рака, и я взяла дело в свои руки. Все это время я собирала данные об организации, которая уничтожила Макино Матани с сыном и породила Кодзуэ Ямая. Эта организация огромна, безымянна и многоголова. У нее нет названия. В нее входит более шести тысяч человек. Я втерлась в доверие к ее лидерам, собирала для них всевозможную информацию, меня даже приглашали на свадьбы их детей. Положение «почти своего человека» давало мне более широкий доступ к их секретам и отводило подозрения.

Моего сына убили, чтобы продать его

органы чрезвычайно богатым отчаявшимся родителям из японской элиты. Внутренний рынок приносит самые большие доходы, потому что заинтересованные родители заплатят любые деньги за органы японского происхождения, но экспорт в Восточную Азию, Северную Америку и Россию тоже очень велик. Детей и женщин, которые попадают в бордели, в конце концов убивают ради органов. На диске, вложенном в конверт, содержатся списки имен, фотографии и анкетные данные тех, кто возглавляет эту организацию; представителей судебной власти, которые защищают их; хирургов, которые выполняют грязную работу; политиков, которые прикрывают их; бизнесменов, которые отмывают их деньги; а также таможенников и курьеров, которые осуществляют перевозку органов.

Завтра второе октября. В этот день я сделаю публичное заявление и передам эти сведения своим людям в полиции и средствах массовой информации. Случится одно из двух: либо в СМИ поднимется шум, а политическую и общественную

жизнь Японии сотрясет невероятный скандал, волны которого прокатятся от больниц Кюсю до здания парламента; либо меня убьют те, кого я хочу разоблачить. В этом случае копии диска и мое письмо будут отправлены тем, кого я выбрала по самым разным причинам.

Поймите: у вас в руках письмо покойницы. Мне не удалось отомстить мерзавцам, которые похищают женщин и детей, чтобы разобрать их на органы. Я всецело полагаюсь на вас. Действуйте осмотрительно, так, как велит вам ваша совесть. Я уже ничего посоветовать не могу – моя отчаянная попытка оказалась безуспешной. Якудза – это девяносто тысяч человек, государство в государстве. Если вы просто обратитесь в полицию, то подпишете себе смертный приговор. Вы получили козырную карту, хотя и не собирались вступать в эту чрезвычайно опасную игру. Но ради успокоения души Эйдзи Матани, моего безвинно убитого сына, и душ бесчисленных жертв, прошлых, настоящих и будущих, я заклинаю вас действовать.

Очень прошу вас.

Кодзуэ Ямая

Почему я? У нас с ее сыном одно и то же имя, из одинаковых иероглифов: «эй» — чары, «дзи» — мир. Я никогда раньше не сталкивался с таким сочетанием, но не может быть, чтобы Кодзуэ Ямая включила меня в список доверенных лиц только из-за этого совпадения. Перебираю воспоминания о нашей первой встрече, ищу хоть какую-то подсказку, но так ничего и не нахожу.

И выяснить это уже невозможно.

Я кричу вниз:

— Матико? Сегодня в газетах есть какие-нибудь скандальные новости?

— А что? — говорит Матико. — Ты разве не знаешь?

— О чем?

Матико читает заголовок на первой странице:

— «ПРИСТУП ОТКРОВЕННОСТИ ВЛИЯТЕЛЬНОГО ПОЛИТИКА: „Я НЕ БЕРУ ВЗЯТОК!“ КОЛЛЕГИ ПОТРЯСЕНЫ ЧЕСТНОСТЬЮ МИНИСТРА!»

Выдавливаю улыбку и закрываю дверь. Итак, Кодзуэ Ямая погибла. Мне очень жаль эту измученную женщину, которая приходила ко мне в обитель сказок. Но ввязываться в это дело глупо.

Хранить диск у себя — самоубийство. Я кладу его в тот уголок своего жилища, куда заглядываю реже всего, — в коробку презервативов под кучей носков; пусть лежит, пока я не придумаю, что с ним делать. Если ни сегодня, ни завтра мне в голову не придет стоящего решения, лучше всего будет бросить диск в реку и надеяться, что кто-нибудь другой окажется мудрее и храбрее меня. В смятении представляю, как все мы, жалкие трусишки, выстраиваемся рядком на мосту и дружно выбрасываем диски в реку. Меняю воду для Кошки, включаю вентилятор, расстилаю футон и пытаюсь уснуть. Я не спал уже двадцать часов, но госпожа Ямая не выходит у меня из головы. Похоже, мне предстоит странная неделя. Я уже ощущаю ее железную хватку. Глухие удары пульса. Несокрушимое копье разит непробиваемый щит.

◆

Прихожу на работу. Вторник на последнем издыхании. Пока надеваю поварской фартук и белую бандану, рождается среда. Группа таксистов, отработавших смену, заказывает огромное количество пиццы, будто для корпоративной

вечеринки, и девяносто минут я работаю без передышки. Наш коротковолновый приемник перескакивает с частоты на частоту, как ему заблагорассудится, попадает на станции, вещающие на китайском, испанском и еще каких-то языках.

— Ого, даже на тагальском, мэн, — заявляет Дои. — Стратосферный эфир сегодня ночью гиперчист, мэн. Носом чую.

В ожидании, пока геенна разрешится от бремени его пиццей, он сидит в загончике и курит самокрутку. Трет себе глаз:

— Миякэ, мне что-то попало вот сюда, в самый уголок. Дай зубочистку, а, мэн?

Игнорируя дурные предчувствия, передаю зубочистку.

— Спасибо.

Дои зубочисткой оттягивает веко вниз.

— Бесполезно. Может, ты глянешь? Кажется, в глаз мошка влетела.

Я подхожу и приглядываюсь. Вдруг Дои чихает, дергает головой, и зубочистка вонзается в глазное яблоко. Мне в лицо бьет тугая струйка белой жидкости.

— Ой! — визжит Дои. — А-а-а! Вот так всегда!

Я замираю как вкопанный, не в силах поверить,

что действительность может быть так нелепа. В окошечке появляется Сатико. Я бессвязно бормочу, но она мотает головой, и я замолкаю.

— Купиться раз — это простительно, Миякэ, но дважды купится только простофиля. Дои, если ты потратишь впустую еще хоть одну упаковку сливок для кофе, я вспомню, что я — госпожа Помощник управляющего, и урежу тебе жалованье. Я не шучу.

Дои посмеивается, и я понимаю, что меня снова провели.

— Слушаю и повинуюсь, командирша.

Сатико взывает к неким высшим силам над нашей геенной:

— Это что, моя карма — быть надзирательницей в психушке, жизнь за жизнью, снова и снова, пока не сделаю все как надо? Миякэ, двойной «Титаник», толстый корж, двойная порция акульего мяса.

Я кладу в коробку пиццу для Дои. Он удаляется с победоносным видом. Я размышляю о письме госпожи Ямаи. Томоми проскальзывает в загончик на один из своих бесконечных «кофейных перерывов», рассказывает про свою бурную жизнь (ее любимая фраза) и спрашивает, уверен ли я, что Аи не имитирует оргазм, когда мы за-

нимаемся сексом, потому что, например, когда у самой Томоми был роман с господином Нероном, ей нередко приходилось имитировать бурную страсть, ведь в постели мужчины такие неуверенные в себе. Томоми действует на меня, как тарантул в трусах. Она подпиливает себе ногти и настойчиво требует ответа. Меня в какой-то степени спасает внезапно залетевшая к нам оса размером с игрушечный вертолет. Томоми визжит: «Убей ее! Убей!» — убегает за прилавок и захлопывает окошечко. Целую минуту оса с жужжанием нарезает круги по пекарне, изучающе поглядывая на меня фасеточными глазами, и приземляется на Лаос. Я краем глаза слежу за пиццей, не могу сосредоточиться, но лучше уж оса за компанию, чем Томоми. Забираюсь на тумбочку у стены и накрываю Юго-Восточную Азию пластмассовой коробкой. Оса гудит пронзительным трубным гласом и пытается пробить дыру в пластмассе. Меня вдруг охватывает нестерпимый зуд, и вместо того, чтобы временно запереть осу в переносную темницу и потом выпустить, я нервно сдвигаю коробку к отверстию вытяжки в стене. Трубный глас смолкает с едва слышным хрустом.

— Последний киногерой[209], — замечает Онидзука, теребя гвоздик в нижней губе.

Он всегда возникает из ниоткуда, будто призрак, а говорит так тихо, что мне чуть ли не приходится читать по губам. Он кивает в сторону геенны, где лежит пицца, в ожидании, когда ее упакуют.

— Это «Эскимос Квин»[210] для Ка-дэ-дэ[211]? Если доставлю холодную, клиенты меня дерьмом обольют.

Окошечко приоткрывается.

— Убил? — спрашивает Томоми в щелку.

— С осой все в порядке, — отвечает Онидзука. — А вот Миякэ порубило в фарш, когда он пытался удрать от нее через вытяжку.

Томоми картинно заходится смехом, стараясь меня поддеть. Онидзука берет коробку с пиццей и молча выходит. Минуту спустя возвращается

---

[209] Примечания: 209

Последний киногерой... — ироническая отсылка к фильму Джона Мактирнана «Last Action Hero» (1993) с Арнольдом Шварценеггером в главной роли.

[210] Примечания: 210

«Эскимос Квин» — отсылка к названию песни Боба Дилана «Quinn the Eskimo (Mighty Quinn)» (1967), получившей широкую известность в исполнении британской группы *Manfred Mann*.

[211] Примечания: 211

Ка-дэ-дэ — то есть телекоммуникационная компания КДД («Кокусай дэнсин дэнва»).

Дои — между прочим, вчера он прихрамывал на левую ногу, а сегодня подволакивает правую, — и Томоми рассказывает ему про осу. Наркоторговец и королева зла принимаются обсуждать, виновен ли я в убийстве живого существа.

— Это обычная оса, — говорю я. — Там, откуда она взялась, их полным-полно.

Томоми это не устраивает.

— Там, откуда мы взялись, людей тоже полным-полно. По-твоему, это оправдывает убийства?

Довод ужасно глупый, особенно если вспомнить, что Томоми сама визжала как резаная: «Убей ее! Убей!» — поэтому я отворачиваюсь и смотрю, как пиццы ползут сквозь геенну. Когда я снова прислушиваюсь к разговору, Дои с Томоми рассуждают о воронах.

— Говори, что хочешь, — заявляет Томоми, — но вороны — очень милые птицы.

Дои мотает головой:

— Вороны — это фашисты с крыльями, мэн. Привратник в нашем доме как-то отогнал одну метлой. На следующий день эта самая ворона спикировала на него и расклевала в кровь всю макушку, мэн. Прикинь, какая-то ворона — и напала на привратника! Просто жуть. Как будто природу вдруг перемкнуло, мэн!

Томоми точит карандаш для век и открывает карманное зеркальце.

— Слабаки — пища для сильных.

◆

От Уэно до Кита-Сэндзю легко доехать даже в часы пик, потому что в идущих туда подлодках нет никого, кроме тех, кто возвращается с ночной смены, да миллиардеров-эксцентриков. Подлодки, что направляются в сторону Уэно, стонут под грузом людей. Токио — это циклическая модель Большого взрыва, порождающего вселенную. Взрыв происходит в пять вечера, и людскую материю отбрасывает к окраинам, но в пять утра она, подчиняясь силе притяжения, стремится обратно к центру, чтобы успеть к очередному взрыву. Мои поездки не подчиняются токийским законам природы. Я весь какой-то измотанный. Я разуверился в отце, и к этому трудно привыкнуть. Сегодня ко мне в капсулу приедет Аи, сразу после репетиции, часов в пять вечера. Для нее — ужин, для меня — завтрак. К моему облегчению, она вызвалась приготовить еду сама — из-за диабета ей приходится следить за своим питанием. А фраза «ограниченный набор» применительно к моему

кулинарному репертуару прозвучала бы неумеренным бахвальством. Я иду от Кита-Сэндзю в «Падающую звезду». На небо наползает странная туча. Велосипедисты, женщины с детскими колясками, таксисты останавливаются поглядеть на нее. Половина неба — чистейшая октябрьская лазурь, другая половина — темная клубящаяся воронка грозовых облаков. Порывы ветра взвихряют и уносят полиэтиленовые пакеты. Бунтаро уже сидит в видеосалоне, подбивает баланс после недельного отсутствия. Он смотрит на меня и принюхивается.

— Знаю, — говорю я. — Знаю, от меня несет сыром.

Бунтаро с невинным видом пожимает плечами и возвращается к калькулятору. Я плетусь к себе. Кошка желает мне доброго утра и выскальзывает в свое кошачье измерение. Я мою ее миску, меняю воду, принимаю душ и ложусь вздремнуть, прежде чем навести порядок к приходу Аи.

Лицо прикипело к подушке. Язык — кусок пемзы. Слюна стекает по нему, как по желобу, прямо на наволочку. У стола стоит Аи, нарезает морковь и яблоки. На миг мне чудится, что мы с Аи поженились и она готовит ужин для наших девятерых детей, — но тут до меня доносится

аромат яблок. И мускатного ореха. Кошка вылизывает лапы и наблюдает за мной. Бунтаро пропускает Аи наверх, она стучит, я глубоко сплю и не просыпаюсь, Бунтаро подтверждает, что я дома, Аи заглядывает, видит меня, выходит и покупает продукты для салата. Жизнь может быть сплошным блаженством, когда захочет. Похоже, Аи мне доверяет, если остается со мной наедине, когда я одет — или раздет — в общем, какой уж есть. То, что мне доверяют, делает меня достойным доверия. Морковь прекрасно сочетается с яблоками. Аи измельчает грецкие орехи — до этой минуты я не обращал особого внимания на грецкие орехи, — добавляет изюм и посыпает всем этим латук. На ней старые джинсы и линялая желтая футболка, светлее, чем ее кожа, а волосы подобраны кверху. Вот ее сказочная шея. Аи собирает очистки в мешок для мусора. На ней очки в толстой черной оправе — странно, но они ей идут. Она никогда, никогда не старается произвести впечатление, что меня очень впечатляет. У нее в ухе серебряная пиратская серьга.

— Эй, каннибал с острова Кюсю, — говорит Аи; я понимаю, что она знает, что я за ней наблюдаю, и звучащие во мне аккорды меняются со звонкого ля-бемоля на дребезжащий ре минор. — Почему

ты хранишь письма в морозилке?

— Осторожней, — говорит Аи. — По-моему, в этих костях может быть рыба.

— На вкус чудесно.

— Ты живешь на одной моментальной лапше?

— Мою диету разнообразит пицца — благодаря «Нерону». Ты не против, если я доем салат?

— Давай, а не то умрешь от цинги. Ты никогда не говорил, что из твоего окна такой вид.

— Разве это вид? Вот на Якусиме — это да.

— Он намного лучше того, что у нас с Сатико. Из нашего окна была видна спортивная площадка тюрьмы общего режима. Забавное зрелище. Я распахивала окно и играла вальсы Шопена, один за другим. Но однажды утром я ушла на занятия, а за время моего отсутствия перед окном выросла многоэтажная кольцевая автостоянка. Теперь в шести дюймах от нашего окна — бетонная стена. Мы бы переехали, но придется платить задаток, и мы останемся без гроша. Даже честные агенты по недвижимости, если только это не оксюморон, оберут нас до нитки. К тому же приятно сознавать, что, если случится пожар, мы легко выберемся из окна и спустимся по веревке в безопасное место, сопя себе потихоньку.

Трезззззззззвонит телефон. Беру трубку:

— Алло?

— Миякэ!

— Суга? Ты где?

— Внизу. Господин Огисо говорит, что у тебя гости, но ты не против, если я зайду?

Честно говоря, я против.

— Конечно нет.

Суга входит в капсулу, и я не верю своим глазам. Он сделал себе пересадку тела. Экзема исчезла. Модельная стрижка стоит не меньше десяти тысяч иен. На нем костюм миланского похитителя бриллиантов и стильные прямоугольные очки исполнителя в стиле электрик-фолк.

— Ты собираешься на интервью? — спрашиваю я.

Суга, не обращая на меня внимания, застенчиво кланяется Аи.

— Привет, я Масанобу Суга. Вы, наверное, подружка Миякэ из Кореи?

Аи вгрызается в стебель сельдерея и вопросительно смотрит на меня.

— Нет, — сквозь зубы цежу я. — Суга, это госпожа Имадзё.

Аи жует сельдерей.

— Суга, который храпит?

Теперь недоумевает Суга:

— Я… э-э… Миякэ…

— При случае я тебе все объясню.

— Другого случая долго не будет — я пришел попрощаться.

— Уезжаешь из Токио? — Я бросаю ему на пол подушку. — Близко или далеко?

Суга скидывает сандалии и садится:

— В Саратогу.

— В какой это префектуре?

Аи знает, где это.

— Саратога, западный Техас?

— Самое сердце пустыни.

— Там красиво. — Аи продолжает жевать. — Но дико.

Я отыскиваю более-менее чистую чашку.

— А зачем ты едешь в пустыню?

— Мне нельзя об этом рассказывать.

Я наливаю ему чай.

— Почему?

— Об этом мне тоже нельзя рассказывать.

— Это как-то связано с твоим Священным граалем?

— Неделю назад, выйдя отсюда, я отправился к себе в лабораторию и поднапряг мозги. Все оказалось до обидного просто. Пишешь программу поиска, вводишь в файловое поле, и пусть она

там сканирует все девять миллиардов файлов, проверяя, не спрятан ли среди них настоящий сайт Священного грааля, вот. Ну, первая попытка с треском провалилась. В терминах мегабайтов, это все равно что попытаться втиснуть Китай в русло реки Сумида. Защитная система Пентагона тут же распознаёт мою программу как инородное тело, уничтожает ее и начинает меня отслеживать. Еле успел соскочить.

— Тот самый Пентагон? — спрашивает Аи.

Суга крутит большими пальцами, застенчиво и хвастливо одновременно.

— Ну, пару дней я все это обдумываю, а потом меня осеняет гениальная мысль. Утренний порыв вдохновения. Я взламываю защитную систему Пентагона, подключаюсь к его операционной системе, надеваю на нее намордник и заставляю разыскивать те самые файлы, которые она должна охранять! Так переучивают розыскных собак противника, чтобы те привели к хозяйскому логову. В общем, на словах это просто, но мне сперва пришлось проложить маршрут полета через шесть разных зомби и шесть сетей сотовой связи. Потом…

— Нашел?

Суга опускает подробности.

— Нашел. Но количество Священных граалей, которые системе пришлось проверить, оказалось просто космическим, вот. Девять миллиардов файлов на вершине девяти миллиардов пирамид из девяти миллиардов файлов каждая, представляете? И это я еще не отважился заглянуть поглубже. В общем, запустил свою программу поиска и задремал. Отправился в город Глубокого Сна. Часов в одиннадцать утра, потому что просидел за компьютером с семи вечера предыдущего дня. А потом просыпаюсь — у меня в лаборатории роются трое. Вторая половина дня, я в полном отпаде. Первый тип — хакер, я сразу понял — сгружает все мои файлы на портативный жесткий диск, какого я в жизни не видел. Второй, с виду директор школы, делает опись моего железа. А третий, толстый иностранец в ковбойской шляпе, весь такой обгорелый на солнце, листает мою мангу про Зэкса Омегу и пьет мое пиво. Я так ошалел, что даже не испугался. Директор школы машет у меня перед носом каким-то удостоверением — «Агентство по защите информации», слышали о таком? — и говорит, что я нарушил японо-американское двустороннее оборонное соглашение и что у меня есть право хранить молчание, но, если я не хочу, чтобы меня судили за

шпионаж по американским законам на ближайшей военной базе, мне лучше встать на колени и ради спасения собственной шкуры выложить им все.

— Правда, что ли? — спрашивает меня Аи.

— Правда, что ли? — спрашиваю я Сугу.

— Ага. В тот момент мне ужасно хотелось, чтобы вся эта хрень мне привиделась. У меня перед глазами мелькает эпизод с изнасилованием, ну, тот, в «Побеге из Шоушенка»[212]. Директор школы достает диктофон размером со спичечный коробок и начинает пулять вопросами. Я жду, что он вот-вот прилепит электроды мне к яйцам. Как я проник в Пентагон в первый раз? Как подключился к антивирусной операционной системе? Работал ли я в одиночку? С кем я это обсуждал? Слышал ли я о таких и сяких организациях — разумеется, я ни об одной ни хрена не слышал, даже названий не запомнил. А этим типам известно все: где я учился, где живу — в общем, все досконально. Потом хакер начинает выяснять технические подробности — я понимаю, что мои закольцованные зомби

[212] Примечания: 212

«Побег из Шоушенка» (1994) — фильм американского режиссера Фрэнка Дарабонта по повести Стивена Кинга «Рита Хэйуорт и спасение из Шоушенка».

произвели на него впечатление. В общем, уже темнеет, а я понятия не имею, что со мной будет. В конце концов толстяк-иностранец, пролистав мои фотоальбомы и «МастерХакер», начинает беседовать по-английски с директором школы. До меня доходит, что он здесь самый главный. Я говорю, мол, мне надо отлить. В туалет меня сопровождает младший хакер — я прошу его хоть что-нибудь мне объяснить, но он мотает головой. Короче, мы возвращаемся в комнату, и тут директор школы предлагает мне выбирать между работой и преследованием по какому-то очень грозному закону. Описывает работу, называет сумму жалованья — в общем, полный улет! Искусственный интеллект, системы противоракетного щита… — Суга прикусывает губу. — Ой. Вот он, единственный минус: об этом нельзя рассказывать.

— А как же «Ай-би-эм»? И университет?

— Ага, я об этом тоже спросил. Директор школы кивает иностранцу — иностранец что-то рявкает в мобильник. «Все в порядке, господин Суга, — говорит директор школы. — Кроме того, мы можем устроить вам докторскую степень, если ваших родителей волнуют документальные свидетельства вашей квалификации. Массачусетский техноло-

гический институт[213] подойдет? Подробности обсудим позже». Короче, я улетаю послезавтра, а до тех пор мне еще нужно сделать миллион разных дел. У меня есть для тебя подарок, Миякэ. Я подумывал о каком-нибудь тропическом фрукте, но это немного более личное. Вот. — Он достает квадратный футляр, щелчком раскрывает его и вынимает плоскую черную штуковину. — Компьютерный вирус моего личного производства. Самый лучший.

Второй раз за последние два дня я получаю компьютерный диск.

— Э-э… спасибо. Мне еще никто не дарил вирусов.

Аи бормочет что-то неразборчивое, а потом говорит:

— Если вирус попадет в больничные компьютерные системы, он подвергнет риску жизни людей. Вы об этом не думали?

Суга кивает и отхлебывает чай:

— Исследователи киберпространства знакомы с этической ответственностью, вот. Мы — при-

---

[213] Примечания: 213

Массачусетский технологический институт (МТИ) — университет и исследовательский центр в Кембридже (пригороде Бостона), одно из самых престижных технических учебных заведений в мире, основан в 1861 г.

зраки в машине[214], а не грубые варвары. Мы растем. Больше шестидесяти пяти процентов хакеров высокого полета, которые исследуют высокотехнологичные системы, соблюдают этические принципы.

Аи кидает на Сугу недобрый взгляд:

— А более восьмидесяти пяти процентов любой статистики высасывается из пальца.

Суга не сдается:

— Вот, например, этот вирус — я назвал его «Почтальон» — рассылает ваше сообщение по всем адресам в адресной книге того, кому вы его посылаете. Потом он сам себя копирует и отправляет себя по всем адресам из их адресных книг, и так далее, девяносто девять раз. Ловко, правда? И совершенно безобидно.

Судя по всему, убедить Аи ему не удалось.

— По-моему, не очень-то этично рассылать бессмысленные послания десяткам тысяч человек.

Суга светится отцовской гордостью:

---

[214] Примечания: 214

…призраки в машине… — Фраза «ghost in the machine» («дух в машине»), введенная в оборот британским философом Гильбертом Райлом (1900–1976) в его самой известной работе «Понятие сознания» (1947) для описания картезианского дуализма, стала использоваться в самых разных областях и для обозначения самых разных понятий; заслуживают упоминания «Дух в машине» Артура Кёстлера (1967), четвертый студийный альбом британской группы *The Police* «Ghost in the Machine» (1981) и манга «Призрак в доспехах» Масамунэ Сиро (1989–1991).

— Почему обязательно бессмысленные? Миякэ сможет разослать любую счастливую весть сотням тысяч пользователей. Взять этот вирус с собой я не могу, потому что Саратога — очень засекреченное место, вот, а выбросить жалко.

Суга уходит, я доедаю салат и режу на десерт дыню. Отношу пару ломтиков Бунтаро. Он кивает головой на потолок и вопросительно покачивает мизинцем. Я притворяюсь, что не понимаю. И речи быть не может о том, чтобы приударить за Аи. Наши отношения еще не определились. Так я себе говорю. Она освобождает место на столе.

— Пора колоть инсулин. Можешь не отворачиваться. Или тебе неприятно смотреть, как игла протыкает кожу?

— Нет, что ты, — вру я.

Она достает из сумочки аптечку, готовит шприц, дезинфицирует кожу предплечья, спокойно вонзает иглу. Я невольно морщусь. Она смотрит, как я наблюдаю за ней, а инсулин вливается ей в кровь. Внезапно меня охватывает смирение. Приставать к Аи так же грубо, как орать на цветок, чтобы он рос быстрее. К тому же, если она меня отвергнет, придется покончить с собой с помощью микроволновки.

— Ну что, Миякэ, — говорит Аи, когда игла вы-

скальзывает наружу. — Каков твой следующий шаг?

Я натужно сглатываю:

— Э-э… что?

Она промокает капельку крови кусочком стерильной ваты.

— Теперь, когда ты раздумал искать отца, ты остаешься в Токио?

Я встаю и начинаю вытирать сковородку.

— Я… еще не знаю. Прежде всего мне нужны деньги, поэтому я, наверное, останусь в «Нероне», пока не подвернется что-нибудь получше… Знаешь, я хочу показать тебе письма, которые прислала мать.

Аи пожимает плечами:

— О'кей.

Я смахиваю с полиэтилена крупицы льда. Аи читает, а я домываю посуду и ухожу в душ.

— Ты долго был в душе.

— Э-э… когда я встаю под душ, мне кажется, что я вернулся на Якусиму. Теплый дождь. — Я киваю на письма. — Ну и что ты о них думаешь?

Аи аккуратно вкладывает письма в конверты.

— Я сейчас думаю, что же я о них думаю.

«Фудзифильм» показывает десять часов. Нам пора — Аи хочет успеть домой, прежде чем за-

кроются бары и возможные преследователи заполонят улицы, а мне к полуночи нужно быть на работе. Бунтаро жует «Принглз» и смотрит фильм, полный киборгов, мотоциклов и сварщиков.

— Как салат? — спрашивает он так невинно, что я готов его убить.

Киваю на экран:

— Что смотришь?

— Проверяю два закона кинематографа.

— Какие?

— Первый закон гласит: любой фильм, название которого заканчивается на «-атор», — полная фигня.

— А второй?

— Качество любого фильма находится в обратной зависимости от количества задействованных в нем вертолетов.

— В каком-то смысле жаль, — говорит Аи, когда мы приходим на станцию Кита-Сэндзю, — что ты показал мне эти письма.

— Почему?

Аи позвякивает мелочью.

— Тебе вряд ли понравится то, что я о них думаю.

Последние осенние бабочки вьются в заикаю-

щемся свете фонарей.

— Я показал их тебе именно затем, чтобы узнать, что ты о них думаешь.

Аи покупает билет — я показываю проездной, — и мы спускаемся на платформу.

— Твоя мать хочет, чтобы ты был рядом с ней, а твоя жизнь стала бы намного богаче, если бы она была рядом. Ваша разобщенность не приносит помощи ни тебе, ни ей. Эти письма — попытка примирения.

Меня это задевает.

— Если она хочет, чтобы я написал ей или позвонил, почему она не дала мне свой адрес в Нагано?

— Может быть, она опасается, что ты ее отвергнешь? — Аи ловит мой взгляд. — Об этом ты не задумывался? Вообще-то, она сообщила тебе, где находится. Гора Хакуба.

Я отвожу глаза:

— Гора Хакуба — это не адрес.

Аи останавливается:

— Миякэ, ты вроде бы умный парень, — («Дзинь!» — звякает мой детектор сарказма), — но по части самообмана ты просто виртуоз. У подножья Хакубы вряд ли больше десятка гостиниц. По сравнению с поисками безымянного человека в

Токио найти твою мать — пара пустяков. Если бы ты действительно хотел ее отыскать, то нашел бы уже завтра к вечеру.

Она слишком много себе позволяет. Я понимаю, что надо сменить тему, но не могу.

— А почему ты так уверена, что не хочу?

— Я не психоаналитик, — пожимает плечами Аи. — Вот сам мне и скажи почему. Ты на нее зол? Винишь ее за все?

— Нет. — (Аи просто не понимает, о чем говорит.) — У нее было семь лет, чтобы вернуться к нам, и еще девять лет, чтобы вернуться ко мне.

Аи недоуменно морщит лоб:

— О'кей, если тебе неинтересно, что я на самом деле думаю о твоих проблемах, надо говорить о погоде, а не показывать личные письма. И знаешь, Миякэ…

Я смотрю на нее:

— Что?

— Тебе и впрямь невтерпеж курить? — сдерживая возмущение, спрашивает Аи.

Я прячу макартуровскую зажигалку и возвращаю пачку «Парламента» в карман рубашки.

— Не думал, что тебе это так неприятно.

Едва сказав эти слова, я понимаю, что в них слишком много презрения.

Теперь Аи возмущена по-настоящему:

— А как это может быть мне приятно? У меня с девяти лет руки исколоты, как подушечки для булавок, только поэтому моя поджелудочная железа меня еще не убила. У меня гипогликемические кризы дважды в год, а ты выстилаешь раковыми клетками свои легкие — и легкие всех, кто стоит с подветренной стороны, — просто потому, что хочешь быть похожим на ковбоя с рекламы «Мальборо». Да, Миякэ, то, что ты куришь, мне очень неприятно.

Мне нечего возразить.

Вечер вдребезги.

Подходит поезд. Мы садимся рядом и едем к Уэно, но с тем же успехом могли бы сидеть в разных городах. Лучше бы так. Жизнерадостные обитатели рекламного мира насмешливо смотрят на меня, сияя мятными улыбками. Аи молчит. Мы выходим на станции Уэно, относительно тихой в этот час — для Уэно.

— Можно проводить тебя до платформы? — спрашиваю я, предлагая помириться.

Аи пожимает плечами. Мы идем по коридору, огромному, будто анабиозный отсек космического ковчега. Впереди раздаются мерные глухие удары: какой-то тип в оранжевой спецовке с си-

лой бьет резиновой кувалдой по чему-то — или по кому-то, — скрытому за колонной. Мы стараемся держаться от него подальше, но путь к платформе Аи лежит мимо него. Мне даже чудится, что он забивает кого-то до смерти, но в конце концов выясняется, что он всего лишь вгоняет выпавшую облицовочную плитку в слишком тесное гнездо. Бам! Бам! Бам!

— Вот это, — задумчиво говорит Аи словно бы сама себе, — и есть жизнь.

Из тоннеля доносится волчий вой приближающегося поезда, и волосы Аи шевелятся в потоке воздуха. Я ужасно расстроен.

— Э-э… Аи… — начинаю я.

Аи обрывает меня, раздраженно тряхнув головой:

— Я тебе позвоню.

Означает ли это: «Все хорошо, не волнуйся» или «Не смей звонить мне, пока я тебя не прощу»? Великолепная двусмысленность, достойная стипендиата Парижской консерватории. Подъезжает поезд, Аи входит в вагон и, усевшись на скамью, скрещивает руки на груди и закидывает ногу на ногу.

Я порывисто машу ей, а свободной рукой вытаскиваю из кармана рубашки пачку «Парламента»

и швыряю в зазор между поездом и платформой. Но у Аи уже закрыты глаза. Поезд трогается. Она так ничего и не увидела.

Хреново. Вот это, думаю я про себя, и есть жизнь.

◆

Моя крысиная нора в «Нероне» каждый вечер точно съеживается. Геенна пылает все жарче. Сатико ничего не говорит мне про Аи. Ночь в среду — самая напряженная из всех предыдущих. Час ночи, два часа — время несется вскачь. Душевные волнения выматывают. Наверное, именно поэтому я стараюсь их избегать. Как только происходит что-нибудь хорошее, оно обречено. Дои посасывает кубики льда, ковыряет в носу и тасует колоду карт.

— Возьми карту, — говорит он. — Любую.

Я мотаю головой — нет настроения.

— Давай! Это древняя шумерская волшба с наворотами третьего тысячелетия, мэн. — Дои подсовывает мне разложенные веером карты и отворачивается. Беру карту. — Запомни ее, но не говори мне.

Бубновая девятка.

— Ну? Положи ее обратно и тасуй колоду! Как угодно, сколько хочешь, где хочешь, лишь бы уничтожить все мыслимые намеки на твою карту…

Я так и делаю — Дои определенно не мог ничего видеть. Окошечко заслоняет фигура Томоми.

— Миякэ! Три «Толстые русалки», двойная порция водорослей и кальмаров. Дои! Хиппи в твоем возрасте не пристало ковырять в носу.

Дои чешет нос снаружи:

— Это все равно что надеть намордник на гризли, мэн… у тебя что, никогда не свербило в носу?

Томоми смотрит на него в упор:

— У меня свербит в носу прямо сейчас. И все из-за тебя. Этот заказ нужно было доставить в приемную хиропрактика еще неделю назад — если они позвонят и начнут жаловаться, я вставлю телефон тебе в ухо, и ты сам будешь разбираться с их негативной энергией. Мэн.

Дои жестами пытается утихомирить ее:

— Мадам, вы не даете мне закончить фокус.

Томоми со свистом втягивает в грудь воздух:

— Ты что, хочешь, чтобы я рассказала господину Нерону, какие благоуханные штучки лежат в багажнике твоего мотороллера?

Дои сует карты в футляр и на ходу шепчет:

— Не бойся, мэн, фокус не окончен.

Минуты бегут вверх по эскалатору, ползущему вниз[215]. Онидзука отдыхает после доставки заказа в дальний район: мрачно сидит в загончике и разрывает грейпфрут на мелкие кусочки. Я кладу в коробку «Куриную тикку» и мини-салат для следующей доставки. Подгоняя ночь, я манипулирую временем: перед тем как посмотреть на часы, убеждаю себя, что сейчас на двадцать минут раньше, чем на самом деле, что дает мне повод приятно удивиться. Но сегодня мои фальшивые догадки чересчур оптимистичны. В загончик возвращается Дои, с упоением слушает песню по радио:

— «Riders in the Storm»[216], мэн… — (Прямо как орнитолог-любитель внимает птичьим трелям в чаще леса.) — Это про нас с моим пицца-скутером.

Он отхлебывает тошнотворно-масляный тибетский чай из фляжки и отрабатывает доставание карт из ушей. Про незаконченный фокус он за-

---

[215] Примечания: 215

Минуты бегут вверх по эскалатору, ползущему вниз. — Аллюзия на книгу Бел Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз» (1964) и одноименную экранизацию (реж. Роберт Маллиган, 1967).

[216] Примечания: 216

«Оседлавшие бурю» *(англ.). «Riders in the Storm»* («Оседлавшие бурю») — точнее, «Riders on the Storm», песня *The Doors* с «L. A. Woman» (1971), их шестого студийного альбома.

был, а я ему не напоминаю.

— Человеческое существование — как игра в карты, мэн. Свою раздачу получаешь еще в материнской утробе. В детстве что-то сбрасываешь, что-то берешь из колоды. Зрелость, мэн, — новые карты: работа, жажда развлечений, кутежи, женитьба… карты приходят, карты уходят. Иногда выпадает удача. А иногда победы одним махом оборачиваются полным поражением. Делаешь ставки, объявляешь козыри, блефуешь…

В клетку входит Сатико, у нее перерыв.

— И как же выиграть в этой игре?

Дои раскрывает карты павлиньим хвостом и обмахивается ими, будто веером.

— Когда выигрываешь, правила меняются, и оказывается, что ты опять проиграл.

Сатико закидывает ноги на коробку с фирменными пакетиками кетчупа «Нерон».

— От метафор Дои у меня голова кружится больше, чем от той абстрактной идеи, которую они призваны объяснить.

Томоми бросает в окошечко заказ: «Сатаника», хрустящий корж, тройная порция каперсов. Я выкладываю начинку и представляю Аи, как она спит и видит во сне Париж. Суге снится Америка. Кошке снятся коты. Пиццы отъезжают, пиццы

прибывают. На штыре растет кипа квитков с выполненными заказами. За стеной, в реальном мире, занимается еще одна жаркая заря. До восьми утра я чищу огурцы, а в восемь получаю сменщика, шлепок по спине и девять децибелов в ухо: «Миякэ, домой!» Возвращаясь в Кита-Сэндзю по линии Тиёда, подключаюсь к своему «дискмену». Музыки нет. Странно, я только вчера сменил батарейки. Нажимаю «выброс»: внутри вместо диска — игральная карта. Бубновая девятка.

В капсуле меня ждет сообщение на автоответчике. Не от Аи.

— Э-э… ну, привет, Эйдзи. Это твой отец.

Смешок.

Я холодею — впервые с марта месяца мне становится зябко.

— Вот я это и сказал. Я твой отец, Эйдзи. — (Глубокий вздох. Он курит.) — Не так уж и трудно. Что ж. В голове все путается. С чего начать? — (Шумный выдох: «Уфф!») — Во-первых, поверь, я не знал, что ты приехал в Токио меня искать. Эта садистка, Акико Като, вела дела с моей женой, а не со мной. Еще в августе я уехал в Канаду — на конференцию и по другим делам — и вернулся только на прошлой неделе. — (Глубокий вздох.) — Я всегда верил, что этот день придет, Эйдзи, но не

осмеливался сделать первый шаг. Думал, что не имею на это права. Если это еще имеет значение. Во-вторых — о моей жене. Стыдно сказать, Эйдзи… можно называть тебя Эйдзи? Иначе как-то неправильно. Моя жена и словом не обмолвилась ни о своем письме с угрозами, ни о вашей встрече на прошлой неделе… Я узнал об этом случайно, всего час назад — дочь проговорилась. — (Сердитое сопение.) — Я так рассердился! Сейчас немного успокоился и вот звоню тебе. Какая низость! Какая подозрительность! Она не имела права мешать нашей встрече. Причем тогда, когда отец был при смерти… С ужасом представляю, что ты думаешь о моей семье. Что ж, может, ты и прав. Мы с женой… наш брак не совсем… А, не важно. — (Пауза.) — В-третьих. Что же в-третьих? Я потерял мысль. Все это в прошлом. А вот будущее, Эйдзи… Кстати, знаешь, я очень хочу с тобой встретиться. Прямо сейчас, если ты не против. Сегодня. Нам нужно столько обсудить. С чего же начать? И чем закончить? — (Смущенный смешок.) — Приезжай сегодня ко мне в клинику — я косметический хирург, между прочим, если мать тебе не говорила. Здесь нас не побеспокоят ни моя жена, ни кто-нибудь другой; или можно пойти в ресторан, если к тому времени ты еще не

пообедаешь… Я отменил прием, так что во второй половине дня совершенно свободен. Сможешь подъехать к часу? Вот мой рабочий телефон…

Я быстро записываю номер на какой-то бумажке.

— Приезжай на станцию метро «Эдогавабаси», позвони, и госпожа Сарасина — моя помощница, я во всем на нее полагаюсь, — тебя встретит. Идти всего минуту. Что ж, до часу дня… — (Что-то вроде изумленного воркования.) — Я долгие годы молился, чтобы этот день настал… Каждый раз, приходя в храм, я просил… Не представляю… — (Смех.) — Так, ну все, Эйдзи! В час дня! Станция метро «Эдогавабаси»!

Жизнь сладостна, щедра и справедлива.

Забываю про Аи Имадзё, забываю про Кодзуэ Ямая, ложусь на спину и раз за разом слушаю сообщение, пока не заучиваю наизусть каждое слово, каждую интонацию. Достаю фотографию отца, смотрю на нее и представляю, как он произносит эти слова. Хорошо поставленный, теплый, суховатый голос. Не гнусавый, как у меня. Надо рассказать обо всем Бунтаро и Матико — нет, лучше подождать. А потом я невозмутимо появлюсь в «Падающей звезде» с загадочным незнакомцем и небрежно брошу: «Бунтаро, позвольте

представить вам моего отца». Кошка с опаской посматривает на меня из шкафа.

— Сегодня великий день, Кошка!

Наглаживаю свою лучшую рубашку, принимаю душ, а потом пытаюсь часок подремать. Ничего не выходит. Ставлю ленноновский «Live in New York City»[217] и, к счастью, завожу будильник, потому что в следующий миг в ушах стоит настойчивый трезззззззззвон, а на часах половина двенадцатого. Одеваюсь, дразню Кошку и выкладываю ей в миску ужин на шесть часов раньше обычного, на случай если после встречи с отцом пойду прямо на работу. К счастью, Бунтаро так увлечен телефонным разговором с поставщиком, что не замечает сияющего нимба моего ликования.

Станция «Эдогавабаси». Я так напряженно вглядываюсь в полуденный поток пассажиров, что пропускаю ту, которая мне нужна.

— Извините? Вы — Эйдзи Миякэ? Я узнала вас по бейсболке.

Я киваю. Передо мной элегантно одетая женщина, не молодая, но и не старая. Улыбается

---

[217] Примечания: 217

«Концерт в Нью-Йорке» *(англ.). «Live in New York City»* («Концерт в Нью-Йорке») — второй посмертный альбом Джона Леннона (1986), единственная полная запись его сольного концерта в «Медисон-Сквер-Гарден», сделанная в 1972 г.

черносмородиновыми губами.

— Я — Мари Сарасина, помощница вашего отца, мы с вами только что говорили по телефону. Я так взволнована встречей.

Я кланяюсь:

— Спасибо, что встретили меня, госпожа Сарасина.

— Пустяки, не стоит благодарности. Клиника здесь рядом. Знаете, сегодня для вашего отца особенный день. Отменить прием… — Она качает головой. — За последние шесть лет такого ни разу не бывало. Я даже подумала, уж не император ли к нам собрался. А потом он сказал, что ждет сына — вот так и сказал, слово в слово, — и я сообразила: «Ага! Теперь все ясно!» Знаете, он сам хотел встретить вас на «Эдогавабаси», но в последнюю минуту застеснялся, — между нами говоря, он не любит открыто выражать свои чувства, и все такое. Ох, что ж это я разболталась! Пойдемте.

Госпожа Сарасина идет и говорит не переставая. Нам наперерез выбегает собака размером с кошку. Встречные пешеходы и велосипедисты уступают дорогу госпоже Сарасине. Она уверенно лавирует по боковым улочкам с безымянными бутиками и картинными галереями.

— Клиника вашего отца — суперсовремен-

ное косметологическое учреждение. Клиенты приходят к нам исключительно по личным рекомендациям, поскольку мы, в отличие от обычных клиник пластической хирургии, предпочитаем обходиться без назойливой рекламы.

Нам наперерез выбегает кошка размером с мышь.

— Вот мы и пришли. Если не знать, что это, сразу и не заметишь.

Ничем не примечательное многоэтажное здание, зажатое между соседними домами посолиднее. На первом этаже — ювелирный магазин, вход по приглашению. В конце короткого коридора — стальная дверь. Мари Сарасина указывает на латунную табличку:

— Это мы — «Юнона». Зевс превратил ее в лебедя. — (Ее пальцы танцуют по панели кодового замка.) — Или это был бык? — (За нами наблюдает видеокамера.) — Да, драконовские меры, но среди наших клиентов есть кинозвезды и прочие знаменитости. Вы не поверите… — Мари Сарасина возводит глаза к небу, — эти ушлые папарацци на все готовы, только бы хоть на минуту пробраться внутрь. Ваш отец стал серьезнее относиться к безопасности после того, как один репортер, выдав себя за инспектора из министер-

ства здравоохранения, попытался ознакомиться с досье наших клиентов. Шакалы, а не люди. Пиявки. У него было фальшивое удостоверение, визитная карточка и все такое. Госпожа Като, адвокат вашего отца, как и следовало ожидать, ловко разделалась с ними на суде — хотя, надо сказать, она сейчас не в фаворе. Полагаю, это из-за вас.

Приходит лифт. Мари Сарасина нажимает кнопку «9».

— Комната с видом[218]. — Она ободряюще улыбается. — Волнуетесь?

Я киваю, опустошенный нервным возбуждением:

— Немного.

Она смахивает с рукава пух, переводит дух, говорит сценическим шепотом:

— Вполне естественно. Ваш отец волнуется в три раза больше. Успокойтесь.

Двери открываются в сверкающий белизной холл, украшенный букетами лилий. Ароматизированный антисептик. Диваны с обивкой в

---

[218] Примечания: 218

Комната с видом. — Отсылка к роману Э. М. Форстера «Комната с видом» (1908) и одноименной экранизации (1985) Джеймса Айвори, получившей три «Оскара»; главные роли исполнили Хелена Бонэм Картер, Джулиан Сэндз, Мэгги Смит, Дэниэл Дэй Льюис.

мелкую полоску, столики со стеклянными столешницами, панно с вышитыми лебедями на безымянной реке. Стены плавно переходят в потолок, покрытый завитками, изящными, как изгибы ушной раковины. Шорох кондиционера смешивается со звуками кельтской арфы. Госпожа Сарасина тычет пальцем в интерком у себя на столе:

— Доктор Цукияма? Поздравляю, у вас сын! — Она демонстрирует безупречные зубы. — Послать его к вам?

Я слышу срывающийся голос. Мари Сарасина смеется:

— Хорошо, доктор. Он сейчас подойдет.

Она усаживается за компьютер и указывает на стальную дверь:

— Входите, Эйдзи. Ваш отец ждет.

Я двигаюсь, но время замирает на паузе.

— Спасибо, — киваю ей.

Выражение ее лица говорит: «Не стоит благодарности». Всего лишь одна дверь — вперед! Я поворачиваю ручку — помещение за стеной загерметизировано. Дверь отворяется со звуком поцелуя.

Мне заламывают руки за спину, впечатывают в стену, пинком подбивают ноги, и грудная клет-

ка прижимается к холодному полу. Одна пара рук меня обыскивает, другая — выворачивает мне суставы под углом, на который они никак не рассчитаны, — боль бьет все рекорды. Снова якудза. Если бы у меня был нож, я бы себя пырнул — в наказание за собственную глупость. Ну вот опять! Я почти готов добровольно отдать диск, полученный от Кодзуэ Ямая, но пинок в поясницу выбивает из головы абсолютно все мысли. Меня переворачивают на спину и рывком ставят на ноги. Сначала мне кажется, что я попал на съемочную площадку медицинского сериала. Тележка с хирургическими инструментами, шкафчик с лекарствами, операционный стол. Края комнаты тонут в полумраке, там стоят десять или одиннадцать человек, лиц которых я не различаю. Пахнет жареными колбасками. Меня снимает видеокамера, мое изображение возникает на экране во всю стену. Два типа с телосложением олимпийских чемпионов по толканию ядра держат меня за руки. Камера наезжает и снимает мое лицо в разных ракурсах.

— Свет! — раздается старческий голос, и в глаза бьет белизна.

Меня протаскивают на несколько шагов вперед и усаживают на стул. Когда зрение возвращается,

я вижу, что сижу за карточным столом. Здесь же Мама-сан и еще трое. На расстоянии вытянутой руки — стена дымчатого стекла. Щелчок интеркома, и комнату наполняет Глас Божий:

— Это жалкое создание — он и есть?

Мама-сан смотрит в дымчатое стекло:

— Да.

— Я и не думал, — говорит Бог, — что Морино докатился до такого.

Теперь я точно знаю, что влип.

— А кто мне звонил? — спрашиваю я Маму-сан.

— Актер. Чтобы избавить нас от труда посылать за тобой.

Растираю руки, пытаюсь вернуть их к жизни, рассматриваю троицу за карточным столом. По их позам и выражениям лиц ясно, что они здесь тоже не по своей воле. Блестящий от пота астматик, пухлый, как пончик; парень, который постоянно гримасничает, будто его хлещут по лицу; и тип постарше, некогда привлекательный, но от углов губ по щекам тянутся глубокие шрамы, застывшие в жутком подобии вечной улыбки. Господа Пончик, Кривляка и Зубоскал не отрывают глаз от стола.

— Сегодня мы собрались здесь, — изрекает

Бог, — чтобы вы выплатили свои долги.

Я не могу обращаться к бесплотному голосу, поэтому обращаюсь к Маме-сан:

— Какие долги?

Бог отвечает первым:

— Огромный ущерб, нанесенный патинко «Плутон». Компенсация за потерянное торговое время в день открытия. Два «кадиллака». Возросшая стоимость страхования, расходы на уборку и прочие сопутствующие затраты. Пятьдесят четыре миллиона иен.

— Но этот ущерб причинил Морино.

— А вы, — говорит Мама-сан, — последние из его приспешников.

Меня мутит.

— Вы же знаете, что я — не его приспешник.

В динамиках грохочет Глас Божий:

— У нас есть ваш договор! Подписанный вашей смешанной кровью — теми чернилами, что скрепляют надежнее всего.

Смотрю в дымчатое стекло:

— А как насчет нее? — Я показываю на Маму-сан. — Она была у Морино бухгалтером.

Мама-сан почти улыбается:

— Деточка, я шпионила. А теперь заткнись и слушай, а то эти злодеи возьмут скальпель — и

вместо одного языка у тебя будет два.

Затыкаюсь и слушаю.

— Господин Цуру выбрал вас, своих самых безнадежных должников, для партии в карты. Игра очень простая, с тремя победителями и одним проигравшим. Победители покинут эту комнату свободными людьми, не задолжавшими ни иены. Проигравший безвозмездно отдаст свои органы на нужды пациентов. Легкое, — она в упор смотрит на меня, — сетчатку глаза и почку.

Все ведут себя так, словно ничего особенного не происходит.

— По-вашему, я должен… — Мне приходится начать заново, потому что с первой попытки я не издаю ни звука. — По-вашему, я должен сказать: «Ну конечно, давайте сыграем на мои органы»?

— Ты можешь отказаться.

— Но?

— Но тогда тебя объявят проигравшим.

— Откажись, парень, — усмехается Кривляка, сидящий напротив меня. — Не изменяй принципам.

Пахнет горчицей и кетчупом. Нет такой логики, которая бы все это опровергла.

— Что за игра?

Мама-сан достает колоду карт:

— Каждый из вас снимет по карте, чтобы определить, в каком порядке вы будете тасовать колоду. Старшинство определяется от туза и далее: тот, кто снимет самую старшую карту, тасует первым, остальные — по часовой стрелке от начинающего. В том же порядке вы будете снимать по верхней карте, пока не выйдет пиковая дама.

— Ее избранник проигрывает, — изрекает Бог.

Я снова чувствую себя так же, как в кегельбане.

— Голос — это он? — спрашиваю я Маму-сан; в горле першит, как от песка. — Это господин Цуру?

Кривляка издевательски аплодирует.

Итак, Цуру — Бог. Бог — Цуру. Я пытаюсь выиграть время.

— Но вы же понимаете, — обращаюсь я к Мама-сан, — что это безумие.

Мама-сан цедит сквозь щель поджатых губ:

— Я получаю приказы от президента компании. Ты получаешь приказы от меня. Снимай.

Рука наливается свинцом. Пиковый валет.

Господину Пончику достается бубновая десятка.

Кривляка снимает двойку пик.

Зубоскал открывает девятку пик.

— Мальчишка тасует первым, — говорит господин Цуру из-за дымчатого стекла.

Игроки смотрят на меня.

Я неловко, дрожащими руками тасую колоду. На экране руки, в несколько раз больше моих, делают то же самое. Девять раз, на счастье.

Господин Пончик вытирает ладони о рубашку. Карты перелетают из одной его руки в другую с акробатической ловкостью.

Кривляка делает магический жест тремя пальцами и подрезает колоду.

Зубоскал тасует карты аккуратными круговыми движениями.

Мама-сан подталкивает колоду к центру стола. С виду колода совершенно безобидна. Я смотрю на нее как на бомбу, бомба она и есть. Я жду взрыва, землетрясения, пальбы, криков «полиция!».

На гриле шкворчат колбаски.

Медленно дышат люди.

— Снимай верхнюю карту, — мягко напоминает голос Цуру. — Иначе охранник отрежет тебе веки, и ты никогда больше не сможешь ни закрыть глаза, ни моргнуть.

Я переворачиваю бубновую девятку.

У господина Пончика вот-вот начнется приступ астмы. Он дышит хрипло, прерывисто. Открыва-

ет трефовый туз.

Кривляка нараспев три раза произносит «Наму Амида буцу»[219] — сказывается буддистское воспитание, — и его рука стремительно выхватывает из колоды пикового туза.

— Спасибо, — говорит он.

Зубоскал — самый невозмутимый из всех. Он спокойно переворачивает карту — семерка пик.

Снова моя очередь. У меня такое чувство, что Миякэ заставляет Миякэ двигаться при помощи пульта дистанционного управления. Смотрю на экранного себя. Смотрю с экрана на себя. Так вот как я выгляжу. Рука тянется к…

В дымчатом стекле распахивается узкая дверца, из нее выбегает лабрадор, виляет хвостом и, чавкая колбаской, скользит по полированному мраморному полу.

— Верните ее! — кричит Цуру; его настоящий голос вырывается из дверного проема, лишь слегка усиленный микрофонами и динамиками. — Ей нельзя бегать на полный желудок. У нее чувствительное пищеварение!

Два охранника уводят собаку к хозяину.

---

[219] Примечания: 219

«Наму Амида буцу» — букв. «Вверяю себя будде Амитабхе» (японская транслитерация санскритской фразы «Намо Амида Буддая»), мантра, практикуемая последователями буддийской школы Чистой земли.

— Мы, — бормочет Зубоскал, — комплексный обед безумного старика.

Все взгляды вновь обращены на меня.

У меня под языком какое-то инородное тело.

Открываю шестерку червей.

Лизнув руку, чувствую привкус соли и вижу крошечное черное насекомое.

Под локтем господина Пончика на сукне расплывается влажное пятно. Тройка бубей.

Кривляка возносит молитву будде и переворачивает джокера.

— Спасибо.

Зубоскал со вдохом снимает пятерку треф.

Вышли уже двенадцать карт из пятидесяти двух… из пятидесяти четырех, если считать двух джокеров.

Смотрю на рубашку верхней карты, пытаюсь понять, что она таит, а на меня в упор смотрят два трапециевидных глаза. Я узнаю эти глаза.

Как жить без половины органов?

Нет, Цуру не позволит проигравшему уйти и рассказать все, ведь шрамы на теле бедолаги станут неоспоримым доказательством его слов. На молчание тех, кому повезет, можно положиться, но проигравшего ждет такой же конец, как сына Кодзуэ Ямаи.

Как я сюда попал?

Смотрю на своего экранного двойника. Он тоже не знает ответа.

Мама-сан открывает рот, чтобы пригрозить мне…

Я переворачиваю карту и встречаюсь взглядом с черной дамой.

Комната раскачивается.

— Тьфу ты! — вздыхает Кривляка. — Я думал, парень вытянул ту самую стерву, а не ее сестру.

— Мальчишка тоже так думал, — говорит Зубоскал.

О чем они? Зубоскал кивает на мой смертный приговор:

— Присмотрись, приятель.

Это трефовая дама, а не пиковая. Трефовая.

— Мне нужен ингалятор, — говорит господин Пончик.

Мама-сан кивает. Он вытаскивает ингалятор из кармана, запрокидывает голову, шумно втягивает воздух, задерживает дыхание и выдыхает. И открывает даму пик.

Все молчат.

Экранный двойник господина Пончика обливается потом, как умирающий от чумы.

Я дрожу мелкой дрожью, изнемогаю от облег-

чения, вины и сожалений.

Мама-сан откашливается:

— Дама обнаружена, господин Цуру.

Динамики молчат.

— Господин Цуру? — Мама-сан недоуменно смотрит в дымчатое стекло. — Дама сказала свое слово…

Ответа нет.

Мама-сан протягивает руку и стучит по стеклу:

— Господин Цуру?

Один из охранников принюхивается:

— Что он там жарит?

Другой охранник морщится:

— На колбаски не похоже…

Охранник толкает дверцу в стекле и заглядывает внутрь:

— Господин Цуру? — У него перехватывает дыхание, будто от удара в живот. — Господин Цуру? — Он поворачивается и тупо смотрит на нас.

— Что там? — вопрошает Мама-сан.

Он двигает челюстью, но не может издать ни звука.

— В чем дело?

Он сглатывает:

— Господин Цуру поджарил свое лицо на гриле.

Далее следует безумие импровизированного театрального представления.

Я в изнеможении закрываю глаза.

— Господин Цуру, господин Цуру, господин Цуру! Вы меня слышите?

— Отдерите его голову от гриля!

— Выключите газ!

— У него губа пристала к решетке!

— «Скорую», «скорую», «скорую» кто-нибудь вызовите…

— Ох! У него лопнул глаз!

— Вот своей рубахой и вытирай!

— Уберите эту чертову собаку!

Кто-то шумно блюет.

Собака радостно лает.

Мама-сан проводит по стеклу чем-то металлическим. Визгливый скрежет невыносим, и в комнате воцаряется тишина. Мама-сан в совершенстве владеет собой — так, словно много лет назад собственноручно написала этот эпизод и постоянно его репетировала.

— Развлечение господина Цуру прервал *deus ex machina*[220]. Скорее всего, нашего дорогого руководителя хватил второй удар, от перевозбуж-

---

[220] Примечания: 220
Бог из машины *(лат.)*.

дения, и, коль скоро господин Цуру предпочел упасть не на меч, а на гриль, не очень важно, когда именно приедет «скорая». — Теперь она обращается к двум-трем охранникам постарше: — Я назначаю себя главой этой организации. Вы можете либо подчиниться мне, либо выступить против меня. Заявите о своих намерениях. Немедленно.

Мгновение полнится напряженными размышлениями.

Охранники смотрят на нас:

— А с этими что делать, Мама-сан?

— Выпроводите их за дверь. Карточные игры больше не входят в политику компании.

О таком повороте событий я даже мечтать не смею, по крайней мере до тех пор, пока не окажусь на улице и не убегу. Мама-сан поворачивается к нам:

— Если вы обратитесь в полицию и чудом убедите какого-нибудь ретивого следователя в том, что вы не сумасшедшие, произойдут три вещи, в следующем порядке. Во-первых, вас возьмут под стражу, для вашей же безопасности. Во-вторых, не позднее, чем через шесть часов после этого вы получите пулю в лоб. В-третьих, все долги переведут на ваших родственников, и я лично

позабочусь о том, чтобы разрушить им жизнь. Это не угроза, это стандартная процедура. Теперь покажите, что вы меня поняли.

Мы киваем.

— Своим бизнесом мы занимаемся вот уже тридцать лет. Сами решайте, способны ли мы защитить свои интересы. А теперь убирайтесь.

Кинотеатр переполнен. Парочки, студенты, трутни. Свободные места есть только в первых рядах, где экран нависает над головами. В Токио все почти переполнено, совсем переполнено или набито битком.

Приемная была пуста. Мари Сарасины и след простыл.

— На вашем месте, ребята, — сказал охранник, когда двери лифта закрывались, — я купил бы лотерейный билет.

Рядом со мной сидит девушка; рука ее друга медленно вытягивается по спинке ее сиденья.

Лифт начал свой долгий, медленный спуск. Господин Пончик просыпал сигареты из пачки. Они лежали на полу, а мы не сводили с них глаз. Господин Пончик затрясся — то ли от смеха, то ли от страха, то ли еще от чего. Зубоскал закрыл глаза и запрокинул голову. Я не отрывал взгляда от мигающих номеров этажей. Кривляка поднял

сигарету и закурил.

Фильм жестокий, дешевый и фальшивый. Если бы те, кто придумывает жестокие сюжеты, хоть раз столкнулись с настоящей жестокостью, то не стали бы писать такие сценарии.

Когда двери лифта открылись, мы без единого слова бросились в послеполуденную людскую толпу. Солнечный день казался злобной шуткой. Я дошел до пятачка, где уличные фокусники сооружали из воздушных шариков крокодилов и жирафов, и, чтобы не разрыдаться, впился ногтями себе в руку.

Фильм заканчивается, зрители выходят из зала. Я остаюсь и смотрю титры. Ассистенты, дрессировщики, реквизиторы. Один за другим входят новые зрители. Я смотрю фильм снова, пока мозг не начинает плавиться.

Я отошел от фокусников с воздушными шариками и углубился в толпу. Костерил себя за то, что не уехал из Токио после знакомства с Морино. Раньше надо было думать.

Из фойе кинотеатра я звоню Аи и, едва она отвечает, тут же вешаю трубку. На кольцевой линии «Яманотэ» сажусь в подлодку и еду вместе с трутнями. Жаль, что я не трутень. Одна станция сменяется другой, одна сменяется другой, одна

другой, и вскоре они начинают повторяться. Во мне столько страха, что я никогда в жизни не усну.

Кондуктор осторожно трясет меня за плечо. Просыпаюсь.

— Ты проехал по кругу шесть раз, парень, и я подумал, что пора тебя будить.

У него добрые глаза. Я завидую его сыну.

— Сейчас ночь или мы под землей?

— Без четверти одиннадцать ночи, вторник, пятое число. Знаешь, какой сейчас год?

— Ага.

— Тебе нужно домой, пока поезда еще ходят.

Да уж.

— Мне нужно на работу.

— Ты что, кладбищенский грабитель?

— Нет, я попроще… Спасибо, что разбудили.

— Всегда пожалуйста.

Кондуктор идет по вагону. Над сиденьями напротив, за кольцами поручней, — реклама компании, распространяющей сетевую рекламу. Из компьютерной микросхемы растет яблоня, на ветвях которой висят микросхемы-яблоки, а из них прорастают новые яблони, на ветвях которых висят новые микросхемы-яблоки. Яблоневый лес вырывается за пределы отведенного ему места,

тянется вдоль стен вагона. Я и представить не мог, что мой мозг продолжает думать о диске Кодзуэ Ямая, но в эту секунду меня осеняет грандиозная мысль. Сна ни в одном глазу. Я знаю, что делать дальше.

◆

Мои мысли далеко, но в «Нероне» думать не обязательно. Вхожу в пиццерию с последним ударом четверга, и Сатико кидает на меня таинственный взгляд — ей известно о моей размолвке с Аи, — но меня это почему-то не волнует. Думаю об Эйдзи Миякэ, который всего двадцать четыре часа назад сновал по этим трем квадратным метрам Токио и производил на свет пиццы. Счастливый, слепой и безмозглый идиот. Жаль, что я не мог его предупредить. Осушаю бутылочку гэнки[221], чтобы взбодриться, и принимаюсь за скопившиеся заказы.

— Ты принес мою девятку бубей, мэн? — спрашивает Дои.

Я и забыл.

— Нет. Завтра.

---

[221] Примечания: 221

Гэнки — общее название популярных в Японии энергетических напитков типа «Ред булл».

Дои поздравляет себя.

— Магия — это умение создавать совпадения, мэн. В этой жизни совпадения — единственное, на что можно положиться.

Ополаскиваю лицо, мою руки. Каждый раз, когда звонят в дверь, я боюсь, что это головорезы из банды Цуру. Каждый раз, когда звонит телефон, я боюсь, что Сатико или Томоми просунут трубку в окошечко и скажут: «Тебе звонят, Миякэ. Представиться не пожелали». Дои сегодня разговорчивее обычного — рассказывает, как потерял прежнюю работу. Он был ночным сторожем на многоэтажном кладбище, где прах умерших хранится в крошечных сотах-гробницах. Дои уволили за то, что он подменил запись буддистских заупокойных мантр музыкой по своему вкусу.

— Понимаешь, мэн, я тогда прикинул — что бы я выбрал, если бы меня заперли в погребальную урну на веки вечные: монахов, стенающих так, будто им прислали непомерный телефонный счет, или золотую эру рок-н-ролла? Тут и думать нечего, мэн! Как только я включил *The Grateful Dead*, там ощутимо изменилось настроение. К лучшему. Но… — Дои проводит указательным пальцем по горлу.

Я слышу его, но не вслушиваюсь. Его пицца

выползает из печи. Я кладу ее в коробку, и он уезжает. По радио передают «I Heard It On the Grapevine»[222] — вкрадчивый, коварный напев. Сатико открывает окошечко.

— Тебе звонок на третьей линии — таинственная незнакомка!

— Аи?

— Не-е-ет.

— А кто?

— Говорит, что по личному делу. — Сатико перегибается через прилавок, нажимает кнопку висящего на кухонной стене телефона и протягивает мне трубку.

— Алло?

Молчание.

Мой голос срывается от страха:

— Я больше ничего вам не должен.

— Два часа ночи — это уже «доброе утро» или еще «добрый вечер», Эйдзи? Мне трудно решить.

Женщина средних лет, но не Мама-сан. Похоже, нервничает не меньше меня.

---

[222] Примечания: 222

Здесь: «Я услышал сплетню» *(англ.). «I Heard It On the Grapevine»* («Я услышал сплетню») — точнее, «I Heard It Through the Grapevine», песня Нормана Уитфилда и Баррета Стронга, впервые записанная группой *Smokey Robinson & The Miracles* (1966), но получившая широкую известность в исполнении Марвина Гэя (1968) и в кавер-версии *Creedence Clearwater Revival* (1970).

— Послушайте, кто вы?

— Это я, Эйдзи. Мама.

Я прислоняюсь к прилавку.

Томоми наблюдает за мной через щель в окошечке. Я закрываю дверцу.

— Э-э, неожиданно.

— Ты получил мои письма? Мой брат сказал, что переслал их тебе. И что ты теперь живешь в Токио.

— Да.

Да, я получил твои письма. Но лекарство, которое заживляет твои раны, заставляет кровоточить мои.

— Так… — Мы начинаем говорить одновременно.

— Сначала ты, — говорит она.

— Нет, сначала ты.

Она вздыхает:

— Один человек попросил меня выйти за него замуж.

А мне это интересно?

— Понятно. — (Томоми приоткрывает дверцы. Я их резко захлопываю. Хорошо бы прищемить нос этой стерве.) — Поздравляю.

— Да. Хозяин гостиницы в Нагано, о котором я рассказывала в своем последнем письме.

Хозяин гостиницы? Неплохой улов. Особенно если вспомнить о твоем прошлом.

Зачем ты мне все это рассказываешь?

Раньше ты не давала себе труда рассказывать нам о своей жизни.

Тебя никогда не заботило, что мы думаем. Ни-сколечко.

Ты хочешь, чтобы я порадовался за тебя? Чтобы сказал: «Прекрасная новость, мамочка»?

Я почти готов покончить с нашими обоюдными страданиями и повесить трубку. Но вместо этого спрашиваю:

— Откуда ты звонишь?

— Из клиники в Миядзаки. Я туда вернулась… все из-за выпивки. Я больна уже очень давно. Поэтому… Но сейчас… Он — хозяин гостиницы, кстати, его зовут Ота, — он говорит, что, когда мы поженимся, мои проблемы станут его проблемами, потому что… В общем, я хочу поправиться. Поэтому я вернулась сюда.

— Понятно. Это хорошо. Удачи.

«Госпожа Ота». Такая же, как все, замужняя, уважаемая. ПЕРЕЗАГРУЗКА. Новый покровитель, новые банковские карты, новый гардероб. Мило. Но ответь на мой вопрос: «Зачем ты мне все это рассказываешь?»

А, понятно.

Господин Ота про нас ничего не знает. Ты ему не говорила. Ты хочешь удостовериться, что я не разглашу твои гадкие секреты. Я прав?

— Он очень хочет с тобой познакомиться, Эйдзи.

Как мило с его стороны. Почему я должен встречаться с этим магнатом гостиничного дела?

Не поздновато ли разыгрывать заботливую матушку двадцать лет спустя, матушка?

Дело в том, что ты всегда приносила мне одни несчастья. Ты и сейчас делаешь меня несчастным.

Все замечательно. Разберись со своим алкоголизмом, выйди замуж, живи долго и счастливо, только оставь меня в покое. Истеричная, алчная, бессердечная ведьма-предательница.

Окошечко приоткрывается, — машет белый флажок, привязанный к шариковой ручке, — на полке возникает священная кружка Сатико с нарисованным на ней Дораэмоном, источает кофейный аромат. Окошечко захлопывается.

— Эйдзи?

По воле диджея «I Heard It On the Grapevine» смолкает.

Даже себе я никогда не смогу объяснить, поче-

му говорю:

— Мама, а может, я… э-э, завтра приеду в Миядзаки?

Выслушав мои объяснения, Сатико кивает:

— Кто же станет препятствовать подобной гуманитарной миссии? Но я, твой командир в великой армии «Нерона», даю тебе последний приказ: перед тем как уедешь из Токио, позвони моей подруге.

— Она, э-э, что-нибудь говорила?

— Ее настроение я определяю по тому, что именно она играет. На прошлой неделе после твоих звонков Аи играла Шопена и прочие милые вещи. А вчера я собиралась на работу под замороченные пьесы Эрика Сати[223], которые он писал, чтобы избавиться от соседей.

— Я, э-э, кажется, все испортил, Сатико.

— Аи не Мисс Круглосуточное Солнышко[224]. Жизнь коротка, Миякэ. Позвони ей.

---

[223] Примечания: 223

…замороченные пьесы Эрика Сати, которые он писал, чтобы избавиться от соседей. — Эрик-Альфред Лесли Сати (1866–1925) — эксцентричный французский композитор и пианист, предтеча музыкальных направлений модерн, конструктивизм, минимализм.

[224] Примечания: 224

Мисс Круглосуточное Солнышко — аллюзия на персонажа двух серий детских книг Роджера Харгривза (1935–1988): «Мистер Мэн» (с 1971 г.) и «Маленькая Мисс» (с 1981 г.).

— Не знаю…

— Нет, «не знаю» не принимается. Скажи: «Слушаю и повинуюсь, госпожа Сэра».

— Нет, правда…

— Заткнись и повтори, что велено, иначе в этом городе тебя к пицце не подпустят.

— Слушаю и повинуюсь, госпожа Сэра.

— Томоми сказала, что у тебя был трудный разговор, мэн… — Дои входит в загон с миниблендером в руках. — Знаешь, что я придумал, чтобы разогнать дурное влияние, мэн?

Я отворачиваюсь:

— Дои, сегодня моя последняя смена. Сжалься…

— Никаких фокусов, мэн! Просто волшебный антистрессовый коктейль…

Интересно, доставал бы он меня своими штучками, если бы знал, что сегодня я чудом — спасибо одной-единственной карте и одной лопнувшей артерии — не лишился половины своих органов? Не исключено, что да.

— Для начала клубника! — Дои высыпает в блендер упаковку ягод, набрасывает на него черный бархатный колпак и перемалывает в клубничную жижу; снимает колпак и крышку. — Затем помидоры! — Кидает туда же три пере-

спелых помидора. — Продукты красного цвета снимают стресс. А зеленые — нагнетают. Поэтому кролики и вегетарианцы такие нервные… Что еще? Малиновый сок… сырой тунец… фасоль-адзуки… все основные пищевые группы. — Дои возвращает на место крышку, накрывает блендер черным колпаком и снова включает. — И наконец, мой коронный ингредиент… — Он делает пасс и высвобождает из складок носового платка розового волнистого попугайчика. Попугайчик хлопает крылышками, моргает и попискивает. — Иди сюда, малыш! — Он осторожно опускает его в ярко-красное месиво, закрывает крышку и снова водружает сверху черный колпак.

Я понимаю, что это всего лишь фокус, и отказываюсь притворяться потрясенным. Дои опускает блендер за перегородку между загончиком и моей крысиной норой — возможно, чтобы подменить блендер? — снимает кувшин и, под звуки гавайской гитары по радио, трясет, как бармен, смешивающий коктейль.

— Дои! — входит Сатико с блокнотом в руках.

Дои вздрагивает и виновато ставит на пол то, что держал в руках.

— Прости, что беспокою тебя по таким пустякам, как работа, но…

— У меня перерыв, командирша! Дай мне еще три минутки. Я делаю для Миякэ свой умиротворяющий эликсир… — Он берет блендер, все еще накрытый черным колпаком, и включает его на полминуты.

Сатико устало опускается на стул. Дои снимает колпак, открывает крышку и пьет взбитое в пену месиво прямо из кувшина:

— Вкусняяяятина.

— Ого… — Сатико поднимает с пола блендер «Б», без бархатного колпака — так я и знал! — и ставит его на полку под окошечком. — Ты сам сделал этого попугайчика? Он совсем как настоящий. Из чего он? — с непритворным изумлением спрашивает она.

— Начальница! Ты раскрыла секрет моего фокуса!

— А не надо разбрасывать свое барахло по всей кухне!

— Мой Туту — не барахло. И не надо оскорблять попугайчиков.

— Как-то он не слишком похож на живого. — Сатико достает попугайчика из красной жижи, и он тут же рассыпается в белую пыль.

— Дои, очень прошу, — говорю я, — скажи, что это — часть твоего фокуса.

Дои в панике таращит глаза:
— Ох, мэн…

«Скорая» увозит Дои в больницу, на промывание желудка и прививки от столбняка, а я предлагаю свою помощь в доставке заказов. Сатико возражает, что этим лучше заняться ей, потому что она хорошо знает город. Томоми приходится справляться с телефоном в одиночку. Я готовлю и раскладываю по коробкам три «Эль Гринго» — томатный соус, горгонцола, салями со специями, корж с помидорами и базиликом — к тому времени, как возвращается Онидзука. Томоми рассказывает ему, что случилось с Дои, и мне чудится, что Онидзука вот-вот изменит своим принципам и улыбнется. Впрочем, он тут же превозмогает мимолетную слабость и напускает на себя привычную угрюмость. Поток заказов ослабевает. К половине восьмого утра я уже наизусть знаю весь утренний выпуск новостей. Торговые переговоры, встречи на разных уровнях, визиты высокопоставленных лиц. Прекрасный способ держать народ в подчинении — не скрывать новости, а делать их такими глупыми и скучными, что они никому не интересны. Прогноз погоды на пятницу, шестое октября: утром облачно, во второй половине дня вероятность дождя

— шестьдесят процентов, вечером — девяносто процентов. Я мою разделочные столы, надеясь, что в ближайшие полчаса заказов не будет. Надо придумать, как дешевле всего добраться до Миядзаки. Заглядываю в геенну — по ней медленно движутся шесть пицц, распространяя кармическое сияние. По радио звучит песня «I Feel the Earth Move Under My Feet»[225]. Радиоприемники и кошки занимаются своим делом независимо от того, есть кто-нибудь поблизости или нет. А вот гитары в каком-то смысле перестают быть гитарами, когда закрываешь футляр. Возвращается Сатико, кладет конверт на разделочный стол в моей крысиной норе.

— Пришлось ограбить кассу, но вот теперь «Нерон» с тобой в полном расчете.

— Прости, что я так неожиданно вас оставляю.

— Ну, когда об этом сообщат в новостях, индекс Никкей круто пойдет вниз, но мы уж как-нибудь продержимся. Если головная контора никого не пришлет на замену, я и сама могу надеть поварской фартук. Такое случается. Позвони, как

---

[225] Примечания: 225

«Я чувствую, как земля уходит из-под ног» *(англ.). «I Feel the Earth Move Under My Feet»* («Я чувствую, как земля уходит из-под ног») — песня известной американской певицы и автора песен Кэрол Кинг (Кэрол Джоан Клайн, р. 1942) с альбома «Tapestry» (1971).

вернешься в Токио, — не обещаю места в этом отделении, но обязательно направлю туда, где будет вакансия.

— Большое спасибо.

— Ты надолго уезжаешь?

— Это зависит от… многих вещей. От того, смогу ли я помочь маме поправиться. — Я кладу конверт в свой тощий бумажник.

— Позвони Аи. Иначе мне придется сообщить ей, что ты смылся из города.

— Ну, вряд ли я для нее лучший друг месяца.

— Идиот, у Аи не бывает лучших друзей месяца. Позвони ей.

Томоми, пригнувшись, заглядывает в окошечко:

— Если у тебя остались силы приготовить последнюю пиццу перед счастливым воссоединением с семьей, тут один тип из «Осуги и Босуги» заказал свою обычную «Камикадзе». — Она хлопает бланком заказа по полке и исчезает.

Я недоуменно смотрю на Сатико и чувствую, что ноги меня не держат.

— «Осуги и Босуги»? В «Паноптикуме»?

— Постоянный клиент, с незапамятных времен. «Камикадзе» — это пицца, которой нет в меню. Надо бы внести ее в таблицу, но вряд ли в Токио

найдется еще один желающий это съесть. Корж с моцареллой, банан, перепелиные яйца, гребешки, чернила осьминога.

— Перец чили целиком.

— А, ты о ней слышал от других поваров?

Для меня это загадка.

— По-моему, да…

— Незабываемое сочетание. Кстати, мне надо написать докладную о несчастном случае с Дои.

Она не видит моего лица. Я смотрю на бланк заказа. Почерк Томоми четок, как неприкрытая угроза: «Цукияма, „Осуги и Босуги“, „Паноптикум“».

Сначала я смеюсь, не в силах поверить.

Потом думаю: это ловушка.

И тут же понимаю: никакой ловушки. Во-первых, никому не известно, что я знаю, как зовут отца; а во-вторых, с тех пор, как умер Цуру, никому не нужно заманивать меня в ловушки. Мама-сан меня отпустила. Это не ловушка, а карточный фокус, который показывает мне Токио. Какой еще фокус? Что ж, разберемся, шаг за шагом. Я знаю про «Камикадзе», потому что… вот оно. Вспомнил. Несколько недель назад, когда Кошка восстала из мертвых, какой-то тип ошибся номером, позвонил в мою капсулу, думая, что

звонит в пиццерию, и заказал эту самую пиццу. Только он не ошибся. Он и есть мой отец.

Все остальное просто. Отец не клиент Акико Като — он ее коллега.

Акико Като — причина того, почему я наблюдал за «Паноптикумом» из кафе «Юпитер».

Кафе «Юпитер» — причина моей встречи с Аи Имадзё.

Аи — причина того, что я познакомился с Сатико Сэра.

Сатико Сэра — причина того, что я в пиццерии «Нерон» готовлю пиццу для своего отца.

Все. Никаких ложных следов, никаких скоропалительных выводов, никакой лжи. Для отца я был минутным развлечением. Потом стал пустым местом. А теперь — постыдная помеха. Я так… глуп. Пицца на вид не менее отвратительна, чем ее рецепт. Я скармливаю ее геенне и смотрю, как оранжевое сияние озаряет черное месиво. Почему «глуп»? Почему не «зол»? С тех самых пор, как я написал Акико Като, отец знал, где меня найти. Морино, Цуру, все остальное… а ведь он мог прогнать меня отсюда еще два месяца назад. Естественно, я расстроился бы, но покорно принял бы свою участь. А сейчас я сам решаю, что произойдет. Не знаю, что сделаю, когда окажусь

с ним лицом к лицу, но раз уж Токио подстроил нашу встречу, я с ним увижусь. Открываю окошечко. Томоми и след простыл. Сатико грызет шариковую ручку:

— А если написать, что дикий попугайчик случайно залетел в блендер? Как ты думаешь, в головной конторе поверят?

— Поверят, если очень захотят.

— От тебя столько пользы.

— Давай я доставлю «Камикадзе».

Сатико бросает взгляд на часы:

— Твоя смена заканчивается через две минуты.

— «Паноптикум» по пути в Синдзюку.

— Миякэ, воистину ты — двуногий дар небес.

Дверь «Паноптикума» беспрестанно вращается. Пальмы восседают в бронзовых вазонах. Яркие орхидеи-людоеды не спускают с меня глаз. Девять одинаковых кожаных кресел ждут посетителей. По натертому полу идет на костылях одноногий человек. Пищит резина, клацает металл. За стойкой тот же самый грузный охранник, что выгнал меня отсюда два месяца назад, когда я пытался встретиться с Акико Като. Подхожу. Он зевает:

— Чего тебе, сынок?

— Пицца для господина Цукиямы из «Осуги и

Босуги».

— Правда?

Я поднимаю коробку повыше.

— А, ну да, «Гони голод вон — это Нерон». Там ведь нет никакой взрывчатки, правда? Вы, международные террористы, всегда проносите оружие в коробках с пиццей. — Судя по всему, он считает, что это очень остроумно.

— Если хотите, пропустите ее через сканер.

Он машет дубинкой в сторону лифтов:

— Восточный лифт, девятый этаж.

На первый взгляд в приемной «Осуги и Босуги» никого нет. Стол у стены, заваленный папками, растения, гибнущие от нехватки солнца, монитор, на котором светится экранная заставка — сгенерированная компьютером физиономия с постоянно меняющимся выражением: гнев, удивление, зависть, радость, печаль и снова гнев. Единственный коридор упирается в прозрачную стену утра. Постанывает копировальный аппарат. Куда теперь? Из трясины сна выныривает человеческая голова:

— Что?

— Доброе утро. Пицца для господина Цукиямы.

Она с усилием взбирается на следующую ступень сознания, прикладывает к уху телефонную

гарнитуру и нажимает какую-то кнопку на столе. Закуривает. Ждет ответа.

— Господин Цукияма, это Момоэ. Разносчик принес пиццу на завтрак. Послать его к вам или вы все еще заняты с клиентом? — Отец что-то отвечает, и она втягивает щеки. — Понятно, господин Цукияма. — Она указывает большим пальцем на коридор и откладывает телефонную гарнитуру. — Иди до конца, потом направо. И постучи, прежде чем войти!

Ковер протерт до дыр, кондиционер страдает одышкой, краску на стенах давно пора обновить. Дверь впереди открывается, и — как нарочно — из нее выходит Акико Като с проволочной корзинкой, полной бадминтонных воланчиков. В ушах раскачиваются серебряные серьги в виде морских ежей. Она замечает, как я кошусь на нее, а я замечаю, как она косится на меня. Иду дальше, напоминая себе, что не делаю ничего противозаконного. В конце коридора едва не сталкиваюсь с женщиной, которая поправляет туфлю. Моя ровесница. Ноги привлекательней, чем у Зиззи Хикару. От нее пахнет духами и вином. Чуть качнувшись, она уходит в ту сторону, откуда я пришел. Передо мной приоткрытая дверь — «Дайсукэ Цукияма, партнер». За ней ка-

кой-то мужчина — наверное, мой отец — говорит по телефону. Прислушиваюсь к разговору.

— Знаю, знаю, любимая! Ты преувеличиваешь… ты… просто… любимая… да послушай же! Ты слушаешь? Спасибо. Мне пришлось остаться в офисе на всю ночь, потому что если поручить это дело подчиненным, они все испоганят, и я буду ночевать здесь неделями, разгребая бардак, что мне на фиг не нужно, и клиенту тоже, он просто свалит от нас к адвокатам покруче, и моя премия накроется, и чем мне тогда расплачиваться за вашего долбаного пони, с которого, собственно, вся эта хрень и началась?! Прекрати — прекрати, любимая — да, я знаю, что у всех ее подруг есть пони, но папаши ее подруг — судьи, у которых больше денег, чем в долбаной Швейцарии… По-твоему, мне нравится сидеть здесь всю ночь? По-твоему, мне нравится, когда… Что? Ах вот к чему весь этот разговор! Паранойя наносит ответный удар?! Опять? А ты никогда не задумывалась, любимая… Что? Ты шутишь?! Не может быть. Не верю. Скажи, что ты шутишь. Ах, так. Да уж, лучшей новости с утра не придумаешь. Частный детектив. Ну ты и дурочка! Конечно, частные детективы накопают тебе сколько угодно дерьма. Почему? Потому что им нужны постоянные

клиенты! Все, у меня нет сил продолжать этот разговор. — (Хлопает дверца шкафа.) — Мне нужно работать. Компания сама собой не управляет. А если у тебя столько денег, что их не жалко тратить на подобные авантюры, то к чему вся эта спешка с продажей акций, доставшихся нам по наследству от старика? Да, и тебе хорошего дня. Любимая. — Он кладет трубку. — Прыгни с балкона, любимая.

Я набираю в грудь воздуха.

Он узна́ет меня…

Он не узна́ет меня, и я ему скажу…

Он не узна́ет меня, и я ему не скажу…

Стучу. Пауза. Потом бодрое: «Войдите!» Узнаю отца по фотографии, полученной от Морино. Он, в халате, лежит на огромном диване.

— Разносчик пиццы! Ты подслушивал мой разговор?

— Я изо всех сил старался этого не делать.

— Пусть это будет тебе уроком.

— Извините, я…

— Запомни: пони в соломе держать дороже, чем шлюху в мехах.

— Вряд ли мне это когда-нибудь пригодится.

Отец усмехается — усмешкой того, кто всегда получает желаемое, — и жестом приглашает

меня подойти. Из окна кабинета открывается великолепный вид на небоскребы, но у меня свой вид, и я впитываю его до последней капли. Слишком черные волосы. Ряды туфель в шкафу. Фотография на письменном столе: сводная сестра в наряде балетного лебедя. Движения рук. То, как он садится. Судя по всему, его тело в лучшей форме, чем его фирма, — вероятно, он часто посещает спортзал

— Ты не Онидзука и не Дои.

Нет, я сын твоей первой любовницы.

— Нет.

— Ну, — отец ждет ответа, — кто же ты?

— Повар.

— Ого! Значит, это ты готовишь мои чудесные «Камикадзе»?

— Только на этой неделе. Я там временно.

Он кивает на коробку с пиццей:

— А спорим, ты никогда не видел ничего похожего на мою «Камикадзе».

Я опускаю коробку на кофейный столик:

— Необычное сочетание.

— Необычное? Уникальное!

Пахнет духами и вином.

Отец улыбается и удивленно морщит лоб:

— Что с тобой?

Скажу сейчас или уйду навсегда.

Он усмехается:

— Похоже, твоя ночь была почти такой же долгой и утомительной, как моя.

Как же ты себя любишь.

— До свидания.

Притворное удивление пополам с обидой.

— А где я должен расписаться?

— Ой… Да, вот здесь, пожалуйста.

Отец небрежно расписывается на квитанции.

Мне очень хочется размозжить тебе голову твоим дурацким кубком за игру в гольф.

Хочется орать и, кажется, разрыдаться.

Хочется, чтобы ты знал. О последствиях, о надломе, о смерти. Хочется затащить тебя на морское дно между прибрежными скалами и камнем-китом.

— Эй, алё! — Отец машет рукой. — Я тебя спрашиваю! Дои на следующей неделе работает?

Я сглатываю, киваю и ухожу от этого человека, которого никогда больше не увижу. На пороге оглядываюсь. Он, закрыв глаза, вгрызается в черную массу.

Выхожу из «Паноптикума», покупаю пачку «Хоуп», сажусь на тумбу заграждения и смотрю, как машины тормозят и вновь разгоняются.

Двадцать лет свелись к двум минутам. Выкуриваю сигарету, вторую, третью. Облачный атлас перелистывает свои страницы. Вороны препарируют груду мусора. Токио — грязный ластик. Лето сбежало из города, не оставив нового адреса. Трутни в кафе «Юпитер» поглощают завтраки. Хочется остановить какого-нибудь прохожего и рассказать ему обо всем, что случилось со мной за последние шесть недель, начиная с засады у «Паноптикума» и заканчивая этой минутой. Что я чувствую? Даже не знаю, с чего начать. Но, эй, Андзю, я сдержал свое обещание. Жаль, что Аи сегодня не работает в кафе «Юпитер». Я подъехал бы туда на своем «харлей-дэвидсоне», как Ричард Гир в «Офицере и джентльмене»[226], а она села бы сзади, и мы умчались бы по тропинкам Севера[227]. Смотрю, как по велению зеленого человечка пешеходы толпой переходят улицу. Иду за ними. Перехожу Кита-дори — я разочарован тем, что отец оказался именно тем, кого и следо-

---

[226] Примечания: 226

Я подъехал бы туда на своем «харлей-дэвидсоне», как Ричард Гир в «Офицере и джентльмене»… — Герой Ричарда Гира в фильме разъезжает на мотоцикле «Триумф».

[227] Примечания: 227

…умчались бы по тропинкам Севера. — Аллюзия на путевые заметки японского поэта Мацуо Басё «Окуно хосомити» («По тропинкам Севера», 1689).

вало ожидать. Жду зеленого человечка. Перехожу Омэ-кайдо — мне стыдно, что в моих жилах течет его кровь, — жду зеленого человечка. Снова перехожу Кита-дори. Мне грустно: я нашел то, что искал, но мне это больше не нужно. Жду и снова перехожу Омэ-кайдо. Чувствую себя свободным. Делаю один, два, три круга. Можно идти дальше. Вдруг меня окликают. Подъезжает Онидзука на своем пицца-скутере. Меня больше ничего не удивляет и, возможно, уже никогда не удивит. Не знаю, чего он хочет, но не рискую повернуться спиной и уйти — вдруг ему вздумается пырнуть меня ножом в почку.

— Поди сюда, — говорит он, отхаркивается и сплевывает. — Я тебя искал.

— Ты меня нашел.

— Смотрел, как ты нарезаешь круги.

— Не круги. Квадраты.

Он теребит гвоздик в нижней губе.

— Есть вопрос.

Я подхожу ближе.

Большим пальцем он указывает на «Нерон».

— Томоми-сплетница говорит, что ты собираешься в Миядзаки.

— Томоми-сплетница говорит правду.

— У тебя заболела мама?

— Да.

— Как насчет бабок?

К чему он клонит?

— Не могу сказать, что я богат, как Японский банк.

— У моего отчима транспортная компания. Он сказал, что один из его водителей подбросит тебя до Осаки, а там пересадит на фуру до Фукуоки. — Онидзука никогда не шутит и вряд ли решил начать сегодня. Он протягивает мне полоску бумаги. — Карта, адрес, номер телефона. Будь на месте к полудню.

Я слишком удивлен — слишком благодарен, — чтобы что-нибудь сказать.

Онидзука уезжает прежде, чем я успеваю поблагодарить его как следует.

— Ты хочешь проведать свою мать в Миядзаки, но не знаешь, когда вернешься, — объявляет Бунтаро, едва я переступаю порог «Падающей звезды», и откладывает «Окинавский вестник недвижимости». — И я не возражаю! И отговаривать тебя не собираюсь, иначе меня моя мама прибьет. Да, жена позаботится о кошке. Как в старые времена. Ты оплатил аренду до конца октября, а задаток пойдет в уплату за ноябрь, если тебе он не нужен; а если нужен, я переведу

деньги на твой банковский счет, упакую твои вещи и поставлю в кладовку. Позвони из Миядзаки, как определишься. «Падающая звезда» никуда не денется. Жена приготовила тебе обед в дорогу. — Он трет свой золотой зуб, и я вдруг понимаю, что это его амулет на счастье. — Ну, ступай, собирайся, — говорит он.

В моей капсуле все так же, как было, когда я ушел отсюда двадцать часов назад. Носки, стаканчики из-под йогурта, скомканные подушки. Странно. Кошки нет, но Таракан сидит на подоконнике. Я беру распылитель с морилкой, подкрадываюсь и — Таракан не двигается. Дремлет? Тычу в него его уголком скомканной обертки из-под печенья. От таракана осталась только шелуха.

«Онидзука ТрансДжапэн лимитед» находится рядом со станцией «Такасимадайра», на линии «Тоэй-Мита». За воротами — обнесенный стеной двор с платформой для погрузки и тремя средних размеров грузовиками. Сейчас только одиннадцать. Я иду обратно к станции, где открывается гигантский магазин электроники. Внутри холодно, как в феврале ранним утром. Две администраторши за справочной стойкой, одинаковые, как близнецы, произносят «доброе утро»

столь ангельско-согласными голосами, что я не решаюсь выбрать, к какой из двух обратиться.

— Э-э, будьте любезны, где тут компьютеры?

— Цокольный этаж, третий уровень, — отвечает мисс Слева.

— Вы не против, если я оставлю у вас рюкзак?

— Оставляйте, пожалуйста, — отвечает мисс Справа.

Я плыву на эскалаторе вниз. Вместе со мной плывут души покупателей. Все увешано гирляндами глянцевых кленовых листьев, в честь прихода осени. Миниатюрные телевизоры, сферические стереосистемы, умные микроволновки, цифровые видеокамеры, мобильные телефоны, ионизирующие морозилки, влагопоглощающие обогреватели, ковры с подогревом, массажные кресла, электросушилки, цветные лазерные принтеры. Голос над эскалатором просит не становиться на желтые линии, всегда помогать детям и старикам и выжимать максимум наслаждения из процесса совершения покупок. Товары сидят на полках и наблюдают, как мы их рассматриваем. Ни единого окна. В компьютерной секции меня приветствует одомашненный вариант Суги с пристежным галстуком. Кожа блестит, как натянутая полиэтиленовая пленка.

Интересно, есть ли внизу особые светильники, излучающие витамин *B*, чтобы компенсировать полное отсутствие солнечного света?

— Похоже, вы твердо знаете, что вам нужно!

— Да, я хочу проапгрейдить один из своих компьютеров.

— Что ж, у нас неплохой выбор. И какую сумму вы готовы потратить?

— Э-э… я получил грант на исследования, так что не стеснен в средствах. У меня модем двадцать пятого века, и хорошо бы подобрать к нему железо.

— Без проблем. А какой модем?

Кажется, я сам себя подставил.

— Э-э… суперскоростной.

— Да, господин, но какой марки?

— Э-э… «Суга», от «Саратога инструментс».

Он блефует:

— Великолепная машина. А вы из какого университета?

— Э-э, Васэда[228].

---

[228] Примечания: 228

Васэда — университет Васэда, один из двух наиболее престижных частных университетов Японии, основанный в 1882 г.; считается стартовой площадкой японских политиков и литераторов — среди его выпускников семь японских премьер-министров, известные писатели Харуки Мураками и Мати Тавара, а также знаменитый переводчик русской литературы Нобори Сёму.

Волшебное слово. Он достает свою визитную карточку и кланяется так низко, что, кажется, вот-вот облобызает мои кроссовки.

— Фудзимото, к вашим услугам. Мы предоставляем академические скидки. Что ж, у вас полная свобода действий — просто позовите меня, если понадобится помощь.

— Обязательно.

Я притворяюсь, что читаю спецификации машин, собираю пачку буклетов и сажусь за компьютер. Щелкаю по значку интернета, нахожу электронный адрес Токийского полицейского управления. Записываю его на ладони. Оглядываюсь кругом, надеясь, что за мной не наблюдают скрытые видеокамеры. Загружаю диск Суги.

«Вирус „Почтальон“ сердечно приветствует вас!»

Суга сделал свой вирус куда более дружелюбным, чем он сам.

«Вы хотите отправить свое послание массам с клавиатуры или загрузить с диска?»

Я нажимаю «Д».

«О’кей. Загрузите нужный диск и нажмите „ВВОД“».

Я вынимаю диск Суги, вставляю тот, что прислала Кодзуэ Ямая, и нажимаю «ВВОД». Вирусная

программа начинает свою работу. Дисковод гудит и подмигивает.

«О'кей. Теперь введите адрес счастливого получателя».

Я набираю записанный на ладони адрес информационной странички полицейского управления.

«Нажмите „ВВОД", чтобы наклеить марку!»

Курсор пульсирует, палец зависает над клавиатурой — в голове роятся мысли о том, что произойдет, если я нажму эту кнопку. Щелк. Слишком поздно менять решение.

«„Почтальон" доставляет ваше письмо первичному адресату… Готово. „Почтальон" доставляет ваше письмо адресатам второго поколения…»

Короткая пауза.

«Адресатам третьего поколения…»

Долгая пауза.

«Четвертого поколения… (зевок)».

Экран возвращается в исходное состояние.

«„Почтальон" продолжит до поколения 99».

Сообщение сползает с экрана.

«Выходите из Сети/покиньте место преступления/уносите ноги».

Бип-бип.

«До встречи».

До встречи, Суга. Я вынимаю диск Кодзуэ Ямая и кладу его в карман рубашки. Я — разносчик чумы. Только чума эта, возможно, обернется лекарством.

— Простите… — обращается ко мне продавец постарше. — Что вы только что загрузили в нашу систему?

Пытаюсь выдумать относительно правдоподобную ложь, но тщетно.

— Э-э, видите ли, мой моральный долг — довести до всеобщего сведения информацию о якудза, которые похищают людей, расчленяют их и, э-э, продают их органы. Я решил воспользоваться вашим компьютером, поскольку это самый безопасный способ обнародовать имеющиеся у меня данные. Надеюсь, вы не возражаете?

Продавец понимающе кивает, пытаясь определить степень моего сумасшествия: тихий, безобидный или может пырнуть ножом?

— Рад, что смогли вам помочь.

Мы благодарим друг друга, раскланиваемся, и я позволяю эскалатору унести меня прочь. Беспрепятственно забираю свой рюкзак у девушек за справочной стойкой и выхожу на улицу, в жар выхлопных газов. Бросаю оба диска в ближайший водосток. Из телефонной будки рядом с

«Онидзука ТрансДжапэн» пытаюсь позвонить Аи домой, потом на мобильный — не отвечает. Без четверти полдень. Пора найти отчима Онидзуки и представиться. Я так устал, что все кажется нереальным.

8. Горы говорят на языке дождя

Веду футбольный мяч по многолюдному торговому пассажу в центре Токио. Это не суперсовременный торговый центр — обшарпанные магазинчики предлагают оптом посудные губки, блузки тридцатилетней давности и хлипкие тренажеры. Свет сгущается в медуз из древних морей. Не знаю, как и когда я завладел этим футбольным мячом, но он для меня — проклятье, а не благословение, потому что ворота противника могут быть спрятаны в любой точке Японии. Если я подниму мяч, судья отрежет мне руки огромными ржавыми ножницами. Если я уступлю мяч противнику, школьники меня заплюют, а собаки — закусают до смерти. Но игроки не выбирают — выбирают игроков. Надо найти ворота противника и забить гол. В водовороте покупателей кружат знакомые лица: хозяин музыкального магазина в Кагосиме, секретарша моего отца, Гэндзи-цирюльник, щелкающий маникюрными ножницами, — но я знаю: стоит отвлечься лишь

на секунду — и противник завладеет мячом. Пассаж наполняется вязким туманом, откуда-то тянет холодом. Медузы шлепаются на пол и умирают. Я пробираюсь сквозь их студенистые тела, подбрасываю мяч коленом под хлюпанье воды в канализационных стоках. Я знаю, что противник следит за мной с помощью радарных установок, полученных от нацистской Германии. Почему же мне позволили проникнуть так глубоко на вражескую территорию? А вот и Клод Дебюсси — шагает по болоту в снегоступах.

— Вы завладели мячом, мсье Миякэ? *Fantastique!*[229] — Он драматически шепчет: — Я принес вам секретное послание от вашего прадедушки. Один из нашей команды — предатель! Никому не доверяйте, даже мне!

— Бунтаро?

— Матико-сан?

«Падающая звезда» заброшена много лет назад. Кое-где на стенах еще болтаются обрывки рекламных плакатов, пришпиленных кнопками. Запираю за собой дверь на засов — вполне разумная предосторожность, потому что игроки противника сбрасывают маски и собираются на

---

[229] Примечания: 229
Фантастично! *(фр.)*

тротуаре. Заброшенный видеосалон убог и жалок, именно поэтому противник решил спрятать свои ворота в моей капсуле. Я отправляю мяч за прилавок, и передо мной встает лестница, в девять раз выше обычной. Ударом ноги посылаю мяч наверх, но он отскакивает и возвращается обратно. Тем временем противник таранит окно деревянной статуей бога смеха — стекло выгибается, но не бьется. Зажимаю мяч ступнями и по-лягушачьи прыгаю вверх по ступенькам. Я уже почти наверху, когда раздается звук разбитого стекла. Если прыгать быстрее, мяч выскользнет и поскачет вниз, к противнику. Вражеский рев — сводка дорожного движения — последняя ступенька — противник громыхает наверх — подпираю дверную защелку бильярдными киями.

Моя капсула — сумрачный склад, где нет ничего, кроме строительного мусора.

Впереди меня ждет моя слава — ворота противника.

Господин Икэда орет мне в ухо:

— Что ты наделал?

Оборачиваюсь к отцу:

— Я пришел, чтобы забить гол!

— Это наши ворота, а не ворота противника! Предатель! Ты показал им, куда идти!

Бильярдные кии трещат и разлетаются в щепки.

Сказочный великан одной рукой трясет меня за колено, а другой держится за руль.

— Ты, сынок, какой-то сон видел. Даже бормотал что-то.

Великан печален. Я непонимающе таращусь вокруг. Кабина грузовика увешана гирляндами амулетов из храмов и усыпальниц. Бильярдные шары великаньих глаз глядят в разные стороны.

— Кто знает, что ты там бормотал? Только не я. Нес какую-то бессмыслицу.

И тут ко мне разом возвращаются Эйдзи Миякэ и эти семь последних недель.

— Бессмыслица — она и есть бессмыслица, на какой язык ее не переводи, — продолжает Великан, которого, кажется, зовут Хонда, но проверять это уже поздно.

Я чувствую странную легкость. Сегодня утром я встретил отца. Чувство потери, чувство победы, но сильнее всего — чувство свободы. И сейчас, вопреки всем своим представлениям о жизни, я направляюсь в Миядзаки, чтобы увидеться с матерью — впервые за шесть лет. Со скоростью

меньше пяти километров в час. Четырехполосный поток транспорта ползет по-черепашьи. Часы на приборной доске, подмигивая, сообщают, что сейчас 16:47. Я проспал больше трех часов, и кредит в банке сна еще не исчерпан. Если почтовый вирус Суги сработал именно так, как тот расписывал, файл Кодзуэ Ямая уже доставлен по каждому электронному адресу в каждой адресной книге по каждому электронному адресу в каждой адресной книге и так далее, девяносто девять раз. В общей сложности… по-моему, во всей Японии не наберется такого количества компьютеров. И теперь эту информацию никто не сможет утаить. Так или иначе, но я за это уже не в ответе.

— У Хадано пробка, — вздыхает Великан. — В дорожной сводке передали, что в десяти километрах отсюда перевернулся молоковоз.

Городской токийский пейзаж сменился сельским, расчерченным на квадраты рисовых полей.

— В ясный день, — говорит Великан, — там, справа, видно гору Фудзи.

Мир полнится моросящим дождем. Дождевые звезды на ветровом стекле превращаются в сверхновые, и дворники стирают их на счет «девять». Бормочет радио. По мокрому полотну скорост-

ного шоссе Томэи шуршат шины. Микроавтобус с детишками из школы для детей-инвалидов обгоняет нас по внутренней полосе. Они машут нам руками. Великан мигает фарами, и детишки сходят с ума от восторга. Великан посмеивается:

— Кто их знает, этих детей. Только не я. Дети — загадочные создания.

Мимо маршируют шеренги теплиц. Мне вроде бы надо поддерживать разговор, чтобы хоть как-то оплатить проезд, но стоит открыть рот, как зевота раздирает лицо пополам.

— У вас есть дети?

— Нет, только не у меня. Мы с женитьбой родились под разными звездами. У многих дальнобойщиков есть подружки в каждом порту. По крайней мере, так они говорят. Но чтобы у меня?

У Великана есть своя история, но выпытывать ее как-то неприлично.

— Сигаретку? — Великан протягивает мне пачку «Кэбин», и я уже собираюсь закурить, как вдруг вспоминаю.

— Извините, я пообещал одному другу, что брошу.

Поэтому я зажигаю сигарету Великану и надеюсь, что мое жгучее желание затянуться развеется вместе с дымом. Поток транспорта пол-

зет. Великан курит, перегибается через огромный руль и стряхивает пепел.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но когда-то и мне было столько же лет, как тебе. Я устроился на работу в «Сёва-Шелл», водил огроменные автоцистерны. Знаешь, какие огроменные? Ну такие, огроменные. Отдел перевозок организовывал обучение прямо на месте — двигатели у этих малюток не простые, а о-го-го какие, понимаешь? Общежития устроили в бывших казармах, на окраине Ямагаты. Скверное было местечко, дождь со снегом и заморозки даже в марте. Четырнадцать парней, на всех один длинный коридор, перегороженный на клетушки, ну, представляешь?

Тру глаза. Мы обгоняем детишек в микроавтобусе. Они прижимают лица к стеклу и корчат рожицы. Я думаю о людях, тонущих в подлодках.

— До этого я лунатиком не был. Во сне не ходил, никогда в жизни. А в Ямагате устроил целое представление. Не просто ходил, а вытворял всякую всячину. Вот, например, если снилось, что я гуляю по своему родному городку, я ходил по коридору, приговаривая: «Добрый день. Хорошая сегодня погода. Добрый день». Если снилось, что я знаменитый художник, утром оказывалось, что

все зеркала перемазаны зубной пастой. Поначалу было безобидно. Я всегда убирал за собой. Мы, стажеры, думали, что это смешно. Меня никогда не будили: всем известно, что лунатиков нельзя будить, но никто толком не знает почему.

Радио посвистывает и завывает. Великан пытается его настроить.

— Я вот узнал почему — и это были худшие шестьдесят секунд моей жизни. Вот снится мне, что в жаркий денек я прохаживаюсь по тенистому рынку в Китае. И вдруг двое парней с криками наваливаются на меня, еще двое хватают за руки, еще двое пытаются разжать мне пальцы. А в руках у меня что? Мясницкий тесак — вот что. Из столовой. Им если ударишь, враз убьешь. Ну, такими обычно рубят замороженные туши. Я шел от клетушки к клетушке и будил своих товарищей-стажеров, постукивая тесаком по головам.

Впереди, в сгущающихся сумерках, пульсируют огни «скорой помощи». Серебристый контейнеровоз лежит на боку, кабина смята и искорежена. Легковушку поднимают на лебедке и грузят в пикап. Регулировщики перестраивают три ряда в один. У них светящиеся жезлы и флуоресцентные защитные куртки. Другие поливают дорогу водой из шланга. Великан гладит один из своих

амулетов:

— Вот так-то, веришь в то, что мир незыблем, как скала. А потом вдруг как тряхнет — и все растает без следа.

Поток машин сочится по узкой полосе, обрамленной конусами дорожного заграждения. Великан нащупывает пачку «Кэбин».

— Огоньку не найдется?

Я зажигаю ему сигарету, гадая, окончена ли его история.

— Так вот, мой сон. Знойный денек, в Китае. Пить охота, сил нет. А на рынке продают арбузы. Сладкие, холодные как снег, арбузы. Вот прямо душу бы продал за один, это точно. Мать шепчет мне на ухо: «Осторожно, сынок! Тебе подсунут гнилье!» И тут я опускаю глаза и вижу: в дорожной пыли валяется кинжал, такой, как на раскопках археологи находят. Ну, я и пошел от лотка к лотку, постукивая клинком по арбузам. Определял по звуку, порченые или нет. Хотел найти хороший арбуз, расколоть его пополам и тут же съесть. — Узкий отрезок шоссе заканчивается, и Великан прибавляет скорость. — Ну, мне прописали лекарства от лунатизма. Я теперь сплю как убитый. Но в водительском удостоверении запись имеется, поэтому профсоюзная

работа и опасные грузы не для меня. Ну и какая там жена или дети! Вдруг оно снова начнется? Страшно ведь. Мало ли что случится. Так что, видишь… — Великан в одну затяжку расправляется с сигаретой. — Со снами надо поосторожнее.

— Ученые называют это «эффектом Аи Имадзё». — Ее голос звучит так отчетливо, словно она в соседней комнате. — Светила психологии сделали все возможное, чтобы разгадать эту загадку, но так и не пришли к единодушному мнению. Почему, ну почему стоит мне приготовить мужчине еду, как он тут же вскакивает в первый попавшийся грузовик и сматывается из города?

Я не ожидал от нее шуток.

— Я утром тебе звонил, но…

— Вообще-то, легче легкого свалить перепады моего настроения на старый добрый диабет, но, по правде сказать, во всем виновата старая добрая я.

— Перестань, Аи, я был…

— Заткнись. Я виновата, и все тут.

— Но…

— Прими извинения, или нашей дружбе конец. Кому-кому, а мне уж точно не следовало учить тебя, как относиться к матери.

— Нет, ты была права. Мама позвонила мне из

Миядзаки. Вчера вечером.

— Да, Сатико говорила. Однако же то, что я оказалась права, нисколько не извиняет мои нравоучения. Короче, я сижу у пианино и крашу ногти на ногах. А ты где, беглец?

— Кормлю комаров у придорожного кафе «Окатян»[230].

— В Японии десять тысяч придорожных кафе «Окатян».

— Это находится между, э-э, нигде и… никуда.

— Должно быть, в Гифу[231].

— По-моему, так оно и есть. Сюда меня доставил один дальнобойщик, а отсюда меня заберет его знакомый по прозвищу Удильщик, который едет в Фукуоку. Только сначала ему нужно подраться с каким-то гнусным техником с автозаправки, который неуважительно отозвался о его жене.

— Молись, чтобы он одержал победу в схватке, но не заработал сотрясения мозга. Бедный Миякэ!

---

[230] Примечания: 230

«Мамочка» *(яп.)*.

[231] Примечания: 231

Гифу — один из так называемых центральных городов на острове Хонсю.

Ты угодил в фильм киностудии «Никкацу»[232] о дальнобойщиках.

— Это не самый быстрый способ добраться до Кюсю, зато самый дешевый. У меня новости. Только сначала поставь пол бутылочку с лаком, а то на пианино останутся пятна.

— Что случилось?

— Последние девять лет своей жизни я провел в самой тихой деревне самого тихого острова в самой тихой префектуре Японии. Там никогда и ничего не случалось. Дети всегда так говорят, где бы они ни жили, но на Якусиме это действительно так. С тех пор как мы виделись в последний раз, произошло все то, чего никогда не случалось раньше. Это был самый фантастический день моей жизни. А когда ты узнаешь, кого я встретил сегодня утром…

— Похоже, мне лучше тебе перезвонить. Диктуй номер.

[232] Примечания: 232

Ты угодил в фильм киностудии «Никкацу»… — Киностудия «Никкацу» — старейшая японская киностудия, основанная в 1912 г., широко известна фильмами и телевизионными программами; в 1970–1990-е гг. выпускала большое количество эротических фильмов и низкопробных боевиков.

— Эйдзи! — Она влезает на высокий подоконник и садится, обхватив колени руками. Бамбуковые тени раскачиваются и шелестят по татами и выцветшим фусума[233]. — Эйдзи! Иди сюда быстрее!

Я встаю и подхожу к окну. Зубные нити паутины. Из окна бабушкиного дома виден парк Уэно, только все гуляющие уже разбрелись по домам. Андзю стоит на коленях перед древним остовом поваленного кедра. Вылезаю из окна. Воздушный змей солнечного света застрял высоко в ветвях. Он сверкает темным золотом. Андзю в отчаянии:

— Глянь! Там мой змей зацепился!

Я опускаюсь на колени рядом с ней — больно смотреть, как она плачет, — и подбадриваю ее:

— Так высвободи его! Ты же чудесно лазаешь по деревьям!

Андзю вздыхает по-особенному, недавно выученным вздохом:

— У меня диабет, гений! Забыл, что ли? — Она показывает вниз; ее ноги, как подушечка для булавок, утыканы шприцами, капельницами и пыточными приспособлениями. — Высвободи его, Эйдзи!

---

[233] Примечания: 233

Фусума — ширма из рисовой бумаги.

Я начинаю взбираться — пальцы впиваются в чешуйчатую кору. В дальней долине блеют овцы. Нахожу пару своих носков, таких грязных, что их уже ничто не спасет. Проходит целая жизнь, надвигается темнота, кружит ветер, вороны слетаются в поисках чего-нибудь помягче. Я боюсь, что воздушный змей солнечного света изорвется в клочья раньше, чем я до него доберусь. Где он в этом вихре листвы? Через несколько минут он обнаруживается на самой верхней ветке. Какой-то мужчина, все еще без лица.

— Зачем ты взобрался на мое дерево? — спрашивает он.

— Я ищу воздушного змея своей сестры, — объясняю я.

Он хмурит брови:

— Охота за воздушными змеями важнее заботы о сестре?

Внезапно я вспоминаю, что оставил Андзю совсем одну — сколько дней прошло? — в бабушкином доме, без воды и без еды. Кто откроет консервы ей на обед? Волнуюсь еще больше, когда замечаю, как обветшал дом: на свесах крыши разрослись кусты, еще одна суровая зима окончательно его развалит. Неужели прошло уже девять лет? Дверная ручка крутится вхолостую, а как

только я стучу, дверь падает вместе с косяком. За стропилами скользят кошачьи тени. В моей капсуле лежит гитарный футляр. А в футляре — Андзю. Она не может открыть спасательные люки изнутри, ей нечем дышать — слышу отчаянный стук, бросаюсь к ней, дергаю замки, но они заржавели…

◆

— И тут я просыпаюсь, и оказывается, что это был сон!

В отсветах огоньков приборной доски Удильщик — кожа да кости в сетчатой майке. Хриплый смешок, один, второй, третий. У него совершенно резиновые губы, у людей таких не бывает. Грузовик мчится сквозь дождливое гиперпространство. Мимо со скоростью света проносится дорожный знак — скоростное шоссе Мэйсин, «выезд на Оцу, 9 км». На приборной доске светятся часы. 21:09.

— Забавное это дело, сны, — говорит Удильщик. — Хонда рассказывал про свой лунатизм? Фигня все это. Просто женщины его не любят, только и всего. А сны… Я про них много читал. Никто не знает, что такое сны. Даже ученые спо-

рят между собой. Одни считают, что гиппокамп перебирает воспоминания в левом полушарии мозга, а потом правое полушарие выдумывает всякие истории, чтобы как-то соединить образы.

Удильщик не ждет моего ответа — если бы меня здесь не было, он беседовал бы с куклой Зиззи Хикару. «Выезд на Киото, 18 км».

— Так что любой сон — это сценарий. Ну, как-то так.

По ветровому стеклу ползет мохнатая муха.

— Я тебе не рассказывал про свой сон? Ну, свой сон есть у каждого. Так вот, мне тогда было столько же, сколько тебе сейчас. Я влюбился. Или сошел с ума. В принципе это одно и то же. Вот так-то. Она — Кирара ее звали — была вся такая избалованная, папина дочка. Мы ходили в один плавательный клуб. В те времена я был сложен хоть куда. А ее папаша заправлял каким-то зловещим учреждением. Каким именно? Да вроде Министерством образования. В общем, Кирара была не моего поля ягода. Но меня это не остановило. Меня будто околдовали. В школе я списал из какой-то книги любовное стихотворение. И в награду получил поцелуй! У меня и сейчас, как у козла, от баб отбою нет. Короче, Кирара не устояла. На машине моего двоюродного брата мы с ней

ездили к водохранилищу. Считали звезды. Считали ее родинки. Небывалое блаженство. У меня такого больше никогда не было и уже не будет. А потом до ее папаши дошли слухи о том, как мы проводим время. Я, понятное дело, не подходил на роль принца для его драгоценной принцессы. Ну и… Папаша сказал свое веское слово, и она бросила меня, словно покрытый струпьями труп. Даже сменила плавательный клуб. Для Кирары я оказался легкой закуской, а она для меня была целым меню в ресторане любви. В общем, я расстроился. Совсем рассудок потерял. Продолжал посылать ей стихи. Кирара не обращала на них внимания. Я перестал спать, есть, думать. А потом решил доказать ей свою преданность, совершив самоубийство. Мой план был таков: добраться до Моря Деревьев у подножья Фудзи и наглотаться снотворного[234]. Способ не оригинальный, я понимаю, но мне было восемнадцать, а у моего дяди там была хижина. Утром я отправил Кираре письмо, в котором говорилось, что я не могу жить

[234] Примечания: 234

…добраться до Моря Деревьев у подножья Фудзи и наглотаться снотворного. — Море Деревьев — Аокигахара (Дзюкай), густой лес у северо-западного склона горы Фудзияма, называемый также Лесом самоубийц, традиционно считается местом обитания демонов и призраков; в XIX в. там оставляли стариков и детей, которых не могли прокормить, а в настоящее время здесь совершается до 100 самоубийств в год.

без ее любви и что у меня нет другого выхода, кроме как умереть. Вдобавок я описал место, где собирался совершить свой подвиг — какой смысл умирать за любовь, если об этом никто не узнает? Короче, я сел на самый ранний поезд, доехал до тихой сельской станции и отправился к цели. Погода все время меняла настроение, а я — нет. Я был твердо уверен в принятом решении. Я отыскал хижину своего дяди и побрел дальше, пока не вышел на поляну. Вот нужное место, подумал я. И тут вдруг увидел высоко-высоко… угадай что?

— Э-э… птицу?

— Кирару! Мою возлюбленную. В петле! Ее ноги медленно крутились то в одну сторону, то в другую. Жуткое зрелище! Раздутая, в дерьме, вороны и личинки уже делают свое дело.

— А это…

— И тут меня обуял такой ужас, что я проснулся, — все еще в поезде, на пути к Фудзи. Вот тебе и откровение. На следующей станции я вышел, сел в обратный поезд и поехал домой. На коврике перед дверью лежало мое письмо — непрочитанное и даже не вскрытое, только на конверте надпись кроваво-красными чернилами: «Вернуть отправителю». Кирара — или ее отец — вернули его, даже не прочитав. А я-то, дурак… Короче, она по-

ступила в университет и уехала, и… — Удильщик притормаживает, пропуская какой-то грузовик. Водитель машет ему рукой. — Ну а потом, много лет спустя, я ее снова увидел. В аэропорту Кансай, издалека. Муж-богатей, золотые побрякушки, спиногрыз в коляске. Знаешь, о чем я подумал?

— Позавидовали?

— Нет. Я вообще ни о чем не подумал. Хоть и был готов из-за нее в петлю влезть, но никогда ее не любил. Не любил по-настоящему. Только думал, что люблю. — Мы въезжаем в тоннель, полный эха и воздуха. — У таких историй должна быть мораль. Вот моя мораль: доверяй снам. А не тому, что думаешь.

◆

Еще тоннели, мосты в долинах, станции техобслуживания. По скоростному шоссе Тугоку грузовик въезжает в рассвет. В прошлые века знатные люди и священнослужители тратили много дней, чтобы пройти тот путь, который в двадцать первом веке проделываешь за полчаса. Заторможенный дождь, заторможенный туман, заторможенные дворники на ветровом стекле. Очертания снова обретают имена, а име-

на — очертания. Островки в устьях рек. Цапли на рыбалке. Лавандовые бетономешалки, запечатывающие берега. Заложенные кирпичом тоннели в горных склонах. Склад пивных ящиков, бесконечный и однообразный, как Утопия. Представляю, как мама лежит без сна, в сотнях километров отсюда, и думает обо мне. Я все еще не верю, что сам напросился в Миядзаки. Интересно, для нее это тоже сюрприз? Волнуется ли она так же, как и я? «Выезд на Окаяму». Над заводскими трубами клубится дым. Удильщик беспрестанно мурлычет себе под нос одну и ту же песенку. Дорогами повелевают машины, а не те, кто их водит, — грузовику поменять водителя легче, чем поменять масло. Материнские визиты были для нас пыткой. С тех пор как она нас бросила и до смерти Андзю, мама приезжала на Якусиму примерно раз в год. «Выезд на Фукуяму». Пламя лижет уголок тумана. Участок леса расчищают за неделю, разравнивают землю за месяц, асфальтируют за полдня — и потом забывают. Вскрыли, озеленили, разгладили, выкорчевали. Линии электропередач, провода, обвисшие и туго натянутые от столба к столбу, пальцы скорости перебирают струны небрежно настроенной гитары. Бабушка отказывалась встречаться с мамой,

поэтому мы приезжали к дяде Патинко в Камияку — главный порт — накануне вечером. Нас одевали в школьную форму, а тетя Патинко отводила нас к парикмахеру. Конечно, все знали. Мама брала такси от причала, хотя до дяди Патинко было не больше десяти минут ходу. Ей отводили лучшую комнату, а тетя развлекала ее светской беседой, в которой основное внимание уделялось пустопорожним мелочам. «Выезд на Хиросиму». Удильщик выключает дворники. Рекламные щиты расхваливают банк, который лопнул много месяцев тому назад. Горы, что спускаются к побережью Японского моря, поворачивают время вспять. Бесцветные окраины повторяющихся городов. Много лет спустя дядя Асфальт проговорился — после шести банок пива, — что дядя Патинко посылал маме деньги на жизнь, а в обмен заставлял ее нас навещать. Наверное, он хотел как лучше, но все-таки зря он принуждал нас видеться. Мы отвечали на ее вопросы, всегда одни и те же, не задевающие болезненных тем. Какие предметы в школе нам нравятся больше всего? Какие предметы в школе нам нравятся меньше всего? Чем мы занимаемся после школы? Наши беседы напоминали допрос. Ни проблеска нежности. «Выезд на Токуяму». Именно здесь

Субару Цукияма, мой двоюродный дед, провел последние недели своей жизни в Японии. Сегодня он не узнал бы префектуру Ямагути. Поле для гольфа, врезанное в склон холма, огорожено зеленой сеткой. Микроскопические фигурки машут клюшками. Я вновь вспоминаю о почтовом вирусе и думаю о том, разносит ли он еще жуткие новости Кодзуэ Ямая. Теперь он не имеет ко мне ни малейшего отношения. Видимые последствия — лишь верхушка айсберга: результаты большинства поступков обычно невидимы для того, кто их совершает. Грязная тряпка выцветшего неба — утро забывает о недавнем дожде, как девчушка забывает о том, что хотела затаить обиду на долгие годы. Наверное, Андзю с большей охотой говорила бы с мамой, но, чувствуя мою неприязнь, тоже закрывалась, как устрица. Мать курила одну сигарету за другой. Ее образ в моей памяти затянут табачным дымом. Тетя Патинко никогда не задавала ей личных вопросов, во всяком случае при нас, поэтому все, что мы знали, было подслушано из-за стенной перегородки. Потом, вечером, она садилась на «комету» до Кагосимы, и все вздыхали с облегчением. Однажды она осталась на два дня — тогда-то Андзю и увидела, как мать готовит тэмпуру из своего

кольца, — но тот затянувшийся визит никогда больше не повторялся. «Выезд на Ямагути». Дерево раскачивается само по себе на безветренном склоне холма. Горы сглаживаются. Ее не было на похоронах Андзю. Сплетни, кровавый спорт нашего острова, донесли, что она улетела на Гуам «по работе» за день до того, как Андзю погибла, и не оставила номера, по которому с ней можно было бы связаться в экстренном случае. Были и другие версии, менее снисходительные. Я заковал себя в трехдюймовую броню безразличия. В последний раз мы виделись — единственный раз без Андзю, — когда мне было четырнадцать. Это было в Кагосиме, в старом доме дяди Толстосума. У нее была короткая стрижка и яркие украшения. И темные очки. Меня заставили прийти. По-моему, маму тоже заставили.

— Ты вырос, Эйдзи, — сказала она, когда я вошел в комнату и уселся.

Я был твердо настроен на ссору.

— А ты нет.

Тетя Толстосум поспешно сказала:

— Эйдзи так вытянулся за последние месяцы. Его учитель музыки говорит, что он прирожденный гитарист. Жаль, что ты не принес гитару, Эйдзи. Мама с удовольствием послушала бы, как

ты играешь.

Я обратился к дужке ее очков:

— Мама? У меня ее нет, тетя. Она умерла еще раньше, чем Андзю утонула. У меня где-то есть отец, но матери нет. Вы же знаете.

Мать спряталась в клубах табачного дыма.

Тетя Толстосум разливала чай.

— Твоя мама проделала долгий путь, чтобы с тобой увидеться, и, по-моему, тебе следует извиниться.

Я хотел было встать и уйти, но мама меня опередила. Она взяла сумочку и повернулась к тете Толстосум:

— В этом нет необходимости. Он не сказал ничего такого, с чем я была бы не согласна. А вот с чем я действительно не согласна, так это с тем, что нас заставляют продолжать дурацкие семейные беседы, когда совершенно ясно, что никакой семьи у нас нет и беседовать не о чем. Я знаю, что вы делаете это из благих побуждений, но благие побуждения часто приносят вред похлеще дурных. Передайте привет моему брату. Ночной поезд в Токио отходит через пятьдесят минут, я хочу успеть на него.

Возможно, за давностью лет точные слова подзабылись, но суть сказанного была такова.

Возможно, темные очки я выдумал, потому что не помню материнских глаз.

Удильщик открывает банку кофе и включает радио. Словно за компанию, включается и солнце. Мы проезжаем по мосту Симоносэки. Я снова на Кюсю. Улыбаюсь, сам не зная чему. Душа, воссоединившись с телом, которое она покинула навсегда, поражается, что оно по-прежнему ей повинуется, — вот как я себя чувствую. Сломанные ограды, буйство диких цветов, нетронутая земля. Кюсю для Японии — это потусторонний мир, живущий по диким законам. Все мифы и легенды приползли, прискакали или приплыли с Кюсю. Удильщик вспоминает о моем присутствии:

— Как каждое утро говаривала моя дорогая мамочка: «Вставай пораньше, рассвет — это дар небес». Вот так-то. Через двадцать минут будем в Китакюсю…

— Господин Аояма! Пожалуйста, примите мои самые искренние соболезнования по случаю, э-э, вашей смерти.

Господин Аояма опускает бинокль и возится с настройкой. На нем мундир сотрудника ЯЖД, но выглядит он степеннее, чем когда-то в Уэно.

— Смерть — это не так плохо, Миякэ, когда она наконец приходит. Как день зарплаты. Кстати, извини, что я обвинил тебя в шпионаже.

— Ничего страшного. У вас был сильнейший стресс.

Господин Аояма поглаживает верхнюю губу:

— Я сбрил усы.

— И правильно сделали, господин начальник вокзала. Если честно, они вам не шли.

— По-моему, важнейшие перемены в жизни нужно чем-то отмечать.

— А смерть — наиважнейшая перемена.

— Верно подмечено, Миякэ.

— Позвольте узнать, как я умер?

— А ты жив до мозга костей! Твое тело находится в автобусе, который едет из Китакюсю в Миядзаки. Это всего лишь сон.

— Мне никогда раньше не снились сны, так непохожие на сон.

— Сны живых людей зависят от их Умерших. Присмотрись повнимательней.

Мы летим. Господин Аояма летит свободным стилем, как Супермен. У меня за спиной приторочен ранец с реактивным двигателем, как у Зэкса Омеги. Под нами — розовые меренги облаков. Свитки Земли разворачиваются и уносятся

прочь.

— Еще одно преимущество, которым мы, умершие, располагаем, — это неограниченная свобода восторгаться величием мироздания.

— Вы — мой Умерший?

— Я нанял тебя, а ты нанял меня.

— А почему Андзю никогда не приходит?

— Хороший вопрос. — Господин Аояма сверяется с наручными часами. — Над этим работают.

— Значит, мертвые действительно, э-э, общаются с живыми?

— Тоже мне, большое дело.

— И вы действительно видите… все? — Я вспоминаю свои игрища с Зиззи Хикару.

— Да, если хотим. Но ты бы стал смотреть телевизор с миллиардом каналов? Очень малая часть по-настоящему заслуживает внимания. Злодеи воображают, что их преступлениям нет равных, но в этом они ошибаются. Нет. Цель моего появления в твоем утреннем сне — искупление грехов.

— Э-э… ваших или моих?

— Наших. Я дурно обращался с тобой в Уэно. А ты плюнул в мой чайник.

— Мне очень стыдно за свой поступок.

Господин Аояма смотрит в бинокль:

— Через два дня во всех газетах опубликуют

ужасные новости. Взгляни. Искупление близко. — Господин Аояма указывает вниз.

Облака раздвигаются, как в древних свитках, — и открывают моему взору наш тайный пляж, прибрежную скалу и камень-кит. На камне-ките в горестном одиночестве сидит девочка. Конечно же Андзю.

— Незаконченное дело, Миякэ.

— Не понимаю.

— Поймешь.

Реактивный двигатель чихает и глохнет. Вижу маму — лицо с афиши фильма ужасов, — но и она, и балкон девятого этажа стремительно исчезают в небе над Токио. Кручусь, верчусь, вижу, как навстречу на предельной скорости несется детская площадка, и вспоминаю, что если не проснусь, прежде чем ударюсь о землю, то…

Просыпаюсь с криком «ааааааааа!» на заднем сиденье автобуса — его двери с шипением закрываются, и он трогается с места. Сажусь прямо и щурюсь от света. Да, это автобус. Удильщик хотел поспрашивать дальнобойщиков в Китакюсю, не едет ли кто-нибудь на юг, в сторону Миядзаки, но мама ждет меня к обеду. Не хочется опаздывать.

После того как я уснул, соседнее сиденье заняла старушка. В руках у нее мелькают вязальные спицы, лицо круглое и щербатое, как луна, и, по-моему, она увлекается ароматерапией, потому что от нее пахнет… какой-то травкой, названия которой я не помню. Густой загар отливает оранжевым. Между нами стоит корзина с хурмой. Не той водянистой хурмой, которую продают в Токио, — нет, хурма, что лежит в ее корзине, растет только в сказках. Это хурма, ради которой любой рискнет навлечь на себя гнев чародеев. У меня текут слюнки — я больше суток почти ничего не ел.

— Предлагаю обмен, — говорит госпожа Хурма. — Одну хурму за твой сон.

Я смущенно спрашиваю:

— Я бормотал во сне?

Она не отрывает взгляда от петель вязанья:

— Я собираю сны.

И я рассказываю ей свой сон, не упоминая о том, что Андзю — моя сестра. Спицы звенят, как мечи на далеком холме.

— Не скаредничай, юноша. О чем ты умолчал?

Признаю́сь, что Андзю — моя сестра-двойняшка. Госпожа Хурма на минутку задумывается.

— Когда она ушла, эта несчастная?

— Ушла откуда?

— С лицевой стороны, конечно же…

— С лицевой стороны…

— Жизни.

Нет, ее спицы стучат, как трость слепого.

— Девять лет назад. Откуда вы знаете?

— В будущий четверг мне исполнится восемьдесят один.

То ли ее мысли где-то витают, то ли мои где-то плутают. Она зевает. Маленькие белые зубы. Вспоминаю Кошку. Старушка спускает петлю.

— Сны — это берега, где океан духа сливается с твердью. Берега, по которым «когда-нибудь будет», «однажды было» и «не будет никогда» шествуют среди «ныне есть». Ты ведь считаешь меня седой суеверной старухой. И к тому же — сумасшедшей.

Выразиться лучше я бы не смог.

— Разумеется, я сумасшедшая. Иначе откуда бы мне знать все, что я знаю?

Я боюсь ее обидеть, поэтому спрашиваю, что, по ее мнению, означает мой сон. Она зубасто улыбается. Знает, что я ей подыгрываю.

— Тебя разыскивают.

— Разыскивают? Кто?

— Бесплатных советов не даю. Возьми свою

хурму, мальчик.

После Токио Миядзаки кажется просто игрушечным. На автовокзале я иду в бюро информации для туристов, чтобы узнать, как добраться до клиники. Никто о ней даже не слышал, но, когда я показываю адрес, мне говорят, что нужно сесть на автобус до Кирисимы. Ближайший рейс отправляется через час, поэтому я иду в туалет на вокзале, чищу зубы и усаживаюсь в зале ожидания, где пью сладкий холодный кофе из банки и наблюдаю за прибывающими и отъезжающими автобусами и пассажирами. Мимо неторопливо проходят местные жители. Облака никуда не спешат, а в фонтанах под пальмами висят радуги. Пенсионного возраста пес с мутными глазами подходит ко мне и обнюхивает в знак приветствия. Женщина на сносях пытается удержать в повиновении выводок разбегающихся в разные стороны детишек-попрыгунчиков. Я вспоминаю про хурму — бабушка говорит, что беременным хурму нельзя, — и перочинным ножом срезаю с нее кожицу. Пальцы становятся липкими, но плод, переливающийся, как жемчужина, просто великолепен. Выплевываю блестящие косточки. Один из мальчишек научился свистеть, но пока только одну мелодию. Мать смотрит, как

дети прыгают по пластмассовым сиденьям. Интересно, где их отец. Когда они добираются до огнетушителя, она наконец делает замечание:

— Не трогайте, не то дяденьки, что следят за порядком, сильно осерчают!

Выхожу прогуляться. В сувенирном магазинчике, полном безделушек, не распроданных с пятидесятых годов, замечаю чашу с поблекшими пластмассовыми фруктами, на которых улыбаются веселые рожицы. Покупаю сувенир для Бунтаро, в отместку за брелок с Зиззи Хикару. Захожу в «Лоусонз» за упаковкой шипучих леденцов и до самого прихода автобуса читаю журналы. Наверное, я должен волноваться, но на это нет сил. Я даже не знаю, какой сегодня день.

Я ожидаю увидеть где-нибудь на окраине фешенебельное заведение с парковкой и пандусами для инвалидных колясок, но автобус по узкой дороге выезжает далеко за город. Через тысячу иен пути какой-то крестьянин указывает на проселочную дорогу и говорит, что надо идти по ней до тропки, а потом по тропке до самого конца.

— Тут не заблудишься, — уверяет он, что, как правило, предвещает большие неприятности.

По одну сторону дороги вздымается склон холма, поросший соснами, по другую — убирают

и развешивают для просушки снопы раннего риса. На тропе мне попадается большой плоский камень-голыш. Сверчки передают тире и точки морзянки. Я кладу камень в рюкзак. Вселенная расцвечена розовато-лиловым, ярко-розовым и белым. Вся земля. Весь воздух. Я иду, иду. Начинаю волноваться — минут через двадцать виден конец тропки, но клиники и следа нет. До ужаса смешные пугала бросают на меня косые взгляды. Большие головы, костлявые шеи. Асфальт заканчивается, а тропка ведет к какой-то старой ферме у подножья осенней горы. Пот стекает по спине, скапливается у поясницы, — да, свежестью от меня не пахнет. Может быть, водитель автобуса не там меня высадил? Надо пойти на ферму и спросить. Жаворонок умолк, вокруг громкая тишина. Огороды, подсолнухи, голубые простыни, развешанные на просушку. В саду камней, на небольшом возвышении, заросшем пальчатником, стоит традиционный чайный домик под соломенной крышей. Я прохожу мимо калитки и вижу написанную от руки вывеску: «Горная клиника Миядзаки». Несмотря на все признаки того, что место обитаемо, вокруг ни души. У парадного входа нет ни колокольчика, ни звонка, поэтому я просто открываю дверь

и вхожу в прохладную приемную, где какая-то женщина — уборщица? — в белой униформе пытается превратить горы папок в холмы. Эта битва заранее проиграна. Тут она замечает меня:

— Привет.

— Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, не мог бы я, э-э, поговорить с дежурной сестрой?

— Вы можете поговорить со мной, если хотите. Меня зовут Судзуки. Я врач. А вы?

— Э-э, Эйдзи Миякэ. Я приехал навестить свою мать. Пациентку. Марико Миякэ.

Доктор Судзуки ахает:

— О, наконец-то! Долгожданный гость, Эйдзи Миякэ. Наша блудная сестра все утро была как на иголках. Мы предпочитаем говорить «гости», а не «пациенты» — только не подумай, что у нас здесь какой-нибудь культ. Надо было позвонить из Миядзаки. Ты долго нас искал? Сюда сложновато добираться. Но по-моему, когда ты ежеминутно окружен людьми, одиночество оказывает целительное воздействие. Ты уже ел? Сейчас все обедают в столовой.

— Я съел рисовый шарик в автобусе…

Доктор Судзуки видит, что меня не прельщает встреча с матерью при посторонних.

— Ну, тогда подожди в чайном домике. Мы им

очень гордимся — один из наших гостей был мастером чайной церемонии и будет им снова, если я хоть что-нибудь понимаю в своем деле. Домик построен по образцу чайных домиков Сэн-но Рикю[235]. Я пойду скажу твоей маме, что ты уже здесь.

— Доктор…

Доктор Судзуки поворачивается, крутанувшись на одной ноге:

— Да?

— Нет-нет, ничего.

По-моему, она улыбается.

— Просто будь собой.

Я скидываю обувь и забираюсь в прохладную хижину размером в четыре с половиной татами. Смотрю на поющий сад. Пчелы, стебли фасоли, лаванда. Отпиваю ячменный чай — он согрелся и вспенился за время пути — из бутылки, купленной в Миядзаки. Папирусная бабочка замирает на потолке и складывает крылышки. Ложусь на спину и закрываю глаза — всего на секунду.

[235] Примечания: 235

Домик построен по образцу чайных домиков Сэн-но Рикю. — Сэн-но Рикю (Сэнно Соэки, 1522–1591) — прославленный мастер чайной церемонии в стиле ваби-тя, проводимой в скромной обстановке с использованием простой утвари.

Над Нью-Йорком вьется снежная пелена и стая серых ворон. Я знаю водителя моего большого желтого такси, но ее имя ускользает всякий раз, как я пытаюсь его вспомнить. Проталкиваюсь сквозь толпу журналистов с пучеглазыми объективами и оказываюсь в студии звукозаписи, где Джон Леннон большими глотками пьет ячменный чай.

— Эйдзи! Твоя гитара уже отчаялась!

О встрече с этим полубогом я мечтал с двенадцати лет. Моя мечта сбылась, и мой английский в сто раз лучше, чем я смел надеяться, но все, что мне удается выдавить из себя, — это:

— Извините, что опоздал, господин Леннон.

Великий человек пожимает плечами в точности как Юдзу Даймон.

— Ты девять лет учил мои песни, так что зови меня Джоном. Или называй, как хочешь. Только не Полом. — (Все смеются над шуткой.) — Позволь мне представить тебя остальным членам группы. С Йоко ты уже встречался: однажды летом, в Каруидзаве, мы катались на велосипедах[236]…

---

[236] Примечания: 236

С Йоко ты уже встречался: однажды летом, в Каруидзаве, мы катались на велосипедах… — Каруидзава — курортный поселок у подножья вулкана Асама в префектуре Нагано, где в 1970-е гг. отдыхали Джон Леннон и Йоко Оно.

Йоко Оно в наряде Пиковой дамы.

— Все в порядке, Шон, — говорит она мне. — Мамочка просто ищет свою руку в снегу[237].

Это кажется нам безумно смешным, и мы разражаемся хохотом. Потом Джон Леннон указывает на фортепьяно:

— А на клавишах, дамы и гопота, с вашего позволения, господин Клод Дебюсси.

Композитор чихает, и у него изо рта вылетает зуб, что вызывает новый приступ хохота, — чем больше вылетает зубов, тем сильнее мы хохочем.

— Моя подруга-пианистка, Аи Имадзё, — обращаюсь я к Дебюсси, — обожает вашу музыку. Она выиграла стипендию Парижской консерватории, а отец запретил ей ехать. — (Ух ты, мой французский тоже великолепен!)

— Тогда ее отец — сраный боров-сифилитик. — Дебюсси опускается на колени и подбирает зубы с пола. — А госпожа Имадзё — исключительная женщина. Скажите ей, чтобы ехала! У меня слабость к азиаткам.

---

[237] Примечания: 237

Все в порядке, Шон… Мамочка просто ищет свою руку в снегу. — Имеются в виду Шон Таро Оно Леннон (р. 1975), сын Джона Леннона и Йоко Оно, и песня Йоко Оно «Don't Worry Kyoko (Mummy's Only Looking for Her Hand in the Snow)» («Не волнуйся, Кёко (Мамочка просто ищет свою руку в снегу)») с альбома «Fly» (1971) группы *Yoko Ono and Plastic Ono Band.*

Я в парке Уэно, среди кустов и палаток, где живут бездомные. Мне кажется, что это не очень подходящее место для интервью, но Джон сам предложил сюда пойти.

— Джон, а в чем настоящий смысл «Tomorrow Never Knows»?[238]

Джон принимает позу мыслителя:

— А я не знаю.

Мы заливаемся хохотом.

— Но ведь ты ее написал!

— Нет, Эйдзи, я не… — Он смахивает с глаз слезы. — Это она меня написала.

Тут полог у входа в палатку приподнимается, и Дои вручает нам пиццу. Открываем коробку — в ней лежит брикет марихуаны. Дама с фотографиями — похоже, мы у нее в гостях — орудует кондитерской лопаткой с рукоятью, увенчанной отполированным черепом горностая. Всем достается по тонкому ломтику — на вкус как зеленый чай.

— Какая песня Джона нравится тебе больше всего, Эйдзи-кун?

Я вдруг понимаю, что Дама с фотографиями

---

[238] Примечания: 238

«Завтрашний день никогда не знает» *(англ.). «Tomorrow Never Knows»* («Завтрашний день никогда не знает») — песня Джона Леннона с альбома «Revolver» (1966) группы *The Beatles*.

— это замаскированная Кодзуэ Ямая, и нам всем становится очень смешно.

— «Сон номер девять», — отвечаю я. — Это настоящий шедевр.

Джон приходит в восторг от моих слов и изображает индийского божка, напевая: «Ah! böwakawa poussé poussé»[239]. Хихикает даже плексигласовый синий кит перед Национальным музеем природы и науки. Легкие наполняются смехом, я чуть не задыхаюсь.

— Дело в том, — продолжает Джон, — что «Сон номер девять» связан с «Норвежским деревом». Обе эти песни — о призраках. «Она» в «Норвежском дереве» обрекает тебя на одиночество. «Два духа, танцующие так странно» в «Сне номер девять» даруют тебе гармонию. Но люди предпочитают одиночество, а не гармонию.

— А что означает название «Сон номер девять»?

— Девятый сон начинается после того, как что-то заканчивается.

Гуру гневно вопрошает:

— Почему ты забросил поиски нирваны?

— Если ты такой глубокий мыслитель, — фыр-

---

[239] Примечания: 239

«Ah! böwakawa poussé poussé» — бессмысленная строка из песни Джона Леннона «#9 Dream», которую он услышал во сне.

кает Джон, — то должен сам знать почему!

Меня распирает смех и…

— …я проснулся. И увидел маму в дверях чайного домика.

Аи выключает музыку.

— Ты проснулся от смеха? А что она подумала?

— Потом она призналась, что решила, будто у меня припадок. А еще позже она сказала, что Андзю часто смеялась во сне, когда была совсем маленькая.

— Вы долго говорили?

— Часа три. Пока не спала жара. Я только что вернулся в Миядзаки.

— И ни ты, ни она не испытывали особой неловкости?

— Не знаю… Мы будто мысленно заключили своего рода соглашение: она отбросила роль матери, а я отбросил роль сына.

— Судя по твоим рассказам, вы и раньше не играли эти роли.

— Верно. Ну, то есть мы вроде как договорились: я не стану сравнивать ее с образцовой матерью, а она меня — с образцовым сыном.

— И… как вы поладили?

— Наверное, мы можем стать, э-э, в каком-то смысле…

— Друзьями?

— Не стану притворяться, что у нас тут праздник любви и мира. Мы словно шли по минному полю, избегая касаться взрывоопасных тем, хотя когда-нибудь нам придется их обсудить. Но… Она мне понравилась. Она — живой человек. Настоящая женщина.

— Даже я могла бы тебе это сказать.

— Ну да, но я-то воображал ее таким картонным персонажем, который делает то-то и то-то, но никогда и ничего не чувствует. А сегодня я увидел в ней женщину, которой уже за сорок и у которой была не такая легкая жизнь, как расписывали якусимские сплетники. Когда она говорит, в словах — вся она. Не то что в письмах. Она рассказала мне об алкоголизме, о том, что он делает с человеком. Только не винила во всем алкоголизм, а говорила как ученый, исследующий заболевание. А угадай, что я узнал про свою гитару? Оказывается, когда-то это была ее гитара! Все эти годы я играл на ее гитаре и не догадывался, что она тоже умеет играть.

— А этот гостиничный магнат из Нагано там был?

— Он приезжает раз в две недели, на выходные, сегодня его не было. Но я обещал, что приеду еще раз, в следующую субботу.

— Здорово. Убедись, что у него благородные намерения. А как же твой настоящий отец?

— Это одна из взрывоопасных тем. Может, как-нибудь в другой раз. Она спросила, понравилось ли мне в Токио и много ли у меня друзей. Я похвастался, что одна моя подруга — гениальная пианистка.

— Да уж, эксклюзивный клуб. Где ты будешь ночевать?

— Доктор Судзуки предложила раскатать футон где-нибудь в уголке, но я сяду на поезд до Кагосимы и переночую у дяди.

— У дяди Толстосума? А завтра утром сядешь на паром до Якусимы и навестишь могилу своей сестры?

— Откуда ты знаешь?

По киноэкрану неба струятся срочные облака.

— Я тебя очень внимательно слушаю, когда ты рассказываешь про Андзю. И про сны. У меня идеальный слух.

◆

Скучающий горизонт зевает. Приливные отмели тянутся до самого моря Хюга-Нада к югу от пролива Бунго, куда плыл мой двоюродный дед в своем последнем путешествии на борту «I-333». Вот найти бы такой мощный бинокль, в который можно разглядеть сороковые годы, мы с двоюродным дедом помахали бы друг другу. Может, он мне тоже приснится. Время не позволяет реальным событиям происходить в один и тот же миг, но сны подчиняются другим правилам. Чувствую аромат осенних фруктов.

— Надо же, как тесен мир, — говорит госпожа Хурма. — Здравствуй еще раз. Можно присесть?

— Конечно. — Я закидываю рюкзак на багажную полку.

Она садится осторожно, будто опасается синяков.

— Тебе понравилась моя хурма?

— Э-э, да, очень вкусная. Спасибо. А как вам мой сон?

— Бывали и получше. — Странная старушка вынимает свое вязание.

— Простите, а что вы делаете со снами, которые, э-э, собираете?

— А что ты делаешь с хурмой?

— Я ее ем.

— Старухам тоже нужно чем-то питаться.

Я жду объяснения, но госпожа Хурма ничего не объясняет. Мимо проносятся атомная электростанция, фрегат на якоре, одинокий виндсёрфингист. Из вежливости продолжаю разговор:

— Вы едете в Кагосиму?

— В ту сторону.

— В гости к родственникам?

— На конференцию.

Я жду, что она расскажет, на какие конференции ездят в восемьдесят один год — по выращиванию фруктов? по рукоделию? — но она поглощена вязанием.

Я размышляю о распаде атомов.

— Вы как бы толковательница снов?

В глаза, лишенные радужной оболочки, смотреть опасно.

— Моя младшая сестра, которая ведет наши дела, именует нас канализаторами.

Кажется, я ослышался:

— Вы строите очистные сооружения?

— Я похожа на строителя?

— Но ведь канализаторы, э-э, — это что-то вроде инженеров.

Госпожа Хурма с легким раздражением мотает головой:

— А ведь я предупреждала сестру: многозначность сбивает людей с толку. Коль уж мы ведьмы, то и называть нас следует ведьмами. Ну вот, придется ряд перевязывать. Это шарф для моей бабушки. Она расстроится, если найдет в нем хоть один изъян.

— Извините, вы сказали, что вы — ведьма?

— После пятисотого дня рождения я отошла от дел. Нужно уступать дорогу молодым.

Она либо подшучивает надо мной, либо это полное безумие.

— Никогда бы не подумал.

Она недовольно разглядывает свое вязанье:

— Еще бы! Твой мир освещен телевидением, пронизан спутниками, скреплен наукой. Так что представить себе женщин, которые черпают жизненную энергию в снах, — полное безумие, как ты верно заметил.

Пытаюсь найти достойный ответ.

— Ну, оно и не важно. Неверие — добрый помощник в нашем деле. Когда на этих берегах настала эра Разума, мы первые вздохнули с облегчением.

— Как же можно, э-э, питаться снами?

— Современным людям этого не понять. Сновидение — это синтез, слияние духа и материи.

Синтез высвобождает энергию — потому-то крепкий сон со сновидениями и бодрит. За неделю без сновидений можно лишиться рассудка. Поэтому такие долгожительницы, как я, питаются снами молодых людей, как ты.

— Стоит ли рассказывать все это первому встречному?

— А что в этом такого? Если кто-то станет настаивать, что это правда, то тут же угодит в психушку.

Я начинаю жалеть, что съел хурму.

— Простите, э-э, мне нужно в туалет.

Иду по коридору. Поезд как будто стоит на месте, а мы с ландшафтом, согласно раскачиваясь, летим с одинаковой скоростью. Я немного побаиваюсь своей попутчицы — пугает не смысл ее слов, а то, как она все это излагает. Как же мне с ней быть? Возвращаюсь на свое место, но ее там уже нет.

Красная чума истребила все человечество на земном шаре. Последняя ворона сорвала последний кусок плоти с последней кости. Остаемся в живых только мы с Аи, у нас естественный иммунитет. Мы живем в чайном зале «Амадеус».

Орбиты спутников спускаются все ниже и ниже, и теперь электронные плоты проплывают за нашим балконом, так близко, что до них можно дотронуться. Мы с Аи развлекаемся долгими прогулками по Токио. Я выбираю для Аи бриллианты, а она ищет для меня самые лучшие гитары. Мы устраиваем концерт в Будокане: Аи играет «Арабеску» Дебюсси, а я прогоняю свой репертуар из песен Леннона. За неимением публики мы слушаем друг друга по очереди. Аи делает вкуснейшие салаты и подает их на спутниковых тарелках. Мы уже долго живем так, как брат с сестрой.

Однажды на балконе раздается какой-то пронзительный писк. Миииииииииип. Выглядываем в приоткрытое окно и видим, что к нам направляется жуткая птица. Размером со свинью, надутая, как индюк, взъерошенная, как гриф. С клювом острым, как лезвие ножовки. Пьяные глаза в сочащихся язвах. На каждом шагу она отрыгивает из зоба яйцо-глазное яблоко, садится на него и ерзает, заталкивая в задницу.

— Быстрей! — говорит Аи. — Закрой окно! Она хочет забраться внутрь!

Она права, но я не решаюсь это сделать — один удар клюва вмиг перепилит мне запястье. Позд-

но! Птица запрыгивает внутрь, наталкивается на стул и скатывается на ковер. Мы с Аи пятимся, со страхом и любопытством. За этим может последовать великое зло, но может и великое благо. Птица важно расхаживает по залу и разглядывает его с придирчивостью потенциального покупателя. В конце концов она взгромождается на свадебный торт и говорит — голосом Дои:

— Для начала, мэн, надо замазать этого кота в парике на потолке. Сечешь?

◆

— Миякэ, снова ты! — говорит Аи, и по голосу слышно, что ей приятен мой звонок. — В новостях говорят, что в Кагосиме объявлено штормовое предупреждение. Ты уже там?

— Еще нет. Я пересаживаюсь на другой поезд в… — (читаю указатель), — в Мияконодзё.

— Никогда о таком не слыхала.

— Оно известно только машинистам. Я тебя не отвлекаю?

— Меня тут ублажает один итальянец, Доменико Скарлатти. Он очень сексуальный.

— А мы с Клодом ревнуем.

— Между прочим, Скарлатти умер намного

раньше Дебюсси. Но его сонаты…

— Знаешь, мне тут приснился сон, про тебя и про жуткого индюка…

— Эйдзи Миякэ и его убийственное обаяние. Ты поэтому мне звонишь?

— Нет, на самом деле я звоню, чтобы сказать, что, э-э, когда я проснулся, то понял, что я, возможно, в тебя влюблен, и подумал, что тебе следует об этом знать.

— Ты, *возможно*, в меня влюблен? Такого романтического признания мне еще не делали.

— Я сказал «возможно», чтобы не прозвучало слишком навязчиво. Но если ты настаиваешь, э-э, то да, совершенно точно, я в тебя влюблен.

— И ты говоришь мне это только сейчас, когда уехал за тысячу километров? А нельзя было сказать раньше, когда я приходила к тебе в капсулу?

— А ты тогда хотела это услышать?

— По-твоему, я тащилась в такую даль, на Кита-Сэндзю, чтобы вести разговоры о возвышенном?

О мою макушку разбивают яйцо, и с нее по капле стекает желток счастья.

— Почему же ты молчала?

— Ты мужчина. Это ты должен рисковать своим достоинством и самоуважением.

— Так нечестно, госпожа Имадзё.

— Нечестно? А ты побудь-ка женщиной.

— Для меня это полная неожиданность. Когда ты пришла в гости, я ни о чем не подозревал. То есть, конечно же, я не выставил бы тебя за дверь, ну, э-э… а потом я показал тебе письма и…

— И все понял, когда тебе приснился дохлый индюк.

— Жуткий, а не дохлый. К тому же он был не так уж и плох. А что такого?

— Скарлатти разрешил мне исполнить для тебя сонату Ка-восемь, соль минор, аллегро[240].

Аи играет, пока не кончаются деньги на моей телефонной карточке. По-моему, я нравлюсь Аи.

Поезд прибывает на вокзал Кагосимы под вечерним небом, предвещающим конец света. У меня в голове призраки сонаты К8 соль минор исполняют танго, вальс и танец маленьких утят. Всякий раз, когда я думаю об этой девушке, сердце сжимается, как кальмар, и рвется из груди. Кондуктор объявляет, что из-за приближения

---

[240] Примечания: 240

Скарлатти разрешил мне исполнить для тебя сонату Ка-восемь, соль минор, аллегро. — Доменико Скарлатти (1685–1757), итальянский композитор эпохи барокко, написал, помимо прочего, 555 клавирных сонат; существует несколько систем их каталогизации, но самая распространенная составлена Ральфом Киркпатриком в 1953 г.

тайфуна движение поездов по всем направлениям отменяется вплоть до особого распоряжения — по меньшей мере, до завтрашнего утра. Половина пассажиров дружно стонет. Кондуктор добавляет, что движение автобусов и трамваев тоже приостановлено. Другая половина пассажиров дружно стонет. Передо мной встает задача, которую нужно немедленно решить, и никакая любовь тут не поможет. Дядя Толстосум живет за грядой холмов к северу от Кагосимы. Пешим ходом до него два часа. Звоню ему, надеясь, что он сможет за мной подъехать, но линия занята. Лучше всего пойти в порт и переждать тайфун в зале ожидания у паромного причала. На автобусной стоянке мощные порывы ветра упражняются в кикбоксинге. Пальмы гнутся, флаги плещут, картонные коробки пускаются наутек. Кругом ни души, магазины закрываются раньше обычного. Сворачиваю за угол, выхожу на Портовый бульвар, и исполинская колесница вихря едва не уносит меня в Нагасаки. Согнувшись, иду против ветра. Вулканический остров Сакурадзима этим вечером выглядит как-то странно. В мрачном море безумствуют волны. Прохожу метров сто и понимаю, что влип: электронное табло сообщает, что весь портовый комплекс закрыт. Доехать до

дома дяди Толстосума на такси? Неудобно: платить ведь придется ему. Снять номер в гостинице? Так ведь денег все равно нет. Иногда плохо быть бедным. Попроситься в полицейскую будку — нет. Укрыться у входа в зал игровых автоматов — наверное, не стоит. Что ж, придется идти пешком, часам к девяти доберусь. Срезаю напрямик, через школьный стадион, где девять лет назад я забил гол, единственный за всю свою короткую карьеру футболиста. Песок и мелкий щебень роятся в воздухе, пытаются выцарапать мне глаза. Миную здание вокзала, бреду по прибрежному шоссе, но ветер встречный, поэтому идти тяжело. Машин нет. Пытаюсь дозвониться до дяди Толстосума из телефонной будки, но, судя по всему, связи нет. Мимо летят предметы, не обладающие аэродинамическими свойствами: автомобильные чехлы, ящики из-под пива, трехколесные велосипеды. Море грохочет, ветер воет, волны атакуют пирс, хлещут меня кнутами соленых брызг. Плетусь мимо крытой автобусной остановки без крыши. Может, постучаться в один из домов у дороги и попроситься на ночлег в коридоре у входа? В стволе дерева торчит крыша автобусной остановки. Вдруг слышу — вжуууууууууух! Инстинктивно пригибаюсь, а мимо вприпрыжку проносится

черный зверь — тракторная покрышка. Как бы мне самому не превратиться в придорожное месиво. Иду вдоль ограды сада Исотэйэн[241]. В школе нас водили сюда на экскурсии, и, помнится, здесь есть кирпичные садовые домики и беседки — может, укрыться там? Взбираюсь по стене, и ветер отправляет меня прямиком в беснующийся куст бугенвиллеи. Умиротворенный летний сад попадает во власть демонических сил. Просто фильм ужасов. Обезумевшая героиня безостановочно хлопает дверью. Мне туда — ползу, пробираюсь, плыву — летящие травинки и прутики жалят лицо. Карабкаюсь вверх по крутому склону и вваливаюсь в хижину. Запах компоста, брезент, бухты шпагата и бечевки — я в садовом сарае. Щеколда сломана, и мне с трудом удается подпереть дверь мешком с землей. Стены то и дело содрогаются, но внутри лучше, чем снаружи. Глаза привыкают к темноте. Целый арсенал лопат, совков, садовых вил, грабель. У дальней стены виднеется узкая перегородка, но в темноте заглядывать за нее бесполезно. Первым делом я собираю цветочные горшки и, как могу, устра-

[241] Примечания: 241

Сад Исотэйэн — ландшафтный парк в японском стиле на территории родового имения клана Симадзу вдоль северного побережья Кагосимы, также известный как сад Сэнганэн; заложен в 1658 г.

няю повреждения, причиненные вторжением ветра. Вторым делом устраиваю себе постель из подручных материалов. Третьим делом допиваю бутылку зеленого чая, которую купил в Миякогдетотаме. Четвертым делом ложусь, слушаю, как тайфун носорогом наскакивает на сарай, и терзаюсь от беспокойства. Пятым делом я прекращаю терзаться от беспокойства и пытаюсь вычленить отдельные голоса в хоре ревущих безумцев.

Мой мочевой пузырь отделен от тела — золотистый мешочек, как матка с плодом, болезненно болтается в паху. Я в Ливерпуле — определяю это по автомобилям «мини» и прическам «бабетта», — ищу туалет. В Англии сила притяжения сильнее — я совершенно обессилен восхождением по ступеням собора. Дверь — канализационный люк. Ложусь на спину и осторожно вползаю, чтобы не задеть пузырь на животе.

— Секундочку, капитан! — говорит Лао-цзы из-за проволочной сетки. — Плати за вход.

— Я уже заплатил, в аэропорту.

— Мало. Гони еще десять тысяч иен.

Цена дикая, но либо заплатить, либо обмочить штаны. С трудом извлекаю бумажник, свора-

чиваю купюру трубочкой и просовываю сквозь сетку. Лао-цзы разрывает ее пополам, комкает и запихивает себе в ноздри, чтобы остановить кровотечение.

— Ну, где тут туалет? — спрашиваю я.

Лао-цзы смотрит на мой раздутый мочевой пузырь:

— Лучше я тебя провожу.

Ливерпульский собор — выложенный кафелем крысиный лабиринт. Лао-цзы ползет вперед на животе. Я плыву за ним на спине. Вода сплошной пеленой стекает по стенам, струйки брызжут мне в лицо. Малютка-пузырь верещит, как тюлень, которого силком волокут на сушу.

— Долго еще? — выдыхаю я.

Встаю в полный рост. Грот. Сталактиты роняют капли. Шеренга людей в мундирах стоит перед писсуарами. Я жду. Жду. Никто не двигается.

— Полковник Сандерс! — Генерал Макартур хлопает меня по плечу. — Кто-то из местных стащил мою платиновую зажигалку! Она стоит целое состояние, черт побери! Вы слышали сплетню?

Я — шпион в теле куриного магната, засланный в ставку главнокомандующего, чтобы выяснить, известно ли американцам о проекте кайтэн. Как

странно быть толстым. Я знаю, что за словами скрыт неведомый смысл, но поющий мочевой пузырь мешает сосредоточиться.

— Нет? — Генерал Макартур чихает, брызжет фонтаном соплей. — Ну да все равно, давайте я подброшу вас в порт.

Американский «джип» едет в порт Кагосимы. Мой пузырь — ребенок, цепляющийся мне за пояс. Я боюсь, что он лопнет, если джип тряхнет на кочке, но мы благополучно добираемся до паромного причала. К сожалению, после войны портовый комплекс перестроили, и все указатели написаны шрифтом Брайля. Я готов поссать в урну, но боюсь, что в газетах появятся заголовки: «Местный мальчишка Миякэ не обучен ходить в туалет», — и, пошатываясь, бреду по коридору. Из умирающего бигля толчками вытекает моча. Неподъемная тяжесть моего мочевого пузыря.

— Сюда, — шипит невидимый провожатый.

Попадаю в новехонький туалет, огромный, как аэропорт. Плитки на полу, кафель на стенах, потолок, светильники, раковины, писсуары, дверцы кабинок — все сверкает ослепительной снежной белизной. Вдалеке крошечной точкой маячит еще один посетитель. Адвокат. Подхожу к ближайшему писсуару, упираю своего золоти-

стого близнеца в стену и…

Адвокат так отвратно мурлычет «Beautiful Boy»[242], что мой мочевой пузырь съеживается. Я укоризненно смотрю на адвоката и вздрагиваю от неожиданности — он стоит бок о бок со мной и ссыт как ни в чем не бывало. У него по-прежнему нет лица.

◆

Просыпаюсь от ужасного грохота над ухом. Мочевой пузырь истерит. Сдвигаю мешок с землей, и таран тайфуна приоткрывает дверь. Мочусь в щель. Моча улетает прочь, до самых берегов Китайского моря. Возвращаюсь к брезентовому гнездышку, но под свистопляску ночного неба спать невозможно. Бог грома топочет по Кагосиме, ищет меня. Странно, что я так отчетливо помню сны — обычно они испаряются, едва откроешь глаза. Когда начались мои серийные скитания по дядюшкам, после Андзю, я представлял себе, что где-то, в доме и семье с рекламных картинок, живет Настоящий Эйдзи

[242] Примечания: 242

«Прекрасный мальчик» *(англ.). «Beautiful Boy»* («Прекрасный мальчик») — песня Джона Леннона «Beautiful Boy (Darling Boy)», посвященная его сыну, Шону, с альбома «Double Fantasy» (1980), последнего, выпущенного при жизни Леннона.

Миякэ. Каждую ночь он видит меня во сне. А сам я — всего-навсего сон Настоящего Эйдзи Миякэ. Когда я засыпал и видел сны, он просыпался и вспоминал свой сон, который был для меня явью. И наоборот. Тайфун переводит дух и продолжает атаку, превратившись в бурю. Ну, перед ней сарай устоит. Чувствую под спиной что-то твердое — небольшой плоский камень-голыш. Кладу его в рюкзак. Буря стихает до сильного ветра, и я с удивлением слышу чей-то храп — в сарае! Заглядываю за перегородку. Женщина. Спит. Не похожа на садовницу — наверное, приезжая, которую тайфун застиг врасплох. Может, она побоялась сказать о своем присутствии и уснула? Разбудить ее? Или она испугается до смерти?

Она открывает глаза.

— Э-э… — начинаю я.

— Наконец-то ты меня отыскал.

Она вскакивает, ее кимоно распахивается. От изумления я теряю дар речи. На миг принимаю ее за мать Юки Тиё, девочки, которая пришла в бюро находок Уэно, чтобы заявить о собственной пропаже. Влажный большой палец тычет мне в соски, другая рука исследует, что там у меня в трусах, — так нельзя, я признался в любви Аи! — но тут ее губы раскрываются мне навстречу, и

миллион крошечных серебристых рыбок меняет направление. Я не могу с этим бороться. Я не могу двинуться, отвернуться, ответить.

Я кончаю.

Краем глаза вижу госпожу Хурму. Она восседает на мешке с землей и высасывает из хурмы сочную мякоть. Выплевывает блестящие косточки.

◆

Оргия богов превратила цветущий сад в груду мусора. Из надорванных зеленых вен сочатся соки, наполняют все вокруг благоуханием. Растерзанные цветы, поломанные ветви, выкорчеванные кусты. Я нахожу маленький плоский камень-голыш. Кладу его в рюкзак. Хорошо бы посидеть у пруда, но хочется избежать встречи с владельцем сарая, а, кроме того, до парома на Якусиму осталось всего полтора часа. Я продираюсь сквозь растерзанную бугенвиллею и перелезаю через стену, к удивлению школьницы в проезжающем мимо автобусе. Она — единственный свидетель. Иду между домов, где соседи уже деловито обсуждают починку заборов. Захожу в «Лоусонз», покупаю бутылку грейпфрутового сока «Минитмейд» и стаканчик лапши-рамэн

со вкусом кимчи, прошу продавщицу залить лапшу кипятком. Завтракаю на волноломе. Сакурадзима извергает пепел в безукоризненно чистое небо над тщательно отглаженным морем. Тайфуны разрушают миры, а утро приводит миры в порядок. Звоню дяде Толстосуму, сообщаю, что жив, — говорю, что переночевал у друзей в Кагосиме, — а потом иду в порт. Паром ждет. Портовые рабочие флажками и свистками загоняют на палубу стадо автомобилей и грузовиков. Заполняю посадочный талон, плачу за проезд, умываюсь, чищу зубы и ищу телефон.

— В новостях упомянули о тайфуне-восемнадцать, — сказала Аи, — но его затмили голуби.

— А что случилось с голубями?

— Вчера по всему Токио голуби пикировали на здания и на машины. Как в безумном фильме катастроф. По всем каналам одно и то же: слухи, теории, эксперты. Представляешь? Секретные правительственные испытания, птичий грипп, сектанты из Аум Синрикё, магнитные бури, предвестники землетрясения. А ночью у луны было самое яркое гало за последние двадцать семь лет. Никто не знает, как воздействуют на голубей кристаллы льда в атмосфере, но все это смахивает на что-то сверхъестественное. Утром

я вышла купить кофе к завтраку, а камфорное дерево перед тюрьмой черным-черно от ворон! Хуже, чем репетиция любительского духового оркестра! Честное слово, такое ощущение, что вот-вот явится сам князь тьмы.

— Куда уж тут моему жалкому тайфуну.

— Давай сменим тему, пока не пошли гудки. Я вчера поговорила с Сатико. Если тебе будет негде остановиться, когда вернешься в Токио, приходи к нам. Спать будешь на диване. Если я так скажу. Раз в три дня будешь убирать и готовить. И ни в коем случае не подходить к телефону, а то бабушка Сатико подумает, что ее внучка живет с любовником.

— Эй… — Больше всего мне нравится «Если я так скажу». — Спасибо.

— Пока не за что. Обдумай.

Сажусь на паром, попадаюсь на глаза нескольким жителям острова из числа своих знакомых. Матери одноклассников, друзья двоюродных братьев, оптовый торговец сахарным тростником и фруктами, который ведет дела с дядей Апельсином. Они расспрашивают меня о жизни в Токио, больше из вежливости, чем из интереса. Объясняю, что приехал за зимней одеждой, пока не наступили холода. Все обсуждают тайфун,

прикидывают, во что обойдутся восстановительные работы и кто за что будет платить. Прячусь на палубе второго класса и устраиваю из своего рюкзака что-то вроде заградительного барьера, чтобы спокойно вздремнуть. Палубу оккупировали туристки из Кансая, во фланелевых рубашках, телогрейках, непромокаемых брюках, дурацких шапках и удобной для ходьбы обуви. Они разворачивают карты и обсуждают свой маршрут. Островитян отличить легко — у них скучающий вид. Из-за того, что вчера после обеда не было ни одного рейса, паром продолжает наполняться пассажирами. Я чуть сдвигаюсь, освобождая место для мужчины с челюстью и скулами борзой. Он спрашивает, во сколько паром прибывает в Камияки, главный порт Якусимы, и расплачивается за информацию неочищенным арахисом. Из вежливости беру несколько штук, но арахис ужасно аппетитный. Мы почти опустошаем пакет и складываем курган из скорлупок. Борзая — издатель из Отиаи. Он слышал о бюро находок на вокзале Уэно и даже знаком с сестрой госпожи Сасаки — встретился с ней на каком-то литературном ужине. Двигатели взрррррррррыкивают, пробуждаясь к жизни, туристки дружно вскрикивают «ууууууууу!», вид в иллюминаторах

поворачивается и плавно отъезжает. Девятичасовой выпуск новостей посвящен грядущей отставке очередного премьер-министра после распада коалиции.

— Нынешние новости устаревают мгновенно, — говорит Борзая, — не то что речи Перикла.

Вскоре сигнал береговой трансляции слабеет, новости превращаются в свист, включают видеофильм о национальном парке Кирисима-Яку. Жители острова знают его наизусть. Он убаюкивает нас, как колыбельная.

Вся Япония залита бетоном. Остатки священных лесов вырублены на палочки для еды, Внутреннее море заасфальтировано и превращено в национальную автостоянку, а там, где когда-то высились горы, исчезают в облаках жилые дома. Тем, кому исполнилось двадцать лет, ампутируют ноги, а туловища оснащают интерфейсом и подключают напрямую к модернизированным скейтбордам — для домашнего и офисного использования — или к более крупным средствам передвижения для дальних поездок. Мне исполнилось двадцать в сентябре, так что я сильно запоздал с этой сакральной операцией. Но я хочу

сохранить ноги в целости, поэтому вступаю в движение сопротивления. Меня ведут на встречу с тремя лидерами движения, которые живут в Мияконодзё, недосягаемом для автотранспорта. Тела у них тоже ампутированы — для пущей маскировки. Головы стоят рядком, под палящим солнцем, привязанные за шеи к краю кегельбанной ямы, и я понимаю, что передо мной Гундзо, Набэ и Какидзаки. К счастью, увидев меня, они взволнованно моргают:

— Мессия! Мессия! Мессия!

Это приводит меня в замешательство.

— Вы уверены?

По всей видимости, да.

— Ты тот, кому откроется священное послание! Только ты выведешь человечество из стремительного погружения в бездну бесконечных страданий!

Звучит великолепно.

— Как?

У Какидзаки отваливается нижняя челюсть, но он успевает сказать:

— Вытащи пробку.

У меня под ногами — пробка для ванной, на блестящей цепочке. Тяну. Под пробкой земля — с тех пор как принят закон об асфальтировании,

земля запрещена. Она шевелится, и из дыры, извиваясь, выползает червяк. За ним еще, и еще, и еще, и еще. Последние японские черви. Они ползут на отведенные им места площадки, расчерченной на квадраты: девять вдоль, девять поперек. В каждом квадрате — иероглиф-кандзи, буквы японского алфавита, написанные не штрихами кисти, а червями. Буквы складываются в священный текст. Но сами черви гибнут, их нежные тела запекаются на раскаленном асфальте, распространяя запах тунца и майонеза. И все же самопожертвование червей не напрасно. В этом восьмидесяти одном знаке я читаю истины — тайны сердец и умов, элементарных частиц и любви, мира и времени. Истина сияет ослепительным нефритовым светом на сетчатке глаз моей памяти. Я передам эту мудрость своим истомившимся от жажды собратьям, и безводные пустыни станут цветущим садом.

◆

— Миякэ! Миякэ, эй, болван! Да просыпайся же!

Надо мной парит перевернутое лицо господина Икэды, моего бывшего учителя физкультуры.

Он размахивает недоеденным сэндвичем с тунцом и майонезом. Я раздраженно охаю и резко приподнимаюсь. Господин Икэда думает, что я просто еще не совсем проснулся. Мне нужно что-то вспомнить…

— Я видел тебя у причала, но потом сказал себе: «Нет, Миякэ в далеком Эдо!» Почему ты так быстро вернулся? Большой город оказался не по зубам, а?

Я что-то забываю. Что?

— Не совсем так. На самом деле я…

— Ах, быть молодым в Токио! Я бы тебе позавидовал, если бы сам этого не испытал. В Токио я провел лучшие годы своей жизни. С полпинка поступил в лучший спортивный университет — ну, ты о таком и не мечтал, — и к тому же в молодости умел отрываться по полной. Какие были деньки! А какие ночи! Милые дамы дали мне говорящее прозвище: Ас. Ас Икэда. А на своем первом преподавательском посту я собрал одну из лучших школьных футбольных команд в Японии. Мы попали бы на отборочные соревнования чемпионата страны, если бы не судья — дряхлый, слепой, хромоногий, продажный, слюнявый мешок дерьма. Мы с моими мальчиками — знаешь, как нас называли? Непобедимые!

Не то что это сборище олухов. — Господин Икэда с отвращением машет рукой в сторону школьников в спортивных костюмах с надписью «Средняя школа Якусимы».

— У вас был товарищеский матч?

— Кагосимскому тренеру, этому глисту, жиреющему в чужих задницах, неведомо чувство товарищества. Во время тайфуна я молился, чтобы в его дом врезался грузовик с чем-нибудь огнеопасным.

— И какой был счет?

Господин Икэда болезненно морщится:

— «Кагосимские засранцы» — двадцать; «Якусимские олухи» — один.

Я не могу устоять перед соблазном повернуть нож в ране:

— Один гол? Еще не все потеряно.

— «Кагосимские засранцы» вкатили этот гол сами себе. — Господин Икэда обиженно отходит.

Видеофильм о национальном парке выключается — мы уже в зоне береговой трансляции Якусимы. Выглядываю в иллюминатор: остров выплывает из-за горизонта. Премьер-министр обещает, что под его руководством наша страна по качеству жизни превратится в сверхдержаву. Борзая хрустит арахисовой скорлупкой.

— Политикам и спортивным тренерам достает ума усвоить правила игры, но глупость заставляет их думать, будто игра имеет какое-то значение.

Я вспоминаю свой сон.

— Тебя мутит? — спрашивает Борзая. — Или это из-за твоего бывшего учителя физкультуры?

— Я… мне приснилось, что я — кто-то вроде Сандзо Хоси[243], несу буддистские сутры из Индии. И мне было божественное откровение, как спасти человечество от самого себя.

— Предлагаю шесть процентов от продажи первых десяти тысяч экземпляров и девять процентов от каждых следующих десяти тысяч.

— Но я помню только одно слово.

— Какое же?

— «Свинка».

— В смысле?

— В смысле — болезнь, от которой распухает шея.

— Свинка… и что?

— Свинка… и ничего.

— Сделка отменяется. — Борзая трясет паке-

---

[243] Примечания: 243

Сандзо Хоси (монах Сандзо) — один из героев классического китайского романа «Путешествие на Запад» (1590-е), а также персонаж манги Кадзуя Минэкура «Саюки» (1997–2002).

том. — Я съел последний орех.

Якусима растет, стоит только отвернуться. Уезжать всегда странно, но возвращаться гораздо страннее. За восемь недель ничего не изменилось, но ничто уже не будет прежним. Мост через реку Камияки, жатый бархат гор, тюремно-серые откосы. Книга, которую читаешь, уже не та, которая еще не читана. Может, и девушка, с которой переспал, уже не та, с которой лег в постель. Вот и причал; с берега на борт бросают канаты, меня кто-то окликает, машет рукой. Это партнер дядюшки Асфальта по маджонгу и выпивке. Спускают сходни, я вливаюсь в толпу пассажиров. Мне нужно засвидетельствовать свое почтение главе семьи — дяде Патинко. Но цель моей поездки — засвидетельствовать свое почтение Андзю. У кассы, где продают билеты на паром, притормаживает фургон, и оптовый торговец, который ведет дела с дядей Апельсином, предлагает меня подвезти.

— Вы доедете до Анбо?

— Залезай.

Мы трогаемся.

— Теплый день, — говорю я.

— Скоро дождь пойдет, — отвечает он.

На Якусиме дождь — беспроигрышная тема.

Торговец неразговорчив, поэтому и мне можно молчать, не опасаясь неловкости. Он кивает на мешок с апельсинами-понкан, главной статьей островного экспорта, самым вкусным фруктом в Японии, если не во всей Азии, — мол, угощайся. За свою жизнь на Якусиме я съел тысяч десять этих апельсинов. Разрежьте меня — хлынет апельсиновый сок. Рассматриваю подзабытые приметы родных мест. Ржавые бочки из-под горючего у туристических мотелей на склонах, крошечный полевой аэродром, умирающая лесопилка. Здесь, на юго-западе, деревья еще не сбросили потрепанные летние наряды. Мы обгоняем группу велосипедистов в облегающих трико, ярких, как тропические рыбки. Дорога взбрыкивает. Проезжаем по мосту, над водопадом, — и перед нами деревня Анбо.

Мошкара на кладбище сверлит и пилит вовсю. Деревья помешивают томящийся полдень. Древний рецепт октября. Участок семьи Миякэ, обнесенный оградой, один из самых ухоженных: бабушка приходит сюда каждое утро, наводит порядок, выдергивает сорняки, подметает, меняет полевые цветы на могилах. Кланяюсь перед главным серым надгробием и иду вдоль ограды к черному камню поменьше, для Андзю. На нем

выбито ее посмертное имя, выбранное священником, но, по-моему, это просто еще один способ урвать побольше денег со скорбящих родственников. Моя сестра все еще Андзю Миякэ. Окропляю ее минеральной водой. Ставлю свой букет рядом с бабушкиным. Жаль, не знаю, как называются эти цветы. Гроздья белых звезд, розовые хвосты комет, подрагивающие шестнадцатые нотки алых ягод. Кладу ей подношение — шипучий леденец, разворачиваю еще один, себе. Потом зажигаю благовония.

— Это подарок от мамы, — объясняю я. — Куплен на ее деньги, в храме рядом с вокзалом в Миядзаки.

Достаю из рюкзака три плоских камня-голыша и складываю пирамидкой. Потом сажусь на ступеньку и прижимаю ухо к полированной грани надгробия, сильно-сильно, чтобы проверить, не слышно ли чего-нибудь. За краем земли мирно дышит море. Хочу поцеловать камень — и целую. Единственный свидетель этому — темная птица с розовыми глазами. Прислоняюсь к камню спиной и сижу, ни о чем не думая, а шипучий леденец тает во рту. Долговечно немногое. Горы, классические мелодии, настоящая дружба. С Мияноуры ползет туман, застилает солнце,

превращает морскую синь в пивное сусло. Я принес с собой дневник нашего двоюродного деда, чтобы прочитать Андзю, потому что они оба покоятся на дне морском. Хотя, по-моему, Андзю все услышит, даже если я буду читать про себя — не важно, тут или в каком другом месте. Мне не нужно рассказывать ей, что случилось в Токио. То, что я здесь, важнее слов — для нее, для меня, для нас. Муравьи обнаруживают шипучий леденец Андзю.

— Эй, Андзю. Угадай, куда я сейчас пойду?

Давным-давно я шел по тропе через долину, нес приз лучшему игроку матча и пинал камушек. Тогда я был примерно на треть ниже ростом, чем сейчас. Мне чудится, что я вот-вот встречу здесь себя самого, одиннадцатилетнего. Тропу заполонили сорняки. Ни души вокруг. Соловей поет об ином мире, обезьяна вопит о бренном. Прохожу ворота-тори и каменных львов. Чтобы восстановить пропавшую голову бога, из Киото приезжал знаменитый резчик, и туристический центр напечатал в рекламных буклетах новый лик божества. Лес уже почти стер крутую тропку. С каждой зимой верующих становится все меньше. Значит, боги тоже умирают, совсем как поп-звезды и сестры. Висячий мост уже не кажет-

ся таким надежным, как прежде. Шаги звучат глухо, а не звонко, словно деревянный настил может рассыпаться в любой день. Река вздулась от ночного дождя. Больше половины рисовых полей заброшено. Крестьяне тоже умирают, а их сыновья зарабатывают деньги в Кагосиме, или в Китакюсю, или в Осаке. Террасам рисовых полей и ветхим амбарам позволено умереть своей смертью — тайфуны дешевле строителей. Теперь в долине хозяйничают насекомые. Пинаю камушки. На свесах крыши бабушкиного дома разрослись кусты. Смотрю на старое подворье, а туман сгущается в дождь. Бабушка — суровая женщина, но она любила Андзю, горячо, как умела. Когда отдаляешься от картины, видишь ее всю целиком. В худшем случае она накричит на меня и погонит вон из дома, но после событий последних семи недель меня это уже не пугает.

— Бабушка?

Я пробираюсь по траве во двор, и мне на ум приходит старая сказка о волшебнице, которая сидит за прялкой и ждет, когда ее гуляка-муж вернется домой; дом ветшает и превращается в развалины, а она не стареет ни на день. Меж замшелых камней мелькает перламутровый проблеск — кольца змеи! Не видно ни головы, ни

хвоста, но змеиное тело толщиной с мою руку. Змея скрывается за ржавым ротоватором. Кажется, Андзю что-то говорила о жемчужной змее. Или мне приснилось? Смутно припоминаю бабушкины рассказы о змее, которая давным-давно жила под амбаром и считалась предвестницей смерти в нашей семье. Это наверняка суеверие. Змеи не живут семьдесят лет. Я так думаю. Стучу по косяку, толкаю тугую дверь. Звучит радио.

— Бабушка? Это Эйдзи.

Сдвигаю сетчатую перегородку, ступаю в прохладу дома, вздыхаю полной грудью. Сакэ для готовки, отсыревшая древесина, химический туалет. Благовония из комнаты с татами. У стариков специфический запах, — наверное, они говорят то же самое про молодых. Мимо шмыгает мышь. Радио означает, что бабушки, скорее всего, нет дома. Когда-то она оставляла включенное радио для пса, а когда пес сдох, стала оставлять включенное радио для дома.

— Бабушка?

Заглядываю в комнату с татами, отгоняю странное чувство, что именно в эту секунду кто-то умер. У подножья семейного алтаря лежит метелочка из перьев. Свитки с осенними сценами на стенах, ваза с цветами, шкафчик, полный всяких побря-

кушек и безделиц, скопившихся за островную жизнь. Бабушка никогда не покидала Якусиму. Дождь брызжет сквозь москитную сетку, поэтому я задвигаю стекло. Когда-то я боялся входить в эту комнату. А Андзю не боялась. В Обон[244] она устраивала засаду у входа, а потом врывалась в комнату, чтобы поймать духов, которые лакомились вишней, что оставляла им бабушка. Смотрю на фотографии усопших, расставленные на черной лаковой полке. Рыбацкие штормовки и дождевики, костюмы, мундиры и униформы, наряды, одолженные у фотографов. А вот и моя сестра-первоклассница, с улыбкой до ушей.

— Бабушка?

Иду на кухню, выпиваю стакан холодной воды и сажусь на диван, где мы с Андзю пытались левитировать — безуспешно. В наших неудачах Андзю винила мои слабые экстрасенсорные способности, ведь у нее самой они были так сильны, что с их помощью она гнула ложки. И я ей верил. Диван скрипуууууууууучий, но после долгой ходьбы по жаре он очень кстати, даже слишком…

---

[244] Примечания: 244

Обон (Бон, Праздник фонарей) — трехдневный праздник поминовения усопших; считается, что в это время души покойных навещают родных и близких, поэтому с наступлением ночи зажигают фонари, чтобы души могли найти дорогу домой.

Мне снятся все сновидцы, все вы.

Мне снятся морозные узоры на храмовом колоколе.

Мне снится прозрачная вода, стекающая с копья Идзанаги.

Мне снится, как капли каменеют, превращаясь в острова, которые мы называем Японией.

Мне снятся летучие рыбы и созвездие Плеяд.

Мне снятся хлопья отшелушившейся кожи в провалах клавиатуры.

Мне снятся города и завязи.

Мне снится разум в восьми частях.

Мне снится девочка, тонущая в одиночестве, без слова жалобы. Мне снится юное тело в объятьях волн и течений, а потом оно растворяется в морской синеве и не остается ничего.

Мне снится камень-кит, опутанный водорослями и раковинами, который на все это смотрит.

Мне снится сообщение, пузырьками поднимающееся из его воздушного клапана.

«Мы прерываем программу, чтобы передать экстренный выпуск новостей…»

«Мощное землетрясение произошло в Токийском столичном округе буквально минуту назад. Национальное сейсмологическое бюро сообщает о толчке силой в семь целых три десятых балла по шкале Рихтера, что превосходит великое землетрясение Хансин-Авадзи тысяча девятьсот девяносто пятого года. Всему региону Канто нанесен серьезный ущерб. Наших слушателей в Токийском округе просим сохранять спокойствие и по возможности покинуть здания, чтобы не оказаться под завалами. Будьте готовы к последующим толчкам. Не пользуйтесь лифтами. Выключите газ и электроприборы. Держитесь подальше от окон. Подразделение быстрого реагирования сейсмологической службы пытается определить, насколько сильна вероятность цунами. Все передачи прекращаются до особого распоряжения. Экстренные сводки новостей передаются в непрерывном режиме, по мере поступления новой информации. Повторяю…»

В комнате холодно. Я тут же убавляю звук и хватаю старинный телефон. Делаю три попытки, но номер Аи молчит. И номер Бунтаро. И номер «Нерона». Уэно не отвечает. От токийского оператора — ничего.

Я отдал бы все, чтобы это был сон. Все что угод-

но. Почему нет телефонной связи? Потому что полстраны пытается дозвониться в столицу или потому что Токио превратился в груды развалин под облаками цементной пыли? Снаружи столетия тихого дождя омывают листву, камни и сосновые иглы долины. Внутри диктор сообщает о том, что в стране объявлено чрезвычайное положение. Представляю, как перед лицом Аи разлетаются осколки оконных стекол, как в ее пианино врезается металлическая балка. Представляю тысячи всевозможных вещей. Хватаю сумку, проношусь по коридору, всовываю ноги в кроссовки, со скрипом открываю тугую дверь. И пускаюсь бегом.

9

aaaaa

Примечания

Вымышленная литературная вселенная Дэвида Митчелла ширится и обретает новые очертания в его втором романе, «Сон № 9», связывая воедино сюжеты и персонажей его первой книги, «Литературный призрак» (1999), с будущими романами: «Облачный атлас» (2004), «Под знаком черного лебедя» (2006), «Тысяча осеней Якоба де Зута» (2010), «Костяные часы» (2014), «Голодный дом» (2015) и «Утопия-авеню» (2020). Итак, по мере упоминания, далеко не полный список кочующих персонажей и примет:

Из «Литературного призрака» появляется тип в кожанке, зловещий Сухэ-Батор, и учитель физультуры господин Икэда. Видеосалон «Падающая звезда» впоследствии преображается в комету из «Облачного атласа».

Сентенция «Выбирай мужа так, чтобы его мечты по размеру совпадали с твоими» в несколько измененном варианте всплывает в «Костяных часах», точно так же как зажигалка генерала Макартура превращается в «Костяных часах» в зажигалку Геринга.

Развернутые отсылки к «Паноптикуму» и проблеме Воормана встречаются в «Костяных часах» и в «Утопия-авеню».

Гуси-лебеди прилетают из «Литературного призрака», вместе с загадочным «gustviter», который, в сущности, и есть искаженное «ghostwriter», то есть «литературный призрак».

Здесь же впервые упомянут облачный атлас, перелистывающий страницы, который не только даст название следующему роману, но и аукнется в «Тысяче осеней Якоба де Зута» и «Утопия-авеню».

Зиззи Хикару, виртуальный секс-символ, впоследствии станет живой куклой-фабрикантом в «Облачном атласе» и брендом дорогой одежды в «Костяных часах».

Вымышленный виски «Килмагун» упоминается во всех романах.

Марки сигарет, которые курит Эйдзи, в некоторых случаях играют двоякую роль — их английские названия задают тон эпизоду: «Cool» («крутой, модный»), «Seven Stars» («семь звезд»), «Hope» («надежда»), «Peace» («мир»), «Cabin» (в данном случае «кабина грузовика»).

В «Костяных часах» и в «Утопия-авеню» продолжают виться «Тропинки Севера», по которым

едет на своем «триумфе» Ричард Гир из «Офицера и джентльмена».

Здесь же возникают и в дальнейшем повторяются любимые образы автора: медузы света, воздушный змей. И разумеется, как и во всех книгах Митчелла, важное место в повествовании отведено музыке.

А приблудная черно-белая Кошка впоследствии преобразится в лунно-серую и начнет разгуливать по всем романам автора.

И конечно же, внимательный читатель наверняка обнаружит что-нибудь еще.

Александра Питчер